

К.МАРКС

Karl Marx.

Ф.ЭНГЕЛЬС

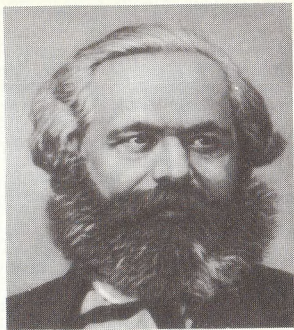
F. Engels

В.И.ЛЕНИН

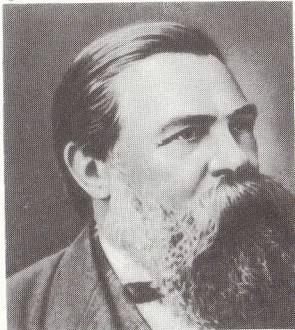
Владимир Ленин

О демократии

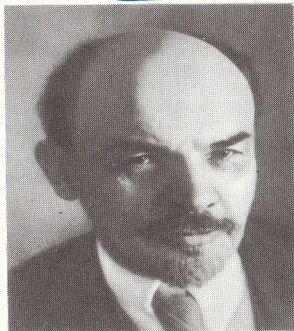
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Karl Marx.

F. Engels

V. I. Lenin (Stalin)

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

К.МАРКС
Ф.ЭНГЕЛЬС
В.И.ЛЕНИН

О демократии

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

Составители
В. П. Кузьмин (руководитель), *Г. А. Багатурия*,
С. Е. Гречиго, *В. Н. Кузнецов*

Помощники составителей
Г. Е. Савельева, *Н. В. Шеина*

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И.

О-11 О демократии.— М.: Политиздат, 1988.— 512 с.
ISBN 5—250—00289—7

Сборник знакомит читателей с взглядами Маркса, Энгельса и Ленина на принципы демократической организации жизни общества, на буржуазную и социалистическую демократию, с их критикой бюрократизма. Освещается необходимость слома старой государственной машины, преодоления отчуждения государства от общества, развития демократизации всей общественной жизни, самоуправления трудящихся и другие вопросы.

Рассчитан на партийных и научных работников, преподавателей, пропагандистов, студентов, на всех интересующихся проблемами марксистско-ленинской теории и демократизации нашего общества.

М $\frac{010100000-234}{079(02)-88}$ 39—89

ББК 11+67

Заведующий редакцией *Л. И. Греков*
Редактор *Т. С. Хажилова*
Младшие редакторы *В. В. Калина*, *О. П. Осипова*
Художник *Е. А. Крылов*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 7931

Сдано в набор 01.03.88. Подписано в печать 18.05.88. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,99. Усл. кр.-отт. 27,72, с суперобложкой 28,03. Уч.-изд. л. 27,25.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 3619. Цена 1 руб., в суперобложке 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5—250—00289—7

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга знакомит читателя с основными идеями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о демократии, о демократических принципах организации экономической, социальной, политической и духовной жизни общества.

Актуализация вопросов демократии на современном этапе развития нашей страны вполне закономерна. Она органично связана с осуществляемым под руководством КПСС обновлением всех сфер жизни советского общества, отражает объективную потребность его совершенствования, достижения им качественно нового состояния. Разработанный XXVII съездом КПСС, последующими пленумами ЦК партии курс на демократизацию находит воплощение в создании обстановки гласности, открытости в общественной жизни, в активизации участия граждан во всех делах общества, в последовательном проведении демократизма в социально-экономической сфере, обеспечении социалистических принципов социальной справедливости, в расширении и углублении демократии в сфере производства, в частности принятии Закона о государственном предприятии (объединении), в выборности руководителей и должностных лиц, в развитии внутрипартийной демократии, в совершенствовании избирательной системы, в принятии Закона о всенародном обсуждении важных вопросов жизни страны, в решительной борьбе с антиподами социалистической демократии.

Демократизация — не конъюнктурная кампания, не прагматическая попытка приспособиться к усложнившимся условиям общественной жизни. Дальнейший

прогресс страны неразрывно связан с ростом народовластия. Без последовательного расширения и углубления социалистической демократии невозможно ускорение социально-экономического развития, совершенствование политической системы, обогащение духовной жизни советского общества, невозможен выход его на качественно более высокий уровень. «Демократия — это тот здоровый и чистый воздух, в котором только и может полнокровно жить социалистический общественный организм. Вот почему, когда мы говорим, что мощный потенциал социализма у нас используется еще не полностью, то имеем в виду и то, что **ускорение развития общества немислимо и невозможно без дальнейшего развития социалистической демократии, всех ее сторон и проявлений**» (Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 54—55).

Глубокий, всеобъемлющий демократизм политической системы, всех сфер жизни общества — одна из коренных, сущностных черт социализма, отражающих его социальную природу. Великая Октябрьская социалистическая революция заложила основы подлинного народовластия. Разработанные Лениным первые декреты Советской власти утвердили реальное равенство трудящихся, гарантированное всем строем нового общества. Пролетарская демократия изначально служила орудием удовлетворения коренных потребностей широких масс. Советская власть дала мир народу, землю крестьянам, сделала рабочего хозяином производства, освободила угнетенные нации и народности, предоставила подлинное равноправие женщине.

В расширении и углублении народовластия Ленин видел одно из главных направлений развития нового общественного строя. Ленинская концепция пролетарской, социалистической демократии предполагала постоянный рост самодеятельности, инициативы масс, их участия в управлении делами общества; усиление роли различных массовых организаций в общественной жизни; укрепление социалистической дисциплины; расширение гласности, критики и самокритики; последовательное осуществление выборности и сменяемости должностных лиц, общественного контроля за деятельностью органов управления; широкое использование методов непосредственной, прямой демократии в принятии решений по важнейшим социально-политическим и экономическим вопросам.

Игнорирование демократических начал общественной жизни способно, как показал исторический опыт, нанести значительный ущерб социалистическому строительству. Грубые нарушения принципов демократии в годы культа личности Сталина и сложившаяся тогда административно-командная система управления страной явились серьезной деформацией социализма. Дальнейшее поступательное движение нашего общества по пути социального прогресса в решающей степени зависит от того, насколько разовьются в жизни страны демократические тенденции, насколько реальным станет революционное содержание осуществляемых преобразований и будет обеспечено действительное народовластие.

Демократизация — одно из основных направлений перестройки, условие и фактор революционного обновления общества. Демократизация наряду с радикальной экономической реформой составляют саму суть процесса совершенствования социализма. Без нее невозможно развитие творческой инициативы трудящихся в ходе социалистического и коммунистического строительства. Народовластие выступает необходимым условием обеспечения социальной справедливости в обществе. Привлечение широких слоев народа к процессу революционного обновления не только создает предпосылки для реализации намеченных преобразований, но и служит гарантией их необратимости, последовательности и полноты их проведения.

Для советского общества, находящегося в процессе демократизации, идеи Маркса, Энгельса, Ленина о демократии — бесценное достояние. Они — научная основа этого процесса, одна из главных его духовных движущих сил. Эти идеи помогают учиться демократии, овладевать навыками решения сложных вопросов общественной жизни демократическим путем. Внутренний смысл перестройки как раз и состоит в последовательном осуществлении идей основоположников научного коммунизма, в продолжении дела Великой Октябрьской социалистической революции, в возрождении духа ленинизма, полной реализации на практике ленинской концепции социализма. Это в равной мере относится и к положениям Маркса, Энгельса, Ленина о демократии, прежде всего социалистической. Эти положения — своего рода ориентиры и критерии перестройки, достигнутой степени реального обновления советского общества. Идеи классиков марксизма-ленинизма о народовластии дают возможность

точнее определить оптимальные пути демократизации, избежать ее имитации, псевдодемократии. Правильное понимание и успешное практическое применение этих идей к современной действительности возможно только с учетом тех конкретных исторических условий, в которых они были выработаны.

Маркс, Энгельс, Ленин неоднократно подчеркивали, что подлинная демократия не тождественна анархии, хаосу. Она соединяет в себе свободу и ответственность, инициативу и дисциплинированность, гибкость конкретных социально-политических форм и целостность социалистической организации общества. Соответственно демократизация — это совершенствование механизма управления общественной жизнью. Социалистическое народовластие как атрибут более высокой, чем капитализм, общественной формации представляет собой и несравненно более развитое и сложное явление, чем демократия буржуазная.

Демократизация всей жизни нашей страны означает и новые условия для деятельности коммунистической партии. Как важнейшая часть политической системы, идейно-политический авангард советского общества, партия переживает обновление вместе с народом. Для нее это означает необходимость совершенствования форм и способов осуществления руководящей роли в обществе, активизации участия масс в управлении, перестройки отношений с государственными и общественными организациями, а также развития форм внутрипартийной демократии. Наследие Маркса, Энгельса, Ленина дает богатый, разнообразный материал по этим вопросам, который для КПСС — партии марксизма-ленинизма — особенно ценен. Этот материал собран в специальном разделе настоящей книги. Один из основных аспектов сформулированных ими положений о партии и демократизации заключается, в частности, в том, что формы политики партии, организационные основы ее строения должны развиваться вместе с изменением условий, в которых живет и работает партия.

Идеи демократии на протяжении всей истории разрабатывались многими мыслителями и политическими деятелями, стремившимися устранить господство одной части общества над другой. Их учения привлекали к себе идеалами свободы, равенства, справедливости. Но подлинно научное понимание демократии было дано марксизмом-ленинизмом. Маркс, Энгельс, Ленин пока-

зали, что демократия — это форма государства, органа управления, стоящего над обществом в классово антагонистических формациях, и органа управления, всецело обществу подчиненного в условиях становления и развития социализма. Большое внимание они уделяли критике наиболее развитого в эксплуататорском обществе типа демократии — буржуазной демократии, вскрывая ее классовое содержание, ограниченность, антинародную сущность.

Классики марксизма-ленинизма научно доказали, что подлинным, действительным народовластием становится в процессе коммунистического преобразования общества. Демократические черты новое общество обретает и совершенствует на всех этапах своего становления и развития. Диктатура пролетариата, пролетарская демократия, знаменует рождение принципиально новой демократии. Государство первой фазы коммунистического общества, социалистическая демократия — качественно новый этап в развитии подлинного народовластия. И, наконец, коммунистическое самоуправление — своего рода неполитическая, полная, абсолютная демократия — тождественно отмиранию государства, демократии.

Наследие классиков марксизма-ленинизма по проблемам демократии весьма обширно. Маркс, Энгельс, Ленин на протяжении всей своей жизни обращались к этой теме, анализировали ее в различных аспектах. Ряд их работ имеет в этом отношении особо важное значение: ранние работы Маркса (1842—1843), его «Гражданская война во Франции» (1871), статья Энгельса «Об авторитете» (1872—1873), его Введение к «Гражданской войне во Франции» (1891), произведения Ленина «Государство и революция» (1917), «Очередные задачи Советской власти» (1918), «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918), его последние статьи и письма (1922—1923). Содержание данной книги дает представление о взглядах Маркса, Энгельса, Ленина на основные проблемы демократии, главным образом — демократические принципы управления обществом. Из высказываний классиков марксизма-ленинизма, посвященных вопросам государства, управления, в сборник включались только те, которые связаны с проблемами демократии. Материал, собранный в издании и сгруппированный по тематическому принципу, можно условно разделить на пять частей. В первой представлены взгляды Маркса, Энгельса, Ленина, касающиеся общей характеристики,

сущности демократии, включая критику бюрократизма и культа личности как антиподов демократии. Вторая часть посвящена соотношению демократии и коммунистического преобразования общества, общей характеристике пролетарской, социалистической демократии. Сюда отнесены критика буржуазной демократии и обоснование необходимости слома буржуазной государственной машины. Содержание этой части в определенном смысле дополняет и раздел об отмирании государства, представленный в первой части книги. Третья часть содержит материал о демократических принципах организации общественной жизни, о демократическом централизме, о демократических правах и свободах, о выборности, гласности, критике и самокритике. Четвертая часть содержит материал о демократии в различных сферах жизнедеятельности общества. В пятой части собраны высказывания Маркса, Энгельса, Ленина о демократическом характере деятельности коммунистической партии и внутрипартийной демократии.

При подготовке настоящего издания особое внимание обращалось на те вопросы, которые остро актуальны и соответственно представляют наибольший интерес в современных условиях. В частности, в материалах книги нашли отражение такие темы, как самоуправление народа, демократические принципы функционирования государственного аппарата, предотвращение потенциально возможного в процессе строительства нового строя отчуждения государства от общества, борьба против бюрократизации пролетарского, социалистического государства, выборность и гласность, рост социальной активности масс, их участия в принятии решений, во всех делах общества, развитие внутрипартийной демократии и др. В книге представлены и общетеоретические высказывания классиков, и их обобщение опыта Парижской Коммуны, и ленинский анализ опыта Великой Октябрьской социалистической революции, первых лет строительства Советской власти, становления нового общества.

Каждый из 27 разделов книги представляет собой ряд расположенных в хронологическом порядке фрагментов из произведений классиков марксизма-ленинизма. В начале каждого раздела и в содержании книги указаны основные темы собранного материала. Ряд тем представлен в разных разделах, которые в этом отношении взаимно дополняют друг друга. Некоторые высказывания дублируются в различных местах сборника.

Материалы, собранные в книге, взяты главным образом из наиболее полных в настоящее время публикаций теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма — второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (в 50 томах) и пятого, Полного собрания сочинений В. И. Ленина (в 55 томах). При ссылках на эти базовые издания указываются только соответствующие тома и страницы. Для каждого фрагмента, кроме источника, указаны автор, название работы и ее датировка. Это позволяет при необходимости обратиться к более полному и глубокому изучению работ, из которых заимствован тот или иной текст, а также принять во внимание исторические условия, в которых были выполнены соответствующие теоретические положения. Научно-справочный аппарат включает подстрочные редакционные примечания и краткий предметный указатель.

Настоящее издание рассчитано на широкую читательскую аудиторию. Оно предназначено для научных работников, преподавателей, идеологических кадров, партийного актива, для всех интересующихся проблемами марксизма-ленинизма, демократии. Его материалы будут полезны в теоретической и практической деятельности, направленной на революционное обновление, демократизацию советского общества.

**Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС**

СУЩНОСТЬ, ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕМОКРАТИИ

Демократия как форма государства
 Власть народа
 Господство большинства
 Исторический характер демократии
 Классовая сущность демократии
 Противоположность демократии и анархии

Демократия есть разрешенная *загадка* всех форм государственного строя. Здесь государственный строй не только *в себе*, по существу своему, но и по своему *существованию*, по своей действительности все снова и снова приводится к своему действительному основанию, к *действительному человеку*, к *действительному народу* и утверждается как его *собственное* дело. Государственный строй выступает здесь как то, что он есть, — как свободный продукт человека. Можно было бы возразить, что это в известном смысле верно и по отношению к конституционной монархии. Однако специфическим отличием демократии является то, что здесь *государственный строй* вообще представляет собой только *момент* бытия народа, что *политический строй* сам по себе не образует здесь государства. [...]

Подобно тому как не религия создает человека, а человек создает религию, — подобно этому не государственный строй создает народ, а народ создает государственный строй. [...] Демократия есть *сущность всякого государственного строя*, социализированный человек как *особая* форма государственного строя. Она относится ко всем другим формам государственного строя, как род относится к своим видам. Однако здесь самый род выступает как нечто существующее, и поэтому в отношении других форм существования, не соответствующих своей сущности, он сам выступает как *особый* вид. Демократия относится ко всем остальным государственным формам как к своему ветхому завету. В демократии не человек

существует для закона, а закон существует для человека; законом является здесь *человеческое бытие*, между тем как в других формах государственного строя человек есть *определяемое законом бытие*. Таков основной отличительный признак демократии.

Все остальные *государственные образования* представляют собой известную, определенную, *особую форму государства*. В демократии же *формальный* принцип является одновременно и *материальным* принципом. Лишь она, поэтому, есть подлинное единство всеобщего и особого. [...] В демократии [...] политическое государство [...] является в отношении народа только *особым* его содержанием, как и особой *формой его существования*. В монархии, например, это особое — политический строй — имеет значение *всеобщего*, определяющего и подчиняющего себе все особое. В демократии государство, как особый момент, есть *только* особый момент, как всеобщее же оно есть действительно всеобщее, т. е. оно не есть данное определенное содержание в отличие от другого содержания. Французы новейшего времени это поняли так, что в истинной демократии *политическое государство исчезает*. Это верно постольку, поскольку в демократии политическое государство как таковое, как государственный строй, уже не признается за целое.

Во всех отличных от демократии государственных формах *государство, закон, государственный строй*, является господствующим моментом без того, чтобы государство действительно господствовало, т. е. без того, чтобы оно материально пронизывало содержание остальных, неполитических, сфер. В демократии государственный строй, закон, само государство, поскольку оно представляет собой определенный политический строй, есть только самоопределение народа и определенное его содержание.

К. Маркс. К критике гегелевской философии права (1843) — т. I, с. 252, 253

Раз мы опустили до уровня мира политических животных, то еще более глубокая реакция уже невозможна, и всякое движение вперед может заключаться только в том, что будет оставлена позади основа этого мира и будет осуществлен переход к человеческому миру демократии.

К. Маркс — А. Руге, май 1843 г. — т. I, с. 376

Это понятие * изменяется всякий раз с изменением понятия демос [...]

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну, 24 марта 1884 г. — т. 36, с. 112

[...] Слово «демократ» и по грамматическому смыслу и по политическому значению, приданному ему всей историей Европы, означает: сторонник самодержавия народа.

В. И. Ленин. *Демократические задачи революционного пролетариата* (1905) — т. 10, с. 273

Демократия есть господство большинства. Демократическими могут быть названы только выборы всеобщие, прямые, равные. Демократические комиссии только такие комиссии, которые выбраны *всем* населением на основе всеобщего избирательного права. Из общих, основных, азбучных истин демократизма это вытекает так бесспорно, что странно даже разжевывать все это господам кадетам.

В. И. Ленин. *Кадеты и аграрный вопрос* (1912) — т. 22, с. 51

Не народ для государства, а государство для народа.

В. И. Ленин. *К вопросу о национальной политике* (1914) — т. 25, с. 69

Кто стоит на точке зрения демократии, т. е. решения государственных вопросов массой населения, тот прекрасно знает, что от болтовни политиканов до решения масс — «дистанция огромного размера»**.

В. И. Ленин. *О праве наций на самоопределение* (1914) — т. 25, с. 287

[...] Демократия есть *тоже* господство «одной части населения над другой», есть *тоже* государство.

В. И. Ленин. *О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»* (1916) — т. 30, с. 110

Обычно понятия «свобода» и «демократия» считают тождественными и употребляют часто одно вместо другого. [...] На деле демократия исключает свободу. Диа-

* — демократия. *Ред.*

** *Грибоедов А. С.* Горе от ума. *Ред.*

лектика (ход) развития такова: от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой.

В. И. Ленин. Марксизм о государстве (1917) — т. 33, с. 171

[...] Главное,— разве рабочие и крестьяне не составляют огромного большинства населения? разве «демократией» не называется осуществление воли большинства?

В. И. Ленин. И. Г. Церетели и классовая борьба (1917) — т. 31, с. 471

С которых пор решение по большинству называется «анархией»? Не правильнее ли называть анархией решение *по меньшинству* [...]

Бояться народа нечего. Решение большинства рабочих и крестьян *не* есть анархия. Такое решение единственный возможный залог демократии вообще и успеха в приискании мер избавления от разрухи в частности.

В. И. Ленин. Запугивание народа буржуазными страхами (1917) — т. 32, с. 19, 20

Рабочие массы, составляя гигантское большинство населения, имея в своих руках Советы, чувствуя свою силу, как большинства, видя всюду обещания «демократизации» жизни, зная, что демократия есть господство большинства над меньшинством (*а не наоборот*, чего хотят капиталисты), добиваясь улучшения своей жизни только со времени революции, да и то не везде, а не с начала войны, рабочие массы не могут не стремиться к всевластию народа, т. е. большинства населения, т. е. к решению дел по большинству рабочих против меньшинства капиталистов, а не по «соглашению» большинства с меньшинством.

В. И. Ленин. Исчезло ли двоевластие? (1917) — т. 32, с. 128—129

Демократия есть господство большинства.

В. И. Ленин. Вся власть Советам! (1917) — т. 32, с. 408

Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее

подчинение меньшинства большинству *государство*, т. е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою.

В. И. Ленин. *Государство и революция* (1917) — т. 33, с. 83

Демократия означает равенство. [...] Но демократия означает только *формальное* равенство. [...]

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им.

В. И. Ленин. *Государство и революция* (1917) — т. 33, с. 99, 100

[...] Быть демократом значит на деле считаться с интересами большинства народа, а не меньшинства [...]

В. И. Ленин. *Грозящая катастрофа и как с ней бороться* (1917) — т. 34, с. 166

Либералу естественно говорить о «демократии» вообще. Марксист никогда не забудет поставить вопрос: «для какого класса?». Всякий знает, например, — и «историк» Каутский знает это тоже, — что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как *диктатуры рабовладельцев*. Уничтожала ли эта диктатура демократию среди рабовладельцев, для них? Всем известно, что нет.

В. И. Ленин. *Пролетарская революция и ренегат Каутский* (1918) — т. 37, с. 243

БУРЖУАЗНАЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

[...] Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные *классы*, а можно говорить только о *классовой* демократии. (В скобках сказать, «чистая демократия» есть не только *невежественная* фраза, обнаруживающая непонимание как борьбы классов, так и сущности государства, но и трижды пустая фраза, ибо в коммунистическом обществе демо-

кратия будет, перерождаясь и превращаясь в привычку, *отмирать*, но никогда не будет «чистой» демократией.)

«Чистая демократия» есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной. [...]

Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 251—252

Если рассуждать по-марксистски, то приходится сказать: эксплуататоры неминуемо превращают государство (а речь идет о демократии, то есть об одной из форм государства) в орудие господства своего класса, эксплуататоров, над эксплуатируемыми. Поэтому и демократическое государство, пока есть эксплуататоры, господствующие над большинством эксплуатируемых, неизбежно будет демократией для эксплуататоров. Государство эксплуатируемых должно коренным образом отличаться от такого государства, должно быть демократией для эксплуатируемых и *подавлением эксплуататоров*, а подавление класса означает неравенство этого класса, изъятие его из «демократии».

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 259—260

[...] Одно дело — форма выборов, форма демократии, другое дело — классовое содержание данного учреждения.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 279

[...] Формы демократии неизбежно сменялись в течение тысячелетий, начиная с зачатков ее в древности, по мере смены одного господствующего класса другим. В древних республиках Греции, в городах средневековья, в передовых капиталистических странах демократия имеет различные формы и различную степень применения. Величайшей нелепостью было бы думать, что самая

глубокая революция в истории человечества, первый в мире переход власти от меньшинства эксплуататоров к большинству эксплуатируемых может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии, может произойти без самых крутых переломов, без создания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т. д.

В. И. Ленин. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта [I конгресс Коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 г.] — т. 37, с. 498—499

Во времена рабовладельческие в странах наиболее передовых, культурных и цивилизованных по-тогдашнему, например, в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией. Монархия — как власть одного, республика — как отсутствие какой-либо невыборной власти; аристократия — как власть небольшого сравнительно меньшинства, демократия — как власть народа (демократия буквально в переводе с греческого и значит: власть народа). Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая. [...]

Но учреждалась ли монархия — это была монархия рабовладельческая, или республика — это была республика рабовладельческая. В них всеми правами пользовались рабовладельцы, а рабы были вещью по закону, и над ними возможно было не только какое угодно насилие, но и убийство раба не считалось преступлением. Рабовладельческие республики различались по своей внутренней организации: были республики аристократические и демократические. В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все, кроме рабов. Это основное обстоятельство надо иметь в виду, потому что оно больше всего проливает свет на вопрос о государстве и ясно показывает сущность государства.

В. И. Ленин. О государстве (1919) — т. 39, с. 74—75

Демократия есть одна из категорий области только политической.

В. И. Ленин. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого (1920) — т. 42, с. 210

Всякая демократия, как вообще всякая политическая надстройка (неизбежная, пока не завершено уничтожение классов, пока не создано бесклассовое общество), служит, в конечном счете, производству и определяется, в конечном счете, производственными отношениями данного общества.

В. И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина (1921) — т. 42, с. 276

РОЛЬ МАСС В ИСТОРИИ

**Возрастание роли масс в развитии общества
Демократия как выражение интересов народных масс
Необходимость опоры на массы**

Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Святое семейство (1844) — т. 2, с. 90

Право демократических народных масс оказывать своим присутствием моральное воздействие на позицию учредительных собраний есть старое революционное право народа, которое со времен английской и французской революций использовалось во все бурные эпохи. Этому праву история обязана почти всеми энергичными шагами таких собраний.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Свобода дебаатов в Берлине (1848) — т. 5, с. 436

Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они

проливают кровь и жертвуют жизнью *. Этому научила нас история последних пятидесяти лет. Но для того чтобы массы поняли, что нужно делать, необходима длительная настойчивая работа [...]

Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции» (1895) — т. 22, с. 544

«Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist» [...] — в этих словах ** выражено одно из самых глубоких и самых важных положений той историко-философской теории, которую никак не хотят и не могут понять наши народники. По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем.

В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? (1897) — т. 2, с. 539—540

[...] В интересах [...] массы лежит полное осуществление демократизма и [...] чем просвещеннее эта масса, тем неизбежнее ее борьба за это полное осуществление.

В. И. Ленин. Социал-демократия и временное революционное правительство (1905) — т. 10, с. 13

Демократизм состоит не в том, чтобы масса по знакомству доверяла отдельным своим представителям, а в том, чтобы вся масса сама подавала сознательно голос по существу важнейших вопросов.

В. И. Ленин. Социал-демократия и выборы в Думу (1907) — т. 14, с. 259

[...] Без нового массового движения [...] не может быть осуществлено хоть сколько-нибудь демократическое устройство местного управления и центральных законодательных органов.

В. И. Ленин. Третья Дума (1907) — т. 16, с. 143

* В тексте, опубликованном в журнале «Die Neue Zeit» и в отдельном издании «Классовой борьбы во Франции» 1895 г., вместо слов «за что они проливают кровь и жертвуют жизнью» напечатано: «за что они должны выступать». *Ред.*

** См. наст. изд., с. 17. *Ред.*

У интеллигенции *без масс* никогда не было и никогда не будет ни парламентских, ни серьезных внепарламентских средств борьбы.

В. И. Ленин. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам (1909) — т. 17, с. 351

[...] Какие бы иллюзии он * ни питал подчас насчет интересов и стремлений массы, демократ *верит* в массу, в *действие* масс, в законность настроений, в целесообразность методов борьбы массы.

В. И. Ленин. Итог (1911) — т. 20, с. 370

Демократ верит в народ, верит в движение масс, всячески помогает ему [...]

В. И. Ленин. Политические партии в России (1912) — т. 21, с. 282

[...] При несознательных, сонных, нерешительных массах *никакие* изменения к лучшему невозможны. [...]

Без заинтересованности, сознательности, бодрости, действенности, решительности, самостоятельности масс абсолютно ничего ни в той, ни в другой области сделано быть не может.

В. И. Ленин. О характере и значении нашей полемики с либералами (1912) — т. 21, с. 364—365

Демократия представляет широкую массу населения. Демократ не боится движения масс, а верит в него.

В. И. Ленин. Кадеты и демократия (1912) — т. 21, с. 472

Демократ представляет массу населения. [...] Демократ верит в движение масс, его силу, его правоту, насколько не боясь этого движения. [...]

Русская демократия, это — рабочий класс (пролетарская демократия) и народники и трудовики всех оттенков (буржуазная демократия).

В. И. Ленин. Кадеты и аграрный вопрос (1912) — т. 22, с. 48

* — демократ. *Ред.*

У либералов — боязнь самостоятельности масс, неприятие в нее, отрицание ее; у демократии — сочувствие, вера, поддержка, развитие этой самостоятельности.

В. И. Ленин. «Позиция» г. Милюкова (1912) — т. 22, с. 133

[...] *Единственной действительной* силой, вынуждающей перемены, является лишь революционная энергия масс [...]

В. И. Ленин. Черновой проект тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям (1916) — т. 30, с. 282

Во всех революциях воля большинства рабочих и крестьян, т. е., несомненно, воля большинства населения, была за демократию. И тем не менее громадное большинство революций кончилось поражением демократии.

В. И. Ленин. Из дневника публициста (1917) — т. 34, с. 124

Чем глубже переворот, тем больше требуется активных работников для свершения работы замены капитализма аппаратом социализма.

В. И. Ленин. Доклад об экономическом положении рабочих Петрограда и задачах рабочего класса на заседании рабочей секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 4 (17) декабря 1917 г. — т. 35, с. 146

Поднять наинизшие низы к историческому творчеству: Mit dem Umfang der geschichtlichen Aktion wird auch der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist. «Увеличение глубины захвата исторического действия связано с увеличением численности исторически действенной массы»*.

В. И. Ленин. Из дневника публициста (1917) — т. 35, с. 189

[...] Чем более трудна, чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этих задач.

В. И. Ленин. IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 27 июня — 2 июля 1918 г. — т. 36, с. 446

* См. наст. изд., с. 17. Ред.

Здесь оправдывается одно из самых глубоких положений марксизма, в то же время являющееся самым простым и понятным. Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов. В последнем счете потому наша революция все остальные революции далеко оставила за собой, что она подняла через Советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались пезаинтересованными в этом строительстве.

В. И. Ленин. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря [VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.] — т. 42, с. 140

Не льстить массе, не отрываться от массы.

В. И. Ленин. Планы тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» (1921) — т. 44, с. 498

Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров. Напротив, для успеха всякой серьезной революционной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть роль лишь как авангард действительно жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу. Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи.

В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма (1922) — т. 45, с. 23

Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты — это капля в море, капля в народном море. Они только в том случае сумеют повести народ по своему пути, если правильно определяют путь не только в смысле всемирного исторического направления.

В. И. Ленин. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта [XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г.] — т. 45, с. 97—98

Уметь поставить работу правильно, так, чтобы не отставать, чтобы вовремя разрешить трения, которые происходят, и не отрывать администрирования от политики,— вот в чем задача. Ибо наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда.

В. И. Ленин. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта [XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г.] — т. 45, с. 107

Основная причина этого громадного ускорения мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей.

В. И. Ленин. К десятилетнему юбилею «Правды» (1922) — т. 45, с. 174

САМОУПРАВЛЕНИЕ НАРОДА

**Управление народа посредством самого народа
Участие всех трудящихся в управлении государством**

Большим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа.

К. Маркс. Гражданская война во Франции (1871) — т. 17, с. 350

В своем наиболее простом понимании Коммуна означала прежде всего предварительное разрушение старой

правительственной машины в ее центральных пунктах, в Париже и в других больших городах Франции и замену ее подлинным самоуправлением, которое в Париже и в больших городах, являющихся социальным оплотом рабочего класса, было правительством рабочего класса.

К. Маркс. Второй набросок «Гражданской войны во Франции» (1871) — т. 17, с. 601

То положение, когда народом управляют, должно быть заменено **самоуправлением** народа.

К. Маркс. Изменения и дополнения во втором издании брошюры И. Моста «Капитал и труд» (1875) — Вопросы истории КПСС, 1968, № 2, с. 80

[...] У нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом *удесятерить* наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством. [...]

Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту. [...]

Да, мы согласны, что кадеты, Брешковская и Церетели, по-своему, преданы демократизму и пропагандируют его в народе. Но что же делать, если у нас несколько иное представление о демократизме?

По-нашему, для облегчения неслыханных тягостей и бедствий войны, а равно для лечения тех ужаснейших ран, которые нанесла народу война, нужен *революционный* демократизм, нужны *революционные* меры именно такого рода, как описанное для примера распределение жилых помещений в интересах бедноты. *Точно так же*

надо поступить и в городе и в деревне с продуктами продовольствия, одеждой, обувью и т. д., в деревне с землей и прочее. К управлению государством *в таком* духе мы можем *сразу привлечь государственный* аппарат, миллионов в десять, если не в двадцать человек, аппарат, не виданный ни в одном капиталистическом государстве. Этот аппарат только мы можем создать, ибо нам обеспечено полнейшее и беззаветное сочувствие гигантского большинства населения. Этот аппарат только мы можем создать, ибо у нас есть сознательные дисциплинированные долгой капиталистической «выучкой» (недаром же мы были на выучке у капитализма) рабочие, которые в *состоянии* создать рабочую милицию и *постепенно* расширить ее (начиная расширять немедленно) *во всенародную* милицию. Сознательные рабочие должны руководить, но привлечь к делу управления они в состоянии настоящие массы трудящихся и угнетенных.

Разумеется, неизбежны ошибки при первых шагах этого нового аппарата. Но разве не было ошибок у крестьян, когда они из крепостного права выходили на волю и начинали сами вести свои дела? Разве может быть иной путь к обучению народа управлять самим собой, к избавлению от ошибок, как путь практики? как немедленный приступ к настоящему народному самоуправлению? Самое главное теперь — распрощаться с тем буржуазным интеллигентским предрассудком, будто управлять государством могут только особые чиновники, всецело зависимые от капитала по всему своему общественному положению. Самое главное — положить конец такому положению вещей, когда управлять пытаются по-старому буржуа, чиновники и «социалистические» министры, но управлять не могут, и после семи месяцев получают в крестьянской стране крестьянское восстание!! Самое главное — внушить угнетенным и трудящимся доверие в свои силы, показать им на практике, что они могут и должны взяться сами за *правильное*, строжайше упорядоченное, организованное распределение хлеба, всякой пищи, молока, одежды, квартир и т. д. *в интересах бедноты*. Без этого спасения России от краха и гибели *нет*, а добросовестный, смелый, повсеместный приступ к передаче дела управления в руки пролетариев и полупролетариев даст такой невиданный в истории революционный энтузиазм масс, умножит во столько раз народные силы по борьбе с бедствиями, что многое кажущееся невозможным для наших узких, старых,

бюрократических сил, станет осуществимым для сил миллионной массы, *начинающей работать на себя*, а не на капиталиста, не на барчука, не на чиновника, не из-под палки.

В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? (1918) — т. 34, с. 313, 315—317

Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами.

В. И. Ленин. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта [VII Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г.] — т. 36, с. 53

Переход *через* Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и *поголовно* всех граждан к непосредственному и *ежедневному* несению своей доли тягот по управлению государством.

В. И. Ленин. Черновой набросок проекта программы [VII Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г.] — т. 36, с. 74

Демократический и социалистический характер Советов: *quid est?** Поголовное управление (отличие от буржуазного парламента).

В. И. Ленин. Планы статьи «Очередные задачи Советской власти» (1918) — т. 36, с. 550

[...] Социалистический переворот будет прочен лишь постольку, поскольку мы сумеем новый класс, пролетариат, поднять к управлению, сделать так, чтобы управлял Россией пролетариат. Сделать так, чтобы это управление было переходом к поголовному обучению всех трудящихся искусству управлять государством, и обучению не книжному, не газетному, не в речах

* — что это? *Ред.*

и брошюрках, а к обучению на практике, чтобы каждый мог испытать свою способность взяться за это дело.

В. И. Ленин. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов 17 января 1919 г.— т. 37, с. 414

Мы увидим, что мы можем эту задачу разрешить, научить неизмеримо большие массы трудящихся такому делу, как управление государством и управление промышленностью, развить практическую работу, разрушить то, что в течение веков и десятилетий вкоренялось в рабочие массы,— тот вредный предрассудок, что дело управления государством — есть дело привилегированных, что это есть особое искусство. Это неправда.

В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г.— т. 37, с. 451—452

Коммуна была не парламентским учреждением.

[...] Значение Коммуны, далее, состоит в том, что она сделала попытку разбить, разрушить до основания буржуазный государственный аппарат, чиновничий, судебский, военный, полицейский, заменив его самоуправляющейся массовой организацией рабочих, которая не знала разделения законодательной и исполнительной власти.

В. И. Ленин. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта [I конгресс Коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 г.] — т. 37, с. 493

Работа [...] неразрывно связанная с осуществлением главной исторической задачи Советской власти, именно перехода к полному уничтожению государства, должна состоять, во-первых, в том, чтобы каждый член Совета обязательно выполнял известную работу по управлению государством, во-вторых, в том, чтобы эти работы последовательно менялись, охватывая весь круг дел, связанных с государственным управлением, все его отрасли, и, в-третьих, в том, чтобы рядом постепенных и осторожно выбираемых, но неуклонно проводимых мер все трудящееся население поголовно привлекалось к самостоятельному участию в управлении государством.

В. И. Ленин. Черновой набросок проекта программы РКП [Проект программы РКП(б)] (1919) — т. 38, с. 93

ОТМИРАНИЕ ГОСУДАРСТВА И НЕОБХОДИМОСТЬ ФУНКЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ, ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Отмирание политических функций управления, отмирание демократии
Управление производством и всей общественной жизнью
в коммунистическом обществе

Противоречия, которыми страдает централизация, бесспорны; признаем, однако, ее историческое и разумное право на существование! Централизация — сущность и жизненный нерв государства, и в этом заключается ее оправдание. Каждое государство должно по необходимости стремиться к централизации, каждое государство централизовано, начиная с абсолютной монархии и кончая республикой. Как Америка, так и Россия. Ни одно государство не может обойтись без централизации, федеративное государство ничуть не в меньшей степени, чем уже сформировавшееся централизованное государство. Пока существуют государства, у каждого из них будет свой центр, и каждый гражданин будет выполнять свои гражданские функции только в силу централизации. При этом, то есть при подобной централизации, вполне можно допустить коммунальное управление, допустить все, что имеет отношение к отдельным гражданам или корпорациям, это даже нужно сделать. *Ибо* поскольку централизация сосредоточена в одном пункте, поскольку все здесь собрано в одном, ее деятельность по необходимости должна быть всеобщей, а ее компетенция и полномочия заключать в себе все, что считается *всеобщим*, оставляя, однако, свободным то, что касается персонально того или этого. Отсюда вытекает государственное право центральной власти на издание законов, на господство над органами управления, на назначение государственных чиновников и т. д.; отсюда же следует одновременно и тот принцип, что судебная власть ни в коем случае не должна быть связана с центром, а принадлежать народу, судам присяжных, что, как уже указывалось выше, коммунальные дела не могут входить в компетенцию центральных властей и т. д.

Суть централизованного государства не означает, впрочем, что центром его является одна-единственная личность, как при абсолютной монархии, а только то, что в его центре находится один отдельный человек, каким может быть президент в республике. То есть, нельзя

забывать, что главным здесь является не личность, стоящая в центре, а сам центр. [...]

Централизация — это принцип государства, и все же именно с централизацией неизбежно связано то, что она заставляет государство выходить из своих рамок, конституировать себя, особенное, как всеобщее, последнее и наивысшее, претендовать на право и положение, которые принадлежат только истории. Государство — это не реализация *абсолютной* свободы, каким оно считается, в этом случае вышеупомянутая диалектика понятия государства была бы недействительной, оно лишь объективная свобода. Истинная *субъективная* свобода, которая равносильна абсолютной свободе, требует для своего осуществления иных форм, чем государство.

Ф. Энгельс. *Централизация и свобода* (1842) — т. 41, с. 325—326

[...] У него * выпадает та главная мысль, в которой обнаруживается превосходство Вейтлинга над Кабе, именно мысль об упразднении всякой формы правления, основанной на насилии и большинстве и замене ее простым управлением, организующим различные отрасли труда и распределяющим его продукты; он опускает предложение, чтобы все должностные лица этого управления в каждой отдельной отрасли назначались не большинством всех членов общества, а только теми членами его, которые знакомы со специальным родом работы, возлагаемой на будущее должностное лицо. Затем он опустил одну из важнейших черт этого плана, а именно, что лица, на которых возлагается выбор, выбирают наиболее подходящих кандидатов посредством своего рода конкурса, не зная ни одного из авторов представленных на этот конкурс работ; имена последних должны быть помещены в запечатанные конверты, и вскрывается лишь тот конверт, который содержит имя победителя; таким образом устраняются все личные мотивы, которые могли бы повлиять на решение избирающих лиц.

Ф. Энгельс. «*Times*» о немецком коммунизме (1844) — т. 41, с. 330

* — автора анонимной статьи, опубликованной в газете «*The Times*». *Ред.*

В коммунистическом обществе [...] управлению придается ведать не только отдельными сторонами общественной жизни, но и всей общественной жизнью во всех ее отдельных проявлениях, во всех направлениях.

Ф. Энгельс. Эльберфельдские речи (1845) — т. 2, с. 537

Уже буржуазия благодаря своей промышленности, своей торговле, своим политическим учреждениям работает над тем, чтобы вырвать мелкие, замкнутые, живущие лишь собственными интересами отдельные местности из состояния обособленности, связать их друг с другом, слить их интересы воедино, расширить их местный кругозор, уничтожить их местные обычаи, моды и взгляды, и из многих до сих пор независимых друг от друга провинций и местностей образовать великую нацию с общими интересами, нравами и воззрениями. Буржуазия уже достигла значительной централизации. Пролетариат весьма далек от того, чтобы считать себя этим ущемленным; наоборот, именно эта централизация только и дает ему возможность объединиться, почувствовать себя классом, обрести в демократии надлежащее политическое мировоззрение и победить в конце концов буржуазию. Демократическому пролетариату нужна централизация не только в том виде, в каком она начала осуществляться буржуазией, но он должен будет провести ее в значительно больших размерах. В тот короткий период французской революции, когда, при господстве партии Горы, пролетариат стоял у государственного кормила, он проводил централизацию всеми средствами, с помощью картечи и гильотины. Демократический пролетариат, когда теперь он снова установит свое господство, должен будет централизовать не только каждую страну в отдельности, но как можно скорее объединить все цивилизованные страны.

Ф. Энгельс. Гражданская война в Швейцарии (1847) — т. 4, с. 355

Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется

в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса.

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии (1848) — т. 4, с. 447

Слом государственной машины не подвергает никакой опасности централизацию. Бюрократия есть только низшая и грубая форма централизации, которая еще обременена своей противоположностью, феодализмом*.

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (1852) — т. 8, с. 606

При совместной работе многих, для которых их взаимосвязь сама является чуждым им отношением и единство которых лежит вне их самих, необходимость в командовании, в надзоре сверху сама выступает как условие производства, как ставший необходимым в результате кооперации рабочих и обусловленный ею новый вид труда, *«труд по надзору»*, — совершенно так же как в армии, даже если она состоит только из одного и того же рода войск, возникает необходимость в командующих, необходимость в командовании, для того чтобы она могла действовать как единый организм. [...]

Если же какая-либо кооперация, как, например, кооперация музыкантов в оркестре, требует руководителя, то совершенно различны та форма, которую эта функция руководства трудом принимает в условиях капитала, и та форма, которую оно в противоположном случае, например, в условиях ассоциации, приняло бы в качестве особой функции труда наряду с другими функциями, но

* В издании 1869 г.: «Государственная централизация, в которой пуждается современное общество, может возникнуть лишь на развалинах военно-бюрократической правительственной машины, выкованной в борьбе с феодализмом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 213). *Ред.*

не в качестве силы, которая собственное единство рабочих осуществляет как чуждое им единство, а эксплуатацию их труда — как эксплуатацию, учиненную над ними чуждой им силой.

*К. Маркс. К критике политической
экономики (рукопись 1861—1863 гг.)
(1861) — т. 47, с. 293—294*

Труд по надзору и управлению необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса, а не является разъединенным трудом самостоятельных производителей [...]. Но природа его — двоякого рода.

С одной стороны, во всех работах, при выполнении которых кооперируются между собой многие индивидуумы, связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской, как это имеет место с дирижером оркестра. Это — производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства.

С другой стороны, если совершенно оставить в стороне купеческое дело, этот труд по надзору необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между работником, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого надзора за работниками. Поэтому своего максимума она достигает при системе рабства [...]. Но он необходим и при капиталистическом способе производства, так как здесь процесс производства есть одновременно и процесс потребления рабочей силы капиталистом. Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами.

*К. Маркс. Капитал. Том третий
(1865) — т. 25, ч. I, с. 422*

Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени

в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере.

К. Маркс. *Капитал. Том первый*
(1867) — т. 23, с. 342

Как только что-нибудь не нравится бакунистам, они заявляют: это *авторитарно*, и думают, что тем самым вынесли приговор на веки вечные. Если бы они были рабочими, а не буржуа, журналистами и т. п., или если бы они хоть немного изучили экономические вопросы и условия современной промышленности, то знали бы, что никакое совместное действие невозможно без навязывания некоторому числу людей чужой воли, то есть без авторитета. Будет ли это воля большинства голосующих, или руководящего комитета, или одного человека — это всегда будет воля, навязанная инакомыслящим; но без этой единой и руководящей воли невозможен никакой совместный труд. Попробуйте-ка заставить работать какую-нибудь крупную фабрику Барселоны без руководства, то есть без авторитета! Или управлять железной дорогой без уверенности, что каждый инженер, кочегар и т. д. будет на своем месте именно в тот момент, когда он должен там быть! Хотел бы я знать, доверил бы бравый Бакунин свое жирное тело железнодорожному вагону, если бы железная дорога управлялась в соответствии с принципами, согласно которым никто не обязан быть на своем месте, если ему не нравится подчиняться авторитету правил, которые в любом обществе куда более авторитарны, чем Регламент, принятый Базельским конгрессом! * Все эти широковещательные ультралиберальные и ультраревOLUTIONные фразы прикрывают лишь полнейшее убожество мысли и полнейшее незнание условий, в которых протекает повседневная жизнь общества. Попробуйте-ка уничтожить на корабле «всякий авторитет, даже признаваемый» матросами!

Ф. Энгельс — П. Лафаргу, 30 декабря
1871 г. — т. 33, с. 309

* Имеются в виду изменения, внесенные в Организационный регламент Международного Товарищества Рабочих (Первого Интернационала) на Базельском конгрессе 1869 г. *Ред.*

Мне кажется, что они слишком злоупотребляют фразами об «авторитете» и централизации. Я не знаю вещи более авторитарной, чем революция, и, мне кажется, когда посредством бомб и ружейных пуль навязывают свою волю другим, как это происходит во всякой революции, то осуществляется авторитарный акт. Именно недостаток централизации и авторитета стоил жизни Парижской Коммуне. После победы делайте с авторитетом и т. д., что хотите, но для борьбы необходимо соединить все наши силы в один кулак и сконцентрировать их в центральном пункте атаки. А когда мне говорят об авторитете и централизации как о двух вещах, заслуживающих осуждения при любых обстоятельствах, то мне кажется, что те, кто так говорит, либо не знают, что такое революция, либо являются революционерами только на словах.

Ф. Энгельс — К. Терцаги, около 9 января 1872 г. — т. 33, с. 317

Так как, по Бакунину, Интернационал создан не для политической борьбы, а для того чтобы при социальной ликвидации немедленно занять место старой государственной организации, то он должен быть возможно более похожим на бакунистский идеал будущего общества. В этом обществе, прежде всего, не существует никакого *авторитета*, так как авторитет — государство — абсолютное зло. (Каким образом люди будут пускать в ход фабрики, пользоваться железными дорогами, управлять кораблем без единой, решающей в последней инстанции воли, без единого руководства, — этого нам, конечно, не говорят.) Прекращает также существовать и авторитет большинства по отношению к меньшинству. Каждая личность, каждая община автономны, но каким образом общество, состоящее хотя бы из двух человек, возможно без того, чтобы каждый из них не поступился чем-нибудь из своей автономии, — об этом Бакунин снова умалчивает.

Ф. Энгельс — Т. Куно, 24 января 1872 г. — т. 33, с. 329

Все социалисты понимают под анархией следующее: после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута, государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное

большинство общества, состоящее из производителей, под гнетом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает, и правительственные функции превращаются в простые административные функции.

К. Маркс, Ф. Энгельс. *Мнимые расколы в Интернационале (1872)* — т. 18, с. 45

ОБ АВТОРИТЕТЕ

Некоторые социалисты начали в последнее время настоящий крестовый поход против того, что они называют *принципом авторитета*. Достаточно им заявить, что тот или иной акт *авторитарен*, чтобы осудить его. Этим упороченным приемом стали злоупотреблять до такой степени, что необходимо рассмотреть вопрос несколько подробнее. Авторитет в том смысле, о котором здесь идет речь, означает навязывание нам чужой воли; с другой стороны, авторитет предполагает подчинение. Но поскольку оба эти выражения звучат неприятно и выражаемое ими отношение тягостно для подчиненной стороны, спрашивается, нельзя ли обойтись без этого отношения, не можем ли мы — при существующих в современном обществе условиях — создать иной общественный строй, при котором этот авторитет окажется беспредметным и, следовательно, должен будет исчезнуть. Рассматривая экономические, промышленные и аграрные отношения, лежащие в основе современного буржуазного общества, мы обнаруживаем, что они имеют тенденцию все больше заменять разрозненные действия комбинированной деятельностью людей. Вместо небольших мастерских разрозненных производителей появилась современная промышленность с ее огромными фабриками и заводами, в которых сотни рабочих управляют сложными машинами, приводимыми в движение паром; дилижансы и повозки на больших дорогах вытеснены железнодорожными поездами, так же как маленькие парусные шхуны и фелюги — парходами. Даже в земледелии все больше начинают господствовать машина и пар, медленно, но неуклонно заменяющие мелких собственников крупными капиталистами, которые обрабатывают с помощью наемных рабочих большие площади земли. Таким образом, комбинированная деятельность, усложнение процессов, зависящих друг от друга, становятся на место независимой деятельности отдельных лиц. Но ком-

бинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?

Предположим, что социальная революция свергла капиталистов, авторитету которых подчиняются в настоящее время производство и обращение богатств. Предположим, становясь вполне на точку зрения антиавторитаристов, что земля и орудия труда стали коллективной собственностью тех рабочих, которые их используют. Исчезнет ли авторитет или же он только изменит свою форму? Посмотрим.

Возьмем в качестве примера бумагопрядильню. Хлопок должен подвергнуться по крайней мере шести последовательным операциям, прежде чем он превратится в нить, и эти операции производятся по большей части в разных помещениях. Далее, для бесперебойного функционирования машин нужен инженер, наблюдающий за паровой машиной, нужны механики для ежедневного ремонта и много других рабочих для переноски продуктов из одного помещения в другое и так далее. Все эти рабочие — мужчины, женщины и дети — вынуждены начинать и кончать работу в часы, определяемые авторитетом пара, которому дела нет до личной автономии. Итак, рабочие прежде всего должны условиться относительно часов труда; а как только эти часы установлены, они уж обязательны для всех без исключения. Затем в каждом помещении ежеминутно возникают частные вопросы, касающиеся процесса производства, распределения материалов и т. д., которые требуется разрешать сейчас же, во избежание немедленного прекращения всего производства. И как бы ни разрешались эти вопросы, решением ли делегата, поставленного во главе каждой отрасли труда, или, если это возможно, большинством голосов, воля отдельных лиц всегда должна подчиняться, а это означает, что вопросы будут разрешаться авторитарно. Механический автомат большой фабрики оказывается гораздо более деспотичным, чем были когда-либо мелкие капиталисты, на которых работают рабочие. По крайней мере, что касается часов труда, то над воротами этих фабрик можно написать: *Оставьте всякую автономию, вы, входящие сюда!* * Если человек наукой и творческим гением подчинил себе силы природы, то они ему мстят, подчиняя его самого, по-

* Энгельс перефразирует надпись над воротами ада из поэмы Данте «Божественная комедия. Ад», песнь III, строфа 3. *Ред.*

сколько он пользуется ими, настоящему деспотизму, независимо от какой-либо социальной организации. Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины, чтобы вернуться к прялке.

Возьмем другой пример — железную дорогу. Здесь также сотрудничество бесчисленного множества лиц безусловно необходимо; это сотрудничество должно осуществляться в точно установленные часы во избежание несчастных случаев. И здесь первым условием дела является господствующая воля, решающая всякий подчиненный вопрос, — представлена ли эта воля одним делегатом или целым комитетом, которому поручено выполнять постановления большинства заинтересованных лиц. И в том и в другом случае налицо резко выраженный авторитет. Мало того: что стало бы с первым же отправляемым поездом, если бы был уничтожен авторитет железнодорожных служащих по отношению к господам пассажирам?

Но как нельзя более очевидна необходимость авторитета — и притом авторитета самого властного — на судне в открытом море. Там в момент опасности жизнь всех зависит от немедленного и беспрекословного подчинения всех воле одного.

Если я выдвигаю эти аргументы против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: «Да! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы паделаем наших делегатов, а об известном поручении». Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя. Эти глубокие мыслители просто-напросто смеются над нами.

Итак, мы видели, что, с одной стороны, известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны, известное подчинение, независимо от какой бы то ни было общественной организации, обязательны для нас при тех материальных условиях, в которых происходит производство и обращение продуктов.

С другой стороны, мы видели, что с развитием крупной промышленности и крупного земледелия материальные условия производства и обращения неизбежно усложняются и стремятся ко все большему расширению сферы этого авторитета. Нелепо поэтому изображать

принцип авторитета абсолютно плохим, а принцип автономии — абсолютно хорошим. Авторитет и автономия вещи относительные, и область их применения меняется вместе с различными фазами общественного развития. Если бы автономисты хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столкнуться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова.

Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что политическое государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы авторитарное политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?

Итак: или — или. Или антиавторитаристы сами не знают, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют движению пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции.

Ф. Энгельс. Об авторитете (1872—1873) — т. 18, с. 302—305

[...] Когда исчезнет классовое господство, не будет государства в нынешнем политическом смысле слова [...]

К. Маркс. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» (1874—1875) — т. 18, с. 616

Выборы — политическая форма, даже в мельчайшей русской общине и артели. Характер выборов зависит не от этих названий, а от экономических основ, от экономических связей избирателей между собой, и с того момента, как функции эти перестали быть политическими, 1) не существует больше правительственных функций; 2) распределение общих функций приобретает деловой характер и не влечет за собой никакого господства; 3) выборы совершенно утратят свой нынешний политический характер.

К. Маркс. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» (1874—1875) — т. 18, с. 616

[...] *Общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления* *.

Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества.

К. Маркс. Критика Готской программы (1875) — т. 19, с. 17

Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно [...]

К. Маркс. Критика Готской программы (1875) — т. 19, с. 27

В 1816 г. Сен-Симон объявляет политику наукой о производстве и предсказывает полнейшее поглощение политики экономикой **. Если здесь понимание того, что

* Речь идет о распределении совокупного общественного продукта на первой фазе коммунистического общества. *Ред.*

** «Письма А. Сен-Симона к американцу» (письмо восьмое) (см.: *Saint-Simon H. L'Industrie. Paris, 1817*) (*Сен-Симон А. Промышленность. Париж, 1817*). *Ред.*

экономическое положение есть основа политических учреждений, выражено лишь в зародышевой форме, зато совершенно ясно высказана та мысль, что политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. мысль об отмене государства, о чем так много шумели в последнее время.

Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг* (1877) — т. 20, с. 270

Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. [...] Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы,— с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества,— является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*.

Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг* (1877) — т. 20, с. 291, 292

Маркс и я с 1845 г. держались того взгляда, что *одним* из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное отмирание и, в конечном счете, исчезновение политической организации, именуемой *государством*.

Ф. Энгельс — Ф. Ван-Паттену, 18 апреля 1883 г.— т. 36, с. 9

Читатель заметит, что во всех этих статьях, и особенно в этой последней, я везде называю себя не социал-демократом, а коммунистом. Это объясняется тем, что в те времена в различных странах социал-демократами называли себя такие люди, которые вовсе не писали на своем знамени лозунга о переходе всех средств производства в руки общества. [...] Для Маркса и для меня было поэтому абсолютно невозможно употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово может, пожалуй, сойти, хотя оно и остается неточным для такой партии, экономическая программа которой является не просто социалистической вообще, а прямо коммунистической,— для партии, политической конечная цель которой есть преодоление всего государства, а следовательно, также и демократии. Названия *действительных* политических партий, однако, никогда вполне не соответствуют им, партия развивается, название остается.

Ф. Энгельс. Предисловие к сборнику «Статьи на международные темы из газеты «Volkstaat» (1871—75)» (1894) — т. 22, с. 434—435

Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом,— пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства.

В. И. Ленин. О лозунге Соединенных Штатов Европы (1915) — т. 26, с. 354

[...] Демократия есть тоже форма государства, которая должна исчезнуть, когда исчезнет государство, но это будет лишь при переходе от окончательно победившего и упрочившегося социализма к полному коммунизму.

В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (1916) — т. 27, с. 253

[...] Демократия есть форма государства, которая тоже отомрет, когда отомрет государство. [...]

[...] Если нет государства, то нет и вопроса о его границах. Тогда не пужна и *вся* демократически-политическая программа. Республики тоже не будет, когда «отомрет» государство.

В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении (1916) — т. 30, с. 20

[...] Маркс говорит о «будущей государственности коммунистического общества»!!* И так, даже в «коммунистическом обществе» будет государственность!! Нет ли тут противоречия?

Нет:

государство нужно буржуазии	I — — в капиталистическом обществе государство в собственном смысле
государство нужно пролетариату	II — — переход (диктатура пролетариата): государство переходного типа (не государство в собственном смысле)
государство не нужно, оно отмирает	III — — коммунистическое общество: <i>отмирание</i> государства.

Полная последовательность и ясность!!

Иначе:

I — демократия только для богатых и для маленькой прослойки пролетариата. Бедным не до нее!	I — демократия лишь в виде исключения, никогда не полная...
II — демократия для бедных, для $\frac{9}{10}$ населения, подавление силой сопротивления богатых	II — демократия почти полная, ограниченная только <i>подавлением</i> сопротивления буржуазии
III — демократия полная, входящая в привычку и потому отмирающая, уступающая место принципу: «каждый по способностям, каждому по потребностям»	III — демократия действительно полная, входящая в привычку и <i>потому</i> отмирающая... Полная демократия равняется никакой демократии. Это не парадокс, а истина!

В. И. Ленин. *Марксизм о государстве* (1917) — т. 33, с. 179, 181

* См. наст. изд., с. 219. *Ред.*

Об «отмирании» и даже еще рельефнее и красочнее — о «засыпании» Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе *после* «взятия средств производства во владение государством от имени всего общества»*, т. е. *после* социалистической революции. Мы все знаем, что политической формой «государства» в это время является самая полная демократия. Но никому из оппортунистов, бесстыдно искажающих марксизм, не приходит в голову, что речь идет здесь, следовательно, у Энгельса, о «засыпании» и «отмирании» *демократии*. Это кажется на первый взгляд очень странным. Но «непонятно» это только для того, кто не вдумался, что демократия есть *то же* государство и что, следовательно, демократия тоже исчезнет, когда исчезнет государство. Буржуазное государство может «уничтожить» только революция. Государство вообще, т. е. самая полная демократия, может только «отмереть».

В. И. Ленин. *Государство и революция* (1917) — т. 33, с. 18—19

[...] Уничтожение государства есть уничтожение также и демократии [...] отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т. е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т. е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи

* См. наст. изд., с. 39. *Ред.*

с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общечеловечности *без насилия и без подчинения*.

Чтобы подчеркнуть этот элемент привычки, Энгельс и говорит о новом *поколении*, «выросшем в новых, свободных общественных условиях, которое окажется в состоянии совершенно выкинуть вон весь этот хлам государственности»*, — всякой государственности, в том числе и демократически-республиканской государственности.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 82—83

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т. е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), — *только* тогда исчезает государство и *можно говорить о свободе*. Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством.

Выражение «государство *отмирает*» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления*.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 201. *Ред.*

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою.

Другими словами: при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством. Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества.

Далее, при *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместно с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов — заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненужность государства, ибо *некого* подавлять, — «некого» в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и ни сколько не отрицаем возможности и неизбежности экс-

цессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут *отмирать*. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

В. И. Ленин. *Государство и революция* (1917) — т. 33, с. 89—91

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом,— с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство.

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туенядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма»,— тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 102

Товарищи, на Высший совет народного хозяйства легла теперь одна из трудных и одна из самых благодарных задач. Нет никакого сомнения, что чем дальше будут двигаться завоевания Октябрьской революции, чем глубже пойдет этот переворот, который начат ею, чем прочнее будут закладываться основы завоеваний социалистической революции и упрочение социалистического строя, тем больше, тем выше будет становиться роль советов народного хозяйства, которым предстоит одним только из всех государственных учреждений сохранить за собой прочное место, которое будет тем более прочно, чем ближе мы будем к установлению социалистического порядка, чем меньше будет надобности в аппарате чисто административном, в аппарате, ведающем собственно только управлением. Этому аппарату суждено, после того как сломлено будет окончательно сопротивление эксплуататоров, после того как трудящиеся научатся организовывать социалистическое производство,— этому аппарату управления в собственном, тесном, узком смысле слова, аппарату старого государства суждено умереть, а аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества.

В. И. Ленин. Речь на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства 26 мая 1918 г.— т. 36, с. 377—378

Управление людьми исчезнет и уступит место администрированию вещами лишь тогда, когда отомрет *всякое* государство.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 337—338

«Производственная демократия». Производство останется всегда, демократия пройдет, минет.

Производством будут управлять все, когда не будет демократии.

В. И. Ленин. Конспект речи «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого» (1920) — т. 42, с. 389

БЮРОКРАТИЗМ — АНТИПОД ДЕМОКРАТИИ

Бюрократия при абсолютной монархии и в буржуазном обществе
Критика отчуждения государства, исполнительной власти от общества
Бюрократия — противник гласности
Бюрократическая иерархия, формализм, волюнтаризм

Вы требуете скромности, а между тем вы исходите из чудовищной нескромности, объявляя отдельных чиновников людьми, читающими в сердцах, всеведущими, философами, теологами, политиками, ставя их рядом с Аполлоном Дельфийским. С одной стороны, вы вменяете нам в обязанность уважение к нескромности, а с другой стороны, запрещаете нам нескромность. Приписывать совершенство рода отдельным индивидам — это действительно нескромно. Цензор — отдельный индивид, печать же воплощает в себе родовое начало. Нам вы предписываете доверие и в то же время вы придаете недоверию силу закона. Вы такого высокого мнения о своих государственных учреждениях, что думаете, будто они делают слабого смертного, чиновника, святым и невозможное превращают для него в возможное. Но вы настолько не доверяете вашему государственному организму, что боитесь изолированного мнения частного лица, ибо на печать вы смотрите как на частное лицо. Чиновники, по вашему мнению, совершенно лишены личных мотивов, они-де будут действовать без злобы, страсти, ограниченности и человеческой слабости. А нечто безличное, *идеи*, вы заподозриваете в том, что они полны личных происков и субъективной низости. Инструкция требует неограниченного доверия к сословию чиновников и исходит из неограниченного недоверия к сословию не-чиновников. Но почему мы не должны платить равным за равное? Почему мы не должны считать подозрительным это именно сословие чиновников?

К. Маркс. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции (1842) —
т. 1, с. 17

[...] Частные лица, которые наблюдают действительную, достигшую крайней степени нищету [...] считают, что под влиянием односторонней и произвольно притянутой точки зрения *действительность* извращена. Они, следовательно, выступают против высокомерной бюрократии и

вскрывают противоречия между действительной картиной мира и той его картиной, которая складывается в бюрократических кашцеляриях; они противопоставляют доводам официальным такие доводы, которые почерпнуты из практической жизни. У них неизбежно возникает подозрение, что абсолютное игнорирование их заявлений, основанных на глубоком убеждении, подкрепленных очевидными фактами, — что это игнорирование вытекает из корыстного намерения, а именно, из намерения противопоставить рассудок бюрократа разуму гражданина. Они делают отсюда также и тот вывод, что сведущий чиновник, сталкивающийся в силу своей деятельности с условиями их жизни, не даст беспристрастной характеристики этих условий именно потому, что эти условия отчасти и были созданы им; с другой стороны, свободный от предвзятого мнения чиновник, который мог бы дать достаточно беспристрастную оценку положения, не обладает необходимым знанием дела. Но если чиновник бросает частным лицам упрек в том, что они свои частные дела возводят до уровня государственного интереса, то частные лица бросают чиновнику упрек, что он государственный интерес низводит до уровня своего личного дела, так что все прочие смертные оказываются устраненными от участия в государственной жизни. Поэтому даже ясная как день действительность кажется чиновнику иллюзорной по сравнению с действительностью, засвидетельствованной в актах, — следовательно в официальном, следовательно в государственном порядке, — а также по сравнению с той точкой зрения, которая опирается на эту официальную действительность. Частные лица упрекают чиновника в том, что он считает государством только свою непосредственную сферу деятельности, а весь тот мир, который лежит вне этой сферы деятельности, является для него только объектом государства, лишенным государственного образа мыслей и государственного разума. Когда, наконец, чиновник, в случае явного для всех бедствия, большую часть вины возлагает на частных лиц, которые будто бы сами являются причиной своих невзгод, — не позволяя, с другой стороны, подвергать сомнению совершенство тех принципов управления и тех установлений, которые сами представляют собой продукт бюрократического творчества, и не желая поступиться хоть каким-либо из них, — то в противовес этому частное лицо, знающее цену своему трудолюбию, своей бережливости и той тяжелой борьбе, которую ему приходится вести с природой и с со-

циальными отношениями, требует, чтобы чиновник, который один-де обладает властью творить государственную жизнь, устранил бы, в таком случае, его бедственное положение. А так как чиновник утверждает, что он способен исцелять любые недуги, то частные лица требуют, чтобы чиновник доказал это на деле и вывел их с помощью своих мероприятий из бедственного положения или, по крайней мере, признал, что учреждения, которые были целесообразны для определенного времени, являются непригодными в другое время, при совершенно изменившейся обстановке.

Тот же взгляд, будто начальство *все лучше знает*, и то же противопоставление администрации объекту ее управления существуют и внутри самого бюрократического мира. [...]

Чиновник думает, что вопрос о том, все ли обстоит благополучно в его крае, есть прежде всего вопрос о том, хорошо ли *он* управляет краем. Хороши ли вообще самые принципы управления и самые учреждения,— этот вопрос не входит в его компетенцию, об этом могут судить только *высшие* сферы, обладающие более всесторонними и более глубокими *знаниями об официальной* природе вещей, т. е. об их связи с государством в целом. В том, что *он сам* хорошо управляет, он может быть убежден добросовестнейшим образом. В силу всего этого он, с одной стороны, будет находить положение далеко не таким бедственным, а с другой стороны, если он даже и находит его бедственным, то будет искать причины этого *вне* сферы управления,— отчасти в явлениях природы, не зависящих от человеческой воли, отчасти в условиях частной жизни, не зависящих от администрации, отчасти в случайностях, ни от кого не зависящих.

Высшие административные коллегии должны, естественно, доверять *своим* чиновникам больше, чем управляемым ими лицам, у которых нельзя предположить равного официального разумения. Высшая коллегиальная инстанция имеет, кроме того, свои традиции. Она имеет также и в отношении примозельского края свои раз навсегда установленные положения, она имеет в кадастре официальную картину края, она располагает официальными данными о доходах и расходах; наряду с реальной действительностью высшая коллегиальная инстанция везде имеет перед собой *бюрократическую* действительность, которая сохраняет свой авторитет, как бы ни менялись времена.

К этому присоединяется еще следующее: оба эти обстоятельства, а именно закон бюрократической иерархии и теория, согласно которой граждане государства делятся на две категории — на категорию активных, сознательных граждан, которые управляют, и пассивных, несознательных граждан, которыми управляют,— оба эти обстоятельства взаимно дополняют друг друга. В силу того принципа, по которому сознательное и активное бытие государства воплощено в органах управления, всякий представитель власти будет рассматривать состояние какого-нибудь края,— поскольку речь идет о государственной стороне дела,— как результат деятельности своего предшественника. По закону иерархии, этот предшественник в большинстве случаев будет занимать к тому времени уже более высокий пост, а нередко явится даже непосредственным начальством своего преемника. Наконец, правительственная власть в том или ином округе руководствуется, с одной стороны, действительно государственным взглядом, что государство имеет законы, которые оно обязано проводить в жизнь вопреки всем частным интересам; с другой стороны, она, в качестве отдельной административной власти, призвана не создавать законы и установления, а только применять их. Администрация может поэтому пытаться реформировать не само управление, а только объекты управления. Она не может приспособить свои законы к особенностям примозельского края, она может только, *в пределах* установленных норм управления, пытаться способствовать благу этого края. *Чем усерднее и искреннее* поэтому какая-нибудь администрация стремится,— в пределах уже принятых, над ней самой властвующих принципов управления и установлений,— устранить то или иное *бедствие*, охватившее *целый край*; чем *упорнее* это бедствие не поддается воздействию, принимая, несмотря на *хорошее* управление, еще более широкие размеры,— тем *сильнее, искреннее и глубже* будет убеждение администрации, что недуг неисцелим, что управление, т. е. государство, ничего изменить не может, что всякое изменение должно, напротив, исходить от самих управляемых.

Но если низшие административные власти доверяют бюрократическому разумению вышестоящих, признающих общие принципы управления совершенными, и сами отвечают за добросовестное применение их в каждом отдельном случае,— то высшие административные власти непоколебимо уверены в правильности своих общих прин-

ципов и доверяют своим подчиненным органам в том, что те имеют правильное, вытекающее из их служебного опыта суждение о каждом случае в отдельности, о чем, впрочем, свидетельствуют вдобавок их служебные официальные донесения.

К. Маркс. *Оправдание мозельского корреспондента (1843)* — т. 1, с. 200—203

Каково же, следовательно, отношение органов управления к бедственному положению примозельского края? *Бедственное положение примозельского края* является одновременно и *бедственным положением управления*. *Постоянное бедственное положение* какой-нибудь части государства (а бедствие, которое подкралось почти незаметно больше десятилетия тому назад, которое, сначала исподволь, а потом с неудержимой силой, все больше приближалось к своему кульминационному пункту и которое неуклонно принимает все более грозные размеры,— может действительно быть названо *постоянным*),— такое постоянное бедственное положение вскрывает перед нами *противоречие между действительностью и принципами управления*; с другой стороны, не только народ, но и правительство видит в *благополучии* какого-нибудь края фактическое подтверждение методов управления. Однако административные власти, по своей *бюрократической* сущности, усматривают причины бедственного положения не в сфере *управления*, а в лежащей вне ее *природной* и *частно-гражданской* сфере. Административные власти, *при самых благих намерениях*, при самом большом усердии по части гуманности и при самом сильном интеллекте, не могут найти разрешение для коллизии, не являющейся чем-то мгновенным и преходящим,— для той постоянной коллизии, которая существует между действительностью и принципами управления. Да это и не входит в задачу административной власти; к тому же, даже при самых благих ее намерениях, для нее невозможно сломить силу этих *существенных отношений* или, если хотите, этого *рока**. Этими *существенными отношениями* являются *отношения бюрократические* как внутри самого организма управления, так и *между ним и управляемым организмом*.

К. Маркс. *Оправдание мозельского корреспондента (1843)* — т. 1, с. 205

* Игра слов.: «Verhältnis» — «отношение», «Verhängnis» — «рок». Ред.

«Бюрократия» есть «государственный формализм» гражданского общества. Она есть «сознание государства», «воля государства», «могущество государства», как *особая корпорация* («всеобщий интерес» может устоять, как «особый интерес», против особого интереса лишь до тех пор, пока особое, противопоставляя себя всеобщему, выступает в качестве «всеобщего». Бюрократия должна, таким образом, защищать *мнимую* всеобщность особого интереса, корпоративный дух, чтобы спасти *мнимую* особенность всеобщего интереса, свой собственный дух. Государство неизбежно остается корпорацией, пока корпорация стремится быть государством). Бюрократия составляет, следовательно, *особое, замкнутое* общество в государстве. [...]

«Государственный формализм», воплощенный в бюрократии, есть «государство как формализм», и в качестве такого формализма описал бюрократию Гегель. Так как этот «государственный формализм» конституирует себя как действительная сила и самого себя делает своим собственным *материальным* содержанием, то ясно само собой, что «бюрократия» представляет собой сплетение *практических* иллюзий, или что она есть «иллюзия государства»; дух бюрократии есть всецело дух иезуитства, дух теологии. Бюрократы — иезуиты государства и его теологи. Бюрократия есть *la république prêtre* *.

Так как бюрократия есть по своей *сущности* «государство как формализм», то она является таковым и по своей *цели*. Действительная цель государства представляется, таким образом, бюрократии *противогосударственной* целью. Дух бюрократии есть «формальный дух государства». Она превращает поэтому «формальный дух государства», или *действительное* бездушное государства, в категорический императив. Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с «реальными» целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных; низшие же круги

* — государство-священнослужитель. *Ред.*

доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение.

Бюрократия есть мнимое государство наряду с реальным государством, она есть спиритуализм государства. Всякая вещь поэтому приобретает двойственное значение: реальное и бюрократическое, равно как и знание (а также и воля) становится двойственным — реальным и бюрократическим. Но реальная сущность рассматривается бюрократией сквозь призму бюрократической сущности, сквозь призму потусторонней, спиритуалистической сущности. Бюрократия имеет в своем обладании государство, спиритуалистическую сущность общества: это есть ее *частная собственность*. Всеобщий дух бюрократии есть *тайна*, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляется поэтому бюрократии *предательством* по отношению к ее тайне. *Авторитет* есть поэтому принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть ее *образ мыслей*. Но в ее собственной среде *спиритуализм* превращается в *грубый материализм*, в материализм слепого подчинения, веры в авторитет, в *механизм* твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций. Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, в *погоню за чинами*, в *делание карьеры*. Во-первых, этот отдельный бюрократ рассматривает действительную жизнь как *материальную*, ибо *дух этой жизни имеет свое обособившееся существование* в бюрократии. Бюрократия поэтому должна стремиться к тому, чтобы сделать жизнь возможно более материальной. Во-вторых, эта действительная жизнь для самого бюрократа, — т. е. поскольку она становится объектом его бюрократической деятельности, — является материальной, ибо дух этой жизни ей предписан, ее цель лежит вне ее, ее бытие есть канцелярское бытие. Государство существует уже лишь в виде различных определенных бюрократических сил, связанных между собой посредством субординации и слепого подчинения. *Действительная наука* представляется бюрократу бессодержательной, как действительная жизнь — мертвой, ибо это мнимое знание и эта мнимая жизнь принимаются им за самую сущность. Бюрократ должен поэтому относиться

по-иезуитски к действительному государству, будет ли это иезуитство сознательным или бессознательным. Но, имея своей противоположностью знание, это иезуитство по необходимости должно также достигнуть самосознания и стать намеренным иезуитством.

Если бюрократия, с одной стороны, есть воплощение грубого материализма, то, с другой стороны, она обнаруживает свой столь же грубый спиритуализм в том, что хочет *все сотворить*, т. е. что она возводит *волю* в causa prima *, ибо ее существование находит свое выражение лишь в *деятельности*, содержание для которой бюрократия получает извне; следовательно, лишь формированием этого содержания, его ограничением она может доказать свое существование. Для бюрократа мир есть просто объект его деятельности.

Если Гегель называет правительственную власть *объективной* стороной присущего монарху суверенитета, то это верно в том смысле, в каком католическая церковь была *реальным наличным бытием* суверенитета святого триединства, его содержания и духа. В бюрократии тождество государственного интереса и особой частной цели выражено в такой форме, что *государственный интерес* становится *особой частной целью*, противостоящей другим частным целям.

Упразднение бюрократии возможно лишь при том условии, что всеобщий интерес становится особым интересом *в действительности*, а не только — как у Гегеля — в мысли, в *абстракции*; это, в свою очередь, возможно лишь при том условии, что *особый* интерес становится в действительности *всеобщим*. Гегель исходит из недействительной противоположности и приходит поэтому лишь к мнимому тождеству, которое на самом деле снова содержит в себе противоположность. Таким тождеством является бюрократия.

К. Маркс. К критике гегелевской философии права (1843) — т. 1, с. 270—273

В *правительственной власти* мы всегда имеем два момента: действительную деятельность и политическую мотивировку этой деятельности, выступающую в виде другого действительного сознания, которое в своем полном расчленении представляет собой бюрократию.

К. Маркс. К критике гегелевской философии права (1843) — т. 1, с. 359

* — первопричину. Ред.

Фабрикантам мешают с полной выгодой использовать их капиталы не только недостаточно высокие таможенные пошлины, но и *бюрократия*. Если в таможенном законодательстве они наталкиваются на равнодушие, то здесь, в своих взаимоотношениях с бюрократией, они наталкиваются на самую открытую враждебность со стороны правительства.

Бюрократия была создана для того, чтобы управлять мелкими буржуа и крестьянами. Эти классы расплывены в небольших городах или деревнях, интересы их не выходят за самые узкие местные рамки и поэтому им неизбежно свойственны ограниченный кругозор, соответствующий их ограниченному условиям жизни. Они не могут управлять большим государством, у них не может быть ни достаточного кругозора, ни достаточных знаний для того, чтобы согласовать друг с другом различные, взаимно сталкивающиеся интересы. А именно на *той* ступени развития цивилизации, к которой относится расцвет мелкой буржуазии, имеет место самое причудливое переплетение различных интересов (вспомним хотя бы о цехах и об их столкновениях). Таким образом, мелкие буржуа и крестьяне не могут обойтись без могущественной и многочисленной бюрократии. Они вынуждены допускать опеку над собой, чтобы избежать крайнего хаоса и разорения от сотен и тысяч процессов.

Но бюрократия, в которой нуждаются мелкие буржуа, вскоре становится невыносимыми оковами для буржуа. Уже при мануфактуре надзор со стороны чиновников и их вмешательство становятся очень стеснительными; фабричная промышленность едва возможна при таком надзоре. До сих пор немецкие фабриканты по мере возможности отделялись от бюрократии путем подкупа, чего им никак нельзя поставить в вину. Но это средство избавляет их лишь от незначительной части бремени; не говоря уже о невозможности подкупить *всех* чиновников, с которыми приходится соприкасаться фабриканту, подкуп не избавляет его от дополнительных издержек, от уплаты гонорара юристам, архитекторам, механикам и от иных расходов, вызываемых надзором, от непредвиденных работ и от простоев. И чем более развивается промышленность, тем больше появляется «верных долгу чиновников», т. е. таких, которые либо в силу одной лишь ограниченности, либо из бюрократической ненависти к буржуазии досаждают фабрикантам самыми назойливыми придирками.

Итак, буржуазия вынуждена сломить могущество этой надменной и придирчивой бюрократии. С того момента, как управление государством и законодательство переходят под контроль буржуазии, бюрократия перестает быть самостоятельной силой; именно с этого момента гонители буржуазии превращаются в ее покорных слуг. Прежние регламенты и рескрипты, служившие лишь для того, чтобы облегчить чиновникам их деятельность за счет промышленников-буржуа, уступают место новым регламентам, облегчающим деятельность промышленников за счет чиновников.

Буржуазия тем более вынуждена сделать это как можно скорее, что все ее фракции, как мы уже видели, непосредственно заинтересованы в наиболее быстром подъеме фабричной промышленности, а фабричная промышленность не может развиваться при режиме бюрократических придирок.

Ф. Энгельс. Конституционный вопрос в Германии (1847) — т. 4, с. 56—58.

Parcelные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. [...] Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов,—они образуют класс. Поскольку между parcelными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации,—они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом; стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние parcelного крестьянства в конечном счете выражается, стало

быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество. [...]

Налог — это источник жизни для бюрократии, армии, попов и двора — словом, для всего аппарата исполнительной власти. Сильное правительство и высокий налог — тождественные понятия. Парцельная собственность по своей природе представляет собой почву для всемогущей и бесчисленной бюрократии. Она создает одинаковый уровень отношений и лиц на всем протяжении страны. Она делает поэтому возможным равномерное воздействие на все части этой однообразной массы из одного высшего центра. Она уничтожает аристократические промежуточные ступени между народными массами и государственной властью. Она вызывает поэтому всестороннее прямое вмешательство этой государственной власти и проникновение всюду ее непосредственных органов. Она создает, наконец, незанятое избыточное население, не находящее себе места ни в деревне, ни в городе и поэтому хватающееся за государственные должности как за своего рода почетную милостыню, и заставляет увеличивать число государственных должностей.

*К. Маркс. Восемнадцатое брюмера
Луи Бонапарта (1852) — т. 8, с. 207,
208, 211—212*

Бюрократия есть только низшая и грубая форма централизации [...]

*К. Маркс. Восемнадцатое брюмера
Луи Бонапарта (1852) — т. 8, с. 606*

Из всех наций Европы Россия первая пробудилась от этой политической летаргии. Крымская война, хотя она и закончилась без сколько-нибудь существенной потери территории и даже — поскольку речь идет о Востоке — без ущерба для престижа, все же уязвила гордость России. Впервые ее заставили отказаться от принципа — никогда не уступать раз присоединенной к ней территории. Вся ее административная система в своей наилучшим образом организованной отрасли — в военной — потерпела полное банкротство и крушение. То дело, над которым Николай трудился дни и ночи в течение двадцати пяти лет, погребено под развалинами крепостных валов и бастионов Севастополя. Между тем при существовавших политических условиях в стране не была возможна никакая иная административная система, кроме исключительно господствовавшей в ней и доведенной

до предела бюрократической системы. Чтобы заложить основы более подходящей системы, Александр II вынужден был вновь обратиться к идее освобождения крепостных. Ему пришлось бороться с двумя грозными противниками: с дворянством и с той самой бюрократией, которую он возымел намерение реформировать вопреки ее собственному желанию и которая должна была в то же время служить орудием выполнения его планов. Ему негде было искать поддержки, кроме как в традиционной и пассивной покорности инертной массы русских крепостных и купцов, которые до сего времени лишены были даже права задумываться над своим политическим положением. Чтобы сделать их поддержку реальной, он должен был создать нечто вроде общественного мнения и хотя бы подобие прессы. В связи с этим была ослаблена цензура и предоставлена возможность для вежливой, благонамеренной и весьма почтительной в выражениях дискуссии; была разрешена даже легкая и учтивая критика действий чиновников. Существующая сейчас в России степень свободы дебатов считалась бы до смешного ничтожной в любой другой европейской стране, кроме Франции, но людям, знавшим николаевскую Россию, и это кажется огромным шагом вперед; в сочетании с теми трудностями, которые неизбежно возникнут в связи с отменой крепостного права, это пробуждение к политической жизни более образованных кругов русского общества полно добрых предзнаменований.

Ф. Энгельс. *Европа в 1858 году*
(1858) — т. 12, с. 672

Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, *над* обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового общества, им уже недостаточно, даже если бы они могли завоевать его; носители отчуждающейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они приобретают особую святость и неприкосновенность. Самый жалкий полицейский слугитель цивилизованного государства имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, кото-

рое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним.

Ф. Энгельс. *Происхождение семьи, частной собственности и государства* (1884) — т. 21, с. 171

Если Клемансо сдержит лишь половину своих обещаний, если он только *приступит* к уничтожению многочисленной французской бюрократии — это будет колоссальным прогрессом. [...] Полагать, что во Франции можно ввести англо-саксонское и в особенности американское местное самоуправление, не нарушив весь буржуазный режим, — это заблуждение.

Ф. Энгельс — Л. Лафарг, 23 июля 1885 г. — т. 36, с. 295

[...] Если рабочие, соединяясь вместе, оказываются в силах вынуждать уступки капиталистов, давать им отпор, то рабочие могли бы точно так же своим объединением влиять на государственные законы, добиваться их изменения. Так и поступают рабочие всех других стран, но русские рабочие не могут прямо влиять на государство. Рабочие поставлены в России в такие условия, при которых они лишены самых простых гражданских прав. Они не смеют ни собираться, ни обсуждать своих дел совместно, ни устраивать союзов, ни печатать свои заявления, другими словами — государственные законы не только составлены в интересах класса капиталистов, но они прямо лишают рабочих всякой возможности влиять на эти законы и добиться их изменения. Происходит это оттого, что в России (и только в одной России из всех европейских государств) сохраняется до сих пор неограниченная власть самодержавного правительства, то есть такое государственное устройство, при котором издавать законы, обязательные для всего народа, может один только царь по своему усмотрению, а исполнять эти законы могут одни только чиновники, назначаемые им. Граждане лишены всякого участия в издании законов, обсуждении их, предложении новых, требовании отмены старых. Они лишены всякого права требовать отчета от чиновников, проверять их действия, обвинять пред судом. Граждане лишены даже права обсуждать государственные дела: они не смеют устраивать собрания или союзы без разрешения тех же чиновников. Чиновники

являются, таким образом, в полном смысле слова безответственными; они составляют как бы особую касту, поставленную над гражданами. Безответственность и произвол чиновников и полная безгласность самого населения порождают такие вопиющие злоупотребления власти чиновников и такое нарушение прав простого народа, какое едва ли возможно в любой европейской стране.

В. И. Ленин. Проект и объяснение программы социал-демократической партии (1896) — т. 2, с. 99—100

Создавши сильный бюрократический противовес самоуправлению (т. е. обессилив самоуправление), можно больше «доверить» ему. Старая это песенка!

В. И. Ленин. Гонители земства и Анцибалы либерализма (1901) — т. 5, с. 51

[...] Если люди, исполняющие те или иные общественные функции, будут цениться не по своему служебному положению, а по своим знаниям и достоинствам, — то разве это не ведет логически неизбежно к свободе общественного мнения и общественного контроля, обсуждающего эти знания и эти достоинства? Разве это не подкапывает в корне те привилегии сословий и чинов, которыми только и держится самодержавная Россия?

В. И. Ленин. Внутреннее обозрение (1901) — т. 5, с. 328

Бюрократизм означает подчинение интересов *дела* интересам *карьеры*, обращение сугубого внимания на *местечки* и игнорирование работы, свалку за *кооптацию* вместо борьбы за *идеи*.

В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад (1904) — т. 8, с. 351

В России не было ни одной такой переписи, и, кроме земской статистики, исследовавшей по-европейски небольшие отдельные уголки народного хозяйства, у нас имеется лишь лживая, неряшливая, канцелярски-путаная статистика разных «ведомств», скорее заслуживающая названия полицейской отписки.

Российская бюрократия мешает русскому народу узнать всю правду о его положении.

В. И. Ленин. Предисловие к русскому изданию брошюры К. Каутского «Нет больше социал-демократии!» (1906) — т. 12, с. 354

Мысли великолепные, планы превосходные удушают сеть бюрократически мертвых учреждений.

В. И. Ленин. Борьба с разрухой
посредством умножения комиссий
(1917) — т. 32, с. 117

Маркс [...] учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину вот так-то, проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *замечание* практически-насуточных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем*, мы придем к полному разрушению бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет *массы* к новой жизни, поставит *большинство* населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять «государственные функции», а это приводит к *полному отмиранию* всякого государства вообще.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 117

Чтобы сделать что-либо серьезное, надо от бюрократии перейти, и действительно революционно перейти, к демократии.

В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться (1917) — т. 34, с. 170

АНТИДЕМОКРАТИЗМ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

Критика суеверного преклонения перед авторитетами
Противопоставление личностей массам

Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения,— будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц,— были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их

реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Рецензия на
книги А. Шеню и Л. Делаода (1850) —
т. 7, с. 280

С этим сбродом беллетристов все та же старая история: всегда им хочется, чтобы им курили фимиам в газетах, чтобы вечно о них твердили публике [...] А ведь мы, несчастные коммунисты, к сожалению, для этого совершенно не пригодны, и более того: мы видим насквозь все это жульничество, высмеиваем такого рода организацию *du succès* * и испытываем почти преступное отвращение к популярности.

Ф. Энгельс — Ж. Маркс, 22 декабря
1859 г. — т. 29, с. 522

Он ** ведет себя совсем как будущий рабочий диктатор, с важным видом разбрасывая вокруг себя заимствованные у нас фразы. Конфликт между заработной платой и капиталом он разрешает «шутя, легчайшим образом» (*verbotenus* ***). А именно: рабочие должны агитировать за *всеобщее избирательное право* и затем послать в парламент таких людей, как он, — «вооруженных холодным оружием науки». Затем они создадут для рабочих фабрики — капитал будет авансирован *государством*, — и эти заведения постепенно охватят всю страну. Как это поразительно ново!

К. Маркс — Ф. Энгельсу, 9 апреля
1863 г. — т. 30, с. 278

Прежде всего я хочу вкратце изложить Вам мое отношение к Лассалю. Во время его агитации наши отношения были прерваны: 1) вследствие его назойливого самохвальства, которое в то же время сочеталось у него с бесстыднейшим плагиатом моих и иных сочинений, 2) потому, что я *решиительно осудил* его *политическую тактику*, 3) потому, что здесь, в Лондоне, еще до начала его агитации я подробно разъяснил и «доказал» ему, что непосредственно *социалистическое* вмешательство «го-

* — успеха. *Ред.*

** — Ф. Лассаль. *Ред.*

*** — дословно. *Ред.*

сударства Пруссии» — это бессмыслица. В своих письмах ко мне (с 1848 по 1863 г.), как и при личных свиданиях со мной, он всегда объявлял себя сторонником представляемой мной партии. Но как только он убедился в Лондоне (в конце 1862 г.), что со мной ему не удастся вести свою игру, он решил выступить в качестве «рабочего диктатора» *против* меня и старой партии. Несмотря на все это, я признавал его агитационные заслуги, хотя к концу его короткой карьеры даже и эта агитация стала казаться мне все более и более двусмысленной. [...]

Для такой тщеславно-театральной природы, как Лассаль (которого, однако, нельзя было подкупить такими подачками, как должности, пост бургомистра и т. д.), очень соблазнительной была мысль о непосредственном подвиге в интересах пролетариата, совершенном Фердинандом Лассалем! Но на самом деле он был слишком невежествен относительно действительных экономических условий такого подвига, чтобы критически отнестись к самому себе! С другой стороны, вследствие подлой «реальной политики», в силу которой германская буржуазия терпела реакцию 1849—1859 гг. и оставалась простым зрителем одурачивания народа, германские рабочие были слишком «деморализованы», чтобы не приветствовать такого ярмарочного шарлатана-избавителя, который сулил одним прыжком перенести их в обетованную землю!

К. Маркс — Л. Кугельману, 23 февраля 1865 г. — т. 31, с. 380—382

В Берлине некий франкфуртский адвокат «фон Швейцер» основал газетку «Social-Demokrat» и пригласил нас сотрудничать в ней. Так как Либкнехт, который живет сейчас в Берлине, должен был войти в редакцию, мы приняли это предложение. Но, во-первых, эта газетка стала проповедовать невыносимый культ Лассалья, а мы тем временем узнали наверняка (старуха Гацфельдт рассказала об этом Либкнехту и призывала его действовать в том же духе), что Лассаль *гораздо теснее* был связан с Бисмарком, чем мы когда-либо подозревали. [...] Господа из «Social-Demokrat» *все это знали*, но, несмотря на это, все с большим и большим усердием проповедовали культ Лассалья.

Ф. Энгельс — И. Вейдмейеру, 10 марта 1865 г. — т. 31, с. 389—390

Чем ближе всматриваешься в детали лассалевской трагикомедии, тем больше выступает на первый план ее комическая сторона. Этот человек погиб из-за безудержного стремления все рассматривать сквозь призму собственной личности и непрерывного самолюбования. «Как я выгляжу?» — вечный припев.

*Ф. Энгельс — К. Марксу, 22 августа
1868 г. — т. 32, с. 113*

Закон пролетарского движения, видно, к сожалению, таков, что повсюду часть вождей рабочих неизбежно развращается, хотя это явление все же нигде не имеет такого всеобщего распространения, как в Германии благодаря усердию Лассалья.

*Ф. Энгельс — К. Марксу, 30 июля
1869 г. — т. 32, с. 284*

[...] Слово учителя, принимаемое как евангелие, лишь приносит вред партии, вынужденной прибегать к подобным средствам, чтобы избавиться от пропаганды, с которой она не может справиться иным путем.

*Ф. Энгельс. Рабочий съезд в Риме. —
Речи Бебеля в рейхстаге (1871) —
т. 44, с. 423*

[...] Вы дали себя втянуть в *тайное бакунистское общество Альянс**, которое, проповедуя непосвященным лицам под маской автономии, анархии и антиавторитаризма дезорганизацию Интернационала, по отношению к посвященным практикует абсолютный авторитаризм, чтобы таким образом захватить в свои руки руководство Товариществом; это общество, рассматривающее рабочие массы как стадо баранов, которые слепо следуют за несколькими посвященными руководителями, стремится играть в Интернационале роль иезуитов в католической церкви.

*Ф. Энгельс — К. Кафьеро, 14 июня
1872 г. — т. 33, с. 411—412*

Мы оба не дадим и ломаного гроша за популярность. Вот, например, доказательство: из отвращения ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочислен-

* — Международный альянс социалистической демократии. *Ред.*

ные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран,— я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов* произошло под тем неизменным условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами (Лассаль впоследствии поступал как раз наоборот).

К. Маркс — В. Блосу, 10 ноября
1877 г.— т. 34, с. 241

Сделайте одолжение, не называйте меня беспрестанно в газете «товарищем». Во-первых, я ненавижу всякие титулы, а так как во всей немецкой печати, той, с которой стоит считаться, людей называют без титула, просто по имени, если их не ругают, то и нам следовало бы этого придерживаться, кроме тех случаев, когда обозначение «товарищ» должно действительно сообщить читателю, что данное лицо принадлежит к партии. То, что уместно и принято на трибуне и в устных спорах, иной раз совершенно неприемлемо в печати.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну, 1 марта
1883 г.— т. 35, с. 371—372

Немцы все еще никак не могут привыкнуть, что ни одно лицо, занимающее высокое положение, не вправе претендовать на более нежное обращение с ним, чем другие люди.

Ф. Энгельс — Ф. А. Зорге, 8 апреля
1891 г.— т. 38, с. 63

В течение тринадцати лет господства закона против социалистов** не было, разумеется, никакой возможности внутри партии выступить против культа Лассалья. Но этому нужно было положить конец, и я взялся за это дело. Я не допущу больше, чтобы за счет Маркса поддерживали и снова возрождали ложную славу Лассалья. Людей, которые еще лично знали Лассалья и боготворили его, очень немного; всем остальным культ Лассалья привит искусственно, привит благодаря тому, что мы молчаливо терпели его вопреки нашим убеждениям, так что он не может быть даже оправдан личной привязанностью.

* — Союз коммунистов. *Ред.*

** Исключительный закон против социалистов 1878 г. *Ред.*

Интересы неискушенных и новых членов партии были в достаточной степени учтены, поскольку рукопись * была опубликована в «*Neue Zeit*». Но я вообще не могу согласиться с тем, чтобы — после пятнадцати лет терпеливейшего выжидания — историческая истина в подобных вопросах должна была отступить на задний план из соображений приличия и возможного недовольства внутри партии. То, что при этом каждый раз оказываются задетыми порядочные люди, — это неизбежно, равно как и то, что они в ответ начинают ворчать. И если после этого они заявляют, что Маркс-де завидовал Лассалю, а немецкие газеты и даже (!!) чикагская «*Vorbote*» (которая издается для большего количества специфических лассальянцев — в Чикаго, — чем их наберется во всей Германии) соглашаются с этим, то это беспокоит меня меньше, чем укусы блох. Нам бросали в лицо и не такие вещи, а мы, однако, переходили к очередным делам. Тем, что Маркс так сурово обошелся со святым Фердинандом Лассалем, подан пример, и этого пока достаточно.

И вот еще что: с тех пор как вы попытались насильно воспрепятствовать опубликованию статьи и направили в «*Neue Zeit*» предупреждение, что в случае повторения чего-либо подобного его придется, возможно, передать в ведение высшей партийной власти и подчинить цензуре, — с тех пор мероприятия партии по овладению всей вашей прессой поневоле представляются мне в своеобразном свете. Какая же разница между вами и Путткамером, если вы в своих собственных рядах вводите закон против социалистов? Меня лично это, собственно, мало затрагивает: никакая партия той или другой страны не может заставить меня молчать, если я решил говорить. Но мне хотелось бы навести вас на мысль, не лучше ли было бы вам быть несколько менее обидчивыми, а в своих поступках — несколько менее пруссаками. Вам, партии, *нужна* социалистическая наука, а она не может существовать без свободы развития. Тут уж приходится мириться со всякими неприятностями, и лучше всего делать это с достоинством, без нервозности. Даже легкая размолвка, не говоря уж о разрыве, между немецкой партией и немецкой социалистической наукой была бы ни с чем не сравнимым несчастьем и позором. Что Правление и лично ты сохраняете и должны сохранять значи-

* Имеется в виду работа К. Маркса «Критика Готской программы» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 9—32). *Ред.*

тельное *моральное* влияние на «Neue Zeit» и на все, что вообще печатается,— это само собой разумеется. Но этим вы должны и можете удовольствоваться. В «Vorwärts» постоянно похваляются неприкосновенностью свободы дискуссии, но она что-то не особенно заметна. Вы совершенно не представляете себе, какое странное впечатление производит эта склонность к насильственным мерам здесь, за границей, где люди привыкли видеть, как без стеснения привлекаются к ответу перед партией старейшие лидеры этой же партии (например, правительство тори — лордом Рандолфом Черчиллем). И затем вы не должны забывать о том, что в большой партии дисциплина ни в коем случае не может быть столь же суровой, как в маленькой секте, и что закон против социалистов, сплотивший воедино лассальянцев и эйзенхцев (правда, по мнению Либкнехта, это сделала его великолепная программа!) и вынуждавший к такому тесному сплочению, теперь уже более не существует.

Ф. Энгельс — А. Бебелю, 1—2 мая 1891 г.— т. 38, с. 76—78

И Маркс и я всегда были против всяких публичных демонстраций, посвященных отдельным лицам; это допустимо разве только в том случае, когда таким путем может быть достигнута какая-нибудь значительная цель; но больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас.

Ф. Энгельс — Певческому кружку лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих, 28 ноября 1891 г.— т. 22, с. 270

Дорогой Плеханов!

Прежде всего прошу Вас перестать величать меня «учителем». Меня зовут просто Энгельс.

Ф. Энгельс — Г. В. Плеханову, 21 мая 1894 г.— т. 39, с. 209

Мне, вероятно, придется что-нибудь предпринять, чтобы положить конец угрожающему росту моей популярности (которая раздувается этими людьми * не без известного расчета).

Ф. Энгельс — К. Каутскому, 23 сентября 1894 г.— т. 39, с. 252

* Речь идет о представителях буржуазной молодежи, примыкавших к Итальянской социалистической партии. *Ред.*

Фарисеи буржуазии любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна *правда* и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть.

В. И. Ленин. О демонстрации по поводу смерти Муромцева (1910) — т. 20, с. 8—9

Что касается до просьбы Исполнительного комитета «составить от моего личного имени» короткий доклад о разногласиях, то я, к великому сожалению, не могу исполнить Вашей просьбы.

Доклад подобного рода не может быть представлен «от моего личного имени», я не вправе этого сделать. Я уверен, кроме того, что для Исполнительного комитета МСБ важно вовсе не «мое личное» мнение, а мнение ЦК.

В. И. Ленин — К. Гюисмансу, 29 января 1914 г. — т. 48, с. 258

*Не стоит
о лицах.*

Дорогой товарищ Ленин!

...У меня имеется намерение написать небольшую работу: *руководители большевистской революции и строители Российской Советской республики*, которая будет содержать ряд образов людей, деятельность которых проявилась как в революции, так и в деле советского строительства. Надеюсь, что проект этот будет принят бюро III Интернационала, и в особенности надеюсь, что после его принятия он будет использован...

Примите, дорогой товарищ, мое братское рукопожатие.

Анри Гильбо

В. И. Ленин. Надпись на письме Анри Гильбо (1919) — т. 51, с. 358

Николаеву:

Привлечь к суду подателей за отправку приветственной телеграммы*.

В. И. Ленин — А. М. Николаеву, февраль, не ранее 26, 1920 г. — т. 51, с. 146

* Данная надпись сделана на телеграмме из Ишима, посланной 25 февраля 1920 г. «вне всякой очереди» председателем 1-й Ишимской уездной партийной конференции Сешенковым и секретарем Гуськовым с приветствием от имени конференции ЦК РКП(б), В. И. Ленину, Г. Е. Зиновьеву, Л. Д. Троцкому. *Ред.*

Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушания юбилейных речей. Я думаю, что, может быть, таким образом мы постепенно, не сразу, конечно, создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор и который иногда создавал повод к удивительно хорошим карикатурам. Вот одна из таких карикатур*, нарисованная выдающимся художником и посвященная подобному юбилею. Я ее получил сегодня вместе с чрезвычайно дружеским письмом, и так как товарищи были настолько любезны, что они от юбилейных речей избавили меня, я передаю эту карикатуру на рассмотрение всех с тем, чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств.

В. И. Ленин. Речь на собрании, организованном Московским комитетом РКП(б) в честь 50-летия В. И. Ленина, 23 апреля 1920 г.— т. 40, с. 325

Во-первых, Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что «Цека — это я». Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления. [...] По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК.

Зачем же так нервничать, что писать **совершенно невозможную, совершенно невозможную** фразу, будто Цека — это я. Это переутомление.

В. И. Ленин — А. А. Иоффе, 17 марта 1921 г.— т. 52, с. 100

* Ленин имеет в виду карикатуру известного карикатуриста Каррика, нарисованную в 1900 г. по случаю юбилея народника Н. К. Михайловского. Эта карикатура была прислана Ленину Е. Д. Стасовой в день его пятидесятилетия. На ней были изображены марксисты, пришедшие поздравить Михайловского, маленькими детьми. Посылая карикатуру Ленину, Стасова писала, что в день юбилея Михайловского партия была в детском возрасте, считалась единицами, а теперь она выросла, «и это дело Ваших рук, Вашего ума и таланта». *Ред.*

**ДЕМОКРАТИЯ
КАК ПРЕДПОСЫЛКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА.
БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЮ
И БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ**

Демократическая республика
как политическая предпосылка социалистической революции
Борьба за демократию и борьба за социализм
как этапы революционной борьбы рабочего класса
Приоритет борьбы за социализм
Последовательный демократизм как предпосылка
социального равенства и социальной справедливости

Ближайшим будущим Англии будет демократия.

Но какая демократия! Не демократия французской революции, противоположностью которой были монархия и феодализм, а *такая* демократия, противоположностью которой является буржуазия и собственность. Это доказывается всем предшествующим развитием. Буржуазия и собственность господствуют; бедняк бесправен, его угнетают и унижают, конституция его не признает, закон притесняет его; борьба демократии против аристократии в Англии есть борьба бедных против богатых. Демократия, навстречу которой идет Англия,— это *социальная* демократия.

Простая демократия неспособна исцелить социальные недуги. Демократическое равенство есть химера, борьба бедных против богатых не может быть завершена на почве демократии или политики вообще. И эта ступень есть, следовательно, только переход, последнее чисто политическое средство, которое еще следует испытать и из которого тотчас же должен развиваться новый элемент, принцип, выходящий за пределы существующей политики.

Этот принцип есть принцип социализма.

*Ф. Энгельс. Положение Англии (1844) —
т. I, с. 642*

Демократия в наши дни — это коммунизм. Какая-либо иная демократия может существовать еще только в головах теоретических ясновидцев, которым нет дела до действительных событий, для которых не люди и обстоятельства развивают принципы, а принципы развиваются сами собой. Демократия стала пролетарским принципом, принципом масс. Пусть массы не всегда ясно представляют себе это единственно правильное значение демократии, но для всех в понятии демократии заключено, хотя бы смутное, стремление к социальному равноправию. Подсчитывая боевые силы коммунизма, можно спокойно причислить к ним демократически настроенные массы. И когда пролетарские партии различных национальностей соединяются между собой, то они с полным правом пишут на своем знамени слово «демократия», ибо, за исключением таких демократов, которые в счет не идут, все европейские демократы 1846 г. являются более или менее сознательными коммунистами.

Ф. Энгельс. Празднество наций в Лондоне (1845) — т. 2, с. 589

Какова задача партийной прессы? Прежде всего вести дискуссии, обосновывать, развивать и защищать требования партии, отвергать и опровергать претензии и утверждения враждебной партии. Каковы задачи немецкой демократической прессы? Доказывать необходимость демократии, выводя это из негодности существующего образа правления, представляющего в той или иной мере интересы дворянства, из недостаточности конституционного строя, при котором власть перейдет в руки буржуазии, из невозможности для народа улучшить свое положение, пока он не обладает политической властью. Она должна, таким образом, выяснить причины того гнета, которому подвергаются пролетарии, мелкие крестьяне и городские мелкие буржуа — ибо они-то и составляют в Германии «народ» — со стороны бюрократии, дворянства и буржуазии; она должна выяснить, чем обусловлено возникновение не только политического, но прежде всего социального гнета, и при помощи каких средств он может быть устранен; она должна доказать, что завоевание политической власти пролетариями, мелкими крестьянами и городскими мелкими буржуа является первым условием для применения этих средств. Она, далее, должна исследовать, в какой мере можно рассчитывать на немедленное осуществление демократии, какие

средства находятся в распоряжении партии и к каким другим партиям она должна примкнуть, пока она еще слишком слаба, чтобы действовать самостоятельно.

Ф. Энгельс. Коммунисты и Карл Гейнцен (1847) — т. 4, с. 271—272

Коммунисты при современных условиях не только совершенно далски от того, чтобы начинать бесполезные споры с демократами, но скорее сами в данный момент выступают как демократы во всех практических партийных вопросах. Необходимым следствием демократии во всех цивилизованных странах является политическое господство пролетариата, а политическое господство пролетариата есть первая предпосылка всех коммунистических мероприятий. Пока, следовательно, демократия еще не завоевана, до тех пор коммунисты и демократы борются рука об руку, и интересы демократов являются также интересами и коммунистов. До этого момента разногласия между обеими партиями имеют чисто теоретический характер и прекрасным образом могут быть предметом теоретических дискуссий без всякого ущерба от этого для совместных действий. Можно будет даже столкнуться о некоторых мероприятиях, которые следовало бы провести немедленно после завоевания демократии в интересах донныне угнетенных классов, например, о переходе в ведение государства крупной промышленности, железных дорог, о воспитании всех детей на государственный счет и т. д.

Ф. Энгельс. Коммунисты и Карл Гейнцен (1847) — т. 4, с. 276

[...] Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии (1848) — т. 4, с. 446

Заставив временное правительство, а через его посредство всю Францию, принять республику, пролетариат сразу выступил на первый план как самостоятельная партия, но в то же время он вызвал на борьбу с собой всю буржуазную Францию. Он завоевал только почву для борьбы за свое революционное освобождение, а отнюдь не само это освобождение.

К. Маркс. Классовая борьба во Франции (1850) — т. 7, с. 14

Возмущение против диктатуры буржуазии, потребность в преобразовании общества, сохранение демократическо-республиканских учреждений как орудий этого преобразования, сплочение вокруг пролетариата как решающей революционной силы — вот общие черты, характеризующие так называемую партию социальной демократии, партию красной республики.

К. Маркс. Классовая борьба во Франции (1850) — т. 7, с. 89

Рабочий класс убедился на опыте, что никакое прочное улучшение его положения не может быть добыто для него другими, но что он сам должен добыть его, прежде всего посредством завоевания политической власти. Рабочие должны теперь понять, что им никогда не будет обеспечено улучшение их социального положения, пока они не добьются всеобщего избирательного права, которое даст им возможность провести рабочее большинство в палату общин.

Ф. Энгельс. Вопрос о десятичасовом рабочем дне (1850) — т. 7, с. 242—243

Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она идет вместе с ней против той фракции, к низвержению которой рабочая партия стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда мелкобуржуазная демократия хочет упрочить свое положение в своих собственных интересах.

Далекие от мысли произвести переворот во всем обществе в интересах революционных пролетариев, демократические мелкие буржуа стремятся к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более спосным и удобным существующее общество. Поэтому они требуют прежде всего сокращения государственных расходов путем ограничения бюрократии и переложения главных налогов на крупных землевладельцев и на буржуа. Далее, они требуют устранения давления крупного капитала на мелкий, добиваясь создания государственных кредитных учреждений и законов против ростовщичества, благодаря чему перед ними и крестьянами открылась бы возможность получать ссуды не от капиталистов, а от государства, и притом на льготных условиях; они добиваются затем установления буржуазных отношений собственности в деревне путем полного устранения феодализма. Чтобы

провести все это в жизнь, им необходимо демократическое, будь то конституционное или республиканское, государственное устройство, которое давало бы большинство им и их союзникам — крестьянам, и демократическое местное самоуправление, которое передало бы в их руки непосредственный контроль над общинной собственностью и ряд функций, которые в настоящее время выполняются бюрократами.

Далее, необходимо, по их мнению, противодействовать господству и быстрому росту капитала отчасти путем ограничения права наследования, отчасти же при помощи передачи возможно большего количества работ в руки государства. Что касается рабочих, то прежде всего несомненно, что они по-прежнему должны оставаться наемными рабочими, но при этом демократические мелкие буржуа хотят, чтобы рабочие имели лучший заработок и более обеспеченное существование; они надеются достигнуть этого отчасти предоставлением занятий со стороны государства, отчасти мерами благотворительности, — словом, они надеются подкупить рабочих более или менее замаскированными подачками и сломить их революционную силу временным улучшением их положения. Далеко не все фракции мелкобуржуазной демократии отстаивают все приведенные здесь ее требования, и только немногие из мелкобуржуазных демократов считают своей задачей добиваться этих требований во всей их совокупности. Чем дальше идут отдельные лица или фракции мелкобуржуазной демократии, тем большее количество этих требований они делают своими, а те немногие, которые в вышеизложенном видят свою собственную программу, пожалуй, могут вообразить, что это максимум того, чего вообще можно ожидать от революции. Но эти требования ни в коем случае не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие

производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества. [...]

Во время борьбы и после нее рабочие должны при каждом случае наряду с требованиями буржуазных демократов выставлять свои собственные требования. Они должны потребовать гарантий для рабочих, лишь только демократические буржуа приготовятся взять власть в свои руки. Если будет необходимо, они должны добиться этих гарантий силой и вообще позаботиться о том, чтобы новые правители обязались пойти на всевозможные уступки и обещания; это — самое верное средство их скомпрометировать. Они вообще должны всемерно и насколько возможно удерживать от опьянения победой и от восхищения новым положением, наступающим после всякой победоносной уличной борьбы, противопоставляя всему этому спокойное и хладнокровное понимание событий и нескрываемое недоверие к новому правительству. Наряду с новыми официальными правительствами они должны сейчас же учреждать собственные, революционные рабочие правительства, будь то в форме органов местного самоуправления, муниципальных советов, будь то через рабочие клубы или рабочие комитеты, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидали бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих.

*К. Маркс, Ф. Энгельс. Обращение
Центрального комитета к Союзу коммунистов (1850) — т. 7, с. 260—261,
263*

В то время как старое бюргерство было самым устойчивым, современная мелкая буржуазия является наиболее меняющимся классом общества; банкротство стало в ее среде постоянным явлением. Благодаря обладанию небольшим капиталом, она по своим жизненным условиям примыкает к буржуазии, по неустойчивости же своего существования — к положению пролетариата. Ее политическая позиция так же полна противоречий, как и ее общественное бытие; в общем же ее наиболее точным выражением является «чистая демократия». Ее по-

литическое призвание состоит в том, чтобы подталкивать вперед буржуазию в ее борьбе против остатков старого общества и в особенности против ее собственной слабости и трусости и помогать в завоевании таких свобод, как свобода печати, союзов и собраний, всеобщего избирательного права, местного самоуправления, без которых, несмотря на их буржуазную природу, трусливая буржуазия все же может обойтись, но без которых рабочие никогда не смогут завоевать себе освобождения.

Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия (1865) — т. 16, с. 68

Буржуазия не может завоевать своего политического господства, не может выразить это политическое господство в конституции и в законах без того, чтобы не дать в то же время оружия в руки пролетариата. Против старых сословий, различающихся по признаку происхождения, она должна начертать на своем знамени права человека; против цеховщины — свободу торговли и промыслов; против бюрократической опеки — свободу и самоуправление. Чтобы быть последовательной, она должна, стало быть, требовать всеобщего и прямого избирательного права, свободы печати, союзов, собраний и отмены всех исключительных законов против отдельных классов населения. Но это и все, чего пролетариат должен требовать от буржуазии. Он не может требовать, чтобы буржуазия перестала быть буржуазией, но он несомненно может требовать, чтобы она последовательно проводила свои собственные принципы. А вместе с этим пролетариат получает в руки и то оружие, которое ему необходимо для его окончательной победы. С помощью свободы печати, права собраний и союзов он завоевывает себе всеобщее избирательное право, с помощью же всеобщего и прямого избирательного права, в сочетании с указанными агитационными средствами, — все прочее. [...]

Даже в самом крайнем случае, когда буржуазия из страха перед рабочими спрячется за спину реакции и для защиты от рабочих будет взывать к силе враждебных ей элементов, — даже и тогда рабочей партии не останется ничего другого, как продолжать агитацию, которой буржуазия изменила, агитацию вопреки буржуазии за буржуазную свободу, свободу печати, за право собраний и союзов. Без этих свобод рабочая партия са-

ма не может получить свободу движения; борясь за них, она борется за условия своего собственного существования, за воздух, который ей нужен для дыхания.

Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия (1865) — т. 16, с. 76—78

Республика является только политической формой для развития мощи рабочего класса.

Запись речи К. Маркса о позиции английского рабочего класса во франко-прусской войне (1871) — т. 44, с. 529

Никакое республиканское движение не может развиваться в Англии, не перерастая в движение рабочего класса, и, раз такое движение возникает, то нужно также знать, как оно будет развиваться дальше. Прежде чем наши идеи могут осуществиться на практике, должна быть установлена республика. Мы должны наблюдать за республиканским движением, и членам Интернационала следует принимать в нем участие, стремясь дать ему нужное направление.

Запись речи Ф. Энгельса о республиканском движении в Англии (1871) — т. 17, с. 623

Политические свободы, право собраний и союзов, свобода печати — вот наше оружие; разве мы можем сложить руки и воздерживаться от политики, если это оружие хотят у нас отнять? Говорят, что всякое политическое действие равносильно признанию существующего порядка. Но раз этот порядок дает в наши руки средства для борьбы против него, то использование этих средств не означает признания существующего порядка.

Ф. Энгельс. О политическом действии рабочего класса (1871) — т. 17, с. 422

Отныне рабочий класс не может больше обманываться в отношении того, что представляет собой современная республика: это та форма государства, в которой господство буржуазии получает свое последнее, самое законченное выражение.

[...] Если современная республика является самой законченной формой буржуазного господства, то она вместе с тем есть та форма государства, в которой

классовая борьба освобождается от своих последних оков и в которой подготавливается арена для этой борьбы. [...] В том, что современная республика есть не что иное, как чисто подметенная арена для последней великой классовой битвы в мировой истории, именно в этом заключается ее огромное значение.

Ф. Энгельс. *Республика в Испании*
(1873) — т. 45, с. 117

Таким образом, если благоприятные условия и революционное прошлое помогли французам свергнуть Бонапарта* и установить буржуазную республику, то у французов имеется перед нами, еще не вышедшими из мешанины полуфеодализма и бонапартизма, то преимущественно, что они уже владеют той формой, в которой борьба должна быть доведена до решительного конца и которую нам еще только предстоит *завоевать*. Они обогнали нас политически на целый этап. Таким образом, в результате монархической реставрации во Франции борьба за восстановление *буржуазной* республики снова стала бы в порядок дня, в то время как сохранение республики означает возрастающее обострение *прямой*, неприкрытой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией вплоть до кризиса.

И у нас тоже первым, непосредственным результатом революции может и *должно* быть, по *форме*, не что иное, как *буржуазная* республика. Но тут это будет лишь коротким переходным моментом, так как, к счастью, у нас нет чисто республиканской буржуазной партии. Буржуазная республика, быть может с партией прогрессистов во главе, послужит нам прежде всего *для привлечения широких масс рабочих на сторону революционного социализма*; это будет проделано в течение одного-двух лет и приведет к полному истощению и самоуничтожению всех еще возможных, за исключением нас, промежуточных партий. Лишь тогда мы сможем с успехом прийти к власти.

Грубая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе, будто революцию можно сделать в один день. На самом же деле она представляет собой многолетний процесс развития масс в условиях, которые способствуют его ускорению. Каждая революция, которая совершалась в один день, либо только устранила

* — Наполеона III. *Ред.*

заранее обреченную на гибель реакцию (1830 г.), либо приводила к результатам, прямо противоположным поставленной цели (1848 г., Франция).

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну, 27 августа 1883 г. — т. 36, с. 48—49

Это понятие * изменяется всякий раз с изменением понятия демос и поэтому не продвигает нас ни на шаг вперед. По-моему, надо было сказать следующее: пролетариату для овладения политической властью также нужны демократические *формы*, но они для него, как и все политические формы, только средство. Если же кто-либо теперь стремится к демократии как к *цели*, то он должен опираться на крестьян и мелких буржуа, то есть на классы, которые обречены на гибель и, поскольку они хотят искусственно сохранить себя, являются *реакционными* по отношению к пролетариату. Далее, не следует забывать, что *последовательной* формой господства буржуазии является именно демократическая республика, которая, правда, сделалась слишком опасной вследствие уже достигнутой пролетариатом ступени развития, но, как показывает пример Франции и Америки, она все еще возможна как прямое господство буржуазии. «Принцип» либерализма, как «определенный, исторически сложившийся», является, таким образом, в сущности лишь непоследовательностью; либеральная конституционная монархия является адекватной формой господства буржуазии: 1) вначале, когда буржуазия еще не вполне справилась с абсолютной монархией, и 2) в конце, когда пролетариат делает демократическую республику слишком уж опасной. И все же демократическая республика всегда останется *последней* формой господства буржуазии — той формой, в которой ему приходит конец.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну, 24 марта 1884 г. — т. 36, с. 112—113

Высшая форма государства, демократическая республика, становящаяся в наших современных общественных условиях все более и более неизбежной необходимостью и представляющая собой форму государства, в которой только и может быть доведена до конца последняя решительная борьба между пролетариатом и

* — демократия. Ред.

буржуазией,— эта демократическая республика официально ничего не знает о различиях по богатству. [...] До тех пор пока угнетенный класс — в данном случае, следовательно, пролетариат — еще не созрел для освобождения самого себя, он будет в большинстве своем признавать существующий общественный порядок единственно возможным и политически будет идти в хвосте класса капиталистов, составлять его крайнее левое крыло. Но, по мере того как он созревает для своего самоосвобождения, он конституируется в собственную партию, избирает своих собственных представителей, а не представителей капиталистов. Всеобщее избирательное право — показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве; но и этого достаточно. В тот день, когда термометр всеобщего избирательного права будет показывать точку кипения у рабочих, они, как и капиталисты, будут знать, что делать.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства (1884) — т. 21, с. 172—173

Можно себе представить, что старое общество могло бы мирно впасть в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия, где предстоящее отречение династии за денежное вознаграждение ежедневно обсуждается в печати и где эта династия бессильна против воли народа. [...]

Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция. [...]

Впрочем, вопрос о республике можно, в крайнем случае, обойти. Но что на мой взгляд следует и можно включить в программу, это — требование *сосредоточения всей политической власти в руках народного представительства.*

Ф. Энгельс. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года (1891) — т. 22, с. 236—237, 238

Маркс и я в течение сорока лет без конца твердили, что для нас демократическая республика является единственной политической формой, при которой борьба между рабочим классом и классом капиталистов может сначала приобрести всеобщий характер и затем завершиться решительной победой пролетариата.

Ф. Энгельс. Ответ достопочтенному Джованни Бовио (1892) — т. 22, с. 287

[...] Буржуазная республика, говорил Маркс, есть политическая форма, в которой борьба между пролетариатом и буржуазией только и может найти свое разрешение.

Ф. Энгельс. Будущая итальянская революция и социалистическая партия (1894) — т. 22, с. 459

Республика по отношению к пролетариату отличается от монархии только тем, что она является *готовой* политической формой для будущего господства пролетариата. [...] Но республика, как всякая другая форма правления, определяется своим содержанием; пока она является формой господства *буржуазии*, она так же враждебна нам, как любая монархия (если отвлечься от *форм* проявления этой враждебности). Таким образом, принимать ее за форму по существу социалистическую или доверять ей, пока она во власти буржуазии, социалистические задачи — это ничем не обоснованная иллюзия. Мы сможем вырвать у нее уступки, но никогда не возложим на нее осуществление наших собственных задач; разве только если бы мы могли контролировать ее меньшинством, настолько сильным, что оно в любой день могло бы превратиться в большинство.

Ф. Энгельс — П. Лафаргу, 6 марта 1894 г. — т. 39, с. 184

Уже «Коммунистический манифест» провозгласил завоевание всеобщего избирательного права, завоевание демократии, одной из первых и важнейших задач борющегося пролетариата* [...] И если бы даже всеобщее избирательное право не давало никакой другой выгоды,

* См. наст. изд., с. 72. *Ред.*

кроме той, что оно позволило нам через каждые три года производить подсчет наших сил; что благодаря регулярно отмечавшемуся неожиданно быстрому росту числа голосов оно одинаково усиливало как уверенность рабочих в победе, так и страх врагов, став, таким образом, нашим лучшим средством пропаганды; что оно доставляло нам точные сведения о наших собственных силах и о силах всех партий наших противников и тем самым давало ни с чем не сравнимый масштаб для расчета наших действий, предохраняя нас как от несвоевременной нерешительности, так и от несвоевременной безрассудной смелости,— если бы это было единственной выгодой, какую давало нам право голоса, то и этого было бы уже более чем достаточно. Но оно дало гораздо больше. Во время предвыборной агитации это право дало нам наилучшее средство войти в соприкосновение с народными массами там, где они еще были далеки от нас, и вынудить все партии защищать свои взгляды и действия от наших атак перед всем народом; кроме того, в рейхстаге оно предоставило нашим представителям трибуну, с которой они могли гораздо более авторитетно и более свободно, чем в печати и на собраниях, обращаться как к своим противникам в парламенте, так и к массам за его стенами. Что толку было для правительства и буржуазии в их законе против социалистов, если предвыборная агитация и социалистические речи в рейхстаге беспрестанно пробивали в нем бреши?

Но вместе с этим успешным использованием всеобщего избирательного права стал применяться совершенно новый способ борьбы пролетариата, и он быстро получил дальнейшее развитие. Нашли, что государственные учреждения, при помощи которых буржуазия организует свое господство, открывают и другие возможности для борьбы рабочего класса против этих самых учреждений. Рабочие стали принимать участие в выборах в ландтаги отдельных государств, в муниципалитеты, промысловые суды, стали оспаривать у буржуазии каждую выборную должность, если при замещении ее в голосовании участвовало достаточное количество рабочих голосов. И вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах,— чем успехов восстания.

*Ф. Энгельс. Введение к работе
К. Маркса «Классовая борьба во
Франции» (1895) — т. 22, с. 539—540*

И социал-демократы безусловно примыкают к требованию полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления.

Вообще, русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим, следует именовать себя **СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ** и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности **ДЕМОКРАТИЗМА** [...].

[...] И потому борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений — прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы, не опуская ни на минуту в то же время внушать ему, что борьба против всех этих учреждений необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление общедемократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся — чисто демократическим по своей природе учреждением, *капиталом*, который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения.

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (1894) — т. 1, с. 300—302

На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к ПЕДЕНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.*

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (1894) — т. 1, с. 311—312

Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами. Оба они сделались социалистами из *демократов*, и демократическое чувство *ненависти* к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вместе с глубоким теоретическим пониманием связи политического произвола с экономическим угнетением, а также богатый жизненный опыт сделали Маркса и Энгельса необычайно чуткими именно в *политическом* отношении. Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отклик. Наоборот, поползновение ради мнимых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важной задачи русских социалистов — завоевания политической свободы — естественно, являлось в их глазах подозрительным и даже прямо считалось ими изменой великому делу социальной революции. «Освобождение пролетариата должно быть его собственным делом», — вот чему постоянно учили Маркс и Энгельс *. А для того, чтобы бороться за свое экономическое освобождение, пролетариат должен завоевать себе известные *политические* права. Кроме того, и Маркс и Энгельс ясно видели, что и для западноевропейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение. [...] Вот почему Энгельс и для успехов рабочего движения на Западе горячо желал водворения в России политической свободы. Русские революционеры потеряли в нем своего лучшего друга.

В. И. Ленин. *Фридрих Энгельс (1895)* —
т. 2, с. 13—14

[...] Русская социал-демократическая партия требует прежде всего:

1. Созвания Земского собора из представителей всех граждан для выработки конституции.

2. Всеобщего и прямого избирательного права для всех русских граждан, достигших 21 года, без различия вероисповедания и национальности.

3. Свободы собраний, союзов и стачек.

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 12. Ред.

4. Свободы печати.

5. Уничтожения сословий и полного равенства всех граждан перед законом.

6. Свободы вероисповедания и равноправности всех национальностей. Передачи ведения метрик в руки самостоятельных гражданских чиновников, независимых от полиции.

7. Предоставления каждому гражданину права преследовать всякого чиновника пред судом, без жалобы по начальству.

8. Отмены паспортов, полной свободы передвижений и переселений.

9. Свободы промыслов и занятий и уничтожения цехов.

В. И. Ленин. Проект и объяснение программы социал-демократической партии (1895) — т. 2, с. 85

Переходим к *демократическим* задачам и к демократической работе социал-демократов. Повторяем еще раз, что эта работа *неразрывно* связывается с социалистической. *Пропагандируя* среди рабочих, социал-демократы *не могут* обходить вопросы политические и сочли бы всякую попытку обойти их или даже отодвинуть — глубокой ошибкой и отступлением от основных положений всемирного социал-демократизма. Наряду с пропагандой научного социализма русские социал-демократы ставят своей задачей пропаганду в рабочих массах и *демократических идей*, они стараются распространять понятие об абсолютизме во всех проявлениях его деятельности, о его классовом содержании, о необходимости свержения его, о невозможности успешной борьбы за рабочее дело без достижения политической свободы и демократизации политического и общественного строя России.

В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов (1897) — т. 2, с. 450

[...] *Только* в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму *не безусловна*, демократизм их всегда оглядывается назад. Буржуазия не может не сознавать задержку промышленного и общественного развития абсолютизмом, но она боится полной демократизации политического и общественного строя и всегда может вступить в союз с абсолютизмом против

пролетариата. Мелкая буржуазия двулична по самой своей природе, и, тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать историю [...]

Только один пролетариат может быть — и, по своему классовому положению, не может не быть — последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-1-х, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение. А во-2-х, только пролетариат способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих. Вот почему *слияние* демократической деятельности рабочего класса с демократизмом остальных классов и групп *ослабило* бы силу демократического движения, *ослабило* бы политическую борьбу, сделало бы ее менее решительной, менее последовательной, более способной на компромиссы. Наоборот, *выделение* рабочего класса, как передового борца за демократические учреждения, *усилит* демократическое движение, *усилит* борьбу за политическую свободу, ибо рабочий класс будет *подталкивать* все остальные демократические и политически оппозиционные элементы [...] Мы сказали выше, что все *социалисты* в России должны стать *социал-демократами*. Мы добавляем теперь: все истинные и последовательные *демократы* в России должны стать *социал-демократами*.

Поясним нашу мысль примером. Возьмем учреждение чиновничества, бюрократии, как особого слоя лиц, специализировавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом. Начиная от абсолютистской, полуазиатской России до культурной, свободной и цивилизованной Англии, мы везде видим это учреждение, составляющее необходимый орган буржуазного общества. Отсталости России и ее абсолютизму соответствует *полное бесправие* народа перед чиновничеством, *полная* бесконтрольность привилегированной бюрократии. В Англии есть могучий контроль

народа над управлением, но и там этот контроль *далеко не полон*, и там бюрократия сохраняет не мало привилегий, является нередко господином, а не слугой народа. И в Англии мы видим, что сильные общественные группы поддерживают привилегированное положение бюрократии, препятствуют полной демократизации этого учреждения. Отчего это? Оттого, что *полная* демократизация его лежит в интересах одного лишь пролетариата: самые передовые слои буржуазии защищают некоторые прерогативы чиновничества, восстают против выборности всех чиновников, против совершенной отмены ценза, против непосредственной ответственности чиновников перед народом и т. п., ибо эти слои чувствуют, что подобной окончательной демократизацией воспользуется пролетариат *против* буржуазии. Так и в России. Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества восстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа. Но кроме пролетариата *ни один* из этих слоев не допустил бы полной демократизации чиновничества, потому что у всех других слоев (буржуазии, мелкой буржуазии, «интеллигенции» вообще) есть нити, связывающие его с чиновничеством, потому что все эти слои — *родня* русскому чиновничеству. Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигент-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства, — чиновника, утешающегося тем, что он приносит «пользу» в пределах канцелярской рутины, — чиновника, оправдывающего этой «пользой» свой политический индифферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и нагайки? Только *пролетариат* безусловно враждебен абсолютизму и русскому чиновничеству, только у *пролетариата* нет никаких нитей, связывающих его с этими органами дворянско-буржуазного общества, только пролетариат способен на непримиримую вражду и решительную борьбу с ними.

[...] Соединение экономических и политических вопросов, социалистической и демократической деятельности в одно целое, в единую *классовую борьбу пролетариата* не ослабляет, а усиливает демократическое движение и политическую борьбу, приближая ее к реальным интересам народных масс [...]

В. И. Ленин. *Задачи русских социал-демократов (1897)* — т. 2, с. 454—457

Всякая экономическая борьба необходимо превращается в политическую, и социал-демократия должна неразрывно связать и ту и другую в *единую классовую борьбу пролетариата*. Первой и главной целью такой борьбы должно быть завоевание политических прав, *завоевание политической свободы*. [...]

Но в политической борьбе рабочие не стоят одиноко. [...] Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию, и тогда она станет непобедимой!

В. И. Ленин. Наша программа (1899) — т. 4, с. 186

Признание борьбы против самодержавия за политические свободы — первой политической задачей рабочей партии особенно необходимо, но для пояснения этой задачи следует, по нашему мнению, охарактеризовать классовый характер современного русского абсолютизма и необходимость ниспровержения его не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития. Такое указание необходимо и в теоретическом отношении, ибо, с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения; — и в практическом отношении, чтобы охарактеризовать центральный пункт, к которому должна сводиться и около которого должна группироваться вся разнообразная деятельность социал-демократии, состоящая в пропаганде, агитации и организации.

В. И. Ленин. Проект программы нашей партии (1899) — т. 4, с. 220

Переходим к практической части программы. Эта часть распадается, по нашему мнению, если не по изложению, то по существу дела, на три отдела: 1) требования общедемократических преобразований [...] По первому отделу вряд ли есть надобность в существенных изменениях «проекта программы» группы «Освобождение труда», требующего 1) всеобщего избирательного права; 2) жалованья представителям; 3) всеобщего, светского, дарового и обязательного образования и пр.; 4) неприкосновенности личности и жилища граждан;

5) неограниченной свободы совести, слова, собраний и пр. (сюда следовало бы, пожалуй, специально добавить: свободы стачек); 6) свободы передвижений и занятий [сюда следовало бы, может быть, добавить: «свободы переселений» и «полной отмены паспортов»]; 7) полной равноправности всех граждан и пр.; 8) замены постоянного войска всеобщим вооружением народа; 9) «пересмотра всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, не совместимых с достоинством человека». Сюда следовало бы добавить: «установление полного равенства прав женщин с мужчиной». К этому же отделу должно присоединиться требование финансовых реформ, формулированное в программе группы «Освобождение труда» в числе требований, которые «выдвинет рабочая партия, опираясь на эти основные политические права» — «устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога». Наконец, здесь же следовало бы еще быть требованию «выбора чиновников народом; предоставления каждому гражданину права преследовать судом всякого чиновника, без жалобы по начальству».

В. И. Ленин. Проект программы нашей партии (1899) — т. 4, с. 224—225

Почему ниспровержение самодержавия должно быть первой задачей русского рабочего класса? Потому, что при самодержавии рабочий класс не может широко развить своей борьбы, не может завоевать себе никаких прочных позиций ни в экономической, ни в политической области, не может создать прочных, массовых организаций, развернуть пред всеми трудящимися массами знамя социальной революции и научить их бороться за нее. Только при политической свободе возможна решительная борьба всего рабочего класса против класса буржуазии, и конечная цель этой борьбы состоит в том, чтобы пролетариат завоевал политическую власть и организовал социалистическое общество. [...] Русские социал-демократы всегда говорили, что только при политической свободе, при широкой и массовой борьбе русский рабочий класс сумеет выработать организации для этой окончательной победы социализма.

В. И. Ленин. Пятое направление в русской социал-демократии (1899) — т. 4, с. 252—253

[...] Признавая в русском рабочем классе и в русской социал-демократии передового борца за демократию, за политическую свободу, мы считаем необходимым стремиться к тому, чтобы сделать наши органы *общедемократическими* органами,— не в том смысле, чтобы мы хоть на минуту соглашались забыть о классовом антагонизме между пролетариатом и другими классами, не в том смысле, чтобы мы допускали хоть малейшее затушевывание классовой борьбы,— нет, а в том смысле, чтобы мы выдвигали и обсуждали *все* демократические вопросы, не ограничиваясь одними узкопролетарскими вопросами, выдвигали и обсуждали все случаи и проявления политического гнета, показывали связь между рабочим движением и политической борьбой во всех ее формах, привлекали всех честных борцов против самодержавия, каких бы взглядов они ни были, к каким бы классам они ни принадлежали, привлекали их к поддержке рабочего класса, как единственной революционной и бесповоротно враждебной абсолютизму силы. Поэтому, обращаясь прежде всего к русским социалистам и сознательным рабочим, мы не хотим ограничиться исключительно ими. Мы призываем также и всех, кого давит и гнетет современный политический строй России, кто стремится к освобождению русского народа от его политического рабства, мы призываем их к поддержке изданий, которые посвящают свои силы организации рабочего движения в революционную политическую партию, мы предлагаем им страницы наших органов для разоблачения всех гнусностей и преступлений русского самодержавия. Мы делаем этот призыв, убежденные в том, что знамя политической борьбы, поднимаемое русской социал-демократией, может и должно стать общенародным знаменем.

В. И. Ленин. Проект заявления редакции «Искры» и «Зари» (1900) — т. 4, с. 331—332

[...] Мы обязаны [...] *пред всем народом* излагать и подчеркивать *общедемократические задачи*, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть *впереди всех* в постановке, обострении и разрешении *всякого* общедемократического вопроса.

В. И. Ленин. Что делать? (1902) — т. 6, с. 83

[...] Если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы сильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои. Мы должны выработать из практиков социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы, умели в нужную минуту «продиктовать положительную программу действий» и волнующимся студентам, и недовольным земцам, и возмущенным сектантам, и обиженным народным учителям, и проч., и проч.

В. И. Ленин. *Что делать?* (1902) — т. 6, с. 86

[...] Социал-демократия представляет интересы не только рабочего класса, а *всего* общественного развития.

В. И. Ленин. *Замечания на второй проект программы Плеханова* [Материалы к выработке программы РСДРП] (1902) — т. 6, с. 235

Что касается политической борьбы в особенности, то именно «классовая точка зрения» требует, чтобы пролетариат *подталкивал* вперед всякое демократическое движение. Рабочая демократия своими политическими требованиями не принципиально, а только по степени отличается от буржуазной демократии. В борьбе за экономическое освобождение, за социалистическую революцию, пролетариат стоит на принципиально ином базисе и стоит одиноко [...] В борьбе же за политическое освобождение у нас много союзников, безучастно относиться к которым непозволительно.

В. И. Ленин. *Политическая агитация и «классовая точка зрения»* (1902) — т. 6, с. 269—270

Нам нужно шире распространить идею, что только в республике может произойти решительная битва между пролетариатом и буржуазией, нам нужно *создать* * и

* Мы говорим: «создать», ибо старые русские революционеры никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике,

упрочить республиканскую традицию среди всех русских революционеров и среди возможно более широких масс русских рабочих, нам нужно выразить этим лозунгом: «республика», что в борьбе за демократизацию государственного строя мы пойдем до конца, без оглядки назад [...]

В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии (1902) — т. 6, с. 319

[...] Мы остаемся социал-демократами и при решении общедемократических политических задач.

В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии (1902) — т. 6, с. 322

[...] Отмены всех учреждений, противоречащих демократизму, мы будем добиваться безусловно, *какое бы влияние эта отмена ни оказала* [...] в этом наше коренное отличие от явных и тайных, последовательных и непоследовательных, робких и смелых народников, которые, с одной стороны, являются, «конечно», демократами, а с другой стороны, боятся определить решительно и недвусмысленно свое отношение к таким элементарно демократическим требованиям, как *полная* свобода передвижения, *полное* уничтожение сословности крестьянской общины, а *следовательно*, и полная отмена круговой поруки, отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель [...].

Нам возразят: именно последняя мера, освящающая индивидуальную волю каждого отдельного крестьянина, и разрушает общину не только как систему переделов и т. п., а прямо даже как товарищеский соседский союз. Каждый отдельный крестьянин, вопреки воле большинства, вправе будет потребовать выдела его земли в особый участок. Не противоречит ли это общей тенденции всех социалистов содействовать расширению, а не сужению прав коллективности по отношению к индивидууму? [...]

Что же касается до расширения прав коллективности

никогда не считали его «практическим» вопросом,— народники, бунтари и пр. потому, что с пренебрежением анархистов относились к политике, народовольцы потому, что хотели прыгнуть прямо от самодержавия к социалистической революции. На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров.

по отношению к индивидууму, то социалисты защищают его только тогда, когда это расширение лежит в интересах технического и социального прогресса [...].

*В. И. Ленин. Аграрная программа
русской социал-демократии (1902) —
т. 6, с. 344—346*

Классовый характер нашей *политической* программы и *политических* требований выражается именно в полноте и последовательности демократизма.

*В. И. Ленин. Письмо «Северному
союзу РСДРП» (1902) — т. 6, с. 364*

Русские социал-демократы добиваются прежде всего *политической свободы*. А свобода нужна им для широкого, открытого соединения всех русских рабочих в борьбе за новое, лучшее социалистическое устройство общества.

Что такое политическая свобода? [...]

Политическая свобода означает свободу народа распоряжаться своими общенародными, государственными делами. Политическая свобода означает право народа выбирать своих гласных (депутатов) в Государственную думу (парламент). Все законы должны обсуждаться и издаваться, все налоги и подати назначаться только этой выбранной самим народом Государственной думой (парламентом). Политическая свобода означает право народа самому выбирать себе всех чиновников, устраивать всякие сходки для обсуждения всех государственных дел, издавать, без всяких разрешений, какие угодно книги и газеты. [...]

Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России. И чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес,— простому рабочему человеку никогда не продрасться через этот лес, никогда не добиться правды. Ни одна жалоба на чиновников за взятки, грабежи и насилия не доходит до света: всякую жалобу сводит на нет казенная волокита. Голос одинокого человека никогда не доходит до всего народа, а теряется в этой темной чаще, душится в полицейском застенке. Армия чиновников, которые народом не выбраны и не обязаны давать ответ народу, соткала густую паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи*.

* В издании 1905 года после слов «как мухи» имеется следующее подстрочное примечание: «Такое полномочие чиновников называется бюрократическим правлением, а все чиновничество — бюрократией». *Ред.*

Царское самодержавие есть самодержавие чиновников. Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции. Царское самодержавие есть самодержавие полиции.

Вот почему рабочие выходят на улицу и пишут на своих знаменах: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!». Вот почему и десятки миллионов деревенской бедноты должны поддержать, подхватить этот боевой клич городских рабочих. Подобно им, деревенские рабочие и неимущие крестьяне должны, не боясь преследований, не страшась никаких угроз и насилий врага, не смущаясь первыми неудачами, выступить на решительную борьбу за свободу всего русского народа и потребовать прежде всего *созыва народных представителей*. Пусть народ сам выберет по всей России своих гласных (депутатов). Пусть эти гласные составят верховное собрание, которое учредит выборное правление на Руси, освободит народ от крепостной зависимости перед чиновниками и полицией, обеспечит народу право свободных сходов, свободной речи и свободной печати!

Вот чего хотят прежде всего социал-демократы. Вот что означает их первое требование: *требование политической свободы* *.

Мы знаем, что политическая свобода, свобода выбора в Государственную думу (парламент), свобода сходов, свобода печати еще не избавит сразу трудящийся народ от нищеты и угнетения. Такого средства и на свете нет, чтобы сразу избавить городскую и деревенскую бедноту от работы на богатых. Рабочему народу не на кого надеяться, не на кого рассчитывать, *кроме как на самого себя*. Рабочего человека никто не освободит от нищеты, *если он сам себя не освободит*. А чтобы освободить себя, рабочие должны объединиться по всей стране, во всей России, в один союз, в одну партию. Но миллионы рабочих не могут объединиться вместе, если самодержавное полицейское правительство запрещает всякие сходы, всякие рабочие газеты, всякие выборы рабочих депутатов. Чтобы объединиться, надо иметь пра-

* В издании 1905 года после слова «свободы» вставлен следующий текст:

«[...] Нам нужно всенародное Учредительное собрание, чтобы народ имел полную власть над чиновниками, а не чиновники имели власть над народом!» *Ред.*

во устраивать всякие союзы, надо иметь свободу союзов, надо иметь политическую свободу.

Политическая свобода не избавит рабочий народ сразу от нищеты, *но она даст рабочим оружие для борьбы с нищетой*. Нет другого средства и не может быть другого средства для борьбы с нищетой, кроме *соединения самих рабочих*. Нет возможности соединиться миллионам народа, если нет *политической свободы*.

В. И. Ленин. *К деревенской бедноте* (1903) — т. 7, с. 133—135, 137—139

Социал-демократы борются за освобождение всего рабочего народа от всякого грабежа, от всякого угнетения, от всякой несправедливости. Чтобы освободиться, рабочий класс должен прежде всего объединиться. А чтобы объединиться, надо иметь свободу соединяться, право соединяться, надо иметь *политическую свободу*. [...]

Чтобы прекратить самоуправство чиновников, надо сделать так, чтобы народ сам выбирал чиновников, чтобы каждый имел право подать жалобу прямо в суд на каждого чиновника. [...]

Русский народ по сию пору находится в крепостной зависимости у чиновников. [...]

Социал-демократы требуют, чтобы были уничтожены сословия, чтобы все граждане государства были совершенно равноправны. [...]

Социал-демократы требуют для народа полной свободы передвижения и промыслов. Что это значит: *свобода передвижения*? Это значит, чтобы крестьянин имел право идти куда хочет, переселяться куда угодно, выбирать любую деревню или любой город, не спрашивая ни у кого разрешения. Это значит, чтобы и в России были уничтожены паспорта (в других государствах давно уже нет паспортов), чтобы ни один урядник, ни один земский не смел мешать никакому крестьянину селиться и работать, где ему угодно. Русский мужик настолько закрепощен еще чиновникам, что не может свободно перевестись в город, не может свободно уйти на новые земли. Министр распоряжается, чтобы губернаторы не допускали *самовольных* переселений! Губернатор лучше мужика знает, куда мужику идти! Мужик — дитя малое, без начальства и двинуться не смеет! Разве это не крепостная зависимость? Разве это не надругательство над народом,

когда всякий промотавшийся дворянчик командует взрослыми хозяевами-земледельцами. [...]

Социал-демократы требуют, чтобы постоянное войско было уничтожено, а вместо него чтобы введено было народное ополчение, чтобы весь народ был вооружен. Постоянное войско, это — войско, отделенное от народа и подготовляемое для того, чтобы в народ стрелять. [...]

Социал-демократы требуют далее, чтобы каждый имел полное право исповедовать какую угодно веру совершенно свободно. [...] Каждый должен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, но и *распространять любую веру и менять веру*. Ни один чиновник не должен даже иметь права спрашивать кого ни на есть о вере: это дело совести, и никто тут не смеет вмешиваться. Не должно быть никакой «*господствующей*» веры или церкви. Все веры, все церкви должны быть равны перед законом.

В. И. Ленин. К деревенской бедноте (1903) — т. 7, с. 167—170

Без политической свободы всякие формы рабочего представительства останутся жалким обманом, пролетариат останется по-прежнему в тюрьме, без света, воздуха и простора, необходимых ему для борьбы за свое полное освобождение.

В. И. Ленин. Эра реформ (1903) — т. 7, с. 320

Для пролетария борьба за политическую свободу и демократическую республику в буржуазном обществе есть лишь один из необходимых этапов в борьбе за социальную революцию, ниспровергающую буржуазные порядки. Строго различать этапы, различные по своей природе, трезво исследовать условия их прохождения — вовсе не значит откладывать в долгий ящик конечную цель, вовсе не значит замедлять заранее свой путь. Напротив, именно для ускорения пути, именно для возможно более быстрого и прочного осуществления конечной цели, необходимо понимать отношение классов в современном обществе.

В. И. Ленин. Самодержавие и пролетариат (1904) — т. 9, с. 131

Вопрос об отношении социал-демократии или рабочей демократии к демократии буржуазной есть старый и в то же время вечно новый вопрос. Он стар, ибо выдвинут

с тех самых пор, как возникла социал-демократия. Его теоретические основы выяснены еще в самых ранних произведениях марксистской литературы, в «Коммунистическом манифесте» и в «Капитале». Он вечно нов, ибо каждый шаг в развитии каждой капиталистической страны дает особое, оригинальное сочетание различных оттенков буржуазной демократии и различных течений в социалистическом движении.

В. И. Ленин. Рабочая и буржуазная демократия (1905) — т. 9, с. 179

Только марксизм дал научно правильный, подтверждаемый все более и более действительностью, анализ отношения между борьбой за демократию и борьбой за социализм. И у нас, как во всем мире, есть демократия буржуазная и демократия рабочая. И у нас, как и во всем мире, социал-демократия должна беспощадно разоблачать неизбежные иллюзии буржуазной демократии и непонимание ею своей природы. И у нас, как во всем мире, сознательный пролетариат должен поддерживать буржуазную демократию в ее оппозиции и в ее борьбе против остатков крепостничества, против самодержавия, ни на минуту не забывая о своей классовой особности и о своей классовой цели ниспровержения буржуазии.

В. И. Ленин. От народничества к марксизму (1905) — т. 9, с. 196—197

Дело сознательного революционного пролетариата всеми силами поддержать этот натиск, чтобы он не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России, чтобы он создал новое поколение свободных и смелых людей, создал новую республиканскую страну, в которой развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм.

В. И. Ленин. Маркс об американском «черном переделе» (1905) — т. 10, с. 60

Завоевание республики — гигантское завоевание для пролетариата, хотя для социал-демократа республика не «абсолютный идеал», как для буржуазного революционера, а лишь гарантия свободы для широкой борьбы за социализм.

В. И. Ленин. Доклад об участии социал-демократии во временном революционном правительстве 18 апреля (1 мая) [III съезд РСДРП 12—27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 г.] — т. 10, с. 129

Социал-демократия, как сознательная выразительница рабочего движения, ставит себе целью полное избавление всех трудящихся от всякого гнета и эксплуатации. Достижение этой цели, уничтожение частной собственности на средства производства и создание социалистического общества, требует очень высокого развития производительных сил капитализма и громадной организованности рабочего класса. Без политической свободы невозможно ни полное развитие производительных сил в современном буржуазном обществе, ни широкая, открытая и свободная классовая борьба, ни политическое просвещение, воспитание и сплочение масс пролетариата. Вот почему сознательный пролетариат всегда ставит своей задачей решительную борьбу за полную политическую свободу, за демократическую революцию.

Эту задачу ставит себе не один пролетариат. Буржуазии тоже нужна политическая свобода. Образованные представители имущих классов давно выкинули знамя свободы; революционная интеллигенция, происходящая главным образом из этих классов, героически боролась за свободу. Но вся буржуазия в целом не способна на решительную борьбу с самодержавием: она боится потерять в этой борьбе свою собственность, которая привязывает ее к существующему обществу; она боится слишком революционного выступления рабочих, которые никогда не остановятся на одной демократической революции, а будут стремиться к социалистическому перевороту; она боится полного разрыва с чиновничеством, с бюрократией, интересы которой связаны с интересами имущих классов тысячами нитей. Поэтому буржуазная борьба за свободу отличается робостью, непоследовательностью, половинчатостью. Одна из задач пролетариата — толкать вперед буржуазию, ставить перед всем народом лозунги полного демократического переворота, браться самостоятельно и смело за осуществление этих лозунгов, одним словом, быть авангардом, передовым отрядом в борьбе за свободу всего народа.

*В. И. Ленин. Демократические задачи
революционного пролетариата (1905) —
т. 10, с. 270—271*

Наша программа [...] ставит во главу угла лозунг всенародного учредительного собрания (словом: «всенародный» мы условимся обозначать для краткости всеобщее и т. д. избирательное право). Но этот лозунг стоит у нас

в программе [...] в таком контексте, с такими добавлениями и пояснениями, которые исключают перетолкование его людьми, наименее последовательно борющимися за свободу или даже борющимися против свободы. Этот лозунг стоит у нас в программе в связи с лозунгами: 1) *низвержение* царского самодержавия; 2) замена его демократической *республикой*; 3) обеспеченное демократической конституцией *самодержавие народа*, т. е. сосредоточение *всей* верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату.

Можно ли сомневаться в том, что признание всех этих лозунгов обязательно для всякого последовательного демократа? Ведь слово «демократ» и по грамматическому смыслу и по политическому значению, приданному ему всей историей Европы, означает: сторонник самодержавия народа. Смешно, значит, говорить о демократизме и в то же время отрицать хотя бы один из этих лозунгов.

В. И. Ленин. Демократические задачи революционного пролетариата (1905) — т. 10, с. 272—273

ТРИ КОНСТИТУЦИИ ИЛИ ТРИ ПОРЯДКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Чего хотят полиция и чиновники?	Чего хотят самые либеральные буржуа (освобожденные или конституционно-демократическая партия)?	Чего хотят сознательные рабочие (социал-демократы)?
— Самодержавной монархии.	— Конституционной монархии.	— Демократической республики.

В ЧЕМ СОСТОЯТ ЭТИ ПОРЯДКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА?

САМОДЕРЖАВНАЯ МОНАРХИЯ	КОНСТИТУЦИОННАЯ МОНАРХИЯ	ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА
1. Царь — самодержавный монарх. 2. Государственный совет (чинов-	1. Царь — конституционный монарх. 2. Верхняя палата народных	1. Никакого царя. 2. Никакой верхней палаты.

ники, царем назначенные).	представителей (непрямые, не совсем равные и не совсем всеобщие выборы).

3. Государственная дума или совещательная палата народных представителей (непрямые, неравные и не всеобщие выборы).

3. Нижняя палата (всеобщие, прямые и равные выборы с тайной подачей голосов).

3. Одна республиканская палата (всеобщие, прямые и равные выборы с тайной подачей голосов).

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЮТ ЭТИ ПОРЯДКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА?

САМОДЕРЖАВНАЯ МОНАРХИЯ	КОНСТИТУЦИОННАЯ МОНАРХИЯ	ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА
1 и 2. Полная власть над народом полиции и чиновников.	1. Третья доля власти полиции и чиновникам, с царем во главе их.	1. Никакой самостоятельной власти ни полиции, ни чиновникам; полное подчинение их народу.
3. Совещательный голос крупной буржуазии и богатым помещикам. — Никакой власти народу.	2. Третья доля власти крупной буржуазии и богатым помещикам.	2. Никаких привилегий ни капиталистам, ни помещикам.
	3. Третья доля власти всему народу.	3. Всю власть, единую, полную и нераздельную власть всему народу.

ДЛЯ ЧЕГО ДОЛЖНЫ СЛУЖИТЬ ЭТИ ПОРЯДКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА?

САМОДЕРЖАВНАЯ МОНАРХИЯ	КОНСТИТУЦИОННАЯ МОНАРХИЯ	ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА
Для того, чтобы всего лучше жилось придворным,	Для того, чтобы полиция и чиновники зависели от	Для того, чтобы свободный просвещенный народ научился сам ве-

полиции и чиновникам; — чтобы богатые могли как угодно грабить рабочих и крестьян; — чтобы народ оставался навсегда в бесправии, в темноте и в невесте.	капиталистов и помещиков; — чтобы капиталисты, помещики и богатые крестьяне могли свободно и спокойно, по праву, а не по произволу, грабить рабочих городских и деревенских.	сти все свои дела,— а главное, для того, чтобы рабочий класс мог свободно бороться за социализм, за такие порядки, когда не будет богатых и бедных, когда вся земля, все фабрики и заводы будут принадлежать всем трудящимся.

В. И. Ленин. Три конституции или три порядка государственного устройства (1905) — т. 10, с. 332—334

Рабочий класс может и должен быть вполне последовательным демократом. [...] Для нас, для пролетариата, демократический переворот только первая ступень к полному освобождению труда от всякой эксплуатации, к великой социалистической цели. И поэтому тем скорее должны мы пройти эту первую ступень, тем решительнее должны мы разделаться с врагами народной свободы, тем громче должны мы проповедовать лозунги последовательной демократии: революционная армия и революционное правительство.

В. И. Ленин. Революционная армия и революционное правительство (1905) — т. 10, с. 344

[...] Пролетариат, как передовой борец за демократию, добивается именно полной свободы [...]

В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции (1905) — т. 11, с. 12

Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам.

В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции (1905) — т. 11, с. 16

Последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат.

В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции (1905) — т. 11, с. 49

Революции — локомотивы истории — говорил Маркс *. Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелесть наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе.

В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции (1905) — т. 11, с. 103

Нелепо смешивать задачи и условия демократической и социалистической революции, которые разнородны, повторяем, и по характеру, и по составу участвующих в них социальных сил.

В. И. Ленин. Социализм и крестьянство (1905) — т. 11, с. 284

Может ли сознательный рабочий забыть о демократической борьбе ради социалистической или о социалистической ради демократической? Нет, сознательный рабочий называет себя социал-демократом именно потому, что он понял отношение той и другой борьбы. Он знает, что нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу. Он стремится поэтому к полному и последовательному осуществлению демократизма ради достижения конечной цели, социализма.

В. И. Ленин. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм (1905) — т. 12, с. 44

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 86. *Ред.*

Мы боремся за социализм, т. е. за полное освобождение трудящихся от всякого, не только политического, но и экономического угнетения. Мы объединяем в своей партии только тех, кто признает эту великую цель и ни на минуту не забывает о подготовке сил к ее достижению.

Но мы, социалисты, именно ради достижения нашей социалистической цели стремимся к самому решительному проведению демократической революции, к завоеванию полной свободы ради успешной борьбы за социализм.

В. И. Ленин. Неудавшаяся провокация (1905) — т. 12, с. 109

И только в таком обществе, где не будет помещицкой и чиновничьей власти, решится последняя великая борьба между пролетариатом и буржуазией, борьба за социалистическое устройство.

В. И. Ленин. Вопрос о земле и борьба за свободу (1906) — т. 13, с. 124—125

Мы говорили, что социалисты не могут и не должны жертвовать коренными интересами демократии и социализма ради минутных успехов [...]

В. И. Ленин. «Не сверху нужно глядеть, а книзу» (1906) — т. 13, с. 196

Всем известно, что партия с.-д. еще в своей программе выразила непреклонное убеждение в необходимости *полного народовластия* для действительного удовлетворения назревших нужд народных масс. Если масса народа не будет иметь в своих руках *всей полноты* государственной власти,— если останется в государстве хоть какая-нибудь власть, народом не выбранная, не сменяемая, от народа всецело не зависящая, то действительное удовлетворение назревших и всеми сознаваемых нужд *невозможно*.

Эту непреложную истину с.-д. партия всегда всеми силами распространяла в пролетариате и во всем народе. Действительная, т. е. массовая борьба за свободу проходила и всегда будет проходить самые различные и часто неожиданные этапы: иначе не может быть вследствие громадной трудности борьбы, сложности ее задач и непостоянного состава борющихся. Руководя борьбой

пролетариата на всякой ступени развития этой борьбы и при всяких обстоятельствах, социал-демократия, как сознательная выразительница стремлений рабочего класса, должна постоянно иметь в виду общие и основные интересы всей этой борьбы в ее целом. За частными интересами рабочего класса социал-демократия учит не забывать общих интересов; — за особенностями отдельных ступеней борьбы не забывать коренных задач всей борьбы в целом.

В. И. Ленин. Борьба за власть и «борьба» за подачки (1906) — т. 13, с. 218

Социал-демократы добиваются перехода всей власти в руки народа, т. е. демократической республики. Полная свобода нужна социал-демократам, чтобы бороться за социализм, за освобождение труда от гнета капитала.

В. И. Ленин. Кого выбирать в Государственную думу? (1906) — т. 14, с. 133

Только в такой работе, полной демократической ломки старого, полукрепостного, общества, пролетариат может вполне окрепнуть, как самостоятельный класс, вполне выделить свои особые, т. е. социалистические, задачи из общих «всему бесправному народу» демократических задач и обеспечить себе наилучшие условия наиболее свободной, широкой и усиленной борьбы за социализм. При неоконченном, не доведенном до конца буржуазно-демократическом освободительном движении пролетариату приходится гораздо больше тратить свои силы не на пролетарски-классовые, т. е. не на социалистические, а на общедемократические, т. е. на буржуазно-демократические задачи.

В. И. Ленин. Аграрный вопрос и силы революции (1907) — т. 15, с. 205

[...] Пролетариат пользуется всяческим завоеванием демократии, пользуется каждым шагом свободы, чтобы усиливать свою классовую организацию *против* буржуазии.

В. И. Ленин. Доклад об отношении к буржуазным партиям 12 (25) мая [V съезд РСДРП 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г.] — т. 15, с. 331

Сознательный пролетариат знает, что нет и быть не может иного пути к социализму, как через буржуазно-демократический переворот.

В. И. Ленин. Доклад об отношении к буржуазным партиям 12 (25) мая [V съезд РСДРП 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г.] — т. 15, с. 340

[...] Только рабочая партия является действительно надежным, до конца верным защитником интересов не только социализма, но и демократии [...]

В. И. Ленин. Доклад об отношении к буржуазным партиям 12 (25) мая [V съезд РСДРП 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г.] — т. 15, с. 342

Социал-демократия должна оживлять в народе сознание целостных демократических задач и вести пролетариат к ясно сознанным революционным целям. Мы должны просвещать сознание рабочих масс и развивать их готовность к борьбе, а не затемнять сознание притуплением противоречий, притуплением задач борьбы.

В. И. Ленин. Доклад комиссии по разработке резолюции о Государственной думе 18 (31) мая [V съезд РСДРП 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г.] — т. 15, с. 363

У Маркса весь анализ революционных эпох вращается около борьбы истинной демократии и особенно пролетариата с конституционными иллюзиями, с предательством либерализма, с контрреволюцией.

В. И. Ленин. Приготовление «отзывательной оргии» (1907) — т. 16, с. 157

Полная победа революции вполне возможна, и такая победа совершенно уничтожила бы царскую монархию, смела бы с лица земли крепостников-помещиков, передала бы все их земли без выкупа крестьянам, заменила бы чиновничье управление демократическим самоуправлением и политической свободой. Такие преобразования не только возможны, они *необходимы* в каждой стране в XX веке, они совершены уже во *всех* европейских государствах более или менее полно, ценой более или менее долгой и упорной борьбы.

В. И. Ленин. Начало демонстраций (1910) — т. 20, с. 72—73

Марксист говорит рабочим: чтобы действительно и успешно бороться за свободу «своего» политического самоопределения, вы должны бороться за свободу политического самоопределения всего народа, указывая ему последовательно демократические формы его государственного бытия, отвоевывая массы и неразвитые слои трудящихся из-под влияния либералов.

В. И. Ленин. Принципиальные вопросы избирательной кампании (1912) — т. 21, с. 93

На стороне рабочих — рабочая масса, последовательный и честный демократизм, энергия и преданность делу социализма и рабочей демократии. Рабочие *могут* победить, опираясь на *эти* силы [...]

В. И. Ленин. Значение выборов в Петербурге (1912) — т. 21, с. 377

Мы боремся наряду со всеми буржуазными демократами, пока они верны своему демократизму.

В. И. Ленин. Кадеты и демократия (1912) — т. 21, с. 472

Демократия вообще, а рабочие в особенности [...] за полное самоопределение народов, за полную демократию [...]

Только рабочие ведут политику истинной демократии — за свободу и демократию везде и до конца [...]

В. И. Ленин. О лице и курятнике (1912) — т. 22, с. 149, 150

Всем известно, и даже правительственная пресса заявляла, что рабочий класс шел в избирательной кампании с тремя лозунгами: демократической республики, 8-часового рабочего дня и конфискации всей помещичьей земли в пользу крестьян.

Эти три требования являются, по убеждению социал-демократического пролетариата, необходимым завершением таких, разделяемых всяким демократом требований, как всеобщее избирательное право, свобода печати, собраний, союзов, стачек, выборность судей и чиновников народом, отмена постоянной армии и введение народной милиции, отделение церкви от государства и школы от церкви и так далее.

В. И. Ленин. К вопросу о рабочих депутатах в Думе и их декларации (1912) — т. 22, с. 205

Вы должны сказать ясно и прямо, верны ли вы лозунгам *последовательной* демократии? Хотите ли вы и умеете ли вы претворить эти лозунги в *систематическую* работу среди *масс* точно определенного социального слоя? Если да,— рабочий демократ ваш союзник и друг против всех врагов демократии. Если нет,— ступайте прочь, вы просто болтун.

В. И. Ленин. *О народничестве* (1913) — т. 22, с. 308

[...] Путь к коллективизму лежит через демократию!

В. И. Ленин. *Отсталая Европа и передовая Азия* (1913) — т. 23, с. 167

[...] Вне свободных, демократических учреждений нет и быть не может иного пути к социализму [...]

В. И. Ленин. *К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства* (1913) — т. 23, с. 277

Наше дело — бороться за полный демократизм [...]

В. И. Ленин. *Тезисы по национальному вопросу* (1913) — т. 23, с. 318

История рабочей печати в России неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шли таким, а не другим каким-либо путем.

Освободительное движение в России прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время.

Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен. В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего класса из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» сословия не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая

бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее.

Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору.

Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество. Оно никогда не могло, как общественное течение, отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева. Но Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доньше ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм.

В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России (1914) — т. 25, с. 93—94

Мы старались показать, как вековая история демократических движений в России привела к образованию самостоятельного движения рабочей демократии под идейным знаменем марксизма [...]

В. И. Ленин. Наши задачи (1914) — т. 25, с. 102

Политические преобразования в действительно демократическом направлении, а тем более политические революции, ни в коем случае, никогда, ни при каких условиях не могут ни заслонить, ни ослабить лозунга социа-

листической революции. Напротив, они всегда приближают ее, расширяют для нее базу, втягивают в социалистическую борьбу новые слои мелкой буржуазии и полупролетарских масс. А с другой стороны, политические революции неизбежны в ходе социалистической революции, которую нельзя рассматривать, как один акт, а следует рассматривать, как эпоху бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контрреволюций.

В. И. Ленин. *О лозунге Соединенных Штатов Европы* (1915) — т. 26, с. 351—352

Мы не отбрасываем лозунги буржуазно-демократические, а последовательнее, полнее, решительнее проводим *демократическое* в них.

В. И. Ленин. *Материалы к реферату «Империализм и право наций на самоопределение»* (1915) — т. 27, с. 441

Нельзя представлять себе социалистической революции в виде одного сражения по одному фронту: империализм против социализма. Эта революция будет целой эпохой обостренной классовой борьбы и всяческих социальных потрясений, целым рядом битв по самым различным фронтам, из-за самых разнообразных экономических и политических преобразований, назревших и требующих коренной ломки старых отношений. В числе этих демократических преобразований, *входящих* в понятие социальной революции, видное место не могут не занять и преобразования национальных отношений. [...]

Революция пролетариата будет эпохой целого ряда битв по *всем* фронтам, т. е. по *всем* вопросам экономическим и политическим, в том числе национальным. Разрешение суммы конфликтов, вытекающих из всех этих нерешенных вопросов, и даст социальную революцию. Сумма битв из-за всех этих преобразований и даст ниспровержение буржуазии, диктатуру пролетариата, установление полной демократии и организацию социалистического общества. Революционную борьбу против капитализма нелепо противопоставлять *одному* из вопросов демократии, национальному. Пролетариат не может победить иначе как *через* демократию, иначе как осуществляя демократию полностью. Поэтому *все* демократические требования и милиция, и выбор чиновников

народом, и равноправие наций, и самоопределение наций и т. д., должны быть завершены и объединены требованием революционной борьбы против капитализма. Не противопоставлять эту борьбу отдельным демократическим требованиям, а в области *каждого* демократического вопроса дать *связанное* с общей революционной борьбой за социализм *столь же революционное* определение наших задач — вот какова единственно социал-демократическая постановка вопроса.

В. И. Ленин. К статье «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» (1915) — т. 54, с. 464—465

Ясно само собой,— и пример Марксова требования отделения Ирландии от Англии в 1868 г. особенно наглядно подтверждает это,— что свобода отделения вовсе не означает пропаганды образования мелких национальных государств вообще. Оно означает только, с одной стороны, последовательно, с пролетарской революционностью, а не с буржуазной половинчатостью, проводимое требование демократизма *до конца*, — не останавливаясь перед тем, что последовательный демократизм ведет к социальной революции, а напротив именно в этом почерпая силу и твердость для решительной борьбы за демократию.

В. И. Ленин. К статье «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» (1915) — т. 54, с. 467

Пролетариат не может победить иначе, как через демократию, т. е. осуществляя демократию полностью и связывая с каждым шагом своей борьбы демократические требования в самой решительной их формулировке. Нелепо *противопоставлять* социалистическую революцию и революционную борьбу против капитализма *одному* из вопросов демократии, в данном случае национальному. Мы должны *соединить* революционную борьбу против капитализма с революционной программой и тактикой по отношению ко *всем* демократическим требованиям: и республики, и милиции, и выбора чиновников народом, и равноправия женщин, и самоопределения наций и т. д. Пока существует капитализм, все эти требования осуществимы лишь в виде исключения и притом в неполном, искаженном виде. Опираясь на осуще-

ствленный уже демократизм, разоблачая его неполноту при капитализме, мы требуем свержения капитализма, экспроприации буржуазии, как необходимой базы и для уничтожения нищеты масс и для *полного* и *всестороннего* проведения *всех* демократических преобразований. Одни из этих преобразований будут начаты до свержения буржуазии, другие *в ходе* этого свержения, третьи после него. Социальная революция не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований, завершаемых лишь экспроприацией буржуазии. Как раз во имя этой конечной цели мы должны дать последовательную революционную формулировку *каждого* из наших демократических требований. Вполне мыслимо, что рабочие какой-либо определенной страны свергнут буржуазию *до* осуществления хотя бы одного коренного демократического преобразования полностью. Но совершенно немыслимо, чтобы пролетариат, как исторический класс, мог победить буржуазию, если он не будет подготовлен к этому воспитанием в духе самого последовательного и революционно-решительного демократизма.

В. И. Ленин. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение (1915) — т. 27, с. 62—63

Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию.

В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (1916) — т. 27, с. 253

В противовес мелкобуржуазным демократам, Маркс видел во всех без исключения демократических требованиях не абсолют, а историческое выражение борьбы руководимых буржуазией народных масс против феодализма. Нет ни одного из этих требований, которое бы не могло служить и не служило, при известных обстоятельствах, орудием обмана рабочих со стороны буржуазии. Выделять в этом отношении одно из требований политической демократии, именно самоопределение наций, и противопоставлять его остальным — в корне неверно теоретически. На практике пролетариат может

сохранить свою самостоятельность, лишь подчиняя свою борьбу за все демократические требования, не исключая и республики, своей революционной борьбе за свержение буржуазии.

В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (1916) — т. 27, с. 258—259

Социалисты должны не только требовать безусловно, без выкупа, и немедленного освобождения колоний,— а это требование в его политическом выражении означает не что иное, как именно признание права на самоопределение; социалисты должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений в этих странах и помогать их восстанию,— а при случае и их революционной войне — *против* угнетающих их империалистских держав.

В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (1916) — т. 27, с. 261

Если *все* чисто демократические требования способны, при условии уже начавшегося штурма пролетариев против основ власти буржуазии, сыграть в известном смысле роль помехи революции, то необходимость провозгласить и осуществить свободу *всех* угнетенных народов (т. е. их право на самоопределение) будет так же насущна в социалистической революции, как насущна она была для победы буржуазно-демократической революции, например, в Германии 1848 г. или России 1905 г.

В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (1916) — т. 27, с. 262—263

Мы за демократические требования, мы *одни* боремся за них *нелицемерно*, ибо объективное историческое положение не позволяет ставить их вне связи с социалистической революцией.

В. И. Ленин. О «программе мира» (1916) — т. 27, с. 270

[...] Всякое демократическое требование подчинено общим интересам классовой борьбы пролетариата [...]

В. И. Ленин. О декларации польских с.-д. на Циммервальдской конференции (1916) — т. 30, с. 369

[...] Бывали в истории в прошлом (и наверное будут, должны быть в будущем) войны (демократические и революционные войны), которые, заменяя на время войны всякое «право», всякую демократию насилем, *служили* по своему социальному содержанию, по своим последствиям, делу демократии и, *следовательно*, социализма.

В. И. Ленин. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову) (1916) — т. 30, с. 69

Капитализм вообще и империализм в особенности превращает демократию в иллюзию — и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами. Свергнуть капитализм и империализм нельзя никакими, самыми «идеальными» демократическими преобразованиями, а только экономическим переворотом, но пролетариат, не воспитывающийся в борьбе за демократию, не способен совершить экономического переворота. Нельзя победить капитализма, не *взяв банков*, не отменив *частной собственности* на средства производства, но нельзя осуществить этих революционных мер, не организовав демократическое управление захваченными у буржуазии средствами производства всем народом, не привлекая всей массы трудящихся, и пролетариев, и полупролетариев, и мелких крестьян, к демократической организации своих рядов, своих сил, своего участия в государстве.

В. И. Ленин. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову) (1916) — т. 30, с. 71

Марксистское решение вопроса о демократии состоит в *использовании* ведущим свою классовую борьбу пролетариатом *всех* демократических учреждений и стремлений против буржуазии в целях подготовки победы пролетариата над буржуазией, свержения ее.

В. И. Ленин. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову) (1916) — т. 30, с. 72

[...] Гражданская война против буржуазии является *демократически* организуемой и ведомой войной масс бедноты против меньшинства имущих. Гражданская война есть тоже война; следовательно, и она неминуемо

должна ставить насилие на место права. Но насилие во имя интересов и прав большинства населения отличается иным характером: оно попирает «права» эксплуататоров, буржуазии, оно *неосуществимо* без демократической организации войска и «тыла». Гражданская война насильственно экспроприрует, сразу и прежде всего, банки, фабрики, железные дороги, крупные сельскохозяйственные имения и т. д. Но именно *для того, чтобы* экспроприровать все это, надо ввести и выбор всех чиновников народом и выбор офицеров народом и *полное слияние* армии, ведущей войну против буржуазии, с массой населения, и полную демократию в деле распоряжения съестными припасами, производства и распределения их и т. д. Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и пр., уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление *ее* войска. Но эта цель недостижима *ни* с чисто военной, *ни* с экономической, *ни* с политической стороны без одновременного, развивающегося в ходе такой войны, введения и распространения демократии среди *нашего* войска и *нашего* «тыла». Мы говорим массам теперь (и массы инстинктивно чувствуют нашу правоту, когда мы говорим им это): «вас обманывают, ведя на войну ради империалистского капитализма и прикрывая ее великими лозунгами демократии». «Вы должны вести и вы поведете войну *против* буржуазии *действительно* демократически и в целях действительного осуществления демократии и социализма». Теперешняя война соединяет и «сливает» народы в коалиции посредством насилия и финансовой зависимости. Мы в своей гражданской войне против буржуазии будем соединять и сливать народы *не* силой рубля, *не* силой дубья, *не* насилием, а *добровольным* согласием, солидарностью трудящихся против эксплуататоров. Провозглашение равных прав всех наций для буржуазии стало обманом, для нас оно будет правдой, которая облегчит и ускорит привлечение на нашу сторону всех наций. Без *демократической* организации отношения между нациями на деле,— а следовательно, и без свободы государственного отделения — гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии *невозможна*.

Через использование буржуазного демократизма — к социалистической и последовательно-демократической организации пролетариата против буржуазии и против оппортунизма. Иного пути нет. Иной «выход» *не* есть

выход. Иного выхода не знает марксизм, как не знает его действительная жизнь.

В. И. Ленин. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову) (1916) — т. 30, с. 73—74

[...] Любое демократическое требование (в том числе и самоопределение) для сознательных рабочих *подчинено* высшим интересам социализма.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 108

Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях.

Почему? Потому, что капитализм развивается неравномерно, и объективная действительность показывает нам, наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, *целый ряд* наций очень слабо и совсем неразвитых экономически.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 112

Марксисты [...] знают, что демократия *не* устраняет классового гнета, а лишь делает классовую борьбу чище, шире, открытее, резче; этого нам и надо.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 126

Социализм невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 128

Что защита отечества допустима (когда допустима) лишь как защита демократии (в соответственную эпоху), это и мое тоже мнение.

«Слиться» с общедемократическим движением, конечно, пролетарии не должны никогда. Маркс и Энгельс не «сливались» с буржуазно-демократическим движением Германии в 1848 г. Мы, большевики, не «сливались» с буржуазно-демократическим движением в 1905 году.

За демократию мы, социал-демократы, стоим всегда не «во имя капитализма», а во имя расчистки пути *нашему* движению, каковая расчистка невозможна без развития капитализма.

В. И. Ленин — И. Ф. Арманд, 25 ноября 1916 г. — т. 49, с. 326

[...] В известном смысле для известного периода *всякие* демократические цели (не только самоопределение! Это заметьте! Это Вы забыли!) способны затормозить социалистическую революцию. В каком смысле? в какой момент? когда? как? Например, если движение уже разгорелось, *революция уже началась*, надо брать банки, а нас зовут: подожди, *сначала* укрепи, узакони республику и проч.! [...]

Надо уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть.

В. И. Ленин — И. Ф. Арманд, 25 декабря 1916 г. — т. 49, с. 346—347

Самостоятельность и особенность нашей партии, *никакого сближения с другими партиями* — для меня ультимативны. Без этого помогать пролетариату идти через *демократический* переворот к *коммуне* нельзя, а другим целям служить я не стал бы.

В. И. Ленин — А. В. Луначарскому, ранее 12 (25) марта 1917 г. — т. 49, с. 411

Через народ перепрыгнуть нельзя. Только мечтатели, заговорщики думали, что меньшинство может навязать свою волю большинству. Так думал французский революционер Бланки — и был неправ. Когда большинство народа не хочет, потому что еще не понимает, взять власть в свои руки, тогда меньшинство, как бы оно революционно и умно ни было, не может навязать своего желания большинству народа.

Отсюда и вытекают наши действия.

Мы, большевики, должны терпеливо, но настойчиво разъяснять рабочим и крестьянам наши взгляды. Каждый из нас должен забыть прежние взгляды на нашу работу, каждый, не ожидая того, что придет агитатор, пропагандист, более знающий товарищ, и все разъяснит,—каждый должен сделаться всем: и агитатором, и пропагандистом, и строителем нашей партии.

Только так мы добьемся того, что народ поймет наше учение, сумеет продумать свой опыт и действительно возьмет власть в свои руки.

В. И. Ленин. Доклад об итогах VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) на собрании петроградской организации 8 (21) мая 1917 г.— т. 32, с. 50—51

[...] Марксизм очень внимательно относится всегда к вопросам демократизма [...]

В. И. Ленин. Один принципиальный вопрос (1917) — т. 32, с. 219

«[...] Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция...» *

Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 70—71

Ну, а попробуйте-ка подставить *вместо* юнкерски-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства государство *революционно-демократическое*, т. е. революционно разрушающее *всякие* привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!

* См. наст. изд., с. 80. *Ред.*

Ибо если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство (т. е. вооруженная организация населения, рабочих и крестьян, в первую голову, при условии *революционного демократизма*) — государство направляет все предприятие — в чьих интересах?

— либо в интересах помещиков и капиталистов; тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистскую республику,

— либо в интересах революционной демократии; тогда *это и есть шаг к социализму*.

Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией.

Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от *монополий* (а война удесятерила их число, роль и значение) вперед идти *нельзя*, не идя к социализму.

Либо быть революционным демократом на деле. Тогда нельзя бояться шагов к социализму.

Либо бояться шагов к социализму, осуждать их по-плекхановски, по-дановски, по-черновски доводами, что наша революция буржуазная, что нельзя «вводить» социализма и т. п.,—и тогда неминуемо скатиться к Керенскому, Милюкову и Корнилову, т. е. *реакционно-бюрократически* подавлять «революционно-демократические» стремления рабочих и крестьянских масс.

Середины нет.

И в этом основное противоречие нашей революции.

Стоять на месте нельзя — в истории вообще, во время войны в особенности. Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не идя к социализму, не делая *шагов* к нему [...]

В. И. Ленин. *Грозная катастрофа и как с ней бороться* (1917) — т. 34, с. 191—192

Республика с Учредительным собранием выше республики с предпарламентом.

Республика Советов выше республики с Учредительным собранием.

Республика полного социализма выше республики Советов.

Коммунистическое общество выше социалистической республики.

В. И. Ленин. План тезисов об Учредительном собрании (1917) — т. 35 с. 427

Теоретически рассмотрим этот довод: что выше — право наций на самоопределение или социализм?

Социализм выше.

В. И. Ленин. О революционной фразе (1918) — т. 35, с. 352

Формально-демократическая точка зрения и есть точка зрения *буржуазного* демократа, который не признает, что интерес пролетариата и пролетарской классовой борьбы стоит выше.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 278

Демократическая республика и всеобщее избирательное право по сравнению с крепостническим строем были громадным прогрессом: они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения, которое он имеет, образовать те стройные, дисциплинированные ряды, которые ведут систематическую борьбу с капиталом. Ничего подобного даже приблизительно не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах. Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов. Буржуазная республика, парламент, всеобщее избирательное право — все это с точки зрения всемирного развития общества представляет громадный прогресс. Человечество шло к капитализму, и только капитализм, благодаря городской культуре, дал возможность угнетенному классу пролетариев осознать себя и создать то всемирное рабочее движение, те миллионы рабочих, организованных по всему миру в партии, те социалистиче-

ские партии, которые сознательно руководят борьбой масс. Без парламентаризма, без выборности это развитие рабочего класса было бы невозможно.

В. И. Ленин. О государстве (1919) — т. 39, с. 82

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ

**Классовая сущность
и исторический характер буржуазной демократии
Демократия для меньшинства, для эксплуататоров
Ограниченный, непоследовательный, формальный характер
буржуазной демократии**

Французская революция положила начало демократии в Европе. Демократия, в конечном счете, как и всякая другая форма правления, есть, на мой взгляд, противоречие в себе самой, ложь, не что иное, как лицемерие (или, как говорим мы, пемцы, теология). Политическая свобода есть мнимая свобода, худший вид рабства; она лишь видимость свободы и поэтому в действительности — рабство. То же и с политическим равенством; поэтому демократия, как и всякая другая форма правления, должна в конечном итоге распасться: лицемерие не может быть долговечным, скрытое в нем противоречие неизбежно выступит наружу; либо настоящее рабство, то есть неприкрытый деспотизм, либо действительная свобода и действительное равенство, то есть коммунизм.

Ф. Энгельс. Успехи движения за социальное преобразование на континенте (1843) — т. 1, с. 526—527

Если бы оп * постиг человека как человека, во всей его бесконечности, то не пришел бы к мысли снова делить человечество на два скопища — овец и козлищ, правящих и управляемых, аристократов и чернь, господ и простаков; тогда он нашел бы истинное социальное призвание таланта не в том, чтобы насильственно управлять, а в том, чтобы побуждать других и идти впереди них. Талант должен убедить массу в истинности своих идей, и тогда ему больше не придется беспокоиться об их осуществлении, которое совершенно само собой следует за их усвоением. Человечество проходит через демократию, конечно, не затем, чтобы в конце концов

* — Т. Карлейль. *Ред.*

снова вернуться к своему исходному пункту.— Впрочем, то, что Карлейль говорит о демократии, почти не оставляет желать большего, за исключением только что отмеченной неясности у Карлейля в вопросе о целях и задачах современной демократии. Демократия является, конечно, лишь переходной ступенью, но не к новой, улучшенной аристократии, а к истинной, человеческой свободе; точно так же иррелигиозность века приведет в конечном счете к полному освобождению от всего религиозного, сверхчеловеческого и сверхъестественного, а не к восстановлению всего этого.

Ф. Энгельс. Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее» (1844) — т. 1, с. 595

Буржуазия, сила которой определяется исключительно деньгами, не может приобрести политическую власть иначе, чем сделав деньги единственным критерием законодательной дееспособности человека. Все феодальные привилегии, все политические монополии минувших веков должны раствориться в одной великой привилегии и монополии *денег*. Вот почему политическому господству буржуазии свойственно принимать *либеральный* облик. Буржуазия уничтожает все старые различия между отдельными сословиями, сосуществующими в стране, все основанные на произволе привилегии и льготы; она вынуждена положить принцип выборности в основу управления — в принципе признать равенство, вынуждена освободить печать от оков монархической цензуры, ввести суд присяжных, чтобы освободиться от особого судейского сословия, образующего государство в государстве. Пока речь идет обо всем этом, буржуа кажутся настоящими демократами. Но буржуазия вводит все эти улучшения лишь постольку, поскольку все прежние индивидуальные и наследственные привилегии заменяются привилегией *денег*. Так, введением имущественного ценза для права избирать и быть избранным она делает принцип выборности достоянием только своего класса. Принцип равенства снова устраняется посредством сведения его к простому «равенству перед законом», что означает равенство несмотря на неравенство между богатым и бедным, равенство в условиях существующего главного неравенства, что означает, короче говоря, просто называть *неравенство* равенством. Так, свобода печати является уже сама по себе привилегией буржуазии,

ибо печатание требует *денег* и покупателя для печатного произведения, а покупатели опять-таки должны иметь деньги. Так, суд присяжных является привилегией буржуазии, ибо принимаются надлежащие меры, чтобы в присяжные выбирались только люди «респектабельные».

Ф. Энгельс. Положение в Германии (1845) — т. 2, с. 574—575

[...] Демократия есть не что иное, как воплощение притязаний буржуазии, промышленного и торгового среднего класса.

К. Маркс. Попытка создать новую оппозиционную партию (1852) — т. 8, с. 406

[...] Масса народа не имеет вообще никаких прав [...] она может пользоваться известными свободами лишь в той мере, в какой сочтет пужным предоставить эти свободы народу законодательная власть, или, другими словами, правящий класс.

К. Маркс. Лорд Пальмерстон (1853) — т. 9, с. 366

Нигде «политики» не составляют такой обособленной и влиятельной части нации, как именно в Северной Америке. Там каждая из двух больших партий, сменяющих одна другую у власти, в свою очередь, управляется людьми, которые превращают политику в выгодное дело, спекулируют на депутатских местах в законодательных собраниях, как союза, так отдельных штатов, или же живут за счет агитации в пользу своей партии и после победы в качестве вознаграждения получают должности. Известно, сколько усилий затратили американцы в течение последних тридцати лет, чтобы стряхнуть это ставшее невыносимым иго, и как они, несмотря на это, все более погружаются в болото коррупции. Именно в Америке лучше всего можно видеть, как развивается это обособление государственной власти от общества, для которого она первоначально должна была служить только орудием. Там нет ни династии, ни дворянства, ни постоянной армии, за исключением горстки солдат для наблюдения за индейцами, нет бюрократии с постоянными штатами и правами на пенсии. И все же мы видим там две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную

власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей, а нация бессильна против этих двух больших картелей политиков, которые якобы находятся у нее на службе, а в действительности господствуют над ней и грабят ее.

Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» (1891) — т. 22, с. 199—200

Поскольку буржуазная (=либеральная) демократия намерена выступать как демократия и вынуждена выступать как демократия, постольку она неизбежно стремится опереться на возможно более широкие круги народа. Это стремление неминуемо порождает следующее противоречие: чем шире эти круги народа, тем больше среди них представителей пролетарских и полупролетарских слоев, требующих полной демократизации политического и общественного строя, такой полной демократизации, которая грозит подорвать весьма важные опоры всякого буржуазного господства вообще (монархию, постоянное войско, бюрократию). Буржуазная демократия по природе своей не в состоянии удовлетворить этих требований, она по природе своей осуждена поэтому на нерешительность и половинчатость.

В. И. Ленин. Земская кампания и план «Искры» (1904) — т. 9, с. 79—80

Выступать от имени народа — это и значит выступать в качестве демократа. Всякий демократ (и в том числе буржуазный демократ) имсет право выступать от имени народа, но он имеет это право лишь постольку, поскольку он последовательно, решительно и до конца проводит демократизм. Следовательно, *всякий* буржуазный демократ «имеет хоть какое-нибудь право выступать от имени народа» (ибо всякий буржуазный демократ отстаивает, пока он демократ, то или иное демократическое требование), но в то же время *ни один* буржуазный демократ не имеет права по всей линии выступать от имени народа (ибо ни один буржуазный демократ в настоящее время не способен решительно и до конца доводить демократизм).

В. И. Ленин. Земская кампания и план «Искры» (1904) — т. 9, с. 87

Вся политическая свобода вообще, на почве современных, т. е. капиталистических, производственных отношений есть свобода буржуазная.

В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции (1905) — т. 11, с. 101

Буржуазия боится полной свободы, полного демократизма, ибо она знает, что сознательный, т. е. социалистический, пролетариат воспользуется свободой для борьбы против господства капитала. Буржуазия хочет поэтому, в сущности, не полной свободы, не полного самоуправления народа, а сделки с реакцией, сделки с самодержавием. Буржуазия хочет парламентаризма, чтобы обеспечить господство капитала, а не бюрократии, и в то же время она хочет монархии, постоянного войска, сохранения известных преимуществ бюрократии, чтобы не дать революции дойти до конца, чтобы не вооружить пролетариат,— понимая под вооружением и непосредственное вооружение оружием, и вооружение полной свободой.

В. И. Ленин. Революционная канцелярщина и революционное дело (1905) — т. 12, с. 121

Надо отличать программы буржуазных партий, банкетные и парламентские речи либеральных карьеристов от их действительного участия в действительной народной борьбе. На словах все и всякие буржуазные политики, во всех парламентских странах, всегда распинались за демократию, в то же время предавая демократию.

В. И. Ленин. Об обмане народа либералами (1908) — т. 16, с. 463—464

В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительно основу марксизма, именно: учение о классовой борьбе. Политическая свобода, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы,— говорили нам,— и делают неверным старое положение «Коммунистического манифеста»: рабочие не имеют отечества*. В демократии, раз господствует «воля большинства», нельзя дескать ни смотреть на государство, как на орган классового господства, ни отказываться от союзов с прогрессивной, социал-реформаторской буржуазией против реакционеров.

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 444. Ред.

Неоспоримо, что эти возражения ревизионистов сводились к довольно стройной системе взглядов,— именно: давно известных либерально-буржуазных взглядов. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия. Вся история Европы во 2-й половине XIX века, вся история русской революции в начале XX века показывает воочию, как нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабляются, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготавливает этим не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 года и русские зимой 1905 года показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения. Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием,— тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах».

*В. И. Ленин. Марксизм и ревизионизм
(1908) — т. 17, с. 22—23*

Марксисты должны знать, что условия представительства не только в нашей черносотенной Думе, но даже в самом идеальном буржуазном парламенте всегда будут создавать искусственное несоответствие между действительной силой различных классов и ее отражением в представительном учреждении.

В. И. Ленин. Об оценке текущего момента (1908) — т. 17, с. 279

Нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в «культурном» отношении. Эту требовательность по части известного минимума культурности порождают условия самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, сложностью, гибкостью, подвижностью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д.

В. И. Ленин. Разногласия в европейском рабочем движении (1910) — т. 20, с. 68

Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма [...]

В. И. Ленин. Наши упразднители (1911) — т. 20, с. 131

[...]В эпохи буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько *гегемония* переходит в решающие моменты национальной истории *не* к буржуазии, а к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков [...]

Каждая капиталистическая страна переживает эпоху буржуазных революций, когда складывается та или иная степень демократизма, тот или иной уклад конституционализма или парламентаризма, та или иная степень самостоятельности, независимости, свободолюбия и инициативности «низов» вообще, пролетариата в частности, та или иная традиция во всей государственной и общественной жизни. Какова будет эта степень демократизма и эта традиция,— зависит именно от того, будет ли гегемония в *решающие* моменты принадлежать буржуазии или ее антиподу, будет ли первая или последний (опять-таки в эти решающие моменты) «центром

притяжения для демократического крестьянства» и для всех вообще демократических промежуточных групп и слоев.

В. И. Ленин. *О старых, но вечно новых истинах* (1911) — т. 20, с. 283

К сожалению, политическая реклама сбивает с толку несравненно больше народа, разоблачение ее гораздо труднее, обман держится здесь много прочнее. Клички партий — и в Европе и у нас — выбираются иногда с прямой рекламной целью, «программы» партий пишутся сплошь да рядом исключительно ради надувания публики. Чем больше политической свободы в капиталистической стране, чем больше демократизма, т. е. власти народа и народных представителей, тем беззастенчивее разворачивается зачастую партийная реклама.

Как же разобраться, при таком положении дел, в партийной борьбе? Не означает ли эта борьба, с обманом и рекламой, что вообще бесполезны и даже вредны представительные учреждения, парламенты, собрания народных представителей, как стараются уверить дикие реакционеры, враги парламентаризма? Нет. При отсутствии представительных учреждений обмана, политической лжи, всяких мошеннических проделок *еще гораздо больше*, и у народа в руках гораздо меньше средств разоблачить обман, доискаться правды.

Чтобы разобраться в партийной борьбе, не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они *делают*, как они поступают при решении разных политических вопросов, как они *ведут себя* в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества, помещиков, капиталистов, крестьян, рабочих и так далее.

Чем больше политической свободы в стране, чем прочнее и демократичнее ее представительные учреждения, тем легче народным массам разбираться в партийной борьбе и *учиться политике*, т. е. разоблачать обман и доискиваться правды.

В. И. Ленин. *Политические партии в России* (1912) — т. 21, с. 275—276

Истины демократизма не должны заслонять у нас того обстоятельства, — часто упускаемого из виду буржуазными демократами, — что представительные учреждения неизбежно порождают в капиталистических странах своеобразные формы влияния капитала на государственную власть. Парламента у нас нет, — но парламентского кретинизма среди либералов, *парламентского разврата* среди всех буржуазных депутатов у нас сколько угодно.

Эту истину рабочие должны хорошо усвоить, если они хотят научиться использовать представительные учреждения *для* развития сознания, сплоченности, действительности, действительности рабочего класса. Все враждебные пролетариату социальные силы — «бюрократия», землевладение, капитал — уже используют эти представительные учреждения *против* рабочих. Надо знать, как это они делают, — чтобы научиться отстаивать самостоятельные интересы рабочего класса и его самостоятельное развитие.

В. И. Ленин. *Капитализм и «парламент»* (1912) — т. 21, с. 366

[...] Никакое изменение государства в сторону демократизма *еще не устраняет* господства капитала, господства буржуазного строя.

В. И. Ленин. *Кадеты и демократия* (1912) — т. 21, с. 472

Русский либерализм оказался достаточно «ловким» политиканом, чтобы назвать себя «демократическим» в целях борьбы с демократией и подавления ее самостоятельности. Таков обычный и нормальный способ действия всякой либеральной буржуазии во всех капиталистических странах: вывеской демократизма обмануть массы, чтобы *отвадить* их от действительно демократической теории и действительно демократической практики.

В. И. Ленин. *Беседа о «кадетстве»* (1912) — т. 22, с. 63

Никакая демократия в мире не устранит классовой борьбы и всемогущества денег. Не в этом вовсе заключается значение и польза демократии. Значение ее в том, что она делает классовую борьбу широкой, открытой, сознательной.

В. И. Ленин. *Успехи американских рабочих* (1912) — т. 22, с. 109

Все общедемократические требования суть *буржуазно-демократические* требования, но из этого только анархисты и оппортунисты могут делать вывод против самой последовательной защиты этих требований пролетариатом.

В. И. Ленин. *Кадеты и «право народов на самоопределение»* (1913) — т. 24, с. 209

[...] Демократический строй есть один из буржуазных порядков, наиболее чистый и совершенный буржуазный порядок, где наряду с максимальной свободой, широтой, ясностью классовой борьбы наблюдается максимум хитрости, уловок, ухищрений, «идейного» воздействия буржуазии на наемных рабов с целью отвлечь их от борьбы против наемного рабства.

В. И. Ленин. *Приемы борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих* (1914) — т. 25, с. 321—322

[...] Финансовый капитал в своих стремлениях к экспансии «свободно» купит и подкупит самое свободное демократическое и республиканское правительство и выборных чиновников любой, хотя бы и «независимой» страны. Господство финансового капитала, как и капитала вообще, неустранимо *никакими* преобразованиями в области политической демократии; а самоопределение всецело и исключительно относится к этой области. Но это господство финансового капитала несколько не уничтожает значения политической демократии, как более свободной, широкой и ясной *формы* классового гнета и классовой борьбы. Поэтому все рассуждения о «неосуществимости», в экономическом смысле, одного из требований политической демократии при капитализме сводятся к теоретически неверному определению общих и основных отношений капитализма и политической демократии вообще.

Во втором случае это утверждение неполно и неточно. Ибо не одно только право наций на самоопределение, а *все* коренные требования политической демократии «осуществимы» при империализме лишь неполно, изуродованно и в виде редкого исключения [...]

В. И. Ленин. *Социалистическая революция и право наций на самоопределение* (1916) — т. 27, с. 254

[...] Самые демократические республики, не только Франция, но и Соединенные Штаты, и Португалия, и Швейцария во время этой войны установили и устанавливают совершенно такой же произвол военщины, как и Россия.

Это факт, что империалистская война стирает разницу между республикой и монархией [...]

[...] Империализм *есть* отрицание демократии [...] Империалистская война есть вопиющее нарушение всякой демократии одинаково и в отсталых монархиях и в передовых республиках [...]

В. И. Ленин. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову) (1916) — т. 30, с. 69, 70

В смысле политической трудноосуществимости или неосуществимости без ряда революций *все* требования демократии «неосуществимы» при империализме.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 90

Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция. [...]

И во внешней политике, и во внутренней, одинаково, империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» *демократии вообще, всей демократии*, а вовсе не *одного* из требований демократии, именно: самоопределения наций.

Будучи «отрицанием» демократии, империализм *так же «отрицает»* и демократию в национальном вопросе (т. е. самоопределение наций): «так же», т. е. он стремится нарушить ее; осуществление ее ровно настолько же и в том же смысле труднее при империализме, насколько труднее при империализме (по сравнению с домонополистическим капитализмом) осуществление республики, милиции, выбора чиновников пародом и т. д. [...]

Самоопределением наций называется политическая независимость их.

[...] Есть противоречие между империализмом и демократией.

[...] Империализм противоречит, «логически» противоречит, *всей вообще* политической демократии.

Демократическая республика противоречит «логически» капитализму, ибо «официально» приравнивает богатого и бедного. Это есть противоречие между экономическим строем и политической надстройкой. С империализмом у республики то же противоречие, углубленно или усугубленное тем, что смена свободной конкуренции монополией еще более «затрудняет» осуществление всяких политических свобод.

Как же совмещается капитализм с демократией? Посредством косвенного проведения в жизнь всевластия капитала! Экономических средств для этого два: 1) подкуп прямой; 2) союз правительства с биржей. (В наших тезисах это выражено словами, что финансовый капитал «свободно купит и подкупит любое правительство и чиновников» при буржуазном строе.)

Раз господствует товарное производство, буржуазия, власть денег — подкуп (прямой и через биржу) «осуществим» при любой форме правления, при любой демократии.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 93—98

[...] Империализм не останавливает развития капитализма и роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 102

Империалистская эпоха не уничтожает ни стремлений к политической независимости наций, ни «осуществимости» этих стремлений *в пределах* мировых империалистических соотношений. *Вне* же этих пределов «неосуществима» без ряда революций и непрочно без социализма ни республика в России, ни вообще какое бы то ни было очень крупное демократическое преобразование нигде в мире.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 105

Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция — даже в самых демократических буржуазных республиках, например, в Швейцарии — есть вооружение буржуазии *против* пролетариата.

В. И. Ленин. Военная программа пролетарской революции (1916) — т. 30, с. 135

Механика политической демократии действует в том же направлении *. Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии.

В. И. Ленин. Империализм и раскол социализма (1916) — т. 30, с. 176

[...] Империализм есть эксплуатация сотен миллионов зависимых наций малым числом богатейших наций. Отсюда *возможность* полнейшей демократии внутри нации богатейшей *при сохранении* ее господства над нациями зависимыми. Так было в древней Греции на почве рабства. Так обстоит теперь с Новой Зеландией и Англией.

В. И. Ленин. Замечания по поводу статьи о максимализме (1916) — т. 30, с. 386

Теория классовой борьбы выкинута за борт; выгоднее фразерствовать о «демократии» вообще, попирая ногами азбучную истину марксизма, что как раз *внутри* «демократии» пропасть между капиталистами и пролетариями всего глубже.

В. И. Ленин. О вреде фраз (1917) — т. 32, с. 230

[...] Чего стоит на деле «большинство», когда большинство само по себе есть лишь момент формальный, а материально, в действительности, это большинство есть большинство партий, проводящих в жизнь обман этого большинства буржуазией?

В. И. Ленин. О конституционных иллюзиях (1917) — т. 34, с. 39

* Речь идет о стимулировании буржуазией развития реформистских тенденций в рабочем движении. *Ред.*

Всевластие «богатства» и потому *вернее* при демократической республике, что оно не зависит от отдельных недостатков политического механизма, от плохой политической оболочки капитализма. Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма, и потому капитал, овладев [...] этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что *никакая* смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти.

Надо отметить еще, что Энгельс с полнейшей определенностью называет и всеобщее избирательное право орудием господства буржуазии *.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 14

Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 20

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено. [...]

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, — вот каков демократизм капита-

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 173. *Ред.*

листического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препоны праву собраний (общественные здания не для «нищих»!), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее и так далее,— мы увидим ограничения да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таково девять десятых, если не девяносто девять сотых буржуазных публицистов и политиков),— но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии.

Маркс великолепно схватил эту *суть* капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их! *

Но от этой капиталистической демократии,— неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому пассивной лицемерной и лживой,— развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 87, 88

Потому, что экономическое господство для буржуазии все, а форма политического господства — дело девятое, буржуазия может господствовать и при республике, даже господство ее вернее при республике в том смысле, что этот политический строй никакими переменами в со-

* См. наст. изд., с. 234. *Ред.*

ставе правительства, в составе и группировке правящих партий не задевает буржуазии. [...] Но при сильном напоре «снизу» буржуазия всегда и везде «мирилась» с республикой, лишь бы отстоять свое экономическое господство.

В. И. Ленин. Из дневника публициста. Ошибки нашей партии (1917) — т. 34, с. 258

[...] Всем и каждому известно, что нет ни одной из самых демократических республик, которая была бы демократической вполне. Они дают кусочки демократизма, на мелочах урезают права эксплуататоров, но трудящиеся массы в них так же угнетены, как и всюду.

В. И. Ленин. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11 (24) января [Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г.] — т. 35, с. 271

Один из возражавших мне ораторов заявил, что мы стояли за диктатуру демократии, что мы признавали власть демократии. Это заявление столь нелепо, столь абсурдно и бессмысленно, что является сплошным набором слов. Это все равно, что сказать — железный снег, или что-либо вроде этого. Демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма, оказавшиеся ныне во главе официального социализма и утверждающие, что демократия противоречит диктатуре пролетариата. Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя, — мы стояли за демократию, но, как только первые проблески социализма мы увидели во всем ходе революции, — мы стали на позиции, твердо и решительно отстаивающие диктатуру пролетариата. [...]

Демократия — формальный парламентаризм, а на деле — непрерывное жестокое издевательство, бездушный, невыносимый гнет буржуазии над трудовым народом.

В. И. Ленин. Заключительное слово по докладу Совета Народных Комиссаров 12 (25) января [Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г.] — т. 35, с. 280—281

Ни в коем случае не следует делать вид, будто бы мы буржуазных парламентских учреждений совершенно не ценим. Они — громадный шаг вперед по сравнению с предыдущим.

В. И. Ленин. Выступление против поправки Пельше к резолюции о программе партии 8 марта [VII Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г.] — т. 36, с. 64

[...] Самая демократическая буржуазная республика есть машина для угнетения пролетариата буржуазией.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 104

Возьмите основные законы современных государств, возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите «равенство граждан перед законом», — и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случае нарушения порядка», — на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски.

[...] Охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только другой буржуазной партии, пролетариату же при всяком серьезном, глубоко, коренном вопросе вместо «охраны меньшинства» достаются военные положения или погромы. Чем больше развита демократия, тем ближе бывает при всяком глубоко политическом расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне. [...]

На каждом шагу в самом демократическом буржуазном государстве встречаются угнетенные массы вопиющее противоречие между формальным равенством, которое «демократия» капиталистов провозглашает, и тысячами фактических ограничений и ухищрений, делающих пролетариев наемными рабами. Именно это противоречие раскрывает глаза массам на гнилость, лживость, лицемерие капитализма.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 253—255

Буржуазная демократия была прогрессивна по отношению к средневековью, и использовать ее надо было. Но теперь она *недостаточна* для рабочего класса. Теперь надо смотреть не назад, а вперед, к замене буржуазной демократии *пролетарскою*.

В. И. Ленин. *Пролетарская революция и ренегат Каутский* (1918) — т. 37, с. 272

Вера в универсальное, всеспасающее действие «демократии» вообще, непонимание того, что она является *буржуазной* демократией, исторически ограниченной в своей полезности, в своей необходимости, такая вера и такое непонимание держались во всех странах веками и десятилетиями, особенно прочно среди мелкой буржуазии. Крупный буржуа прошел огонь, воду и медные трубы, он знает, что демократическая республика, как и всякая другая форма государства при капитализме, есть не что иное, как машина для подавления пролетариата. Крупный буржуа *знает* это из своего интимнейшего знакомства с настоящими руководителями и с наиболее глубокими (зачастую именно в силу этого наиболее прикрытыми) пружинами *всякой* буржуазной государственной машины. Мелкий буржуа, по своему экономическому положению, по всем условиям своей жизни меньше способен усвоить эту истину, даже держится иллюзий насчет того, будто демократическая республика означает «чистую демократию», «свободное народное государство», внеклассовое или надклассовое народовластие, чистое проявление всенародной воли и так далее и тому подобное. Прочность этих предрассудков мелкобуржуазного демократа неизбежно вызывается тем, что он дальше стоит от острой классовой борьбы, от биржи, от «настоящей» политики, и было бы совершенно немарксистским ожидать, будто одной пропагандой и в скорое время можно искоренить эти предрассудки.

В. И. Ленин. *Ценные признания Питирима Сорокина* (1918) — т. 37, с. 192

[...] Исторический крах буржуазной демократии не был выдумкой большевиков, а был абсолютной исторической необходимостью.

В. И. Ленин. *Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии* [Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г.] — т. 37, с. 212

Пусть буржуазия продолжает сохранять в своих руках весь аппарат государственной власти, пусть горстка эксплуататоров продолжает пользоваться прежней, буржуазной, государственной машиной! Выборы, производимые при таких условиях, буржуазия, понятное дело, любит называть «свободными», «равными», «демократическими», «всенародными», ибо эти слова служат для сокрытия правды, для сокрытия того, что собственность на средства производства и политическая власть остаются у эксплуататоров, что поэтому о действительной свободе, о действительном равенстве для эксплуатируемых, т. е. для громадного большинства населения, не может быть и речи. Буржуазии выгодно и необходимо скрывать от народа *буржуазный* характер современной демократии, изображать ее демократией вообще или «чистой демократией» [...]

Говорить о чистой демократии, о демократии вообще, о равенстве, о свободе, о всенародности, когда рабочие и все трудящиеся голодны, раздеты, разорены, измучены не только капиталистическим наемным рабством, но и 4-летней грабительской войной, а капиталисты и спекулянты продолжают владеть своей награбленной «собственностью» и «готовым» аппаратом государственной власти, это значит издеваться над трудящимися и эксплуатируемыми. Это значит бить в лицо основным истинам марксизма, который учил рабочих: вы должны использовать буржуазную демократию, как громадный исторический прогресс по сравнению с феодализмом, но ни на минуту не забывайте буржуазный характер этой «демократии», ее исторической условности и ограниченности, не разделяйте «суеверной веры» в «государство», не забывайте, что государство и при самой демократической республике, а не только при монархии, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим.

Буржуазия вынуждена лицемерить и называть «общенародной властью» или демократией вообще, или чистой демократией (*буржуазную*) демократическую республику, на деле представляющую из себя диктатуру буржуазии, диктатуру эксплуататоров над трудящимися массами.

В. И. Ленин. О «демократии» и диктатуре (1918) — т. 37, с. 389—390

[...] Пока собственность остается за капиталистами, всякая демократия будет только лицемерно прикрытой буржуазной диктатурой. Всякие речи о всеобщем голосовании, о всенародной воле, о равенстве голосующих будут сплошным обманом, ибо не может быть равенства между эксплуататором и эксплуатируемым, между владельцем капитала и собственности и современным наемным работником.

Конечно, буржуазная демократия есть исторически громадный прогресс по сравнению с царизмом, самодержавием, монархией и всякими остатками феодализма. Конечно, мы должны будем ее использовать и тогда будем ставить вопрос так, что, пока на очереди не стоит борьба рабочего класса за всю власть, использование форм буржуазной демократии для нас обязательно. [...] Но тогда всякие речи о демократии в смысле выражения общенародной воли наглядно для всех оказываются обманом, оказываются только привилегией капиталистов и богачей одурманивать наиболее отсталые слои трудящихся и своей печатью, которая остается у собственников, и всеми прочими средствами политического воздействия.

Вопрос стоит так и только так. Либо диктатура буржуазии, прикрытая учредилками, всякого рода голосованиями, демократией и т. п. буржуазным обманом, которым ослепляют дураков и которым могут теперь козырять и щеголять только люди, насквозь и по всей линии ставшие ренегатами марксизма и ренегатами социализма, — либо диктатура пролетариата [...]

[...] Власть капиталистов остается, до тех пор, пока у капиталистов остается собственность на орудия производства, — до тех пор демократия может быть менее широка, может быть более широка, цивилизована и т. п., а на деле останется буржуазная диктатура [...]

В. И. Ленин. Доклад на 11 Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. — т. 37, с. 437—438, 440—441

Всякое государство, в том числе и самая демократическая республика, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. [...]

Буржуазный парламент, хотя бы самый демократический в самой демократической республике, в которой сохраняется собственность капиталистов и их власть, есть машина для подавления миллионов трудящихся

кучками эксплуататоров. Социалисты, борцы за освобождение трудящихся от эксплуатации, должны были использовать буржуазные парламенты, как трибуну, как одну из баз для пропаганды, агитации, организации, пока борьба наша ограничивалась рамками буржуазного строя. Теперь, когда всемирная история поставила на очередь дня вопрос о разрушении всего этого строя, о свержении и подавлении эксплуататоров, о переходе от капитализма к социализму,—теперь ограничиваться буржуазным парламентаризмом, буржуазной демократией, прикрашивать ее, как «демократию» вообще, затушевывать ее буржуазный характер, забывать, что всеобщее избирательное право, пока сохраняется собственность капиталистов, есть одно из орудий буржуазного государства,—это значит позорно изменять пролетариату, переходить на сторону его классового врага, буржуазии, быть изменником и ренегатом.

В. И. Ленин. Письмо к рабочим Европы и Америки (1919) — т. 37, с. 457—458

[...] Ни в одной цивилизованной капиталистической стране не существует «демократии вообще», а существует только буржуазная демократия [...]

Все социалисты, разъясняя классовый характер буржуазной цивилизации, буржуазной демократии, буржуазного парламентаризма, выражали ту мысль, которую с наибольшей научной точностью высказали Маркс и Энгельс словами, что наиболее демократическая буржуазная республика есть не что иное, как машина для подавления рабочего класса буржуазией, массы трудящихся горсткой капиталистов*. [...]

Именно Маркс, который лучше всего оценил историческое значение Коммуны, анализируя ее, показал эксплуататорский характер буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, когда угнетенные классы получают право один раз в несколько лет решать, какой представитель имущих классов будет «представлять и подавлять» (ver- und zertreten) народ в парламенте**.

В. И. Ленин. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта [I конгресс коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 г.] — т. 37, с. 491—493

* См. наст. изд., с. 77, 79. *Ред.*

** См. там же, с. 234. *Ред.*

Все мы, поскольку знакомы с марксизмом, никогда не сомневались в той истине, что решающее значение в капиталистическом обществе может иметь, по самому экономическому строению этого общества, либо пролетариат, либо буржуазия. Теперь мы видим много бывших марксистов,— например, из лагеря меньшевиков,— утверждающих, будто в период решительной борьбы пролетариата с буржуазией может господствовать *демократия вообще*. Так говорят меньшевики, всецело спевшиеся с эсерами. Точно не сама буржуазия создает или отменяет демократию, смотря по тому, что ей выгоднее! А раз так, то не может быть никакой речи о демократии вообще во время обостренной борьбы буржуазии с пролетариатом. Приходится только удивляться, как быстро эти марксисты или якобы марксисты,— например, наши меньшевики,— как быстро они разоблачают себя, как быстро выходит наружу настоящая их природа, природа мелкобуржуазных демократов.

Маркс всю жизнь больше всего боролся против иллюзий мелкобуржуазной демократии и буржуазного демократизма. Маркс больше всего высмеивал пустые слова о свободе и равенстве, когда они прикрывают свободу рабочих умирать с голоду, или равенство человека, продающего свою рабочую силу, с буржуа, который будто бы на свободном рынке свободно и равноправно покупает его труд и т. п. Маркс во всех своих экономических произведениях выяснял это. Можно сказать, что весь «Капитал» Маркса посвящен выяснению той истины, что *основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат*: — буржуазия как строитель этого капиталистического общества, как его руководитель, как его двигатель,— пролетариат как его могильщик, как единственная сила, способная сменить его. Едва ли найдется хоть одна глава в каком бы то ни было сочинении Маркса, которая не была бы посвящена этому. Можно сказать, что социалисты всего мира во II Интернационале бесчисленное количество раз клялись и божились перед рабочими в понимании этой истины. Но когда дошло дело до настоящей и притом решительной борьбы между пролетариатом и буржуазией за власть, тогда мы увидели, что наши меньшевики и эсеры, а также вожди старых социалистических партий во всем мире, эту истину забыли и принялись чисто механически повторять филистерские фразы о демократизме вообще.

У нас иногда пытаются придать этим словам нечто как будто более «крепкое», когда говорят: «Диктатура демократии». Это уже совершенная бессмыслица. Мы из истории прекрасно знаем, что диктатура демократической буржуазии обозначала не что иное, как расправу с восставшими рабочими. Так было начиная с 1848 г.,— во всяком случае не позже, но отдельные примеры можно найти и раньше. История показывает нам, что именно в буржуазной демократии разворачивается широко и свободно самая острая борьба между пролетариатом и буржуазией. Нам пришлось убедиться в правильности этой истины на практике. И если шаги Советского правительства с октября 1917 г. отличались твердостью во всех коренных вопросах, то это именно потому, что мы от этой истины никогда не отступали, никогда ее не забывали. Только диктатура одного класса — пролетариата — может решить вопрос в борьбе с буржуазией за господство. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат.

Отсюда, однако, ни в коем случае не следует,— это было бы глубочайшей ошибкой,— что и в дальнейшем строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть уже в руках пролетариата,— будто и дальше нам можно обойтись без участия средних, промежуточных элементов.

В. И. Ленин. Доклад о работе в деревне 23 марта [VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.] — т. 38, с. 188—189

[...] Мы говорили и говорим все время в своей программе, в партийной программе, что мы себя в обман такими прекрасно звучащими лозунгами, как свобода, равенство и воля большинства, не дадим и что мы к тем, кто называет себя демократами, сторонниками чистой демократии, сторонниками последовательной демократии, прямо или косвенно противопоставляя ее диктатуре пролетариата,— что мы к ним относимся, как к пособникам Колчака.

В. И. Ленин. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая [I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г.] — т. 38, с. 346

«Свобода и равенство» в буржуазном строе (т. е. пока держится частная собственность на землю и на средства производства) и в буржуазной демократии остаются только формальными, означая на деле *наемное рабство* рабочих (формально свободных, формально равноправных) и *всевластие капитала*, гнет капитала над трудом.

В. И. Ленин. Предисловие к изданию речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства» (1919) — т. 38, с. 376

Здесь именно говорится, что всякое государство, в котором существует частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, как бы демократично оно ни было,— оно есть государство капиталистическое, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство. А всеобщее избирательное право, Учредительное собрание, парламент— это только форма, своего рода вексель, который несколько не меняет дела по существу.

Форма господства государства может быть различна: капитал одним образом проявляет свою силу там, где есть одна форма, и другим— где другая, но по существу власть остается в руках капитала: есть ли цензовое право или другое, есть ли республика демократическая, и даже чем она демократичнее, тем грубее, циничнее это господство капитализма. Одна из самых демократических республик в мире— Северо-Американские Соединенные Штаты— и нигде так, как в этой стране (кто там побывал после 1905 г., тот наверно имсет об этом представление), нигде власть капитала, власть кучки миллиардеров над всем обществом не проявляется так грубо, с таким открытым подкупом, как в Америке. Капитал, раз он существует, господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущности дела не меняют. [...]

Какими бы формами ни прикрывалась республика, пусть то будет самая демократическая республика, но если она буржуазная, если в ней осталась частная собственность на землю, на заводы и фабрики, и частный капитал держит в наемном рабстве все общество, т. е., если в ней не выполняется то, о чем заявляет программа нашей партии и Советская конституция, то это государство— машина, чтобы угнетать одних другими. И эту

машину мы возьмем в руки того класса, который должен свергнуть власть капитала. Мы отбросим все старые предрассудки, что государство есть всеобщее равенство,— это обман: пока есть эксплуатация, не может быть равенства. Помещик не может быть равен рабочему, голодный — сытому. Ту машину, которая называлась государством, перед которой люди останавливаются с суеверным почтением и верят старым сказкам, что это есть общенародная власть,— пролетариат эту машину отбрасывает и говорит: это буржуазная ложь.

В. И. Ленин. *О государстве* (1919) —
т. 39, с. 81—82, 84

По сравнению с феодализмом, капитализм был всемирно-историческим шагом вперед по пути «свободы», «равенства», «демократии», «цивилизации». Но тем не менее капитализм был и остается системой *наемного рабства*, порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян ничтожному меньшинству современных («*moderne*») рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия изменила форму этого экономического рабства, по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности. Капитализм и буржуазная демократия есть наемное рабство.

В. И. Ленин. *Ответ на вопросы американского журналиста* (1919) —
т. 39, с. 115—116

Когда вы встретите у нас людей, которые думают, что они защищают нечто самостоятельное, принципы демократии вообще, когда они говорят о свободе, равенстве и о нарушении их большевиками,— попросите этих людей ознакомиться с прессой европейского капитализма. Под каким прикрытием идут Колчак и Деникин, под каким прикрытием душат Россию европейский капитал и буржуазия? Они все говорят только об этом — о свободе и равенстве! Когда американцы, англичане и французы захватили Архангельск, когда они посылают свои войска на юг,— они защищают свободу и равенство. Вот каким лозунгом прикрываются они, и вот почему в обстановке этой бешеной борьбы восстает пролетариат России против капитала всего мира. Вот чему служат эти лозунги свободы и равенства, которыми обманывают

народ. все представители буржуазии и которые разбить до конца выпадает на долю интеллигенции, действительно стоящей с рабочими и крестьянством.

В. И. Ленин. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г.— т. 39, с. 137

[...] Даже лучшие из меньшевиков и эсеров защищают как раз *колчаковские* идеи, помогающие буржуазии и Колчаку с Деникиным, прикрывающие их грязное и кровавое капиталистическое дело. Эти идеи: народовластие, всеобщее, равное, прямое избирательное право, Учредительное собрание, свобода печати и прочее. Во всем мире видим мы капиталистические республики, оправдывающие именно этой «демократической» ложью господство капиталистов и войны из-за порабощения колоний. У нас мы видим, как и Колчак, и Деникин, и Юденич, и любой генерал раздают охотно такие «демократические» обещания. Можно ли верить тому человеку, который из-за словесных обещаний помогает заведомому бандиту? Меньшевики и эсеры, все без изъятия, помогают заведомым бандитам, всемирным империалистам, прикрашивая лжедемократическими лозунгами их власть, их поход на Россию, их господство, их политику.

В. И. Ленин. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком (1919) — т. 39, с. 156—157

Я несколько не сомневаюсь в том, что многие рабочие, принадлежащие к лучшим, честнейшим, искренне-революционным представителям пролетариата, являются врагами парламентаризма и всякого участия в парламенте. Чем старше капиталистическая культура и буржуазная демократия в данной стране, тем более понятно это, ибо буржуазия в старых парламентских странах великолепно научилась лицемерить и тысячами приемов надувать народ, выдавая буржуазный парламентаризм за «демократию вообще» или за «чистую демократию» и тому подобное, искусно пряча миллионы связей парламента с биржей и с капиталистами, используя подкупную, продажную прессу и всеми средствами пуская в ход силу денег, власть капитала.

В. И. Ленин. Письмо Сильвии Панкхерст (1919) — т. 39, с. 160

Обман трудящихся формальным равенством при сохранении гнета, ига, рабства капиталистического = буржуазная демократия.

В. И. Ленин. Черновые наброски и планы брошюры о диктатуре пролетариата (1919) — т. 39, с. 457

Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов.

Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран.

В. И. Ленин. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам [Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала] (1920) — т. 41, с. 162

[...] Вся история буржуазной демократии сделала из парламентской трибуны, особенно в передовых странах, главное или одно из главных поприщ неслыханных мошенничеств, финансовых и политических обманов народа, карьеризма, лицемерия, угнетения трудящихся. Поэтому вполне законна горячая ненависть к парламентам со стороны лучших представителей революционного пролетариата. [...]

[...] В самых просвещенных и свободных странах, с наиболее «устойчивым» буржуазно-демократическим строем, правительства уже систематически прибегают, вопреки их лживым и лицемерным заявлениям, к ведению тайных списков коммунистов, к бесконечным нарушениям своей собственной конституции для полутайной и тайной поддержки белогвардейцев и убийства коммунистов во всех странах, к тайной подготовке арестов коммунистов, к введению провокаторов в среду коммунистов и т. д. и т. п.

В. И. Ленин. Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала [Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала] (1920) — т. 41, с. 192, 194—195

[...] Буржуазия есть действительно классовая сила, которая при капитализме господствует неизбежно и в монархии и в самой что ни на есть демократической республике, пользуясь также неизбежно поддержкой всемирной буржуазии.

В. И. Ленин. О подоходном налоге (1921) — т. 43, с. 238

СЛОМ СТАРОЙ, БУРЖУАЗНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАШИНЫ

**Слом старого государственного аппарата —
необходимое условие становления пролетарской демократии
Преобразование органов, выполняющих правомерные функции
управления**

После революции смена всех гражданских и военных чиновников, а также части судебных чиновников, и особенно *прокуратуры*, является первой необходимостью. В противном случае лучшие начинания центральной власти потерпят крушение из-за сопротивления низших чиновников.

*Ф. Энгельс. Согласительное заседание
4 июля (1848) — т. 5, с. 201*

[...] Если ниспровержение парламентарной республики в зародыше заключает в себе торжество революции пролетариата, то его ближайшим осязательным результатом была *победа Бонапарта над парламентом, победа исполнительной власти над законодательной, победа не прикрытой фразами силы над силой фразы*. В парламенте нация возводила в закон свою всеобщую волю, т. е. возводила закон господствующего класса в свою всеобщую волю. Перед лицом исполнительной власти она отрекается от всякой собственной воли и подчиняется велению чужой воли, авторитету. Исполнительная власть в противоположность законодательной выражает гетерономию нации в противоположность ее автономии. [...]

Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сеть все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху абсолютной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять. [...] Первая французская революция, поставившая себе задачу уничтожить все местные, территориальные, городские и провинциальные особые власти, чтобы создать гражданское единство нации, должна была развить далее то, что было начато абсолютной монархией,—централизацию, но вместе с тем она расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон завершил эту государственную машину. Легитимная монархия и Июльская монархия не прибавили ничего нового, кроме большего разделения труда, увеличивавшегося по мере того, как разделение труда внутри буржуазного общества создавало новые группы интересов, следовательно—новые объекты государственного управления. Всякий *общий* интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, *всеобщий* интерес, вырывался из сферы самодеятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности,—начиная от моста, школьного здания и коммунального имущества какой-нибудь сельской общины и кончая железными дорогами, национальным имуществом и государственными университетами Франции. Наконец, парламентарная республика оказалась в своей

борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе.

Но при абсолютной монархии, во время первой революции, при Наполеоне, бюрократия была лишь средством подготовки классового господства буржуазии. Во время Реставрации, при Луи-Филиппе, при парламентарной республике, бюрократия при всем своем стремлении к самовластию была орудием господствующего класса.

Только при втором Бонапарте государство как будто стало вполне самостоятельным. Государственная машина настолько укрепила свое положение по отношению к гражданскому обществу, что она может теперь иметь во главе шефа Общества 10 декабря, какого-то явившегося с чужбины авантюриста, поднятого на щит пьяной солдатней, которую он купил водкой и колбасой и которую ему все снова и снова приходится ублажать колбасой. Отсюда малодушное отчаяние, чувство несказанного унижения, позора, которое сдавливает грудь Франции и не дает ей свободно вздохнуть. Она чувствует себя как бы обесчещенной.

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (1852) — т. 8, с. 205—207

Слом государственной машины не подвергает никакой опасности централизацию. Бюрократия есть только низшая и грубая форма централизации, которая еще обременена своей противоположностью, феодализмом*.

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (1852) — т. 8, с. 606

Если ты заглянешь в последнюю главу моего «Восемнадцатого брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из

* В издании 1869 г.: «Государственная централизация, в которой нуждается современное общество, может возникнуть лишь на развалинах военно-бюрократической правительственной машины, выкованной в борьбе с феодализмом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 213). *Ред.*

одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте.

К. Маркс — Л. Кузельману, 12 апреля
1871 г. — т. 33, с. 172

Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими, церковными и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии как оружие нарождавшегося современного общества в его борьбе за освобождение от феодализма.

[...] Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар.

[...] Коммуна была революцией не против той или иной формы государственной власти — легитимистской, конституционной, республиканской или императорской. Она была революцией против самого *государства*, этого сверхъестественного выкидыша общества; народ снова стал распоряжаться сам и в своих интересах своей собственной общественной жизнью. Коммуна не была революцией с целью передать государственную власть из рук одной части господствующих классов в руки другой, это была революция с целью разбить саму эту страшную машину классового господства. Это была не одна из мелочных стычек между парламентской формой классового господства и классового господства в форме исполнительной власти, а восстание против обеих этих форм, восполняющих друг друга, причем парламентская форма была только обманчивым придатком исполнительной власти. Вторая империя была последней формой этой узурпации, совершенной государством. Коммуна была решительным отрицанием этой государственной власти и потому началом социальной революции XIX века. И поэтому, какова бы ни была ее судьба в Париже, она обойдет *весь мир*. [...]

Одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества, — задачей уничтожения всех классов и классового господства — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, централизованную и организованную правительственную

власть, ставшую путем узурпации господином общества вместо того, чтобы быть его слугой.

К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции» (1871) — т. 17, с. 543—547

[...] Пролетариат не может, как это делали господствующие классы и их различные соперничающие группы в поочередные моменты своего торжества, просто овладеть существующим государственным аппаратом и пустить в ход эту готовую силу для своих собственных целей. Первое условие для удержания политической власти — переделать традиционный рабочий механизм государства и уничтожить его как орудие классового господства. Эта громадная правительственная машина, опутывающая, как удав, действительный общественный организм своими всеохватывающими петлями — постоянной армией, иерархической бюрократией, послушной полицией, духовенством и раболепным судебским сословием — была впервые создана во времена абсолютной монархии как оружие нарождавшегося буржуазного общества в его борьбе за освобождение от феодализма. Первая французская революция [...] подготовила общественную почву для той надстройки, которой является централизованная государственная власть с ее вездесущими органами, разветвляющимися по принципу систематического и иерархического разделения труда.

Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей. Политическое орудие его порабощения не может служить политическим орудием его освобождения. [...]

Гигантский правительственный паразит, опутывающий, как удав, общественный организм своими всеохватывающими петлями — бюрократией, полицией, постоянной армией, духовенством и судебским сословием — существует со времен абсолютной монархии.

К. Маркс. Второй набросок «Гражданской войны во Франции» (1871) — т. 17, с. 597, 598

[...] Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судебским сословием,— органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда,— существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом.

К. Маркс. *Гражданская война во Франции (1871)* — т. 17, с. 339

Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества.

К. Маркс. *Гражданская война во Франции (1871)* — т. 17, с. 344

[...] Победивший пролетариат должен заново переделать старый бюрократический, административно-централизованный государственный аппарат, прежде чем сможет использовать его для своих целей [...]

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну, 1 января 1884 г. — т. 36, с. 70

Этот взрыв старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократической, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны»*.

Ф. Энгельс. *Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» (1871)* — т. 22, с. 200

[...] Если государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, если оно есть сила, стоящая над обществом и «все более и более отчуждающая себя от общества»**, то ясно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено.

В. И. Ленин. *Государство и революция (1917)* — т. 33, с. 8

* См. наст. изд., с. 232—236. *Ред.*

** См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд., т. 21, с. 170. *Ред.*

[...] Ход событий вынуждает революцию «концентрировать все силы разрушения» против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение* ее.

[...] Империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах.

Всемирная история подводит теперь, несомненно, в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 году, к «концентрации всех сил» пролетарской революции на «разрушении» государственной машины.

Чем заменит ее пролетариат, об этом поучительнейший материал дала Парижская Коммуна.

В. И. Ленин. *Государство и революция* (1917) — т. 33, с. 31, 33

Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен *разбить, сломать* «готовую государственную машину»*, а не ограничиваться простым захватом ее. [...]

В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину»** заключается, кратко выраженный, главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству.

[...] Особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной *народной* революции»***. [...]

Разбить эту машину, *сломать* ее — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное усло-

* См. наст. изд., с. 151. *Ред.*

** См. там же, с. 150. *Ред.*

*** См. там же. *Ред.*

вне» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочно демократия и невозможно социалистическое преобразование.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 37—40

[...] Революция пролетариата не может «просто» взять в руки «готовую» государственную машину, революция должна **разбить** ее, эту *готовую* машину, и заменить *новой*.

В. И. Ленин. Марксизм о государстве (1917) — т. 33, с. 129

Под государственным аппаратом разумеется прежде всего постоянная армия, полиция и чиновничество.

[...] Маркс учил, на основании опыта Парижской Коммуны, что пролетариат *не может* просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, что пролетариат должен *разбить* эту машину и заменить ее новой [...] Эта новая государственная машина была создана Парижской Коммуной, и *того же типа* «государственным аппаратом» являются русские Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. [...]

«Овладеть» «государственным аппаратом» и «привести его в движение» пролетариат *не может*. Но он может *разбить* все, что есть угнетательского, рутинного, несправедливо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место *свой*, новый аппарат. Этот аппарат и есть Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? (1917) — т. 34, с. 302, 303

Кроме преимущественно «угнетательского» аппарата постоянной армии, полиции, чиновничества, есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной, если позволительно так выразиться. Этому аппарату разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать, отсечь, отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким,

более всеобъемлющим, более всенародным. И это *можно* сделать, опираясь на завоевания, уже осуществленные крупнейшим капитализмом (как и вообще пролетарская революция, только опираясь на эти завоевания, способна достигнуть своей цели).

Капитализм создал *аппараты* учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, союзов служащих. *Без крупных банков социализм был бы неосуществим.*

Крупные банки *есть* тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсесть* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых *социалистического* аппарата. Это — общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества.

Этот «государственный аппарат» (который является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем «взять» и «привести в движение» одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь *служащие*, большинство которых сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении.

Одним указом пролетарского правительства этих служащих можно и должно перевести на положение государственных служащих — подобно тому, как сторожевые псы капитализма, вроде Бриана и других буржуазных министров, одним указом переводят бастующих железнодорожников на положение государственных служащих. Таких государственных служащих нам понадобится много больше, и их *можно* получить больше, ибо капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку *записям*.

«Огосударствление» массы служащих банковых, синдикатских, торговых и пр. и пр. — вещь вполне осуществ-

вимая и технически (благодаря предварительной работе, выполненной для нас капитализмом и финансовым капитализмом) и политически, при условии контроля и надзора *Советов*.

А с высшими служащими, которых очень немного, но которые тянут к капиталистам, придется поступить, как с капиталистами, «по строгости». Они, как и капиталисты, окажут *сопротивление*. Это сопротивление надо будет *сломить* [...]

Это мы сделать можем, ибо речь идет о сламывании сопротивления ничтожного меньшинства населения, буквально горстки людей, за каждым из которых союзы служащих, профессиональные союзы, потребительные общества и Советы учредят такой *надзор*, что всякий Тит Титыч будет *окружен*, как француз под Седаном. Этим Тит Титычей мы знаем поименно: достаточно взять списки директоров, членов правления, крупных акционеров и т. п. Их несколько сот, самое большее — несколько тысяч на *всю* Россию, к каждому из них пролетарское государство, с аппаратом Советов, союзов служащих и т. д., может приставить и по десятку и по сотне контролеров, так что даже вместо «сламывания сопротивления» удастся, пожалуй, посредством *рабочего контроля* (за капиталистами) сделать какое бы то ни было сопротивление *невозможным*.

Не в конфискации имущества капиталистов будет даже «гвоздь» дела, а именно во всенародном, всеобъемлющем рабочем контроле над капиталистами и за их возможными сторонниками. Одной конфискацией ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета правильного распределения. Конфискацию мы легко заменим взиманием *справедливого* налога (хотя бы в «шингаревских» ставках) — только бы исключить возможность какого-либо уклонения от подотчетности, сокрытия правды, обхода закона. А эту возможность *устранит* только рабочий контроль *рабочего государства*.

Принудительное синдицирование, т. е. принудительное объединение в союзы под контролем государства, вот что капитализм подготовил, вот что в Германии осуществило государство юнкеров, вот что вполне будет осуществимо в России для Советов, для диктатуры пролетариата, вот что *даст нам «государственный аппарат»* и универсальный, и новейший, и небюрократический [...].

В. И. Ленин. *Удержат ли большевики государственную власть?* (1917) — т. 34, с. 307—309

Диктатуру пролетариата пытаются признать на словах, чтобы тайком протащить рядом с ней «волю большинства», «всеобщее голосование» (так именно делает Каутский), буржуазный парламентаризм, отказ от полного уничтожения, взрывания, сламывания до конца всего буржуазного государственного аппарата. Этих новых уверток, новых лазеек реформизма надо бояться больше всего. [...]

Комичные педанты! Они не поняли, что голосование в рамках, в учреждениях, в обычаях буржуазного парламентаризма есть *часть* буржуазного государственного аппарата, который должен быть разбит и сломан сверху донизу *для* осуществления диктатуры пролетариата, для перехода от буржуазной демократии к демократии пролетарской.

В. И. Ленин. *О задачах III Интернационала* (1919) — т. 39, с. 107, 108

[...] Пролетариат [...] пускает в ход *не* старый аппарат государственной власти, а *ломает* его вдребезги, не оставляет в нем камня на камне (вопреки воплям запуганных мещан и угрозам саботажников) и создает *новый* государственный аппарат. Этот новый государственный аппарат приспособлен к диктатуре пролетариата и к его борьбе против буржуазии *за* непролетарские трудящиеся массы. Этот новый аппарат не выдуман кем-либо, а *вырастает* из классовой борьбы пролетариата, из ее распространения вширь и вглубь. Этот новый аппарат государственной власти, новый *тип* государственной власти есть *Советская власть*.

В. И. Ленин. *Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата* (1919) — т. 40, с. 12

Диктатура пролетариата и Советская власть означают ясное сознание необходимости *разбить*, сломать вдребезги, буржуазный (хотя бы и республикански-демократический) государственный аппарат, суды, бюрократию, гражданскую и военную, и т. д.

В. И. Ленин. *Проект (или тезисы) ответа от РКП на письмо Независимой с.-д. германской партии* (1920) — т. 40, с. 58

ПРОЛЕТАРСКАЯ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Новый, высший тип демократии
Демократия для большинства, для трудящихся
Последовательная и действительная демократия
Формальный демократизм и революционная целесообразность
Разнообразие форм демократии
Непосредственное участие трудящихся масс в управлении
государством
Выборность, ответственность, сменяемость,
право отзыва, оплата должностных лиц
Коллегиальность и личная ответственность

Третья статья названа «*Главные основы будущего общественного строя*»*.

«Выход из существующего общественного порядка и обновление жизни новыми началами может совершиться только путем сосредоточения всех средств для существования общественного в руках *кашского комитета* и объявлением обязательной для всех физической работы.

Комитет тотчас по низвержении существующих основ объявляет все общественным достоянием и предлагает создавать рабочие общества» (artels) «и в то же время издаст статистические сводки, составленные знающими людьми и указывающие, какие отрасли труда наиболее необходимы в данной местности и какие обстоятельства могут мешать тому или другому разряду занятий.

В течение известного числа дней, назначенных для переворота, и неизбежно последующей за ним сумятицы, каждый индивидуум должен примкнуть к той или иной рабочей артели по собственному выбору... Все оставшиеся отдельно и не примкнувшие к рабочим группам без уважительных причин не имеют права доступа ни в общественные столовые, ни в общественные спальни, ни в какие-либо другие здания, предназначенные для удовлетворения разных потребностей работников-братьев или содержащие готовую продукцию и материалы, продовольствие и орудия, предназначенные для всех членов установившегося рабочего общества; одним словом, тот, кто не примкнул без уважительных причин к артели, остается без средств к существованию. Для него закрыты будут все дороги, все средства сообщения, останется только один выход: или к труду, или к смерти».

Каждая артель выбирает из своей среды оценщика («otzienschichik»), который регулирует ход работы, ведет книги для записи производства и потребления, а также производительности каждого рабочего, и служит посредником с общей конторой данной местности. Контора, состоящая из избранных членов всех артелей дан-

* Данная статья была опубликована в журнале «Издания общества «Народной расправы» (Спб., 1870, зима, № 2). Журнал издавался в Женеве С. Г. Нечаевым. Всего вышло два номера журнала, в редактировании первого из них принимал участие М. А. Бакунин.
Ред.

ной местности, производит обмен между этими артелями, заведует всеми общественными учреждениями (спальнями, столовыми, школами, больницами) и руководит всеми общественными работами: «все общие работы находятся в ведении конторы, тогда как все индивидуальные, где необходимы особое искусство и навык, выполняются отдельно артелями». Дальше идет подробная регламентация воспитания, рабочего времени, кормления детей, освобождения от работы изобретателей и т. д.

«При полной публичности, гласности и деятельности каждого пропадет бесследно, исчезнет всякое честолюбие, как его теперь понимают, и всякая ложь... тогда стремлением каждого будет производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше; в этом сознании своей пользы для общества будет заключаться вся гордость, все честолюбие тогдашних деятелей».

Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма! Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве высшего руководителя, безымянный и никому неизвестный «наш комитет».

К. Маркс, Ф. Энгельс. Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих (1873) — т. 18, с. 413—414

«Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления?»

Неужели, например, в профессиональном союзе весь союз образует свой исполнительный комитет? Неужели на фабрике исчезнет всякое разделение труда и различные функции, из него вытекающие? А при бакунинском построении «снизу вверх» разве все будет «вверху»? Тогда ведь не будет никакого «внизу». Неужели все члены общины будут в равной мере ведать общими интересами «области»? Тогда не будет никакого различия между общиной и «областью».

«Немцев считают около сорока миллионов. Неужели же все сорок миллионов будут членами правительства?»

Certainly*, ибо дело начинается с общинного самоуправления.

«Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет».

* — Разумеется. *Ред.*

Когда человек сам управляет собой, то — по этому принципу — он не управляет собой; ведь он — только он сам и никто другой.

«Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут управляемые и рабы» (стр. 279).

Это только значит: когда исчезнет классовое господство, не будет государства в пышном политическом смысле слова...

«Эта дилемма в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они» (то есть Бакунин) «разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом».

Asine! * Это — демократический вздор, политическое пустословие! Выборы — политическая форма, даже в мельчайшей русской общине и артели. Характер выборов зависит не от этих названий, а от экономических основ, от экономических связей избирателей между собой, и с того момента, как функции эти перестали быть политическими, 1) не существует больше правительственных функций; 2) распределение общих функций приобретает деловой характер и не влечет за собой никакого господства; 3) выборы совершенно утратят свой нынешний политический характер.

«Всеобщее право избрания народных представителей и «правителей государства» целым народом,—

такая вещь, как целый народ в нынешнем смысле слова — фантазия,

— вот последнее слово марксистов, так же, как и демократической школы,— ложь, за которой кроется деспотизм *управляющего меньшинства*, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли».

При коллективной собственности исчезает так называемая народная воля, чтобы уступить место действительной воле кооператива.

Итак, в результате: «управление огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство будет состоять из работников, говорят марксисты».

Где говорят?

«Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только они сделаются представителями или правителями народа, *перестанут быть работниками*».

* — Осел! *Ред.*

Не больше, чем теперь фабрикант, который не перестает быть капиталистом потому, что стал членом муниципального совета.

«и станут смотреть на всех обыкновенных рабочих с высоты «государственной»: они будут представлять уже не народ, а себя и свои «притязания» на управление народом. Тот, кто усомнится в этом, совсем не знаком с природой человека» (стр. 279).

Если бы г-н Бакунин был знаком хотя бы с положением управляющего рабочей кооперативной фабрикой, то все его бредни о господстве полетели бы к черту. Ему пришлось бы себя спросить: какую форму смогут принять функции управления на основе такого рабочего государства, если ему угодно его так называть.

[...] Так называемое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новой и весьма многочисленной аристократией действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение! (стр. 279—280).

«Марксисты чувствуют это» (!) «противоречие и, сознавая, что управление ученых» (quelle rêverie! *) «самое тяжелое, обидное и презрительное в мире, будет, несмотря на все демократические формы, фактической диктатурой,— утешаются мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая».

Non, mon cher! ** *Классовое господство* рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов.

«Они говорят, что единственной заботой и целью их будет образовать и поднять народ» (политикан из кафе!) «как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление сделается скоро ненужным, и государство, утратив весь политический, то есть «господствующий», характер, обратится само собой в свободную организацию экономических интересов и общин. Тут явное противоречие. Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздниться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным?» (стр. 280).

Оставляя в стороне попытку поездить на либкнехтовском *народном государстве*, которое вообще вздор, обращенный против Коммунистического манифеста и т. д.,

* — какой бред! *Ред.*

** — Нет, дорогой мой! *Ред.*

это только значит: ввиду того, что в период борьбы за разрушение старого общества пролетариат действует еще на основе старого общества и поэтому придает еще своему движению политические формы, более или менее соответствующие ему,— в этот период борьбы он не достиг еще своей окончательной организации и применяет для своего освобождения средства, которые после освобождения отпадут [...]

К. Маркс. Конспект книги Бакунина
«Государственность и анархия»
(1874—1875) — т. 18, с. 615—618

То, что оказалось не по силам буржуазной демократии 1848 г., как раз потому, что она была *буржуазной*, а не пролетарской,— а именно, дать трудящимся массам такую волю, содержание которой соответствовало бы их классовому положению,— непременно совершит социализм. А это означает взрыв милитаризма и вместе с ним всех постоянных армий *изнутри*.

Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг* (1877) —
т. 20, с. 175

В социалистическом обществе свобода и равенство не будут обманом; трудящиеся не будут раздроблены мелким обособленным хозяйничаньем; накопленное общим трудом богатство будет служить массе народа, а не угнетать ее; господство трудящихся уничтожит всякое угнетение какой бы то ни было национальности, религии или одного пола другим.

В. И. Ленин. *Проект обращения к избирателям* (1906) — т. 14, с. 108

[...] Путь к коллективизму лежит через демократию!

В. И. Ленин. *Отсталая Европа и передовая Азия* (1913) — т. 23, с. 167

[...] Вне демократии нет социализма [...]

В. И. Ленин. *Заметки публициста*
(1913) — т. 23, с. 310

[...] Базируясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней. Для устранения национального гнета необходим фундамент — социалистическое производст-

во, но на этом фундаменте необходима *еще* демократическая организация государства, демократическая армия и пр.

В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении (1916) — т. 30, с. 22

Социализм ведет к отмиранию *всякого* государства, следовательно, и всякой демократии, но социализм не осуществим иначе как *через* диктатуру пролетариата, которая соединяет насилие против буржуазии, т. е. меньшинства населения, с *полным* развитием демократии, т. е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия *всей* массы населения во всех *государственных* делах и во всех сложных вопросах ликвидации капитализма.

В. И. Ленин. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову) (1916) — т. 30, с. 72

Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни.

[...] Мы не знаем и не можем знать, какому числу угнетенных наций понадобится на практике отделение, чтобы внести свою лепту в разнообразие *форм* демократии и *форм* перехода к социализму.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 123

Социализм невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии. Поэтому, когда говорят: самоопределение при социализме излишне, это такой же вздор, такая же беспомощная путаница, как если бы кто сказал: демократия при социализме излишня.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 128

На основе социализма «примитивная» демократия будет не примитивной!

В. И. Ленин. *Марксизм о государстве*
(1917) — т. 33, с. 231

Другой класс должен подняться к управлению. В этом суть.

Особенно глубоко замечание Маркса в «Гражданской войне», что Парижская Коммуна не была парламентским учреждением [...] «а работающим, законодательным и исполнительным»*.

Не та демократия!!

Пролетариату нужна — и быть формой, а также орудием социалистической революции способна — не теперешняя, не буржуазная демократия, а иная, пролетарская. В чем отличие? Экономическое в том, что буржуазная есть фальшивая вывеска и т. д.

Политически в том, что (1) пролетарская демократия полна, всеобща, неограниченна (количество переходит в качество: демократия полнейшая не то качественно, что демократия не полная); (2) не парламентское учреждение, а «работающая»: в каком смысле «работающая»? (а) в экономическом: работники ее члены; (б) в политическом: не «говорильня», а дело, не разъединение, а соединение. (3) Соединение законодательных и исполнительных функций = переход к уничтожению государства в том смысле, что не особый орган, не особые органы будут вести дела государства, а все его члены.

«Примитивная» демократия на иной, высшей, базе

Как? Своего рода, нового рода «прямое народное законодательство», которое отвергал Энгельс при капитализме. Необходимо теперь соединение «управления» с физической работой, смены не только фабричной работы, но и смены от фабричной (земледельческой, физической вообще) работы к управлению.

В. И. Ленин. *Марксизм о государстве*
(1917) — т. 33, с. 271, 273

* См. наст. изд., с. 232. *Ред.*

17. Роль демократии *новой* и ее отмирание.

17 bis. «Новая» демократия («*neue Schöpfung*» *) = работающая, социалистическая, пролетарская, коммунистическая.

В. И. Ленин. План статьи «Уроки войны» (1917) — т. 30, с. 398

О ПРОЛЕТАРСКОЙ МИЛИЦИИ

[...] Нам нужно государство. Но нам нужно *не такое* государство, каким создала его буржуазия повсюду, начиная от конституционных монархий и кончая самыми демократическими республиками. [...]

Пролетариат же, если он хочет отстоять завоевания данной революции и пойти дальше, завоевать мир, хлеб и свободу, должен «разбить», выражаясь словами Маркса, эту «готовую» государственную машину и заменить ее новой, сливая полицию, армию и бюрократию с *поголовно вооруженным народом*. Идя по пути, указанному опытом Парижской Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, пролетариат должен организовать и вооружить *все* беднейшие, эксплуатируемые части населения, чтобы они *сами* взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, *сами составили* учреждения этой власти. [...]

Не дать восстановить полиции! Не выпускать местных властей из своих рук! Создавать действительно общенародную, поголовно-всеобщую, руководимую пролетариатом, милицию! — вот задача дня, вот лозунг момента, одинаково отвечающий и правильно понятым интересам дальнейшей классовой борьбы, дальнейшего революционного движения, и демократическому инстинкту всякого рабочего, всякого крестьянина, всякого трудящегося и эксплуатируемого человека, который не может не ненавидеть полиции, стражников, урядников, команды помещиков и капиталистов над вооруженными людьми, получающими власть над народом.

Какая полиция нужна *им*, Гучковым и Милюковым, помещикам и капиталистам? Такая же, какая была при царской монархии. *Все* буржуазные и буржуазно-демократические республики в мире завели у себя или восстановили у себя, после самых коротких революционных периодов, *именно такую* полицию, особую организацию отделенных от народа и противопоставленных ему

* — «новое творчество». Ред.

вооруженных людей, подчиненных, так или иначе, буржуазии.

Какая милиция нужна нам, пролетариату, всем трудящимся? Действительно *народная*, т. е., во-первых, состоящая из всего *поголовно* населения, из всех взрослых граждан *обоего* пола, а во-вторых, соединяющая в себе функции народной армии с функциями полиции, с функциями главного и основного органа государственного порядка и государственного управления.

Чтобы сделать эти положения более наглядными, возьму чисто схематический пример. Нечего и говорить, что была бы нелепа мысль о составлении какого бы то ни было «плана» пролетарской милиции: когда рабочие и весь народ настоящей массой возьмутся за дело практически, они во сто раз лучше разработают и обставят его, чем какие угодно теоретики. Я не предлагаю «плана», я хочу только иллюстрировать свою мысль.

В Питере около 2 миллионов населения. Из них более половины имеет от 15 до 65 лет. Возьмем половину — 1 миллион. Откинем даже целую четверть на больных и т. п., не участвующих в данный момент в общественной службе по уважительным причинам. Остается 750 000 человек, которые, работая в милиции, допустим, 1 день из 15 (и продолжая получать за это время плату от хозяев), составили бы армию в 50 000 человек.

Вот *какого типа* «государство» нам нужно!

Вот какая милиция была бы на деле, а не на словах только, «народной милицией».

Вот каким путем должны мы идти к тому, чтобы *нельзя было* восстановить ни особой полиции, ни особой, отдельной от народа, армии.

Такая милиция, на 95 частей из 100, состояла бы из рабочих и крестьян, выражала бы *действительно* разум и волю, силу и власть огромного большинства народа. Такая милиция действительно бы вооружала и обучала военному делу поголовно весь народ, обеспечивая *не по-гучковски, не по-милюковски* от всяких попыток восстановления реакции, от всяких происков царских агентов. Такая милиция была бы исполнительным органом «Советов рабочих и солдатских депутатов», она пользовалась бы *абсолютным* уважением и доверием населения, ибо она сама была бы организацией поголовно всего населения. Такая милиция превратила бы демократию из красивой вывески, прикрывающей порабощение народа капиталистами и издевательство капиталистов

над народом, в настоящее *воспитание масс* для участия во *всех* государственных делах. Такая милиция втянула бы подростков в политическую жизнь, уча их не только словом, но и делом, *работой*. Такая милиция развила бы те функции, которые, говоря ученым языком, относятся к ведению «полиции благосостояния», санитарный надзор и т. п., привлекая к подобным делам поголовно всех взрослых женщин. А не привлекая женщин к общественной службе, к милиции, к политической жизни, не вырывая женщин из их отупляющей домашней и кухонной обстановки, *нельзя* обеспечить настоящей свободы, *нельзя* строить даже демократии, не говоря уже о социализме.

Такая милиция была бы пролетарской милицией, потому что промышленные и городские рабочие так же естественно и неизбежно получили бы в ней руководящее влияние на массу бедноты, как естественно и неизбежно заняли они руководящее место во всей революционной борьбе народа и в 1905—1907 гг. и в 1917 году.

Такая милиция обеспечила бы абсолютный порядок и беззавестно осуществляемую товарищескую дисциплину. А в то же время она, в переживаемый всеми воюющими странами тяжелый кризис, дала бы возможность действительно демократически бороться с этим кризисом, осуществлять правильно и быстро разверстку хлеба и др. припасов, проводить в жизнь «всеобщую трудовую повинность», которую французы называют теперь «гражданской мобилизацией», а немцы «обязанностью гражданской службы», и без которой *нельзя* — *оказалось, что нельзя*, — лечить раны, нанесенные и наносимые разбойнической и ужасной войной.

Неужели пролетариат России проливал свою кровь только для того, чтобы получить пышные обещания одних только политических демократических реформ? Неужели он не потребует и не добьется, чтобы *всякий* трудящийся *тотчас* увидал и почувствовал известное улучшение своей жизни? Чтобы всякая семья имела хлеб? Чтобы всякий ребенок имел бутылку хорошего молока и чтобы ни один взрослый в богатой семье не смел взять лишнего молока, пока не обеспечены дети? Чтобы дворцы и богатые квартиры, оставленные царем и аристократией, не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим? Кто может осуществить эти меры кроме всенародной милиции с непременным участием женщин наравне с мужчинами?

Такие меры *еще не* социализм. Они касаются раз-верстки потребления, а не переорганизации производст-ва. Они не были бы еще «диктатурой пролетариата», а только «революционно-демократической диктатурой про-летариата и беднейшего крестьянства». Не в том дело сейчас, как их теоретически классифицировать. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практиче-ские задачи революции в прокрустово ложе узко-по-нятой «теории» вместо того, чтобы видеть в теории пре-жде всего и больше всего *руководство к действию*.

В. И. Ленин. Письма из далека
(1917) — т. 31, с. 34, 39—44

Товарищи солдаты! Вопрос о государственном уст-ройстве стоит теперь на очереди. Капиталисты, в руках которых сейчас государственная власть, хотят парла-ментарной буржуазной республики, т. е. такого государ-ственного порядка, когда царя нет, но господство остае-ся у капиталистов, управляющих страной посредством старых учреждений, именно: полиции, чиновников, по-стоянной армии.

Мы хотим иной, более соответствующей интересам народа, более демократической республики. [...]

Не полиция, не чиновники, безответственные перед народом, стоящие над народом, не постоянная армия, от-резанная от народа, *а сам вооруженный поголовно на-род*, объединенный Советами,— вот кто должен управ-лять государством. Вот кто установит необходимый по-рядок, вот какую власть будут не только *слушаться, но и уважать* рабочие и крестьяне.

В. И. Ленин. Речь к солдатам на ми-тинге в Измайловском полку 10 (23)
апреля 1917 г.— т. 31, с. 187, 188

Мы за такую республику, в которой бы снизу довер-ху не было ни полиции, ни постоянной армии (вместо нее, по нашему убеждению, должно быть всеобщее воо-ружение всего народа), ни чиновничества, пользующе-гося на деле несменяемостью и привилегированной, бур-жуазной, платой за труд. Мы за полную выборность, за сменяемость в любое время всех чиновников и за проле-тарскую плату им.

В. И. Ленин. Наши взгляды (1917) —
т. 31, с. 280

Россия должна быть демократической республикой. С этим согласно даже большинство помещиков и капиталистов, которые всегда стояли за монархию, но убедились теперь в том, что народ в России ни за что не допустит восстановления монархии. Капиталисты направили теперь все усилия на то, чтобы республика в России как можно больше походила на монархию и могла быть как можно легче снова превращена в монархию (примеры тому бывали во многих странах неоднократно). Для этого капиталисты хотят сохранения чиновничества, стоящего *над* народом, полиции и постоянной армии, отделенной от народа и находящейся под командой невыборных генералов и офицеров. А генералы и офицеры, если они не выборные, почти всегда будут из помещиков и капиталистов. Это известно даже из опыта всех республик на свете.

Наша партия, партия сознательных рабочих и беднейших крестьян, добивается поэтому иного рода демократической республики. Мы хотим такой республики, чтобы издевавшейся над народом полиции в ней не было; чтобы чиновники были все, снизу доверху, только выборные и сменяемые в любое время по требованию народа; чтобы жалованье их было не выше платы хорошему рабочему; чтобы в армии все начальство было такое же выборное и чтобы постоянная армия, отделенная от народа, отданная под команду чуждым народу классам, была заменена всеобщим вооружением народа, всенародной милицией.

Мы хотим такой республики, чтобы вся власть в государстве, снизу доверху, принадлежала всецело и исключительно Советам рабочих, солдатских, крестьянских и прочих депутатов.

Рабочие и крестьяне — большинство населения. Власть должна быть у них, а не у помещиков, не у капиталистов.

Рабочие и крестьяне — большинство населения. Власть и управление должны быть у их *Советов*, а не у чиновников.

В. И. Ленин. Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов (1917) — т. 32, с. 46—47

Партия пролетариата не может ограничиться буржуазно-парламентарной демократической республикой, которая везде в мире сохраняет и стремится увековечить

монархические орудия угнетения масс, именно: полицию, постоянную армию, привилегированное чиновничество.

Партия борется за более демократическую пролетарски-крестьянскую республику, в которой полиция и постоянная армия совершенно устраняются и заменяются всеобщим вооружением народа, поголовной милицией; все должностные лица становятся не только выборными, но и сменяемыми в любое время по требованию большинства их избирателей; плата всем, без изъятия, должностным лицам определяется в размере, не превышающем среднюю плату хорошему рабочему; парламентарно-представительные учреждения заменяются постепенно Советами представителей народа (от разных классов и профессий или от разных мест), в одно и то же время законодательствующими и проводящими в жизнь свои законы.

Конституция демократической республики российской должна обеспечить:

§ 1. Самодержавие народа; вся верховная власть в государстве должна принадлежать представителям народа, выбранным и сменяемым в любое время народом и составляющим одно народное собрание, одну палату.

§ 2. — добавить:

Пропорциональное представительство при всех выборах; сменяемость всех без изъятия делегатов и выборных в любое время по решению большинства их избирателей.

§ 3. — добавить:

Отмену всяких государством назначаемых местных и областных властей*.

В § 8-ом последнее предложение изложить так:

Введение родного языка во всех местных общественных и государственных учреждениях; отмену обязательного государственного языка.

§ 9 изменить так:

Право на свободное отделение и на образование своего государства за всеми нациями, входящими в состав государства. Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насильем, а исключительно добровольным соглашением на

* Смотри № 68 «Правды» от 28 мая 1917 г., рассуждения Фр. Энгельса по вопросу о точке зрения марксизма — и последовательной демократии вообще — на назначение или утверждение властей, выбранных местным населением [см. наст. изд., с. 338—339].

создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не мирятся ни с прямым, ни с косвенным насилием над другими народностями.

§ 11 изменить так:

Выборность судей и должностных лиц, как в гражданской службе, так и в армии, народом; сменяемость всех их в любое время по решению большинства их избирателей.

§ 12 изменить так:

Замена полиции и постоянного войска всеобщим вооружением народа; рабочие и служащие должны получать обычную плату от капиталистов за время, посвященное общественной службе во всенародной милиции.

В. И. Ленин. Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы [Материалы по пересмотру партийной программы] (1917) — т. 32, с. 141—142

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорящих в «работающие» учреждения. [...]

Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии, без парламентаризма можем и *должны* [...]

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 46, 48

[...] Перейдем к тому, как Энгельс двадцать лет спустя после Коммуны подытоживал ее уроки борющемуся пролетариату.

Вот какие уроки выдвигал на первый план Энгельс:

«...Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 году и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное оружие, и использовывало его против своих противников, именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства,

должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время...» *.

Энгельс подчеркивает еще и еще раз, что не только в монархии, но и в демократической республике государство остается государством, т. е. сохраняет свою основную отличительную черту: превращать должностных лиц, «слуг общества», органы его в *господ* над ним.

«...Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах, превращения государств и органов государства из слуг общества в господа над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзываться этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков **. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того...» ***

Энгельс подходит здесь к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, *превращается* в социализм, а с другой стороны, где она *требует* социализма. Ибо для уничтожения государства необходимо превращение функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подсилы громадному большинству населе-

* См. наст. изд., с. 236. *Ред.*

** Номинально это дает около 2400 руб., а по теперешнему курсу около 6000 рублей. Совершенно непростительно поступают те большевики, которые предлагают, например, в городских думах жалованье по 9000 руб., не предлагая ввести для всего государства максимум 6000 руб., — сумма достаточная. [Приводимые В. И. Лениным цифры возможных окладов заработка выражены в бумажной валюте второй половины 1917 г. *Ред.*]

*** См. наст. изд., с. 237. *Ред.*

ния, а затем и всему населению поголовно. А полное устранение карьеризма требует, чтобы «почетное», хотя и бездоходное, местечко на государственной службе не могло служить мостиком для перепрыгиванья на высокодоходные должности в банках и в акционерных обществах, как это бывает *постоянно* во всех свободнейших капиталистических странах.

Но Энгельс не делает той ошибки, которую делают, например, иные марксисты по вопросу о праве наций на самоопределение: дескать, при капитализме оно невозможно, а при социализме излишне. Подобное, якобы остроумное, а на деле неверное, рассуждение можно бы повторить про *любое* демократическое учреждение, и про скромное жалованье чиновникам в том числе, ибо до конца последовательный демократизм при капитализме невозможен, а при социализме *отомрет* всякая демократия.

Это — софизм, похожий на ту старую шутку, станет ли человек лысым, если у него будет волос меньше на один волос.

Развитие демократии *до конца*, изыскание *форм* такого развития, испытание их *практикой* и т. д., все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать *ее* преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 77—79

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не преjdeши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством

неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплачивает революционный против капитализма класс — пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все» могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для «налажения», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок*.

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «нкуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной

* Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» [см. *наст. изд.*, с. 37] [...]

чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом,— с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство.

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма»,— тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

В. И. Ленин. *Государство и революция* (1917) — т. 33, с. 99—102

«В социалистическом обществе,— пишет Каутский,— могут существовать рядом друг с другом... самые различные формы предприятий: бюрократическое (??), тред-юнионистское, кооперативное, единоличное»... «Существуют, например, предприятия, которые не могут обойтись без бюрократической (??) организации,— таковы железные дороги. Тут демократическая организация может получить такой вид: рабочие выбирают делегатов, которые образуют нечто вроде парламента, и этот парламент устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другие предприятия можно передать в ведение рабочих союзов, третьи можно организовать на кооперативных началах» [...]

Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что разъясняли в 70-х годах Маркс и Энгельс на примере уроков Коммуны.

Железные дороги решительно ничем не отличаются, с точки зрения необходимой будто бы «бюрократической» организации, от всех вообще предприятий крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупнокапиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюдении каждым указанной ему доли работы, под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, «выбирать делегатов, которые образуют нечто вроде парламента».

Но в том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет парламентом в смысле буржуазно-парламентарных учреждений. В том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет только «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением бюрократического аппарата», как воображает Каутский, мысль которого не выходит за рамки буржуазного парламентаризма. В социалистическом обществе «нечто вроде парламента» из рабочих депутатов будет, конечно, «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением» «аппарата», *но* аппарат-то этот *не* будет «бюрократическим». Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому *никто* не мог стать «бюрократом».

Каутский совершенно не продумал слов Маркса: «Коммуна была не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время издающей законы и исполняющей их»*.

* См. наст. изд., с. 232. *Ред.*

Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию (*не для народа*) с бюрократизмом (*против народа*), и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа.

Каутский обнаружил здесь все то же «суеверное почтение» к государству, «суеверную веру» в бюрократизм.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 108—110

При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, но и в *повседневном управлении*. При социализме *все* будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял. [...]

Маркс [...] учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину вот так-то, проводя указанные меры к большому демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намерение* практически-насуточных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем*, мы придем к полному разрушению бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет *массы* к новой жизни, поставит *большинство* населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять «государственные функции», а это приводит к *полному отмиранию* всякого государства вообще.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 116, 117

Нам бояться, при действительной демократии, нечего, ибо жизнь за нас [...]

В. И. Ленин. О компромиссах (1917) — т. 34, с. 135

Два обстоятельства надо здесь рассмотреть, чтобы дополнить сказанное выше: во-первых, новые средства контроля, созданные *не* нами, а капитализмом в его военно-империалистской стадии; во-вторых, значение углубления демократизма в деле *управления* государством пролетарского типа.

В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? (1917) — т. 34, с. 310

[...] Как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. [...] Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам.

В. И. Ленин. Доклад о земле 26 октября (8 ноября) [Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.] — т. 35, с. 27

[...] Центральный Комитет подтверждает, что уступки ультиматумам и угрозам меньшинства Советов равносильны полному отречению не только от Советской власти, но и от демократизма, ибо такие уступки равносильны боязни большинства использовать свое большинство, равносильны подчинению анархии и повторению ультиматумов со стороны любого меньшинства.

В. И. Ленин. Резолюция ЦК РСДРП(б) по вопросу об оппозиции внутри ЦК 2 (15) ноября 1917 г. — т. 35, с. 45

Советы на местах, сообразно условиям места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством. Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности. Пусть рабочие берутся за создание рабочего контроля на своих фабриках и заводах, пусть снабжают они фабрикатами деревню, обменивают их на хлеб. Ни одно изделие, ни один фунт хлеба не должен находиться вне учета, ибо социализм — это прежде всего учет. Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс.

В. И. Ленин. Ответ на запрос левых эсеров [Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г.] — т. 35, с. 56—57

Мы не дадим себя обманывать формальными лозунгами. [...]

Мы скажем народу, что его интересы выше интересов демократического учреждения. Не надо идти назад к старым предрассудкам, которые интересы народа подчиняют формальному демократизму.

В. И. Ленин. Речь по вопросу об Учредительном собрании [Заседание БЦИК 1 (14) декабря 1917 г.] — т. 35, с. 137

[...] Учредительное собрание, созываемое по спискам партий, существовавших до пролетарски-крестьянской революции, в обстановке господства буржуазии, неминуемо приходит в столкновение с волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии. Естественно, что интересы этой революции стоят выше формальных прав Учредительного собрания, даже если бы эти формальные права не были подорваны отсутствием в законе об Учредительном собрании признания права народа на перевыборы своих депутатов в любое время.

[...] Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии.

В. И. Ленин. Тезисы об Учредительном собрании (1917) — т. 35, с. 165—166

Во что бы то ни стало надо разбить старый, *нелепый*, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто вестать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов. [...]

Учет и контроль, которые необходимы для перехода к социализму, могут быть только массовыми. Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое, сотрудничество *массы рабочих и крестьян в учете и контроле за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами* может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества,

эти отбросы человечества, эти безнадежно гнилые и омертвевшие члены, эту заразу, чуму, язву, оставленную социализму по наследству от капитализма.

В. И. Ленин. Как организовать соревнование? (1917) — т. 35, с. 198, 200

[...] Без систематического, беспощадного, не останавливающегося ни перед какими буржуазно-демократическими формулами подавления сопротивления эксплуататоров, немислим не только социалистический, но и последовательно демократический переворот [...]

В. И. Ленин. Проект резолюции ЦК РСДРП(б) об исключении С. А. Лозовского из партии (1917) — т. 35, с. 214

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТРУДЯЩЕГОСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО НАРОДА

Учредительное собрание постановляет:

- I. 1. Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.
2. Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик.
- II. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, Учредительное собрание постановляет далее [...]

Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, Учредительное собрание всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собою армий и достижения, во что бы то ни стало, революционными мерами, демократического мира между народами, без аннексий и без контрибуций, на основе свободного самоопределения наций. [...]

Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В. И. Ленин. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (1918) — т. 35, с. 221—223

При полной демократизации армии вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой [...]

В. И. Ленин. К истории вопроса о несчастном мире (1918) — т. 35, с. 249

Рабочие и крестьяне еще недостаточно верят в свои силы, они слишком привыкли, в силу вековой традиции, ждать указки сверху. [...] И мы убеждены в том, что с каждым шагом Советской власти будет выделяться все большее и большее количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин. Может и научиться, если возьмется управлять!

В. И. Ленин. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11 (24) января [Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г.] — т. 35, с. 276

Теперь, когда сама масса берет в свои руки оружие и начинает беспощадную борьбу с эксплуататорами, когда применяется новая власть народа, ничего не имеющая общего с парламентской властью, — в это время перед нами уже не старое, отжившее по своим традициям и формам государство, а нечто новое, основанное на творческой силе низов.

В. И. Ленин. Заключительное слово по докладу Совета Народных Комиссаров 12 (25) января [Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г.] — т. 35, с. 282

Когда рабочие создали собственное государство, они подошли к тому, что старое понятие демократизма, — буржуазного демократизма, — оказалось в процессе развития нашей революции превзойденным. Мы пришли к тому типу демократии, который в Западной Европе ни-

где не существовал. Он имел свой прообраз только в Парижской Коммуне, а про Парижскую Коммуну Энгельс выражался, что Коммуна не была государством в собственном смысле слова*. Одним словом, поскольку сами трудящиеся массы берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, постольку исчезает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, следовательно, и за демократию, в ее старой форме, мы не можем стоять.

В. И. Ленин. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта [VII Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г.] — т. 36, с. 43—44

Само собой разумеется, что для сколько-нибудь демократического правительства задача убеждения народных масс никогда не может отодвинуться совершенно,— наоборот, она всегда будет стоять среди важных задач управления.

В. И. Ленин. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» (1918) — т. 36, с. 127

Теперешние советские учреждения и те экономические организации, которые характеризуются понятием рабочего контроля в промышленности,— эти организации находятся еще в периоде брожения и полной неустановленности. В этих организациях преобладает, естественно, сторона, так сказать, дискуссионная или сторона митинговая над стороной деловой. Иначе быть не может, потому что без привлечения к общественному строительству новых слоев народа, без пробуждения активности широких масс, доселе спавших, ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи. Бесконечные дискуссии и бесконечные митингования,— о чем так много и так озлобленно говорит буржуазная печать,— являются необходимым переходом совершенно еще неподготовленных к общественному строительству масс,— переходом от исторической спячки к новому историческому творчеству. [...]

Теперь наступил как раз тот переломный пункт, когда мы должны, нисколько не останавливая подготовки

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 103. Ред.

масс к участию их в государственном и экономическом управлении всеми делами общества, нисколько не мешая подробнейшему обсуждению ими новых задач (напротив, всячески помогая им производить это обсуждение, чтобы самостоятельно додуматься до правильных решений), в то же самое время мы должны начать строго отделять две категории демократических функций: с одной стороны — дискуссии, митингования, с другой стороны — установление строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое, дисциплинированное, добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы. К этому нельзя было перейти сразу, требовать этого было бы педантством или даже злостной провокацией несколько месяцев тому назад. Этого преобразования, вообще говоря, нельзя провести никаким декретом, никаким предписанием. Но настало время, когда центральным пунктом всей нашей революционной преобразовательной деятельности является осуществление именно этого преобразования. Теперь оно подготовлено, теперь условия для него назрели и теперь дальше откладывать и дальше ждать нельзя. Недавно при обсуждении вопроса о реорганизации и о правильной постановке железнодорожного транспорта возник вопрос о том, насколько единоличная распорядительная власть (власть, которую можно было бы назвать властью диктаторской) совместима с демократическими организациями вообще, с коллегиальным началом в управлении — в особенности, и — с советским социалистическим принципом организации — в частности. Несомненно, что очень распространенным является мнение, будто о таком совмещении не может быть и речи, — мнение, будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства, ни с коллегиальностью управления. Нет ничего ошибочнее этого мнения.

Демократический принцип организации — в той высшей форме, в которой с проведением Советами предложений и требований активного участия масс не только в обсуждении общих правил, постановлений и законов, не только в контроле за их выполнением, но и непосредственно в их выполнении, — это значит, что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть представлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в

обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь. Но из этого вовсе не следует, чтобы допустим был малейший хаос или малейший беспорядок насчет того, кто ответствен в каждом отдельном случае за определенные исполнительные функции, за проведение в жизнь определенных распоряжений, за руководство определенным процессом общего труда в известный промежуток времени. Масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности. Масса должна иметь право выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции. Но это нисколько не означает, чтобы процесс коллективного труда мог оставаться без определенного руководства, без точного установления ответственности руководителя, без строжайшего порядка, создаваемого единством воли руководителя. Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией. И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи. Вот почему в переживаемый нами момент, когда Советская власть и диктатура пролетариата достаточно укрепились, когда главные линии сопротивляющегося неприятеля, т. е. сопротивляющихся эксплуататоров, достаточно разрушены и обезврежены, когда подготовка масс населения функционированием советских учреждений к самостоятельному участию во всей общественной жизни достаточно произведена,— в настоящий момент на очередь выдвигаются задачи строжайше отделить дискуссии и митингования от беспрекословного исполнения всех предписаний руководителя. Это значит — отделить необходимую, полезную и вполне признаваемую любым Советом подготовку масс к проведению известной меры и к контролю за проведением этой меры,— отделить от самого этого проведения. Массы могут теперь,— это им обещивают Советы,— взять в свои руки всю власть и — укреплять эту власть. Но для того, чтобы не получилось

того многовластия и той безответственности, от которых мы исвероятно страдаем в настоящее время,— для этого нужно, чтобы для каждой исполнительской функции мы знали в точности, какие именно лица, быв выбранные на должность ответственных руководителей, несут ответственность за функционирование всего хозяйственного организма в целом. Для этого нужно, чтобы как можно чаще, при малейшей к тому возможности, определялись выборные ответственные лица для единоличного распоряжения всем хозяйственным организмом в целом. Необходимо добровольное исполнение распоряжений этого единоличного руководителя, необходим переход от той смешанной формы дискуссий, митингования, исполнения и — в то же самое время — критики, проверки и исправления — к строго правильному ходу машинного предприятия. К этой задаче в громадном большинстве трудовых коммун России, рабочие и крестьянские массы уже подходят и уже подошли. Задача Советской власти — взять на себя роль истолкователя наступающего теперь перелома и — узаконителя его необходимости.

В. И. Ленин. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» (1918) — т. 55, с. 154—158

На место старого суда она стала создавать новый, народный суд, вернее, советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов,— и только этих классов,— в управлении государством. Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком протасовать, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но, кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся. Мы были бы смешными утопистами, если бы воображали себе, что подобная задача осуществима на другой день после падения власти буржуазии, т. е. в первой стадии перехода от капитализма к социализму, или — без принуждения. Без принуждения такая задача совершенно не выполнима. Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое при-

пужденне, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине. У нас сделано еще непомерно мало, вернее, почти ничего не сделано для этой цели. А мы должны добиться организации подобных судов в самом широком масштабе с распространением их деятельности на всю трудовую жизнь страны. Лишь подобные суды, при условии участия в них самых широких масс трудящегося и эксплуатируемого населения, сумеют в демократических формах сообразно с принципами Советской власти добиться того, чтобы пожелания дисциплины и самодисциплины не остались голыми пожеланиями. Лишь подобные суды сумеют добиться того, чтобы у нас была революционная власть, которую мы все признаем на словах, говоря о диктатуре пролетариата, и вместо которой мы слишком часто видим вокруг себя нечто киселеобразное. Впрочем, правильнее было бы сравнить то общественное состояние, в каком мы находимся, не с киселем, а с переплавкой металла при выработке более прочного сплава.

В. И. Ленин. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» (1918) — т. 36, с. 163—164

В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или разрушительной работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья. Положительную или созидательную работу организации нового общества выполняло имущее, буржуазное меньшинство населения. И оно выполняло эту задачу, вопреки сопротивлению рабочих и беднейших крестьян, сравнительно легко не только потому, что сопротивление эксплуатируемых капиталом масс было тогда, в силу их распыленности и неразвитости, крайне слабо, но и потому, что основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный.

Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, — а следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, — является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети

новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся. Лишь в том случае, если пролетариат и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости,— победа социалистической революции будет обеспечена. Создав новый, советский, тип государства, открывающий возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельнейшее участие в самостоятельном строительстве нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, *обобществить* производство *на деле*.

В. И. Ленин. *Очередные задачи Советской власти* (1918) — т. 36, с. 168,
171

Что диктатура отдельных лиц очень часто была в истории революционных движений выразителем, носителем, проводником диктатуры революционных классов, об этом говорит непререкаемый опыт истории. С буржуазным демократизмом диктатура отдельных лиц совмещалась несомненно. Но в этом пункте буржуазные хулители Советской власти, а равно их мелкобуржуазные подголоски, проявляют всегда ловкость рук: с одной стороны, они объявляют Советскую власть просто чем-то нелепым, анархическим, диким, старательно обходя все наши исторические параллели и теоретические доказательства того, что Советы суть высшая форма демократизма, даже более: начало *социалистической* формы демократизма; с другой же стороны, они предъявляют к нам требования более высокого, чем буржуазный, демократизма и говорят: с вашим, большевистским (т. е. не буржуазным, а *социалистическим*), советским демократизмом личная диктатура абсолютно несовместима.

Рассуждения из рук вон плохие. Если бы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, *то есть принуждения* для перехода от капитализма к социализму. Форма принуждения определяется степенью

развития данного революционного класса, затем такими особыми обстоятельствами, как, например, наследие долгой и реакционной войны, затем формами сопротивления буржуазии и мелкой буржуазии. Поэтому решительно никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц *нет*. Отличие пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что первая направляет свои удары против эксплуататорского меньшинства в интересах эксплуатируемого большинства, а затем в том, что первую осуществляют — *и через отдельных лиц* — не только массы трудящихся и эксплуатируемых, но и организации, построенные так, чтобы именно такие массы будить, поднимать к историческому творчеству (советские организации принадлежат к этого рода организациям).

[...] О значении именно единоличной диктаторской власти с точки зрения специфических задач данного момента, надо сказать, что всякая крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли тысяч воле одного.

Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, — если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, *беспрекословное подчинение* единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо. Для железных дорог оно необходимо вдвойне и втройне. И вот этот переход от одной политической задачи к другой, *по внешности* на нее совсем не похожей, составляет всю оригинальность переживаемого момента. Революция только что разбила самые старые, самые прочные, самые тяжелые оковы, которым из-под палки подчинялись массы. Это было вчера. А сегодня та же революция и именно в интересах ее развития и укрепления, именно в интересах социализма, требует *беспрекос-*

ловного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса. Понятно, что такой переход немалым сразу. Понятно, что он осуществим лишь ценою величайших толчков, потрясений, возвратов к старому, громаднейшего напряжения энергии пролетарского авангарда, ведущего народ к новому. [...] И вся наша задача, задача партии коммунистов (большевиков), являющейся сознательным выразителем стремления эксплуатируемых к освобождению,— осознать этот перелом, понять его необходимость, встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования *об* условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора, *во время* работы.

Над «митингованием» смеются, а еще чаще по поводу него злобно шипят буржуа, меньшевики, новожизненцы, видящие только хаос, бестолочь, взрывы мелкособственнического эгоизма. Но без митингования масса угнетенных никогда не смогла бы перейти от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплине сознательной и добровольной. Митингование, это и есть настоящий демократизм трудящихся, их выпрямление, их пробуждение к новой жизни, их первые шаги на том поприще, которое они сами очистили от гадов (эксплуататоров, империалистов, помещиков, капиталистов) и которые они сами хотят научиться налаживать по-своему, для себя, на началах своей, *Советской*, а не чужой, не барской, не буржуазной власти. Нужна была именно октябрьская победа трудящихся над эксплуататорами, нужна была целая историческая полоса первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач, чтобы стал возможным прочный переход к высшим формам трудовой дисциплины, к сознательному усвоению идеи необходимости диктатуры пролетариата, к беспрекословному повиновению единоличным распоряжениям представителей Советской власти *во время* работы. [...]

Митингование именно наиболее угнетенной и забытой, наименее подготовленной массы трудящихся, переход ее на сторону большевиков, проведение сию везде и повсюду своей советской организации — вот второй великий этап революции.

Начинается третий. Надо закрепить то, что мы сами отвоёвали, что мы сами декретировали, узаконили, об-

судили, наметили,— закрепить в прочные формы *повседневной трудовой дисциплины*. Это — самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки. Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной дисциплиной* во время труда, с *беспрекословным повиновением* — воле одного лица, советского руководителя, во время труда.

Мы этому еще не научились.

Мы этому научимся.

В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти (1918) — т. 36, с. 199—203

Социалистический характер демократизма Советского, — то есть *пролетарского*, в его конкретном, данном, применении, — состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается; во-вторых, в том, что всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов, при полной свободе отзыва выбранных; в-третьих, что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупнопромышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплуатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что таким образом впервые делается приступ к тому, чтобы действительно *поголовно* население училось управлять и начинало управлять.

Таковы главные отличительные признаки получившего применение в России демократизма, являющегося более высоким *типом* демократизма, разрывом с буржуазным искажением его, переходом к социалистическому демократизму и к условиям, позволяющим начать отмирать государству.

В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти (1918) — т. 36, с. 203—204

Я уверен, что новая демократия, то есть пролетарская демократия, установится во всех странах и сокрушит все препятствия и империалистско-капиталистическую систему в Новом и в Старом свете.

В. И. Ленин — Р. Робинсу, 30 апреля 1918 г. — т. 50, с. 68

[...] Для дела строительства социализма недостаточ-
но опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, кото-
рые делали историю до сих пор и в обществе помещичь-
ем и в обществе капиталистическом. Мы не можем так
делать именно потому, что мы рассчитываем на совмест-
ный опыт, на опыт миллионов трудящихся.

*В. И. Ленин. Речь на I Всероссий-
ском съезде Советов народного хо-
зяйства 26 мая 1918 г.— т. 36, с. 380*

В этом значение переворота, что социализм из обла-
сти догмы, о которой могут говорить только совсем ни-
чего не понимающие люди, из области книжки, програм-
мы перешел в область практической работы. Вот теперь
своей рукой рабочие и крестьяне делают социализм.

Прошли и для России, я уверен, безвозвратно про-
шли, те времена, когда спорили о социалистических
программах по книжкам. Ныне о социализме можно
говорить только по опыту. В том и значение переворота,
что он в первый раз отбросил старый аппарат буржуаз-
ного чиновничества, буржуазной системы управления,
создал такие условия, что рабочие и крестьяне берутся
сами за дело, невероятно трудное, трудности которого
скрывать от себя было бы смешно [...] Каждый месяц
такой работы и такого опыта стоит десять, если не два-
дцать лет нашей истории. Да, мы нисколько не боимся
признаться перед вами в том, на что указывает озна-
комление с нашими декретами, что нам приходится по-
стоянно переделывать их; мы еще ничего готового не
создали, мы еще такого социализма, который можно
было бы вложить в параграфы, не знаем.

*В. И. Ленин. Доклад Совета Народ-
ных Комиссаров 5 июля [V Всерос-
сийский съезд Советов рабочих, кре-
стьянских, солдатских и красноар-
мейских депутатов 4—10 июля
1918 г.] — т. 36, с. 498—499*

[...] Предполагать, что при сколько-нибудь глубокой
и серьезной революции решает дело просто-напросто от-
ношение большинства к меньшинству, есть величайшее
тупоумие, есть самый глупенький предрассудок дюжин-
ного либерала, есть *обман масс*, сокрытие от них заведо-
мой исторической правды. [...]

[...] В эпоху отчаянной, обостренной войны, когда ис-
торией ставятся на очередь дня вопросы о бытии или не-
бытии вековых и тысячелетних привилегий,— толковать

о большинстве и меньшинстве, о чистой демократии, о ненужности диктатуры, о равенстве эксплуататора с эксплуатируемым!! Какая бездна тупоумия, какая пропасть филистерства нужна для этого!

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 263, 264

Коллегиальное обсуждение и решение всех вопросов управления в советских учреждениях должно сопровождаться установлением самой точной *ответственности каждой* из состоящих на любой советской должности лиц за *выполнение определенных*, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и *практических работ*.

Исполнение этого правила, без коего невозможно проведение действительного контроля и подбор наиболее подходящих лиц на каждую должность и на каждую работу, должно стать отныне *безусловно обязательным*.

Поэтому каждая советская коллегия и каждое советское учреждение, без всякого изъятия, обязаны немедленно:

во-1-х, принять постановление о точном распределении работы и ответственности между всеми членами коллегии или должностными лицами;

во-2-х, с полнейшей точностью определять ответственность тех лиц, которые исполняют отдельные поручения какого бы то ни было рода, особенно же касающиеся быстрого и правильного сбора и распределения материалов и продуктов. [...]

В целях борьбы с волокитой и для более успешного открытия злоупотреблений, а равно разоблачения и устранения печальных должностных лиц, пропавших в советские учреждения,

вводятся следующие правила:

В каждом советском учреждении должны быть вывешены не только внутри здания, но и снаружи, так чтобы они были доступны всем без всяких пропусков, правила о днях и часах приема публики. Помещение для приема обязательно должно быть устроено так, чтобы допуск в него был свободный, безусловно без всяких пропусков.

В каждом советском учреждении должна быть заведена книга для записи, в самой краткой форме, имени просителя, сущности его заявления и направления дела.

В воскресные и праздничные дни должны быть назначены часы приема.

Должностным лицам от Государственного контроля дается право присутствовать на всех приемах и вменяется в обязанность от времени до времени посещать приемы, проверять книгу записей и составлять протокол посещения, осмотра книги и опроса публики.

Комиссариаты труда, Государственного контроля и юстиции обязаны организовать повсеместно,— с оповещением населения о дне и часе приема, всем свободного без пропусков и бесплатного,— справочные бюро, с приемом обязательно и в воскресные дни. Эти справочные бюро обязаны не только давать все просимые справки, как устные и письменные, но и составлять бесплатно письменные заявления для неграмотных и неспособных составить ясное заявление лиц. К участию в этих справочных бюро обязательно привлекаются как представители *всех* партий, допущенных в Советы, с обязательным привлечением и партий, не участвующих в правительстве, так и представители непартийных профессиональных союзов и непартийных союзов интеллигенции.

В. И. Ленин. набросок правил об управлении советскими учреждениями (1918) — т. 37, с. 365—367

Коллегиальное управление необходимо при участии профессиональных союзов. Коллегии необходимы, но коллегиальные управления не должны обращаться в помеху практическому делу. И когда теперь мне, в частности, приходилось наблюдать за проведением в жизнь экономических задач нашими предприятиями, особенно бросается в глаза, что исполнительная часть нашей работы, связанная с коллегиальным обсуждением, иногда тормозит исполнение. Этот переход от коллегиального исполнения к личной ответственности составляет задачу дня.

От совнархозов, главков и центров мы будем безусловно требовать, чтобы коллегиальная система управления не выражалась в болтовне, в писании резолюций, в составлении планов и областничестве. Это недопустимо. Мы неуклонно будем требовать, чтобы каждый работник совнархоза, каждый член главка знал, за какую отрасль хозяйства, в узком смысле, он отвечает.

В. И. Ленин. Речь на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства 25 декабря 1918 г. — т. 37, с. 397—398

[...] Нужна правильная политика решительного разрыва со всякой волокитой, нужно действовать быстро и решительно, нужно назначить определенных лиц на определенную ответственную работу, нужно, чтобы каждый из этих лиц знал определенно свое дело, определенно отвечал за него, будучи ответственным вплоть до расстрела.

В. И. Ленин. Речь на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства 25 декабря 1918 г.— т. 37, с. 401

[...] Рабочий класс не сможет идти к социализму через старое буржуазно-демократическое парламентарное государство, а лишь через государство нового типа, которое и парламентаризм и чиновничество разбивает снизу доверху.

В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г.— т. 37, с. 439

[...] Органы насилия одного класса над другим рабочие окончательно приберут в свои руки. И это будет, мы это знаем.

Мы хотим теперь сосредоточить все ваше внимание на ближайшем практическом деле. Необходимо еще и еще расширять участие самих трудящихся в управлении хозяйством и строительстве нового производства. Если мы этой задачи не решим, если мы не превратим профессиональные союзы в органы воспитания вдесятеро более широких масс, чем теперь, для непосредственного участия в управлении государством,— тогда мы дело коммунистического строительства не доведем до конца. [...]

Профессиональные союзы с величайшим переворотом, который наступил в истории, когда пролетариат взял в свои руки государственную власть, испытывают величайший перелом во всей своей деятельности. Они становятся главным созидателем нового общества, потому что созидателями этого общества могут быть только многомиллионные массы. Как сотни были этими созидателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов. Мы к этому пошли, но мы до этого еще не дошли.

В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г.— т. 37, с. 450—451

На пути к коммунизму через диктатуру пролетариата партия коммунистов, отбрасывая демократические лозунги, упраздняет без остатка и такие органы буржуазного господства — как суды прежнего устройства, заменяя их классовыми рабоче-крестьянскими судами. Взяв всю власть в свои руки, пролетариат вместо прежней расплывчатой формулы: «Выборность судей народом» выдвигает классовый лозунг: «Выборность судей из трудящихся только трудящимися» и проводит его во всей организации суда. Избирая в состав суда только представителей рабочих и крестьян, не пользующихся наемным трудом с целью извлечения прибыли, коммунистическая партия не делает различия для женщин, уравнивая оба пола во всех правах как при выборе судей, так и в отправлении обязанностей судей. Отменив законы свергнутых правительств, партия дает выбранным советскими избирателями судьям лозунг — осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его, руководствоваться социалистическим правосознанием, отмечая законы свергнутых правительств.

В. И. Ленин. Первый абзац пункта программы о суде [Проект программы РКП(б)] (1919) — т. 38, с. 115

13. [...] Формы демократии неизбежно сменялись в течение тысячелетий, начиная с зачатков ее в древности, по мере смены одного господствующего класса другим. В древних республиках Греции, в городах средневековья, в передовых капиталистических странах демократия имеет различные формы и различную степень применения. Величайшей нелепостью было бы думать, что самая глубокая революция в истории человечества, первый в мире переход власти от меньшинства эксплуататоров к большинству эксплуатируемых может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии, может произойти без самых крутых переломов, без создания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т. д.

14. Диктатура пролетариата тем сходна с диктатурой других классов, что она вызвана необходимостью, как и всякая диктатура, подавить насильственно сопротивление класса, теряющего политическое господство. Коренное отличие диктатуры пролетариата от диктату-

ры других классов,— от диктатуры помещиков в средние века, от диктатуры буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах,— состоит в том, что диктатура помещиков и буржуазии была насильственным подавлением сопротивления громадного большинства населения, именно трудящихся. Напротив, диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплуататоров, т. е. ничтожного меньшинства населения, помещиков и капиталистов.

Отсюда, в свою очередь, вытекает, что диктатура пролетариата неизбежно должна принести с собой не только изменение форм и учреждений демократии, говоря вообще, но именно такое их изменение, которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов.

И действительно, та форма диктатуры пролетариата, которая уже выработана фактически, т. е. Советская власть в России, Räte-System* в Германии, Shop Stewards Committees** и другие аналогичные советские учреждения в других странах, все они означают и осуществляют именно для трудящихся классов, т. е. для громадного большинства населения, такую фактическую возможность пользоваться демократическими правами и свободами, которой никогда не было, даже приблизительно, в самых лучших и демократических буржуазных республиках.

Сущность Советской власти состоит в том, что постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата является массовая организация именно тех классов, которые были угнетены капитализмом, т. е. рабочих и полупролетариев (крестьян, не эксплуатирующих чужого труда и прибегающих постоянно к продаже хотя бы части своей рабочей силы). Именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках, будучи равноправны по закону, на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, привлекаются теперь к постоянному и неперемennomу, притом решающему, участию в демократическом управлении государством.

* — система Советов. *Ред.*

** — комитеты фабричных старост. *Ред.*

15. То равенство граждан, независимо от пола, религии, расы, национальности, которое буржуазная демократия всегда и везде обещала, но нигде не провела и, в силу господства капитализма, провести не могла, Советская власть, или диктатура пролетариата, осуществляет сразу и полностью, ибо в состоянии сделать это только власть рабочих, не заинтересованных в частной собственности на средства производства и в борьбе за раздел и передел их.

16. Старая, т. е. буржуазная, демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т. е. диктатура пролетариата, напротив, построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства и замена территориальных избирательных округов производственными единицами, каковы: завод, фабрика.

17. Войско было аппаратом угнетения не только при монархии. Оно осталось таковым и во всех буржуазных, даже наиболее демократических, республиках. Только Советская власть, как постоянная государственная организация именно угнетавшихся капитализмом классов, в состоянии разрушить подчинение войска буржуазному командованию и действительно слить пролетариат с войском, действительно осуществить вооружение пролетариата и разоружение буржуазии, без чего невозможна победа социализма.

18. Советская организация государства приспособлена к руководящей роли пролетариата, как класса, наиболее сконцентрированного и просвещенного капитализмом. Опыт всех революций и всех движений угнетенных классов, опыт всемирного социалистического движения учит нас, что только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения.

19. Только советская организация государства в состоянии действительно разбить сразу и разрушить окончательно старый, т. е. буржуазный, чиновничий и судейский аппарат, который сохранялся и неизбежно должен был сохраняться при капитализме даже в самых демократических республиках, будучи фактически наибольшей помехой проведению демократизма в жизнь для рабочих и трудящихся. Парижская Коммуна сделала пер-

вый всемирно-исторический шаг по этому пути, Советская власть — второй.

20. Уничтожение государственной власти есть цель, которую ставили себе все социалисты, Маркс в том числе и во главе. Без осуществления этой цели истинный демократизм, т. е. равенство и свобода, неосуществим. А к этой цели ведет практически только советская, или пролетарская, демократия, ибо, привлекая к постоянному и неперемennomу участию в управлении государством массовые организации трудящихся, она начинает немедленно готовить полное отмирание всякого государства.

В. И. Ленин. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта [I конгресс Коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 г.] — т. 37, с. 498—
501

Всякий, сознательно относящийся к истории, скажет, что французская революция, хотя ее и разбили, все-таки победила, потому что она всему миру дала такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустранимы.

Наша революция за полтора года дала для пролетариата, для того класса, которому мы служим, для той цели, для которой мы работаем, для свержения господства капитала, дала неизмеримо больше, чем французская революция для своего класса. И потому мы говорим, что если бы даже, беря возможный гипотетически, худший из возможных случаев, если бы завтра какой-нибудь счастливый Колчак перебил поголовно всех и каждого большевика, революция осталась бы непобедимой.

В. И. Ленин. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая [I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г.] — т. 38, с. 367—368

Никакими фальшивыми лозунгами, никакими фетишами, вроде «свободы», «равенства», нас не обманешь. Мы не признаем ни свободы, ни равенства, ни трудовой демократии, если они противоречат интересам освобождения труда от гнета капитала [...].

В. И. Ленин. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая [I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г.] — т. 38, с. 372

Более демократического, в истинном смысле слова, более тесно связанного с трудящимися и эксплуатируемыми массами, государства *на свете еще не бывало*.

В. И. Ленин. Великий почин (1919) — т. 39, с. 29

Коллегиальность необходима для решения дел государства рабочих и крестьян. Но всякое раздувание коллегиальности, всякое извращение ее, ведущее к волоките, к безответственности, всякое превращение коллегиальных учреждений в говорильни является величайшим злом, и с этим злом надо покончить во что бы то ни стало, как можно скорее, не останавливаясь ни перед чем.

[...] Коллегиальность должна сопровождаться самым точным установлением личной ответственности *каждого* лица за *точно* определенное дело. Безответственность, прикрываемая ссылками на коллегиальность, есть самое опасное зло [...]

В. И. Ленин. Все на борьбу с Деникиными! (1919) — т. 39, с. 45, 46

[...] Только тогда, когда власть будет принадлежать трудящимся, не будет лжи, не будет обмана [...]

В. И. Ленин. Речь на беспартийной рабоче-красноармейской конференции Басманного, Лефортовского, Алексеевского и Сокольнического районов 3 сентября 1919 г. — т. 39, с. 177

Рабочую и Крестьянскую инспекцию всячески развивать, усиливать, расширять, направляя всю работу к полному «орабочению» (и «окрестьяниванию») Госкона*.

В. И. Ленин. Директива Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о рабочей инспекции (1920) — т. 40, с. 64

[...] *Всю* трудящуюся массу, и мужчин и *женщин особенно*, провести через участие в Рабоче-Крестьянской инспекции.

В. И. Ленин. Замечание и добавление к проектам «Положения о Рабочей и Крестьянской инспекции» (1920) — т. 40, с. 65

* — Государственного контроля. *Ред.*

Коллегиальность, как основной тип организации советского управления, представляет из себя нечто зачаточное, необходимое на первой стадии, когда приходится строить вновь. Но при установившихся более или менее устойчивых формах переход к практической работе связан с единоначалием, как с той системой, которая больше всего обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную, а не словесную проверку работы.

Опыт, который проделала Советская власть в деле военного строительства, не может быть рассматриваем как опыт изолированный. [...] В этот опыт надо вдуматься. Он прошел, закономерно развиваясь, от случайной, расплывчатой коллегиальности через коллегиальность, возведенную в систему организации, проникающей все учреждения армии, и теперь, как общая тенденция, подошел к единоначалию, как к единственно правильной постановке работы. В любой советской работе вы встретите небольшое количество сознательных пролетариев, массу менее развитых и, как подпочву всего этого, огромную массу крестьянства со всеми привычками к единоличному хозяйству, а следовательно, к свободе торговли и спекуляции, которую меньшевики, эсеры и беспартийные называют свободой, а мы — наследием капитализма. Это — та обстановка, при которой приходится действовать, и она требует соответственных методов действия. И опыт армии показал нам на закономерное развитие организации управления от первоначальных форм коллегиальности к единоначалию, которое теперь проводится там не менее, чем на пять десятых.

Коллегиальность в лучшем случае дает громадную растрату сил и не удовлетворяет быстроте и отчетливости работы, требуемой обстановкой централизованной крупной промышленности. Если вы возьмете защитников коллегиальности, то увидите в их резолюциях в непомерной абстрактности формулировку, что каждый член коллегии должен нести единоличную ответственность за выполнение заданий. Это стало для нас азбукой. Но каждый из вас, кто имеет практический опыт, знает, что из ста случаев бывает один, чтобы это применялось на деле. В гигантском большинстве случаев это остается только на бумаге. Никто из членов коллегии точных заданий не получает, и они не выполняются под личной ответственностью. У нас, вообще, нет никакой проверки работы. Представьте себе, что ЦК профсоюза

выдвигает кандидатом Василия Васильевича Васильева, и вы попросите, чтобы вам дали список заданий, выполненный им и проверенный деловыми людьми. Ничего подобного вы не получите. Все мы едва только начинаем приступать к настоящей деловитости.

В. И. Ленин. Речь на III Всероссийском съезде советов народного хозяйства 27 января 1920 г. — т. 40, с. 76—78

Центральным пунктом порядка дня на предстоящем съезде является, сообразно особенностям переживаемого исторического момента, вопрос о хозяйственном строительстве и в частности о мерах, приемах, способах, результатах орабочивания главков, центров, аппаратов Советской власти вообще.

[...] Как можно больше деловых, практически испробованных, проверенных достигнутыми уже результатами, мер, приемов, способов, указаний для достижения нашей главной цели: еще дальше, еще шире, еще быстрее, еще лучше «орабочить» наши аппараты,— привлечь еще больше рабочих и трудящихся крестьян к управлению промышленностью и народным хозяйством вообще [...]

В. И. Ленин. Письмо к организациям РКП о подготовке к партийному съезду (1920) — т. 40, с. 141, 143

Рабочие и крестьянские массы, которые должны создать все наше государство, теперь должны создать государственный контроль. Вы получите этот аппарат посредством рабочих и крестьянских масс, посредством рабоче-крестьянской молодежи, в которой пробудилось в невиданной степени самостоятельное желание, готовность и решимость самим взяться за дело государственного управления. Получив понимание из опытов войны, мы выдвинем тысячи прошедших советскую школу людей, способных управлять государством. В рабочую инспекцию* вы должны привлечь самых боязливых и

* Рабоче-Крестьянская инспекция (Рабкрин) была создана по инициативе В. И. Ленина в феврале 1920 года на основе реорганизации Народного комиссариата государственного контроля, образованного в первые месяцы установления Советской власти. В соответствии с ленинскими указаниями XII съезд РКП(б) создал объединенный орган ЦКК—РКИ, выполнявший функции партийного и государственного контроля. *Ред.*

неразвитых, самых робких рабочих и должны двинуть их вверх. Пусть они поднимаются в этой работе. Посмотрев, как рабочая инспекция участвует в государственных делах, пусть они от простейших занятий, на которые способны,— сначала только в виде понятых,— далее постепенно переходят к более важным ролям в государственных делах. Вы получите из широких источников помощников, которые возьмут на себя государственное бремя, придут на помощь и на работу. Нужны десятки тысяч новых передовых рабочих. Опирайтесь на беспартийных рабочих и крестьян, опирайтесь на них, потому что наша партия должна оставаться узкой, будучи окружена врагами со всех сторон. В тот период, когда всеми средствами борьбы, обмана и провокации враждебные элементы стараются присосаться и использовать то положение, что правительственная партия дает известные льготы, нужно действовать в связи с беспартийными. Законы о рабоче-крестьянской инспекции дают право привлекать представителей беспартийных рабочих и крестьян и их конференции к делу государственного управления. В этом аппарате вы имете одно из средств, которое даст возможность увеличить количество рабочих и крестьян, чтобы нам в течение ряда лет завоевать победу на внутреннем фронте.

В. И. Ленин. Речь на заседании Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г.— т. 40, с. 200—201

Во всех решениях провозглашено, что члены коллегии должны разделять работу, не только по отдельным видам работы, но чтобы каждое задание отвечало определенному человеку. При рабочем управлении нужно, чтобы каждый рабочий выяснил себе механику этого управления, чтобы рабочий, сколько-нибудь обнаруживший способности администратора, продвигался от низших должностей к более высоким, чтобы его ставили на должность по управлению, испытывали его и продвигали, чтобы десятки рабочих были на учете. Этого мы не научились делать, и всякое колебание, где это существует, где это обнаружится, оно должно быть изжито [...]

В. И. Ленин. Доклад о международном и экономическом положении России на XVII Московской губернской конференции 13 марта 1920 г.— Ленинский сборник XXXVIII, с. 301

Всякая работа управления требует особых свойств. Можно быть самым сильнейшим революционером и агитатором и совершенно непригодным администратором. Но тот, кто присматривается к практической жизни и имеет житейский опыт, знает, что, чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование. Вот те условия, которым мы должны удовлетворять во что бы то ни стало. И вот, когда мы ставим общие резолюции, толкующие с важным видом знатоков о коллегияльности и единоличности управления, мы постепенно убеждаемся, что мы почти ничего не знаем в области управления, но начинаем кое-чему учиться на основании опыта, взвешивать каждый шаг, выдвигать каждого более или менее способного администратора.

В. И. Ленин. Речь на III Всероссийском съезде рабочих водного транспорта 15 марта 1920 г. — т. 40, с. 215—216

Старый источник дисциплины, капитал, ослаблен, старый источник объединения — исчез. Мы должны создать дисциплину иную, иной источник дисциплины и объединения. То, что является принуждением, вызывает возмущение и крики, и шум, и вопли буржуазной демократии, которая носится со словами «свобода» и «равенство», не понимая, что свобода для капитала есть преступление против рабочих, что равенство сытого и голодного есть преступление против трудящихся. Мы, во имя борьбы против лжи, стали на том, что мы трудовую повинность и объединение трудящихся осуществляем, несколько не боясь принуждения, ибо нигде революция не производилась без принуждения, и пролетариат имеет право осуществлять принуждение, чтобы во что бы то ни стало удержать свое.

В. И. Ленин. Доклад Центрального Комитета 29 марта [IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г.] — т. 40, с. 248—249

Буржуа победили, не умея управлять, и они обеспечили себе победу тем, что объявили новую конституцию и рекрутировали, набрали администраторов из своего класса и начали учиться, используя администраторов из предыдущего класса, и своих новых стали учить, подго-

товлять к администраторству, пуская для этого в ход весь государственный аппарат, секвестрируя феодальные учреждения, пуская в школу тех, кто богат, и таким образом через долгие годы и десятилетия они подготовили администраторов из своего класса. Ныне в государстве, устроенном по образу и подобию господствующего класса, нужно делать так, как бывало во всех государствах. Если мы не хотим стать на позицию чистейшего утопизма и пустых фраз, мы должны сказать, что мы должны учитывать опыт прежних лет, что мы должны обеспечить завоеванную революцией Конституцию, но для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт, а таких людей нам взять неоткуда, как только из предыдущего класса.

Сплошь и рядом рассуждение о коллегиальности проникнуто самым невежественным духом, духом антиспециализма. С таким духом победить нельзя. Для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира, и чтобы строить коммунизм, надо взять и технику, и науку и пустить ее в ход для более широких кругов, а взять ее неоткуда, кроме как от буржуазии. Этот основной вопрос надо выдвинуть выпукло, надо поставить в основные задачи хозяйственного строительства. Мы должны управлять с помощью выходцев из того класса, который мы свергли,— выходцев, которые пропитаны предрассудками своего класса и которых мы должны переучить. Вместе с этим мы должны вербовать своих управителей из рядов своего класса. Мы должны весь аппарат государственный употребить на то, чтобы учебные заведения, внешкольное образование, практическая подготовка — все это шло, под руководством коммунистов, для пролетариев, для рабочих, для трудящихся крестьян.

*В. И. Ленин. Доклад Центрального Комитета 29 марта [IX съезд РКП(б)]
29 марта — 5 апреля 1920 г. — т. 40,
с. 253—254*

Соотношение вождей — партии — класса — масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партии к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков [...] Мы

боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. [...] Партией, собирающей ежегодные съезды (последний: 1 делегат от 1000 членов), руководит выбранный на съезде Центральный Комитет из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым «Оргбюро» (Организационному бюро) и «Политбюро» (Политическому бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро. Выходит, следовательно, самая настоящая «олигархия». Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии.

Партия непосредственно опирается в своей работе на *профессиональные союзы*, которые насчитывают теперь, по данным последнего (IV. 1920) съезда, свыше 4 миллионов членов, будучи формально *беспартийными*. Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*. Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженнейшей работы их не только в хозяйственном, *но и в военном* строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение 2½ лет, но и 2½ месяцев. Понятно, что эта теснейшая связь на практике означает очень сложную и разнообразную работу пропаганды, агитации, своевременных и частых совещаний не только с руководящими, но и вообще влиятельными деятелями профсоюзов, решительной борьбы с меньшевиками, которые до сих пор имеют известное, хотя и совсем небольшое, число приверженцев, которых и учат всевозможным контрреволюционным проделкам, начиная от идейной защиты (*буржуазной*) демократии, от проповеди «независимости» профсоюзов

(независимость — от пролетарской государственной власти!) до саботажа пролетарской дисциплины и т. д. и т. п.

Связь с «массами» через профсоюзы мы признаем недостаточной. Практика создала у нас, в ходе революции, и мы стараемся всецело поддержать, развить, расширить такое учреждение, как *беспартийные рабочие и крестьянские конференции*, чтобы следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших работников на государственные должности и т. д. В одном из последних декретов о преобразовании Народного комиссариата государственного контроля в «Рабоче-крестьянскую инспекцию» беспартийным конференциям этого рода предоставлено выбирать членов Государственного контроля для разного рода ревизий и т. д.

Затем, разумеется, вся работа партии идет через Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий. Уездные съезды Советов являются таким *демократическим* учреждением, которого еще не видывали самые лучшие из демократических республик буржуазного мира, и через эти съезды (за которыми партия старается следить как можно внимательнее), а равно и через постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревне, осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляется диктатура городского пролетариата, систематическая борьба с богатым, буржуазным, эксплуататорским и спекулирующим крестьянством и т. д.

Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры. Читатель поймет, можно надеяться, почему русскому большевику, знакомому с этим механизмом и наблюдавшему, как вырастал этот механизм из маленьких, нелегальных, подпольных кружков в течение 25 лет, все разговоры о том, «сверху» или «снизу», диктатура вождей или диктатура массы и т. п., не могут не казаться смешным ребяческим вздором, чем-то вроде спора о том, полезнее ли человеку левая нога или правая рука. [...]

Завоевание политической власти пролетариатом есть гигантский шаг вперед пролетариата, как класса, и партии приходится еще более и по-новому, а не только по-старому, воспитывать профсоюзы, руководить ими, вместе с тем однако не забывая, что они останутся и долго останутся необходимой «школой коммунизма» и подгото-

вительной школой для осуществления пролетариями их диктатуры, необходимым объединением рабочих для постепенного перехода в руки рабочего *класса* (а не отдельных профессий), и затем всех трудящихся, управления всем хозяйством страны.

В. И. Ленин. *Детская болезнь «левизны» в коммунизме* (1920) — т. 41, с. 30—32, 34

При Советской власти в вашу и в нашу, пролетарскую, партию ползет еще больше буржуазно-интеллигентских выходцев. Они пролезут и в Советы, и в суды, и в администрацию, ибо нельзя, не из чего, строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее — как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями. [...] Внутри советских инженеров, внутри советских учителей, внутри привилегированных, т. е. наиболее квалифицированных и наилучше поставленных, *рабочих* на советских фабриках мы видим постоянное возрождение решительно *всех* тех отрицательных черт, которые свойственны буржуазному парламентаризму, и только повторной, неустанной, длительной, упорной борьбой пролетарской организованности и дисциплины мы побеждаем — постепенно — это зло.

Конечно, при господстве буржуазии очень «трудно» победить буржуазные привычки в собственной, т. е. рабочей, партии: «трудно» выгнать из партии привычных, безнадежно испорченных буржуазными предрассудками вождей-парламентариев, «трудно» подчинить абсолютно необходимое (в известном, хотя бы очень ограниченном, количестве) число выходцев из буржуазии пролетарской дисциплине, «трудно» создать вполне достойную рабочего класса коммунистическую фракцию в буржуазном парламенте, «трудно» добиться, чтобы коммунистические парламентарии не играли в буржуазно-парламентские бирюльки, а занимались насущнейшей работой пропаганды, агитации, организации в массах. Все это «трудно»,

слов нет, трудно было в России, еще несравненно труднее в Западной Европе и Америке, где гораздо сильнее буржуазия, сильнее буржуазно-демократическая традиция и прочее.

Но все эти «трудности» — прямо-таки детские трудности по сравнению с задачами совершенно *такого же рода*, которые все равно пролетариату неизбежно придется решать и для своей победы и во время пролетарской революции и после взятия власти пролетариатом. По сравнению с *этими*, поистине гигантскими, задачами, когда придется при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции, — по сравнению с этими гигантскими задачами является делом ребячески легким создать при господстве буржуазии, в буржуазном парламенте, действительно коммунистическую фракцию настоящей пролетарской партии.

В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920) — т. 41, с. 101—102

Только когда Советы стали единственным государственным аппаратом, осуществимо действительное участие в управлении всей массы эксплуатируемых, которая при самой просвещенной и свободной буржуазной демократии оставалась всегда фактически на девяносто девять сотых исключенной из участия в управлении. Только в Советах начинает масса эксплуатируемых действительно учиться, не из книжек, а из собственного практического опыта, делу социалистического строительства, созданию новой общественной дисциплины, свободного союза свободных работников.

В. И. Ленин. Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала [Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала] (1920) — т. 41, с. 187—188

Демократия есть одна из категорий области только политической. [...] Производство нужно всегда, демократия не всегда. Производственная демократия порождает ряд мыслей, в корне фальшивых.

В. И. Ленин. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого (1920) — т. 42, с. 210, 211

Революционная целесообразность выше формального демократизма.

В. И. Ленин. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 23 января [I Всероссийский съезд горнорабочих 25 января — 2 февраля 1921 г.] — т. 42, с. 246

Этот термин* теоретически неверен. Всякая демократия, как вообще всякая политическая надстройка (неизбежная, пока не завершено уничтожение классов, пока не создано бесклассовое общество), служит, в конечном счете, производству и определяется, в конечном счете, производственными отношениями данного общества. Поэтому выделение «производственной демократии» из всякой другой демократии ничего не говорит. Это — путаница и пустышка. Это во-первых.

Во-вторых. Посмотрите на разъяснение этого термина самим Бухариным в написанной им резолюции пленума ЦК от 7 декабря. «Поэтому,— писал там Бухарин,— методы рабочей демократии должны быть методами производственной демократии. Это значит» — заметьте: «это значит»! Бухарин обращение к массам начинает с такого мудреного термина, что его надо *особо объяснить*: по-моему, с точки зрения демократизма, это *недемократично*; для масс надо писать без таких новых терминов, кои требуют особого объяснения; с точки зрения «производственной», это вредно, ибо заставляет тратить время попусту на объяснение ненужного термина — «это значит, что все выборы, выставление кандидатов, их поддержка и т. д. должны проходить под углом зрения не только политической выдержанности, но и хозяйственных способностей, административного стажа, организаторских качеств и проверенной на деле заботы о материальных и духовных интересах трудящихся масс».

Рассуждение явно натянутое и неверное. Демократия не означает только «выборы, выставление кандидатов, их поддержку и т. д.». Это с одной стороны. А с другой, не все выборы должны проходить под углом зрения политической выдержанности и хозяйственных способностей. Надо также, вопреки Троцкому, в миллионной организации иметь известный процент ходатаев, бюрократов (без хороших бюрократов не обойтись много лет). Но мы

* — «производственная демократия». *Ред.*

не говорим о «ходатайственной» или «бюрократственной» демократии.

В-третьих. Неправильно смотреть только на выбираемых, только на организаторов, администраторов и пр. Это все же меньшинство выдающихся людей. Надо смотреть на рядовых, на массу. [...]

В-четвертых. «Производственная демократия» есть термин, порождающий возможность кривотолков. Его можно понять в смысле отрицания диктатуры и единоначалия. Его можно истолковать в смысле отсрочки обычной демократии или отговорки от нее. Оба толкования эти вредны, а, чтобы избежать их, не обойтись без особых и длинных комментариев.

В. И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина (1921) — т. 42, с. 276—277

[...] Мы будем расширять демократизм, отнюдь не делая из него фетиша [...]

В. И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина (1921) — т. 42, с. 300

Электрификация: меньше политиков, больше инженеров и агрономов.

Коммунизм = советский строй + электрификация.

Электрификация как база «демократии».

В. И. Ленин. План доклада на VIII Всероссийском съезде Советов (1920) — т. 42, с. 380

Электрификация + Советская власть = коммунизм.
Электрификация как база демократии.

В. И. Ленин. План доклада на VIII Всероссийском съезде Советов (1920) — т. 42, с. 381

[...] Как правящая партия, мы не могли не сливаться с «верхами» партийными «верхи» советские, — они у нас слиты и будут таковыми [...]

В. И. Ленин. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 15

Когда нам говорят о недостаточном проведении демократизма, мы говорим: это абсолютно верно. Да, он проведен у нас недостаточно. Нужна помощь в этом отношении и указания, как провести. Нужно действительное проведение, а не разговоры.

В. И. Ленин. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 38

Мы приветствуем всякую помощь в деле проведения демократизма. Но его фразами одними не проведешь, когда народ измучен. Всякий, кто хочет помочь делу, должен быть приветствуем [...]

В. И. Ленин. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 44

[...] Безусловно необходимо усилить работу по сохранению и развитию связи коммунистов с беспартийными массами. Для этого необходимо:

регулярно собирать не только общие собрания для массы рабочих и крестьян, но и деловые отчеты всех ответственных должностных лиц перед массами рабочих и крестьян. Такие отчеты обязательно устраивать не реже раза в месяц с тем, чтобы массе беспартийных рабочих и крестьян была предоставлена возможность критики совучреждений и их работы. Отчеты должны давать не только коммунисты, но все должностные лица на всех ответственных постах [...]

В. И. Ленин. Проект письма ЦК РКП(б) об отношении к беспартийным рабочим (1921) — т. 43, с. 253—254

[...] Мы сделали гигантски многое *сверх* буржуазной революции, для социалистической, пролетарской революции: (1) Мы развернули, как никогда, силы рабочего класса по использованию им государственной власти. (2) Мы нанесли всемирно ощутимый удар фетишам мещанской демократии, учредилке и буржуазным «свободам», вроде свободы печати для богатых. (3) Мы создали советский *тип* государства, гигантский шаг вперед после 1793 и 1871 годов.

В. И. Ленин. Новые времена, старые ошибки в новом виде (1921) — т. 44, с. 102

И мы говорим, что надо построить всякую крупную отрасль народного хозяйства на личной заинтересованности. Обсуждение — сообща, а ответственность — единолична. От неумения осуществить это начало мы страдаем на каждом шагу. Вся новая экономическая политика требует, чтобы это деление было проведено с абсолютной резкостью, с безусловной четкостью. Когда народ перешел к новым экономическим условиям, он бросился обсуждать, что из этого выйдет и как это надо по-новому построить. Не пройдя через общие обсуждения, нельзя было ничего начинать, потому что народ держали десятки и сотни лет под запретом что-нибудь обсуждать, а революция не могла развиваться иначе, как через период всеобщего универсального митингования по всем вопросам.

Это создавало во многом путаницу. Это было так, это неизбежно, но нужно сказать, что это и не опасно. Если вовремя научиться отделять от митингования то, что нужно для митингования и что нужно для управления, то тогда мы только сможем добиться высоты положения Советской республики. Но мы, к сожалению, этого еще не научились делать, и большинство съездов идет далеко не деловым образом.

Обилием наших съездов мы превосходим все государства мира. Ни одна из демократических республик не имеет столько съездов, сколько имеем мы, да они и не могут допустить этого.

Мы должны помнить, что страна наша есть страна много потерявшая и обнищавшая, и нужно научить ее митинговать так, чтобы не смешивать, как я сказал, то, что нужно для митингования, с тем, что нужно для управления. Митингуй, но управляй без малейшего колебания, управляй тверже, чем управлял до тебя капиталист. Иначе ты его не победишь. Ты должен помнить, что управление должно быть еще более строгое, еще более твердое, чем прежде.

В. И. Ленин. Новая экономическая политика и задачи политпросветов (1921) — т. 44, с. 165—166

Вполне доделанной является только буржуазно-демократическая работа нашей революции. И мы имеем законнейшее право этим гордиться. Пролетарская или социалистическая ее работа сводится к трем главным видам: 1) революционный выход из империалистской всемирной войны; разоблачение и *срыв* бойни двух

всемирных групп капиталистических хищников; это сделано с нашей стороны вполне; со всех сторон могла бы доделать это лишь революция в ряде передовых стран. 2) Создание советского строя, формы осуществления диктатуры пролетариата. Мировой перелом совершился. Эпоха буржуазно-демократического парламентаризма кончилась. Началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры. Только ряд стран отделяет и доделает советский строй и всяческие формы пролетарской диктатуры. У нас недоделанного в этой области еще очень и очень много. Непростительно было бы не видеть этого. Доделывать, переделывать, начинать с начала придется нам еще не раз. Каждая ступень, что нам удастся вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много, и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости). 3) Экономическое строительство основ социалистического уклада. В этой области не доделано еще самое главное, самое коренное. А это — самое верное наше дело, самое верное и с принципиальной точки зрения, и с практической, и с точки зрения РСФСР теперь, и с точки зрения международной.

В. И. Ленин. О значении золота теперь и после полной победы социализма (1921) — т. 44, с. 224—225

Не льстить массе, не отрываться от массы.

В. И. Ленин. Планы тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» (1921) — т. 44, с. 498

Мы «доделали» буржуазно-демократическую революцию так «чисто», как никогда еще в мире. Это — величайшее завоевание, которого никакая сила назад не возьмет. [...]

Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху, эпоху политического господства пролетариата, пришедшую на смену эпохе господства буржуазии. Этого тоже назад взять уже нельзя, хотя «доделать» советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран.

В. И. Ленин. Заметки публициста (1922) — т. 44, с. 417

В вопросе об улучшении нашего госаппарата Рабкрину следует, по моему мнению, не гнаться за количеством и не торопиться. Мы так мало успели до сих пор подумать и позаботиться о качестве нашего госаппарата, что будет законной забота об особенно серьезной подготовке его, о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала действительно современного качества, т. е. не отстающего от лучших западноевропейских образцов. Конечно, для социалистической республики это условие слишком скромно. Но нам первое пятилетие порядочно-таки набило голову недоверием и скептицизмом. Мы невольно склонны проникаться этим качеством по отношению к тем, кто слишком много и слишком легко разглагольствует, например, о «пролетарской» культуре: нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус.

И вот, в вопросе о госаппарате мы теперь из предыдущего опыта должны сделать тот вывод, что лучше бы помедленнее.

Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д. Иначе и не могло быть, конечно, в революционную эпоху и при такой головокружительной быстроте развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю.

Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо

задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.

Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить много, много, много лет.

Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделывать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами.

И тут нельзя забывать, что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т. д.

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом. Одним словом, нам надо предъявлять не те требования, что предъявляет буржуазная Западная Европа, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну.

Выводы из сказанного: мы должны сделать Рабкрин, как орудие улучшения нашего аппарата, действительно образцовым учреждением.

Для того, чтобы он мог достигнуть необходимой высоты, нужно держаться правила: семь раз примерь, один раз отрежь.

Для этого нужно, чтобы действительно лучшее, что есть в нашем социальном строе, с наибольшей осторожностью, обдуманностью, осведомленностью было прилагается к созданию нового наркомата.

Для этого нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести,— не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели.

Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги.

Надо, наконец, чтобы это стало иначе.

Надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством повыше. Надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал.

Я знаю, что это правило трудно будет выдержать и применить к нашей действительности. Я знаю, что тысячами лазеек обратное правило будет пробивать у нас себе дорогу. Я знаю, что сопротивление нужно будет оказать гигантское, что настойчивость нужно будет проявить дьявольскую, что работа здесь первые годы, по крайней мере, будет чертовски неблагоприятной; и тем не менее я убежден, что только такой работой мы сможем добиться своей цели и, только добившись этой цели, мы создадим республику, действительно достойную названия советской, социалистической и пр., и пр., и т. п.

В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше (1923) — т. 45, с. 389—392

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА КАК ФОРМА ДЕМОКРАТИИ

Диктатура пролетариата —
государство переходного периода
Диктатура пролетариата — пролетарская демократия
Разнообразие форм диктатуры пролетариата,
пролетарской демократии
Демократическая республика как политическая форма
диктатуры пролетариата
Возможные ограничения демократии
при диктатуре пролетариата

18-й вопрос: Каков будет ход этой революции?

Ответ: Прежде всего, она создаст *демократический строй* и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата. Прямо — в Англии, где пролетарии уже теперь составляют большинство народа, косвенно — во Франции и Германии, где большинство народа состоит не только из пролетариев, но также из мелких крестьян и городских мелких буржуа, которые находятся еще только в стадии перехода в пролетариат, в осуществлении всех своих политических интересов все более зависят от пролетариата и потому вскоре должны будут присоединиться к его требованиям. Для этого, может быть, понадобится еще новая борьба, которая, однако, непременно закончится победой пролетариата.

Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата. [...]

Все эти мероприятия нельзя, разумеется, провести в один прием, но одно из них повлечет за собой другое. Стоит только произвести первую радикальную атаку на частную собственность, и пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать в руках государства весь капитал, все сельское хозяйство, всю промышленность, весь транспорт и весь обмен. [...] Осуществимость этих мероприятий и порождаемая ими централизация будут возрастать точно в такой же степени, в какой производительные силы страны будут умножаться трудом пролетариата. Наконец, когда весь капитал, все производство, весь обмен будут сосредоточены в руках нации, тогда частная собственность отпадет сама собой, деньги станут излишними, и производство увеличит-

ся в такой степени, а люди настолько изменятся, что смогут отпасть и последние формы отношений старого общества.

Ф. Энгельс. *Принципы коммунизма* (1847) — т. 4, с. 332—333

[...] Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

К. Маркс, Ф. Энгельс. *Манифест Коммунистической партии* (1848) — т. 4, с. 446

Свободное государство — что это такое?

Сделать государство «свободным» — это отнюдь не является целью рабочих [...] Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный [...]

Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения.

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*.

Но программа не занимается ни этой последней, ни будущей государственностью коммунистического общества.

К. Маркс. *Критика Готской программы* (1875) — т. 19, с. 26, 27

Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция.

Ф. Энгельс. *К критике проекта социал-демократической программы 1891 года* (1891) — т. 22, с. 237

Республика по отношению к пролетариату отличается от монархии только тем, что она является *готовой* политической формой для будущего господства пролетариата.

Ф. Энгельс — П. Лафаргу, 6 марта 1894 г. — т. 39, с. 184

С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и котерий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора.

В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции (1905) — т. 11, с. 121

Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами.

В. И. Ленин. О лозунге Соединенных Штатов Европы (1915) — т. 26, с. 355

Демократия есть тоже государство. [...]

Диктатура пролетариата.

⎵ Употребление государства против буржуазии.
⎵ Отпор ее попыткам реставрации.
⎵ Революционные войны.
⎵ Введение и защита демократии.

Роль демократии:

Воспитание масс

Перевод их к новому строю

Форма соц. революции: союзы

1905 года.

В. И. Ленин. План статьи «К вопросу о роли государства» (1916) — т. 33, с. 339

[...] Что такое диктатура пролетариата? почему она необходима? почему она *невозможна* без вооружения пролетариата? почему она вполне совместима с демократией, полной, всесторонней? (вопреки вульгарному мнению).

В. И. Ленин — И. Ф. Арманд, 3 февраля 1917 г. — т. 49, с. 380

[...] Анархизм есть отрицание *необходимости государства и государственной власти* для эпохи *перехода* от господства буржуазии к господству пролетариата. А я, с исключаяющей всякую возможность недоразумений ясностью, *отстаиваю* необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской Коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства *без* постоянной армии, *без* противостоящей народу полиции, *без* поставленного над народом чиновничества.

В. И. Ленин. Письма о тактике (1917) — т. 31, с. 138

Каково же отношение этой диктатуры * к демократии?

Мы видели, что «Коммунистический Манифест» ставит просто рядом два понятия: «превращение пролетариата в господствующий класс» и «завоевание демократии» **. На основании всего изложенного выше можно точнее определить, как изменяется демократия в переходе от капитализма к коммунизму.

[...] Диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, — ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии.

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что «пролетариат

* — диктатуры пролетариата. *Ред.*

** См. наст. изд., с. 72. *Ред.*

нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе,— не будет государства»*.

Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т. е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа,— вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму.

В. И. Ленин. *Государство и революция* (1917) — т. 33, с. 87—89

В действительности этот период** неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии).

Далее. Сущность учения Маркса о государстве усвояется только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*.

В. И. Ленин. *Государство и революция* (1918) — т. 33, с. 35

[...] Диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существеннейшее ограничение

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 5. *Ред.*

** — переходный период от капитализма к коммунизму (социализму). *Ред.*

ние, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 244

Вопрос о диктатуре пролетариата есть вопрос об отношении пролетарского государства к буржуазному государству, пролетарской демократии к буржуазной демократии.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 240

[...] Вопрос об ограничении избирательного права есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры. К вопросу об ограничении избирательного права надо подходить, изучая *особые условия* русской революции, *особый путь* ее развития. В дальнейшем изложении это и будет сделано. Но было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии. Это может быть так. После войны и после опыта русской революции это, вероятно, будет так, но это *необязательно* для осуществления диктатуры, это не составляет *необходимого* признака логического понятия диктатуры, это не входит *необходимым* условием в историческое и классовое понятие диктатуры.

Необходимым признаком, обязательным условием диктатуры является *насильственное* подавление эксплуататоров как *класса* и, следовательно, *нарушение* «чистой демократии», т. е. равенства и свободы, *по отношению* к этому *классу*. [...]

В каких странах, при каких национальных особенностях того или иного капитализма будет применено (исключительно или преимущественно) то или иное ограничение, нарушение демократии для эксплуататоров, это — вопрос о национальных особенностях того или иного капитализма, той или иной революции. Теоретический вопрос стоит иначе, он стоит так: возможна ли диктатура пролетариата *без нарушения демократии* по отношению к классу *эксплуататоров*?

[...] Пролетариат не может победить, *не сломив сопротивления буржуазии, не подавив насильственно своих*

противников, и [...] там, где есть «насильственное подавление», где нет «свободы», конечно, нет демократии.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 265—267

Как я уже указывал, лишение буржуазии избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до Октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплуататоров избирательных прав. *Эта* составная часть диктатуры явилась на свет не «по плану» какой-либо партии, а *выросла* сама собой в ходе борьбы.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 282

У нас лишены избирательного права и права участвовать и влиять на политическую жизнь страны только эксплуататоры, кто живет не своим трудом, а эксплуатирует других. Число таких людей ничтожно в общей массе населения. [...] Но Советская власть не говорит им, что отбирает у них избирательное право. Она говорит: мы признаем право участия в управлении за всяким, кто хочет прекратить эксплуатацию чужого труда. Хочешь быть рабочим — милости просим. Хочешь быть эксплуататором — таких людей мы не только не будем пускать или выбирать, но и кормить их чужим трудом мы не станем.

И вот из этой основы нашей Конституции уже видно, что Советская власть опирается на тех, кто трудится, им она дает право устраивать государственную жизнь, она опирается на громадное, подавляющее большинство населения.

В. И. Ленин. Речь на рабочей конференции Пресненского района 14 декабря 1918 г. — т. 37, с. 370—371

Вместе с тем РКП должна разъяснять трудящимся массам, во избежание неправильного обобщения проходящих исторических надобностей, что лишение избирательных прав части граждан отнюдь не касается в Советской республике, как это бывало в большинстве буржуазно-демократических республик, определенного разряда граждан, пожизненно объявляемых бесправ-

ными, а относится только к эксплуататорам, только к тем, кто вопреки основным законам социалистической Советской республики упорствует в отстаивании своего эксплуататорского положения, в сохранении капиталистических отношений. Следовательно, в Советской республике, с одной стороны, с каждым днем укрепления социализма и сокращения числа тех, кто имеет объективно возможность оставаться эксплуататором или сохранять капиталистические отношения, уменьшается само собою процент лишаемых избирательного права. Едва ли теперь в России этот процент больше чем два, три процента. С другой стороны, в самом недалеком будущем прекращение внешнего нашествия и довершение экспроприации экспроприаторов может, при известных условиях, создать положение, когда пролетарская государственная власть изберет другие способы подавления сопротивления эксплуататоров и введет всеобщее избирательное право без всяких ограничений.

В. И. Ленин. Вставка к политической части программы [Проект программы РКП(б)] (1919) — т. 33, с. 109

Последний пункт, которого мне следует коснуться, это — *руководящая роль пролетариата и лишение избирательного права*. Наша Конституция признает преимущество пролетариата над крестьянством и лишает избирательных прав эксплуататоров. На это больше всего нападали чистые демократы из Западной Европы. Мы им отвечали и отвечаем, что они забыли самые основные положения марксизма, забыли, что у них речь идет о буржуазной демократии, а мы перешли к демократии *пролетарской*. Нет ни одной страны в мире, которая сделала бы хоть десятую долю того, что сделала за истекшие месяцы Советская республика для рабочих и беднейших крестьян в смысле привлечения их к управлению государством. Это — абсолютная истина. Никто не станет отрицать, что для демократии действительной, а не бумажной, для привлечения рабочих и крестьян мы сделали столько, сколько за сотни лет не сделали самые лучшие демократические республики и сделать не могли. Это определило значение Советов, благодаря этому Советы стали лозунгом пролетариата всех стран.

Но это нисколько не избавляет нас от того, что мы спотыкаемся о недостаточную культурность масс. Вопрос о лишении избирательных прав буржуазии мы

ником образом не рассматривали с абсолютной точки зрения, потому что теоретически представляется вполне допустимым, что диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каждом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав. Это теоретически вполне мыслимо, и нашу Конституцию мы точно так же не выдвигаем, как образец для других стран. Мы говорим только, что тот, кто понимает переход к социализму без подавления буржуазии, тот — не социалист. Но если буржуазию как класс подавлять необходимо, то лишать ее избирательных прав и равенства не необходимо. Свободы для буржуазии мы не хотим, равенства эксплуататоров и эксплуатируемых мы не признаем, но мы рассматриваем в программе этот вопрос таким образом, что меры такого рода, как неравенство рабочих с крестьянами, Конституцией вовсе не предписываются. Конституция их записала *после* того, как они были введены в жизнь. Даже не большевики выработали конституцию Советов, ее выработали до большевистской революции меньшевики и эсеры против себя. Они выработали ее так, как выработала жизнь. Организация пролетариата шла гораздо быстрее, чем организация крестьянства, что делало рабочих опорой революции и давало им фактически преимущество. Дальше стоит задача: от этих преимуществ переходить постепенно к их уравниванию. Буржуазию до Октябрьской революции и после нее никто из Советов не изгонял. *Буржуазия сама ушла от Советов.*

Вот как обстоит дело с избирательными правами буржуазии. Наша задача — поставить вопрос с полной ясностью. Мы нисколько не извиняемся за наше поведение, но совершенно точно перечисляем факты, как они есть. Наша Конституция, как мы указываем, вынуждена была внести это неравенство, потому что культурный уровень слаб, потому что организация у нас слаба. Но мы не превращаем этого в идеал, а, напротив, в программе партия обязуется систематически работать над уничтожением этого неравенства более организованного пролетариата с крестьянством. Это неравенство мы отменим, как только нам удастся поднять культурный уровень. Тогда мы сможем обойтись без таких ограничений. Эти ограничения уже сейчас, после каких-нибудь 17 месяцев революции, имеют практически весьма небольшое значение.

В. И. Ленин. Доклад о партийной программе 19 марта [VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.] — т. 38, с. 171—173

9. Диктатура vs * демократия. Диктатура есть отрицание демократии (вообще). Диктатура угнетенного класса есть отрицание демократии для угнетающего класса, расширение ее для угнетенного.

10. Демократия, конкретно, =

11. а) равенство всех граждан перед законом.— Не может быть равенства с эксплуататором при его свержении.

12. б) политическая свобода для всех граждан.— Не может быть политической свободы для эксплуататоров.

13. γ) решение по большинству всех граждан.— Нет: кроме эксплуататоров и *вопреки колеблющимся*.

В. И. Ленин. Черновые наброски брошюры о диктатуре пролетариата (1919) — т. 39, с. 456

Демократия при диктатуре пролетариата: съезды, собрания, местное самоуправление, решение волей трудящихся, религия, женщина, угнетенные нации [...] Обучение трудящихся обходиться без капиталистов = демократия при диктатуре пролетариата.

В. И. Ленин. Черновые наброски брошюры о диктатуре пролетариата (1919) — т. 39, с. 457

{	Диктатура пролетариата как отрицание буржуазной демократии [...]	} }	Диктатура пролетариата как разрушение буржуазной и создание пролетарской демократии.
	Диктатура пролетариата как создание пролетарской демократии.		
	Успехи демократизма при диктатуре пролетариата [...]		

В. И. Ленин. Черновые наброски брошюры о диктатуре пролетариата (1919) — т. 39, с. 459

Диктатура пролетариата как разрушение буржуазной и создание пролетарской демократии.

В. И. Ленин. О диктатуре пролетариата (1919) — т. 39, с. 261

Если мы сопоставим вместе все основные силы или классы и их видоизмененное диктатурой пролетариата

* — versus — против. *Ред.*

взаимоотношение, мы увидим, какой безграничной теоретической нелепостью, каким тупоумием является ходячее, мелкобуржуазное представление о переходе к социализму «через демократию» вообще, которое мы видим у всех представителей II Интернационала. Унаследованный от буржуазии предрассудок насчет безусловного, внеклассового содержания «демократии» — вот основа этой ошибки. На самом же деле и демократия переходит в совершенно новую фазу при диктатуре пролетариата, и классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы.

Общие фразы о свободе, равенстве, демократии на деле равносильны слепому повторению понятий, являющихся слепком с отношений товарного производства. Посредством этих общих фраз решать конкретные задачи диктатуры пролетариата значит переходить, по всей линии, на теоретическую, принципиальную позицию буржуазии. С точки зрения пролетариата, вопрос становится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности?

В. И. Ленин. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата (1919) — т. 39, с. 281

Простая защита «свободы» и «равенства», при сохранении частной собственности на средства производства, превращается в условиях диктатуры пролетариата, который никогда не в состоянии будет сразу уничтожить частную собственность полностью, — превращается в «сотрудничество» с буржуазией, прямо подрывающее власть рабочего класса. Ибо диктатура пролетариата означает государственное закрепление и защиту всем аппаратом государственной власти «несвободы» для эксплуататора продолжать свое дело угнетения и эксплуатации, «неравенства» собственника (т. е. изъявшего для себя лично известные средства производства, созданные общественным трудом) с неимущим. То, что кажется до победы пролетариата теоретическим только разногласием по вопросу о «демократии», становится неизбежно завтра, после победы, вопросом, который решается силой оружия.

В. И. Ленин. Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала [Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала] (1920) — т. 41, с. 189—190

3) Основы конституции и экономполитики?

Допустима демократия с маленькими привилегиями коммунистов*.

В. И. Ленин. Ответы на вопросы министра иностранных дел Дальневосточной республики А. М. Краснощечева (1920) — т. 54, с. 429

Тот класс, который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берет его *один*. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчет «общенародной, общевыборной, всем народом освященной» власти.

В. И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. — т. 43, с. 132

Можно и должно найти другие способы проверки настроения масс, сближения с ними. Пусть едет за границу тот, кто желает поиграть в парламентаризм, в учредилки, в беспартийные конференции, отправляйтесь туда, к Мартову, милости просим, испытайте прелесть «демократии», расспросите врангелевских солдат про эту прелесть, сделайте одолжение. А нам не до игры в «оппозиции» на «конференциях». Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и эсеров, все равно как открытых, так и перекрашенных в «беспартийных», в тюрьме.

В. И. Ленин. О продовольственном налоге (1921) — т. 43, с. 241—242

ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

**Парижская Коммуна
как форма диктатуры пролетариата, пролетарской демократии
Слом старой государственной машины
Соединение законодательной и исполнительной власти
Выборность и гласность**

Коммуна — это обратное поглощение государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабащивающих общество, становятся его собст-

* Здесь, вероятно, имеется в виду обеспечение в демократических государственных учреждениях большинства за коммунистами.
Ред.

венные живые силы; это переход власти к самим народным массам, которые на место организованной силы их угнетения создают свою собственную силу; это политическая форма их социального освобождения, занявшая место искусственной силы общества (присвоенной себе их угнетателями) (их собственной силы, противопоставленной им и организованной против них же), используемой для их же угнетения их врагами. Эта форма была проста, как все великое.

К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции» (1871) — т. 17, с. 548

То, что революция произведена *от имени* и открыто в *интересах* народных масс, то есть производящих масс,— эта черта настоящей революции присуща также и всем ее предшественницам. Новая ее черта заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что, установив *Коммуну*, он взял в свои собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, держать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной. Вот в чем его неслыханное преступление! Рабочие посягают на привилегию управления государством «верхних десяти тысяч» и заявляют о своем твердом намерении разрушить экономическую основу того классового деспотизма, который в своих собственных интересах распоряжался организованной государственной силой общества! [...]

Величайшим мероприятием Коммуны является ее собственное существование, ее работа, ее деятельность в неслыханно тяжелых условиях! Красное знамя, поднятое Парижской Коммуной, в действительности увенчивает только правительство рабочих Парижа! Они ясно, сознательно провозгласили своей целью освобождение труда и преобразование общества! Но подлинный «социальный» характер их Республики заключается лишь в том, что Парижской Коммуной управляют рабочие!

К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции» (1871) — т. 17, с. 561

В своем наиболее простом понимании Коммуна означала прежде всего предварительное разрушение старой правительственной машины в ее центральных пунктах, в Париже и в других больших городах Франции, и замену ее подлинным самоуправлением, которое в Париже и в больших городах, являющихся социальным оплотом рабочего класса, было правительством рабочего класса. Вследствие осады Париж избавился от армии, которая была заменена национальной гвардией, состоящей в основной массе из рабочих Парижа. Восстание 18 марта стало возможным только благодаря такому положению вещей. Этот факт надо было превратить в установленный порядок, и заменить постоянную армию, которая защищает правительство и направлена против народа, национальной гвардией больших городов, то есть народом, вооруженным, чтобы не допустить правительственной узурпации. Коммуна должна была состоять из выбранных всеобщим голосованием по различным округам городских гласных (так как Париж был инициатором Коммуны и служил ее образцом, то мы должны сослаться на него), ответственных и в любое время сменяемых. Большинство их состояло бы, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полицейские, бывшие до сих пор орудием центрального правительства, стали бы слугами Коммуны и, подобно должностным лицам всех остальных областей управления, должны были назначаться Коммуной и всегда могли быть смещены ею; все должностные лица, подобно самим членам Коммуны, должны были выполнять свою работу за заработную плату рабочего. Судьи тоже впредь должны были избираться, быть сменяемыми и ответственными. Инициатива во всех вопросах общественной жизни должна была остаться за Коммуной. Словом, все общественные функции, даже те немногие, которые принадлежали бы центральному правительству, выполнялись бы коммунальными чиновниками и, стало быть, под контролем Коммуны. Одно из нелепых утверждений заключается в том, что центральные функции — не функции правительственной власти над народом, а функции, необходимость которых вызывается главными и общими потребностями страны, — сделались бы невозможными. Эти функции существовали бы,

но выполняющие их лица не могли бы, как при старой правительственной машине, встать над действительным обществом, потому что эти функции должны были выполняться коммунальными чиновниками и, стало быть, всегда под действительным контролем. Общественные должности перестали бы быть частной собственностью, пожалованной центральным правительством своим ставленникам. Устранение постоянного войска и правительственной полиции сломало бы материальную силу угнетения. Отделение церкви от государства и экспроприация всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом, и изгнание религиозного преподавания из всех общественных школ (одновременно с введением бесплатного обучения) в уединение частной жизни, где оно существовало бы милостыней верующих, освобождение всех учебных заведений от правительственной опеки и порабощения,— все это должно было сломить силу духовного угнетения, сделать науку не только доступной для всех, но и свободной от оков правительственного гнета и классовых предрассудков. Муниципальные налоги устанавливались и взимались бы Коммуной, налоги для общегосударственных целей взимались бы коммунальными должностными лицами и расходовались бы самой Коммуной на общие нужды (их расходование на общие нужды контролировалось бы самой Коммуной).

Правительственная сила подавления и власти над обществом была бы таким образом сломлена благодаря уничтожению ее чисто угнетательских органов, а функции, правомерно принадлежащие правительственной власти, должны были осуществляться не органами, стоящими над обществом, а ответственными слугами самого общества.

К. Маркс. Второй набросок «Гражданской войны во Франции» (1871) — т. 17, с. 601—602

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полиция, до сих пор бывшая орудием центрального пра-

вительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне.

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных лиц, чтобы подобно их предшественникам-апостолам жить милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для народа и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость, служившую только маской для их низкого подхалимства перед всеми сменявшими друг друга правительствами, которым они поочередно приносили присягу на верность и затем изменяли. Как и прочие должностные лица общества, они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми.

Парижская Коммуна, разумеется, должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции. В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что

постоянное войско должно быть заменено и в сельских округах народной милицией с самым непродолжительным сроком службы. Собрание делегатов, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже; делегаты должны были строго придерживаться *mandat impératif* (точной инструкции) своих избирателей и могли быть смены во всякое время. Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены,— такое утверждение было сознательным подлогом,— а должны были быть переданы коммунальным, то есть строго ответственным, чиновникам. Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества. Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю. Ведь известно, что предприятия, точно так же как и отдельные лица, обычно умеют в деловой деятельности поставить подходящего человека на подходящее место, а если иногда и ошибаются, то умеют очень скоро исправить свою ошибку. С другой стороны, Коммуна по самому существу своему была безусловно враждебна замене всеобщего избирательного права иерархической инвеститурой*. [...]

* Инвеститура — в средние века акт передачи земли сеньором своему вассалу или назначение на должность духовного лица. Для

Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. [...] Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней. [...]

Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов: постоянную * армию и чиновничество. Самое существование ее было отрицанием монархии, которая является, в Европе по крайней мере, обычным бременем и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики фундамент, действительно демократических учреждений. Но ни дешевое правительство, ни «истинная республика» не были конечной целью ее; они были только сопутствующими ей явлениями.

Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса **, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда. [...]

Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять *par décret du peuple* *** готовые и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную

системы инвестиции характерна полная зависимость лиц, стоящих на более низких ступенях иерархической лестницы, от вышестоящих светских и церковных феодалов. *Ред.*

* В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. слово «постоянную» опущено. *Ред.*

** В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. слова «правительством рабочего класса» даны курсивом. *Ред.*

*** — по декрету народа. *Ред.*

борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества. [...]

Коммуна освободила бы крестьянина от налога крови, дала бы ему дешевое правительство, заменила бы нотариуса, адвоката, судебного пристава и других судебных вампиров, высасывающих теперь его кровь, наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. [...]

Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа. [...]

[...] Коммуна не претендовала на непогрешимость, как это делали все старые правительства без исключения. Она опубликовывала отчеты о своих заседаниях, сообщала о своих действиях; она посвящала публику во все свои несовершенства.

К. Маркс. Гражданская война во Франции (1871) — т. 17, с. 342—347, 349, 350, 352

Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 г. и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовало против своих противников,— именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она уже в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время. В чем состояла характерная особенность прежнего государства? Первоначально общество путем простого разделения труда создало себе

особые органы для защиты своих общих интересов. Но со временем эти органы, и главный из них — государственная власть, служа своим особым интересам, из слуг общества превратились в его повелителей. Это можно видеть, например, не только в наследственной монархии, но и в демократической республике. [...]

Против этого неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того. [...]

По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству, и ко всему тому, что имеет отношение к государству, — суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, то есть через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделяются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так

же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности.

Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» (1891) — т. 22, с. 199—201

А) *Политические реформы*

- а. отделение церкви от государства [...] Экспроприация церковных имуществ. Отмена всех государственных платежей церкви. Бесплатное народное образование [...]
- β. уничтожение постоянной армии [...]
- γ. уничтожение бюрократизма. *Правительство рабочих* [...] *Regierungsfähig* *.
- (1) выборность и сменяемость всех чиновников [...]
- (2) Невысокое жалование не более 6000 frs. [...]

Правительство рабочего класса

обходились с $\frac{1}{4}$ частью прежнего числа чиновников [...]

- δ. Полноправие иностранцев [...] один немец — министр Коммуны ** [...] *Участие поляков* (Домбровский, Врублевский).

Знамя Коммуны есть знамя всемирной республики

- ε. Самоуправление общин.

В. И. Ленин. Три конспекта доклада о Парижской Коммуне (1904) — т. 8, с. 486—487

10. *Политические меры Коммуны:*

- (1) уничтожение постоянного войска
(2) уничтожение бюрократии а) выборность всех чиновников; б) жалованье не > 6000 fr.

* — Способный управлять. *Ред.*

** — Л. Франкель. *Ред.*

- (3) отделение церкви от государства
- (4) введение бесплатного обучения

*В. И. Ленин. План чтения о Коммуне
(1905) — т. 9, с. 329—330*

[...] Коммуна явилась блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия. Без всякого особого сложного законодательства, просто, на деле провел захвативший власть пролетариат демократизацию общественного строя, отменил бюрократию, осуществил выборность чиновников народом.

*В. И. Ленин. Уроки Коммуны (1908) —
т. 16, с. 452*

[...] Несмотря на кратковременность своего существования, Коммуна успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели. Коммуна заменила постоянную армию, это слепое оружие в руках господствующих классов, всеобщим вооружением народа; она провозгласила отделение церкви от государства, уничтожила бюджет култов (т. е. государственное жалование попам), придала народному образованию чисто светский характер — и этим нанесла сильный удар жандармам в рясах. В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немногое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства: запрещен был ночной труд в булочных; отменена система штрафов, этого узаконенного ограбления рабочих; наконец, издан знаменитый декрет (указ), в силу которого все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства. И как бы для того, чтобы подчеркнуть свой характер истинно-демократического, пролетарского правительства, Коммуна постановила, что вознаграждение всех чинов администрации и правительства не должно превышать нормальной рабочей платы и ни в коем случае не быть выше 6000 франков (менее 200 рублей в месяц) в год.

*В. И. Ленин. Памяти Коммуны (1911) —
т. 20, с. 220*

Итак, коммуна = «определенная форма» пролетарской социалистической республики. В чем же именно это проявилось? Какова именно эта «определенная форма»?

(1) «Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом...» * [...]

отмена
постоянной
армии

(2) «...Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса...» [...]

демократически
выбранное
учреждение
ответственность
и
сменяемость во
всякое
время

(3) «...Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы...»

«не парламентарное, а работающее»: и законодательная и исполнительная власть

(4) «...Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время...»

полиция лишена политических функций и превращена в сменяемых исполнителей

(5) «...То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления...»

то же все
чиновники

(6) «...Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего.»

«обычная
плата
рабочих»

* Здесь и ниже Ленин цитирует работу К. Маркса «Гражданская война во Франции» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 317—370). *Ред.*

(7) «Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами...» [...]

уничтожение
привилегий
(знатных)
высших
чиновников

(8) «...По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, силу попов...» (распущение и экспроприация церквей).

«сломать»
власть попов

(9) «...Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость...» Они «должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми...» [...]

(10) «...В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была... стать политической формой даже самой маленькой деревни... от коммуны выбиралась бы и «национальная делегация» в Париже [...]

«националь-
ная органи-
зация» по
коммунам

(11) «...Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, — такое утверждение было сознательным подлогом, — а должны были быть переданы коммунальным, т. е. строго ответственным, чиновникам...»

«центральное
правитель-
ство» из «ком-
мунальных»,
т. е. строго
ответствен-
ных, чинов-
ников

(12) «...Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством *уничтожения той государственной власти*, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта

«коммуналь-
ное устрой-
ство» =
уничто-
жение той
государствен-
ности», кото-
рая была па-
разитическим
наростом

государственная власть была лишь *паразитическим наростом* на теле нации. ||

Задача состояла в том, чтобы *отсечь* чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества...» [...]

((13)) «...Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (*ver- und zertreten*) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю» [...] ||

не старый парламентаризм,
а «народ, конституировавшийся по коммунам»

((14)) «...Обычной судьбой *нового исторического* творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта *новая Коммуна, которая ломает* (*bricht* — разбивает) *современную государственную власть*, была рассматривается, как воскрешение средневековой коммуны... как союз мелких государств (Монтескье, жирондисты)... как преувеличенная форма старой борьбы против чрезмерной централизации...» [...] ||

«новое историческое создание»

«эта *новая Коммуна, ломающая современную государственную власть...*»

((15)) «...Коммунальное устройство вернуло бы обществу все те силы, которые до сих пор пожирал этот *паразитический нарост «государство»,* кормящийся на счет общества и задерживающий его ||

Маркс о «паразитическом наросте» «государстве»
Так!

свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции...» [...]

((16)) «...В действительности... коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов.— Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собою разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней» [...]

«государственной власти, которая теперь делается излишней»

((17)) «Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций — дешевое правительство, — уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество» [...]

NB:
уничтожила армию и чиновничество

((18)) «Разнообразии истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразии интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса (курсив Маркса), результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда» [...]

Коммуна =
«правительство рабочего класса»

N B:
«наконец, открытая политическая форма»

((19)) «...Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом...» [...]

Из этого сопоставления важнейших рассуждений Маркса о Коммуне ясно видно, что Маркс из всех сил подчеркивает необходимость «упразднить» (армию и чиновничество), «уничтожить» ту государственную власть, «сломать современную государственную власть» и т. д., уничтожить, сломать, устранить (*beseitigen*), что? *не* государство, а «современную государственную власть», «готовую государственную машину», чиновничество и армию в первую голову. Называя «государство» паразитическим наростом, Маркс «*почти*» говорит и об уничтожении государства. Но дело, конечно, не в термине, а в *сущи*.

Основная идея Маркса: завоевание *политической власти* пролетариатом *не* есть овладение «готовой» государственной машиной, а (I) «разбитие», разрушение ее и замена *новой*. Какой же новой?

Примерно
так:

{(I)}

Маркс изучает *опыт* Коммуны, он не сочиняет этой «новой» власти, а изучает, *как* сами революции «открывают» («наконец открывают») [...] ее как само рабочее движение *подходит* к этой задаче, как *практика* начинает решать ее.

{ II }
замена постоянной
армии вооруженным
народом }

... (III) *Уничтожение бюрократии*, судей в том числе: (α) прогнать «*hohe Staatswürdenträger*», «высших государственных чиновников»; (β) свести остальных на чисто исполнительную роль; (γ) сменяемость; (δ) плата обыкновенного рабочего.

{(III)}

...Замена *парламентского* народного представительства («не парламентское», с. 46, изд. 3) «коммунальным» («коммунальное устройство»), т. е. и законодательным и исполнительным в одно время...

{(IV)}

...*Местное самоуправление* без (V)
надзора и опеки государства
сверху...

...*Полная демократия* вообще... (VI)

Условие всего этого: пробужде-
ние (революционным пожаром,
революционной активностью) тру-
дящихся масс, *большинства* насе-
ления, и *x* активное участие *вме-*
сто чиновников в государственных
делах,— пролетарское руководст-
во, ими должны руководить ор-
ганизованные, централизованные
пролетарии.

I

II

Условие всего этого: сокраще-
ние рабочего дня до 8—6—4 ча-
сов; — соединение производитель-
ного труда *всех* с участием *всех*
в «государственном» управлении.

Русская революция *подошла* к
этому же приему, с одной сто-
роны, слабее (более робко) подо-
шла, чем Парижская Коммуна,
с другой стороны, показала **шире**
«Советы рабочих депутатов», «же-
лезнодорожных депутатов», «сол-
датских и матросских депутатов»,
«крестьянских депутатов». Это
Nota bene. [...]

III

Изменения после 1871 года? Все таковы или общий
их характер, их сумма такова, что бюрократизм *везде*
бешено вырос (и в парламентаризме, внутри его,—
и в местном самоуправлении — и в акционерных компа-
ниях — и в тресте и т. д.), это раз. А два: рабочие «со-
циалистические» партии «вросли» на $\frac{3}{4}$ в *такой же*
бюрократизм. Раскол между социал-патриотами и ин-
тернационалистами, между реформистами и револю-
ционерами имеет, следовательно, еще более глубокое
значение: реформисты и социал-патриоты *совершен-*
ствуют бюрократически-государственную машину [...]
а революционеры должны *сломать* ее, эту «бюро-
кратически-военную государственную машину», сломать
ее, заменив «коммуной», новым «полугосударством».

Можно, пожалуй, кратко, драстически *, выразить все дело так: замена старой («готовой») государственной машины и парламентов Советами рабочих депутатов и их доверенными лицами. В этом суть!! А нерабочее население? Кто не работает, тот не должен есть (а не то, что государством управлять!! (Оппортунисты возражат, как возражал уже Бернштейн в 1899 г., что это «примитивная демократия». На основе социализма «примитивная» демократия будет не примитивной!),

Nota bene

В. И. Ленин. Марксизм о государстве (1917) — т. 33, с. 213—231

(а —) «Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников (— β), объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время. В чем состояла характерная особенность прежнего государства?»** [...] в превращении «слуг общества», «Diener der Gesellschaft», органов его в «Herren über dieselbe» в «господ над обществом». «Это

со «старой» государственной машиной нельзя

NB:

(1) «устранить» машину подавления ((войско; полиция; бюрократия))

(2) «обеспечить себя от депутатов и чиновников»

* — метко, сильно действующе, характерно. *Ред.*
 ** Здесь и ниже Ленин цитирует Введение Ф. Энгельса к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 189—201). *Ред.*

можно видеть, например, не только в наследственной монархии, но и в демократической республике». Например, в Северной Америке, две «банды» политических спекулянтов (здесь нет ни династии, ни дворянства, ни постоянного войска, ни бюрократии «с постоянными штатами и правами на пенсию») [...] Нация бессильна против этих двух «картелей политиков» [...]

«Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах, превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства.

Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выбранных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того».

«Этот взрыв (*Sprengung*) старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократиче-

два «безошибочно действующих» средства:

1) сменяемость во всякое время

2) плата обыкновенного рабочего

[N B:]

«взрыв старой государственной

скою, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны».

власти и
замена ее
НОВОЙ...»

В. И. Ленин. *Марксизм о государстве*
(1917) — т. 33, с. 239, 241, 243

Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это — революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон*, изданный централизованной государственной властью. Это — власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки, типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. *Эта* власть — власть *того же типа*, какого была Парижская Коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной, оплатой «местечек» превращаются в рабочих *особого* «рода оружия», оплачиваемых *не выше* обычной платы хорошего рабочего.

В этом и *только* в этом *суть* Парижской Коммуны, как *особого* типа государства.

В. И. Ленин. *О двоевластии* (1917). —
т. 31, с. 145—146

Демократия — тоже государство, а уже Парижская Коммуна поднялась выше.

В. И. Ленин. Доклад о текущем моменте и об отношении к Временному правительству 14 (27) апреля [Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) 14—22 апреля (27 апреля — 5 мая) 1917 г.] — т. 31, с. 245

ЧЕМ ЗАМЕНИТЬ РАЗБИТУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ МАШИНУ?

На этот вопрос в 1847 году, в «Коммунистическом Манифесте», Маркс давал ответ еще совершенно абстрактный, вернее, указывающий задачи, но не способы их разрешения. Заменить «организацией пролетариата в господствующий класс», «завоеванием демократии» — таков был ответ «Коммунистического Манифеста»*.

Не вдаваясь в утопии, Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии».

Опыт Коммуны, как бы он ни был мал, Маркс подвергает в «Гражданской войне во Франции» самому внимательному анализу.

[...] Разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (= особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населе-

* См. наст. изд., с. 72. *Ред.*

ния, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно!* В этом смысле государство *начинает отмирать*. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии), само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти.

Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня «заработной платы рабочего»*. Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом* — от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как «особой силы» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. [...]

Понижение платы высшим государственным чиновникам кажется «просто» требованием наивного, примитивного демократизма. Один из «основателей» новейшего оппортунизма, бывший социал-демократ Эд. Бернштейн не раз упражнялся в повторении пошлых буржуазных пасмешечек над «примитивным» демократизмом. Как и все оппортунисты, как и теперешние кутскианцы, он совершенно не понял того, что, во-первых, переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), а во-вторых, что «примитивный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры — не то, что примитивный демократизм в первобытные или в докапиталистические времена. Капиталистическая культура *создала* крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а *на этой базе* громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть

* См. наст. изд., с. 233. *Ред.*

сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т. е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность.

*В. И. Ленин. Государство и революция
(1917) — т. 33, с. 40, 42—44*

УНИЧТОЖЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

[...] Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте, — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках.

Но если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм, как одно из учреждений государства, с точки зрения задач пролетариата в этой области, то где же выход из парламентаризма? как же можно обойтись без него? [...]

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говоривших в «работающие» учреждения. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы»*.

* См. наст. изд., с. 232. *Ред.*

«Не парламентское, а работающее» учреждение, это сказано не в бровь, а в глаз современным парламентариям и парламентским «комнатным собачкам» социал-демократии! Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье». [...]

Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, по парламентаризму, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии, без парламентаризма можем и *должны* [...]

Крайне поучительно, что, говоря о функциях *того* чиновничества, которое пужно и Коммуне, и пролетарской демократии, Маркс берет для сравнения служащих «всякого другого работодателя», т. е. обычное капиталистическое предприятие с «рабочими, надсмотрщиками и бухгалтерами».

У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса [...]

Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это — опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Капитализм упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества напимажущей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров».

Мы не утописты. Мы не «мечтаем» о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся — пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, свеем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) — вот *наша*, пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, — порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, — такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надсмотрщика и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, опадут, как *особые* функции особого слоя людей.

Один остроумный немецкий социал-демократ семидесятых годов прошлого века назвал *почту* образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта

есть хозяйство, организованное по типу государственно-капиталистической монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу *всех* их, как и *всех* вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной.

Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооруженного пролетариата — вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от протитуирования этих учреждений буржуазией.

*В. И. Ленин. Государство и революция
(1917) — т. 33, с. 45—50*

«Уничтожение государственной власти», которая была «паразитическим паростом», «отсечение» ее, «разрушение» ее; «государственная власть делается теперь излишней» — вот в каких выражениях говорил Маркс о государстве, оценивая и анализируя опыт Коммуны. [...]

Утописты занимались «открыванием» политических форм, при которых должно бы произойти социалистическое переустройство общества. Анархисты отмахивались от вопроса о политических формах вообще. Оппортунисты современной социал-демократии приняли буржуазные политические формы парламентарного демократи-

ческого государства за предел, его же не преjdeши, и разбивали себе лоб, молясь на этот «образец», объявляли анархизмом всякое стремление *сломать* эти формы.

Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к негосударству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но *открывать* политические *формы* этого будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому привел 1851 год: дело подходит к *разрушению* буржуазной государственной машины.

И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и бьющую в глаза слабость, стал изучать, какие формы *открыло* оно.

Коммуна — «открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна — первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которую можно и должно *заменить* разбитое.

В. И. Ленин. *Государство и революция* (1917) — т. 33, с. 55—56

Маркс и Энгельс показали, что Коммуна уничтожала армию и чиновничество, уничтожала *парламентаризм*, разрушала «паразитический нарост — государство» и т. д. [...]

В. И. Ленин. *Пролетарская революция и ренегат Каутский* (1918) — т. 37, с. 249—250

Коммуна была не парламентским учреждением.

[...] Значение Коммуны, далее, состоит в том, что она сделала попытку разбить, разрушить до основания буржуазный государственный аппарат, чиновничий, судейский, военный, полицейский, заменив его самоуправляющейся массовой организацией рабочих, которая не знала разделения законодательной и исполнительной власти.

В. И. Ленин. *Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта [I конгресс Коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 г.]* — т. 37, с. 493

СОВЕТЫ КАК ФОРМА ДЕМОКРАТИИ

Государство типа Парижской Коммуны

Опыт революции 1905 г.

и Великой Октябрьской социалистической революции

Советы как форма диктатуры пролетариата, пролетарской демократии

Вовлечение трудящихся в управление государством

Соединение законодательной и исполнительной власти

Выборность и гласность

В чем состояло главное отличие периода «революционного вихря» от теперешнего, «кадетского», периода с точки зрения различных приемов политической деятельности? с точки зрения разных методов исторического творчества народа? Прежде всего и главным образом в том, что в период «вихря» применялись некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов: 1) *«захват» народом политической свободы*,— осуществление ее без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.); 2) создание новых органов *революционной власти*,— Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр., и т. п. Эти органы создавались исключительно *революционными* слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодетельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут.[...] *Третий «метод» действия эпохи «революционного вихря»: применение народом насилия по отношению к насильникам над народом.*

Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала *никакой* другой власти и *никакого* закона, *никакой* нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, незаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть — это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было. [...]

На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот *основное* отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян, над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников. Таково отличие диктатуры *над* народом от диктатуры революционного *народа* [...] Старая власть, как диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицейских ухищрений, исключительно при помощи удаления, отстранения народной массы от участия в власти, от наблюдения за властью. Старая власть систематически не доверяла массе, боялась света, держалась обманом. Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты — рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты — наш товарищ. Выбирай своего депутата. Сейчас же, немедленно выбирай, как считаешь удобным, — мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего Совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, Совета солдатских депутатов и пр., и т. п. Это — власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли. — Такова была новая власть, или, вернее, ее зачатки, ибо победа старой власти затоптала побеги молодого растения очень рано.

Вы спросите [...] зачем же тут «диктатура», зачем «насилие»? разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки, разве десятки и сотни миллионов могут быть диктаторами над тысячей, над десятком тысяч? [...]

Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть. *Не что иное, как это*, означает понятие: «диктатура», — запомните хорошенько, гг. кадеты. Далее, во взятом нами примере мы видим

диктатуру именно *народа*, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец, это есть диктатура именно *революционного* народа. [...] Диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, несколько не боящийся, однако, всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно *весь* народ к участию не только в «управлении» государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства. [...]

Хорошо ли это, что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, непланомерные и несистематические приемы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной, власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это — высшее проявление народной борьбы за свободу. Это — та великая пора, когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в *дело*, дело самих народных масс, а не одиночек героев.

В. И. Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии (1906) — т. 12, с. 316—322

Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества *.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

В. И. Ленин. О задачах пролетариата в данной революции (1917) — т. 31, с. 115

НОВЫЙ ТИП ГОСУДАРСТВА, ВЫРАСТАЮЩИЙ В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты не только в том отношении, что большинству неясно их классовое значение, их роль в *русской* революции. Они не поняты еще и в том отношении, что

* Т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

они представляют из себя новую форму, вернее, новый *тип государства*.

Наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств является тип *парламентарной демократической республики*: власть принадлежит парламенту; государственная машина, аппарат и орган управления обычный: постоянная армия, полиция, чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее *над* народом.

Но революционные эпохи, начиная с конца XIX века, выдвигают *высший* тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством, «не является государством в собственном смысле слова» *. Это — государство типа Парижской Коммуны, *заменяющее* особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. В этом суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуазные писатели, которой ошибочно приписывали, между прочим, намерение немедленно «ввести» социализм.

Именно такого типа государство *начала* создавать русская революция в 1905 и в 1917 годах. Республика Советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов, объединенных Всероссийским Учредительным собранием народных представителей или Советом советов и т. п., — вот что *уже входит в жизнь* у нас теперь, в данное время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию *по-своему* [...]

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость* государства и государственной власти в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности.

Марксизм отличается от мелкобуржуазного, оппортунистического «социал-демократизма» г. Плеханова, Каутского и К^о тем, что признает необходимость для указанных периодов *не* такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская Коммуна.

Главные отличия этого последнего типа государства от старого следующие:

От парламентарной буржуазной республики возврат к монархии совсем легок (как и доказала история),

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 5. *Ред.*

ибо остается неприкосновенной вся машина угнетения: армия, полиция, чиновничество. Коммуна и Советы рабочих, солдатских, крестьянских и т. д. депутатов *разбивают* и устраняют эту машину.

Парламентарная буржуазная республика стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь *масс*, их непосредственное участие в *демократическом* строительстве всей государственной жизни снизу доверху. Обратное — Советы рабочих и солдатских депутатов. [...]

Если мы сорганизуемся и умело поведем свою пропаганду, не только пролетарии, но и девять десятых крестьянства будут против восстановления полиции, против несменяемого и привилегированного чиновничества, против отделенной от народа армии. А только в этом и состоит новый тип государства.

Замена полиции народной милицией — есть преобразование, вытекшее из всего хода революции и проводимое теперь в жизнь в большинстве мест России. Мы должны разъяснять массам, что в большинстве буржуазных революций обычного типа такое преобразование оказывалось крайне недолговечным, и буржуазия, даже самая демократическая и республиканская, восстанавливала полицию старого, царистского типа, отделенную от народа, находящуюся под командой буржуа, способную всячески угнетать народ.

Чтобы *не дать* восстановить полицию, есть только одно средство: создание всенародной милиции, слияние ее с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа). В такой милиции должны участвовать поголовно все граждане и гражданки от 15 до 65 лет, если этими примерно взятыми возрастными позволено определить участие подростков и стариков. Капиталисты должны платить наемным рабочим, прислуге и пр. за дни, посвященные общественной службе в милиции. Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии. А такие функции «полиции», как попечение о больных, о беспризорных детях, о здоровом питании и пр., вообще не могут быть удовлетворительно осуществлены без равноправия женщин на деле, а не на бумаге только.

В. И. Ленин. *Задачи пролетариата в нашей революции (1917)* — т. 31, с. 162—165

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость государства* для перехода к социализму,— по (и в этом отличие от Каутского и К^о) *не такого государства*, как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы рабочих депутатов 1905 и 1917 годов.

Мой третий довод: *жизнь* создала, революция создала *уже на деле* у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое «государство», не являющееся государством в собственном смысле слова.

Это *уже* вопрос практики масс, а не только теория вождей.

Государство в собственном смысле есть командование над массами со стороны отрядов вооруженных людей, отделенных от народа.

Наше *рождающееся*, новое государство есть тоже государство, ибо нам необходимы отряды вооруженных людей, необходим *строжайший* порядок, необходимо *беспощадное* подавление насилием всяких попыток контрреволюции и царистской и гучковски-буржуазной.

Но наше *рождающееся*, новое государство *не есть* уже государство в собственном смысле слова, ибо в ряде мест России эти отряды вооруженных людей есть *сама масса*, весь народ, а не кто-либо над ним поставленный, от него отделенный, привилегированный, практически несменяемый.

Не назад надо смотреть, а вперед, не на ту демократию обычно-буржуазного типа, которая укрепляла господство буржуазии посредством старых, *монархических*, органов управления, полиции, армии, чиновничества.

Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии, которая уже перестает быть демократией, ибо демократия есть господство народа, а сам вооруженный народ не может над собой господствовать.

Слово демократия не только научно неверно в применении к коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 года, есть *шора*, одеваемая на глаза революционному народу и *мешающая* ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы рабочих, крестьянских и всяких иных депутатов, как *единственную власть* в «государстве», как предвестник «отмирания» *всякого* государства.

В. И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции (1917) — т. 31, с. 180—181

Нам нужно, в отличие от анархистов, государство для перехода к социализму. Парижская Коммуна дала нам образец государства типа Совета рабочих депутатов — прямой власти организованных и вооруженных рабочих, — диктатуры рабочих и крестьян. Роль Советов, значение такой диктатуры — организованное насилие против контрреволюции, охрана завоеваний революции в интересах большинства, опираясь на большинство. Двоевластия в государстве быть не может. Советы депутатов есть тип государства, когда полиция невозможна. Здесь сам народ собой управляет, тут невозможен возврат к монархии. Армия и народ должны слиться — вот победа свободы! Все должны владеть оружием. Чтобы удержать свободу, необходимо поголовное вооружение народа, — вот в чем суть коммуны. Мы не анархисты, отрицающие организацию государства, т. е. насилие вообще и в особенности государства самих организованных и вооруженных рабочих, организацию государства через их Советы.

В. И. Ленин. Доклад о текущем моменте и об отношении к Временному правительству 14 (27) апреля [Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) 14—22 апреля (27 апреля — 5 мая) 1917 г.] — т. 31, с. 243—244

[...] Нам нужна республика народная. Советы рабочих, крестьянских и батрацких депутатов снизу доверху — вот идеал управления. Власть должна быть у народа.

В. И. Ленин. Заседание солдатской секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 17 (30) апреля 1917 г. — т. 31, с. 276

Советы рабочих и солдатских депутатов, которые всю Россию покрывают теперь своей сетью, стоят сейчас в центре всей революции; однако они, мне кажется, недостаточно нами поняты и изучены. Если они возьмут в свои руки власть, то это уже не будет государство в обычном смысле слова. Такой государственной власти, долго державшейся, никогда в мире не бывало, но к ней подходило все рабочее движение мира. Это будет именно государство типа Парижской Коммуны. Такая власть является диктатурой, т. е. опирается не на закон, не на формальную волю большинства, а прямо, непосредственно на насилие. Насилие — орудие власти. Каким же образом Советы станут применять эту власть? Вернутся ли они к старому управлению через полицию, будут ли

вести управление посредством старых органов власти? По-моему, они этого сделать не могут, и во всяком случае перед ними стоит непосредственная задача устройства государства небуржуазного.

В. И. Ленин. Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая) (Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г.] — т. 31, с. 354

Советы, это — учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может. Это — тот новый, более демократический тип государства, который мы назвали в наших партийных резолюциях крестьянски-пролетарской демократической республикой, в которой единственная власть принадлежала бы Советам рабочих и солдатских депутатов.

В. И. Ленин. Речь об отношении к Временному правительству 4 (17) июня [I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 3—24 июня (16 июня — 7 июля) 1917 г.] — т. 32, с. 264

«Власть Советам» — это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т. е. истинно демократическим аппаратом Советов, т. е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований. [...]

Вся история буржуазно-парламентарных, а в значительной степени и буржуазно-конституционных, стран показывает, что смена министров значит очень мало, ибо реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников. А эта армия насквозь пропитана антидемократическим духом, связана тысячами и миллионами нитей с помещиками и буржуазией, зависима от них на всяческие лады. [...]

Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов тем и ценны особенно, что они представляют из себя новый, неизмеримо более высокий, несравненно более демократический тип государственного аппарата. [...]

Пусть учатся на этом историческом примере все ма-
ловеры. Пусть устыдятся те, кто говорит: «у нас нет ап-
парата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготею-
щий к защите буржуазии, аппарат». Ибо этот аппарат
есть. Это и есть Советы. Не бойтесь инициативы и
самостоятельности масс, доверьтесь революционным
организациям масс — и вы увидите *во всех* областях
государственной жизни такую же силу, величествен-
ность, непобедимость рабочих и крестьян, какую обнару-
жили они в своем объединении и порыве против корпи-
ловщины.

Неверие в массы, боязнь их почина, боязнь их само-
стоятельности, трепет перед их революционной энергией,
вместо всесторонней беззаветной поддержки ее, вот в
чем грешили больше всего эсеровские и меньшевистские
вожди. Вот где один из наиболее глубоких корней их
нерешительности, их колебаний, их бесконечных и бес-
конечно бесплодных попыток влить новое вино в старые
мехи старого, бюрократического государственного ап-
парата.

Возьмите историю демократизации армии в русской
революции 1917 года, историю министерства Чернова,
историю «царствования» Пальчинского, историю ухода
Пешехонова — и вы увидите на каждом шагу нагляд-
нейшие подтверждения сказанному выше. Без полного
доверия к выборным солдатским организациям, без аб-
солютного проведения принципа выборности начальства
солдатами получилось то, что Корниловы, Каледины и
контрреволюционные офицеры оказались во главе ар-
мии. Это факт.

*В. И. Ленин. Один из коренных вопро-
сов революции (1917) — т. 34, с. 202—
204*

Советы суть новый государственный аппарат, даю-
щий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян,
причем эта сила не оторвана от народа, как сила ста-
рой постоянной армии, а теснейшим образом с ним свя-
зана; в военном отношении эта сила несравненно более
могучая, чем прежние; в революционном отношении она
незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает
связь с массами, с большинством народа настолько тес-
ную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую,
что ничего подобного в прежнем государственном аппа-
рате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу

выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части *угнетенных* классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение.

Наши Советы в 1905 году были только, так сказать, утробным зародышем, ибо просуществовали всего несколько недель. Ясное дело, что не могло быть и речи при тогдашних условиях о всестороннем развитии их. И в революции 1917 года об этом не может быть еще речи, ибо срок в несколько месяцев крайне мал, а главное: эсеровские и меньшевистские вожди *проституировали* Советы, сводили их на роль говорилена, на роль придатка к соглашательской политике вождей. Советы гнили и разлагались заживо под руководством Либеров, Данов, Церетели, Черновых. Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности Советы могут, только взяв *всю* государственную власть, ибо иначе им *нечего делать*, иначе они либо простые зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки. «Двоевластие» есть паралич Советов.

Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя.

В. И. Ленин. *Удержат ли большевики государственную власть?* (1917) — т. 34, с. 304—305

Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

В. И. Ленин. Доклад о задачах власти Советов [Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г.] — т. 35, с. 2

Мы заявляем, что мы хотим нового государства, что Совет должен заменить старое чиновничество, что всему народу следует учиться управлять. [...]

Наш недостаток в том, что советская организация еще не научилась управлять, мы слишком много митингуем.

В. И. Ленин. Речь на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтовыми представителями 4 (17) ноября 1917 г. — т. 35, с. 63

Вопрос о пере выборах — это вопрос действительного осуществления демократического начала. Во всех передовых странах принято и введено, что только выборные могут говорить государственным законодательным языком. Но, давая право призывать для ведения государственной машины, буржуазия умышленно не дала права отзыва — права действительного контроля. [...]

Советы созданы самими трудящимися, их революционной энергией и творчеством, и только в этом лежит залог того, что они работают всецело на осуществление интересов масс. В Совет каждый крестьянин, посылая представителей, может и отозвать их, и в этом истинный народный смысл Советов. [...]

Нужно осуществление прямого последовательного и немедленного демократического начала — введение права отзыва. [...]

Народу говорили, что Совет — правомочный орган, — он верил и осуществил это. Нужно продолжить линию

демократизации и сделать существующим право отзыва.

Право отзыва должно быть предоставлено Советам, как наиболее совершенным носителям идеи государственности, принуждения. И тогда переход власти от одной партии к другой может происходить мирным путем, путем простого перевыбора.

В. И. Ленин. Доклад о праве отзыва на заседании ВЦИК 21 ноября (4 декабря) 1917 г.—т. 35, с. 109—111

[...] Республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием.

[...] Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата, республика Советов (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при Учредительном собрании как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму.

В. И. Ленин. Тезисы об Учредительном собрании (1917) — т. 35, с. 162

Советы, которые народ сумел создать вполне самостоятельно, это — форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран.

В. И. Ленин. Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 6 (19) января 1918 г.—т. 35, с. 238

[...] Когда начинается революция — она есть революция трудящихся и эксплуатируемых,— и только организации трудящихся, только организации эксплуатируемых принадлежит вся власть в государстве; этот демократизм несравненно выше, чем демократизм старый. Советы не выдуманы какой-нибудь партией.

[...] На собственном опыте, не в силу пропаганды, народ сравнил социалистическую власть Советов и буржуазную республику и вынес убеждение в том, что для интересов трудящихся и эксплуатируемых не годятся старые реформы и старые учреждения буржуазного империализма,— годится для этого только власть Советов,

в которые люди свободны выбирать своих представителей, как рабочие, так и солдаты и крестьяне и железнодорожники, и все трудящиеся, и свободно отзывают назад своих депутатов, которые не удовлетворяют требованиям и желаниям народа. В Советах не для того присутствуют, чтобы трактовать законы, блистать парламентскими речами, но для того, чтобы осуществить свободы и сбросить иго эксплуатации. Рабочие сами построят государство на новых началах, построят новую жизнь новой России, в которой не будут иметь места эксплуататоры. Вот что создало Советы, вот почему мы говорили, что опыт русской революции показал людям и подтвердил то, на что мы давно указывали, что Советская власть гораздо более высокая форма демократии, чем буржуазные республики, те, что в западных и европейских государствах сложились; настоящая демократия, трудящиеся, рабочие могут и должны господствовать над нетрудящимися, над эксплуататорским составом общества, рабочие, солдаты, крестьяне и железнодорожники сами могут быть хозяевами, производить обмен продуктов городов и деревень, установить справедливую заработную плату без помещиков и капиталистов.

Вот почему Советская республика России сложилась теперь вполне как республика социалистическая, которая отняла земли от помещиков, установила рабочий контроль на фабриках и заводах, наложила руку на банки, руку рабочих, социалистических организаций, открыв народу доступ к тому, чтобы он сам управлял теми неслыханными богатствами, которые капиталисты составили и сложили, чтобы направлять их не на угнетение трудящихся, а на развитие благосостояния и рост культуры всех трудящихся.

В. И. Ленин. Доклад Совета Народных Комиссаров 13 (26) января [Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд 5—30 января (18 января — 12 февраля) 1918 г.] — т. 35, с. 299—301

Советская власть создавалась ни по чьему-либо декрету, ни по постановлению какой-либо партии, потому что она выше партий, потому что она составлена по революционному опыту, по опыту миллионов людей; вовсе не случайно в 1905 году Советы родились, а в 1917 году выросли и учредили такую новую республику, которой нет в европейских странах и не будет, пока там господ-

ствует капитал. [...] А Советская власть дает не таких представителей, которые фехтуют в парламентах и обмениваются блестящими речами, создавая прочное господство капитала и чиновничьего аппарата. А Советская власть идет от самих трудящихся масс, она дает не парламент, а собрание трудовых представителей, которое издает законы, исполняющиеся непосредственно, проходящие в жизнь и ставящие своей задачей борьбу с эксплуататорами. Учредительное собрание старого образца и референдумы старого образца ставили своей задачей объединить волю всей нации и создать возможность дружно жить волкам и овцам, эксплуататорам и эксплуатируемым. Нет, мы не хотим этого. Все это мы пережили и перепробовали. С нас всего этого довольно. И мы убеждены в том, что большинству рабочих, крестьян и солдат этого довольно. [...] Нам нужно представительство не буржуазное, а представительство эксплуатируемых и угнетенных, которое будет вести беспощадную борьбу с эксплуататорами. Вот какое намерение Советской власти; в нее не входят ни парламент, ни референдум. Она выше этого, она дает возможность трудящимся, если они не довольны своей партией, переизбрать своих делегатов, передать власть другой партии и переменить правительство без малейшей революции [...]

*В. И. Ленин. Ответы на записки
[Чрезвычайный Всероссийский железно-
дорожный съезд 5—30 января (18 ян-
варя — 12 февраля) 1918 г.] — т. 35,
с. 306, 307*

В наших Советах еще масса грубого, недоделанного, это не подлежит сомнению, это ясно всякому, кто приглядывался к их работе, но что в них важно, что исторически ценно, что представляет шаг вперед во всемирном развитии социализма — это то, что здесь создан новый тип государства. В Парижской Коммуне это было на несколько недель, в одном городе, без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили гениальным чутьем проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в условиях, когда, благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны и многолетнего развития немецкой социал-демократии, мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая Советскую власть. Народными массами, несмотря

на всю ту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что есть пережиток мелкобуржуазного характера нашей страны,— несмотря на все это, новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране, в нескольких нациях. Этот тип Советской власти себя показал, если он перебросился на столь отличную во всех отношениях страну, как Финляндия, где нет Советов, но тип власти опять-таки новый, пролетарский *. Так это доказательство того, что теоретически представляется бесспорным, что Советская власть есть новый тип государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного демократизма новой демократией,— демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них и законодателя, и исполнителя, и военную охрану, и создает аппарат, который может перевоспитать массы. [...]

В Советской власти мы имеем новый тип государства; постараемся обрисовать его задачи, конструкцию, постараемся объяснить, почему этот новый тип демократии, в котором так много хаотического, несуразного, что составляет в нем живую душу — переход власти к трудящимся, устранение эксплуатации, аппарата для подавления. Государство есть аппарат для подавления. Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять только сама масса, аппарат должен быть связан с массами, должен ее представлять, как Советы. Они гораздо ближе к массам, они дают возможность стоять ближе к ней, они дают больше возможности воспитывать эту массу. Мы знаем прекрасно, что русский крестьянин стремится к тому, чтобы учиться, но мы хотим, чтобы он учился не из книг, а из собственного опыта. Советская власть есть аппарат — аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе. Это гигантски трудная задача. Но исторически важно то, что мы беремся за ее решение, и решение не только с точки зрения лишь нашей одной

* Имеется в виду революционное правительство Финляндии — Совет народных уполномоченных, — созданное 29 января 1918 г. после свержения буржуазного правительства. Наряду с Советом народных уполномоченных был образован Главный совет рабочих организаций, являвшийся верховным органом власти. Основу государственной власти в стране составляли «сеймы рабочих организаций», избиравшиеся организованными рабочими. *Ред.*

страны, но и призывая на помощь европейских рабочих. Мы должны сделать конкретное разъяснение нашей программы именно с этой общей точки зрения. Вот почему мы считаем, что это есть продолжение пути Парижской Коммуны. Вот почему мы уверены, что, вставши на этот путь, европейские рабочие сумеют нам помочь. Им лучше сделать то, что мы делаем, причем центр тяжести с формальной точки зрения переносится на конкретные условия. Если в старое время было особенно важно такое требование, как гарантия права собраний, то наша точка зрения на право собраний состоит в том, что никто теперь не может помешать собраниям, и Советская власть должна обеспечить только зал для собраний. Для буржуазии важно общее прокламирование широковещательных принципов: «Все граждане имеют право собираться, но собираться под открытым небом,— помещений мы вам не дадим». А мы говорим: «Поменьше фраз и побольше сути». Необходимо отобрать дворцы,— и не только Таврический, но и многие другие,— а о праве собраний мы молчим. И это надо распространить на все остальные пункты демократической программы. Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций.

В. И. Ленин. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта [VII Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г.] — т. 36, с. 50—53

Затем изменение политической части нашей программы должно состоять в возможно более точной и обстоятельной характеристике нового типа государства, Советской республики, как формы диктатуры пролетариата и как продолжения тех завоеваний международной рабочей революции, которые начаты Парижской Коммуной. Программа должна указать, что наша партия не откажется от использования и буржуазного парламентаризма, если ход борьбы отбросит нас назад, на известное

время, к этой, превзойденной теперь нашею революцией, исторической ступени. Но во всяком случае и при всех обстоятельствах партия будет бороться за Советскую республику, как высший по демократизму тип государства и как форму диктатуры пролетариата, свержения ига эксплуататоров и подавления их сопротивления.

В. И. Ленин. Резолюция об изменении названия партии и партийной программы 8 марта 1918 г. [VII Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г.]— т. 36, с. 58

[...] Закрепить и развить дальше федеративную республику Советов, как неизмеримо более высокую и прогрессивную форму демократии, чем буржуазный парламентаризм, и как единственный тип государства, соответствующий, на основании опыта Парижской Коммуны 1871 года, а равно опыта русских революций 1905 и 1917—1918 годов, переходному периоду от капитализма к социализму, т. е. периоду диктатуры пролетариата [...]

ДЕСЯТЬ ТЕЗИСОВ О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Укрепление и развитие Советской власти

Укрепление и развитие Советской власти, как формы,— опытом уже проверенной, массовым движением и революционной борьбой выдвинутой формы,— диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства (полупролетариев).

Укрепление и развитие должны состоять в осуществлении (более широком, всеобщем и планомерном осуществлении) тех заданий, которые исторически на эту форму государственной власти, на этот новый тип государства, ложатся, именно:

(1) объединение и организация угнетенных капитализмом трудящихся и эксплуатируемых масс и только их, т. е. только рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, при автоматическом исключении эксплуататорских классов и богатых представителей мелкой буржуазии;

(2) объединение наиболее деятельной, активной, сознательной части угнетенных классов, их авангарда, который должен воспитывать поголовно все трудящееся население к самостоятельному участию

в управлении государством не теоретически, а практически.

(4) (3) Уничтожение парламентаризма (как отделение законодательной работы от исполнительной); соединение законодательной и исполнительной государственной работы. Слияние управления с законодательством.

(3) (4) Более тесная связь с массами всего аппарата государственной власти и государственного управления, чем прежние формы демократизма.

(5) Создание вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа (Советы = вооруженные рабочие и крестьяне). Организованность всенародного вооружения, как один из первых шагов к полному осуществлению вооружения всего народа.

(6) Более полный демократизм, в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва.

(7) Тесная связь (и непосредственная) с профессиями и с производительными — экономическими единицами (выборы по заводам, по местным крестьянским и кустарным округам). Эта тесная связь дает возможность осуществлять глубокие социалистические преобразования.

(8) (Отчасти, если не целиком, входит в предыдущее) — возможность устранить бюрократию, обойтись без нее, начало реализации этой возможности.

(9) Перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального признания формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящейся и эксплуатируемой массой населения.

(10) Дальнейшее развитие советской организации государства должно состоять в том, чтобы каждый член Совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, наряду с участием в собраниях Совета; — а затем в том, чтобы все население поголовно привлекалось постепенно как к участию в советской организации (при условии подчинения организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления.

Выполнение этих задач требует

а) В области политической:

развить Советскую республику.

Преимущества Советов * [...]

распространение советской конституции, *по мере* прекращения сопротивления эксплуататоров, на *все* население;

федерация наций, как переход к *сознательному* и более тесному единству трудящихся, научившихся *добровольно* подниматься выше национальной розни;

обязательно беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров; нормы «общей» (т. е. буржуазной) демократии подчиняются этой цели, уступают ей:

«Свободы» и демократия *не* для всех, а для трудящихся и эксплуатируемых масс в интересах их освобождения от эксплуатации; беспощадное подавление эксплуататоров;

NB: центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся, свергающих эксплуататоров.

Например, от признания свободы собраний к передаче всех лучших зал и помещений рабочим, от признания свободы слова к передаче всех лучших типографий в руки рабочих и т. д. [...]

Переход *через* Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и *поголовно* всех граждан к непосредственному и *ежедневному* несению своей доли тягот по управлению государством.

В. И. Ленин. Черновой набросок проекта программы [VII Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г.] — т. 36, с. 71—74

Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик.

В. И. Ленин. Главная задача наших дней (1918) — т. 36, с. 79

* См. наст. изд., с. 264—265. *Ред.*

[...] Советская власть упрочилась в России и приобрела бесповоротные симпатии трудящихся и эксплуатируемых, потому что уничтожила старый угнетательский аппарат государственной власти, потому что она в основе создала новый и высший тип государства, каким в зародыше была Парижская Коммуна, низвергнувшая старый аппарат и поставившая на его место непосредственно вооруженную силу масс, заменившая демократизм буржуазно-парламентарный демократизмом трудовых масс за исключением эксплуататоров и систематически подавлявшая их сопротивление.

В. И. Ленин. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта [IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов 14—16 марта 1918 г.] — т. 36, с. 95

Советская власть есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя.

В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти (1918) — т. 36, с. 196

Мы имеем одного чрезвычайно опасного тайного врага, который опаснее многих открытых контрреволюционеров; этот враг — смертельный враг социалистической революции и Советской власти, которая является небывалым еще нигде народным парламентом нового типа для бедных — враг, каким является стихия мелкого собственника.

В. И. Ленин. Речь в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 23 апреля 1918 г. — т. 36, с. 235

Организация правильного управления, неуклонного проведения в жизнь постановлений Советской власти — такова насущная задача Советов, таково условие полной победы советского типа государства, каковой тип недостаточно формально декретировать, недостаточно учредить и ввести во всех концах страны, а необходимо

еще практически наладить и проверять на регулярной, повседневной работе управления.

В. И. Ленин. Шесть тезисов об очередных задачах Советской власти (1918) — т. 36, с. 278

Мы знаем, что советская революция и Советская власть отличается от других революций и другой власти тем, что она не только свергнула власть помещиков и капиталистов, что она не только государство крепостническое, самодержавное разрушила, — мало того, массы восстали против всяких чиновников, они создали новое государство, в котором должна принадлежать власть рабочим и крестьянам и не только должна, но уже принадлежит. В этом государстве полиции и чиновников нет, нет и постоянной армии, которая на долгие годы была бы забираема в казармы, отделялась бы от народа и обучалась бы стрелять в народ.

В. И. Ленин. Доклад о текущем моменте [IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 27 июня — 2 июля 1918 г.] — т. 36, с. 447

О ДЕМОКРАТИЗМЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Демократизм Советской власти и ее социалистический характер выражается в том,

что верховной государственной властью являются Советы, которые составляются из представителей трудящегося народа (рабочих, солдат и крестьян), свободно выбираемых и сменяемых в любое время массами, доселе угнетавшимися капиталом;

что местные Советы свободно объединяются, на началах демократического централизма, в единую, федеральным союзом скрепленную, общегосударственную Советскую власть Российской Советской республики;

что Советы сосредоточивают в своих руках не только законодательную власть и контроль за исполнением законов, но и непосредственное осуществление законов через всех членов Советов, в целях постепенного перехода к выполнению функций законодательства и управления государством поголовно всем трудящимся населением.

Принимая далее во внимание,

что величайшим искажением основных начал Советской власти и полным отказом от социализма является

всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти...

В. И. Ленин. О демократизме и социалистическом характере Советской власти (1918) — т. 36, с. 481

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши Советы, созданные еще в 1905 году могучим подъемом масс. Советы рабочих и крестьян, это — новый *тип* государства, новый высший *тип* демократии, это — форма диктатуры пролетариата, способ управления государством *без* буржуазии и *против* буржуазии. Впервые демократия служит здесь для масс, для трудящихся, перестав быть демократией для богатых, какой остается демократия во всех буржуазных, даже самых демократических, республиках. Впервые народные массы решают, в масштабе для сотни миллионов людей, задачу осуществить диктатуру пролетариев и полупролетариев, — задачу, без решения которой *не может быть* и речи о социализме.

Пусть педанты или люди, неизлечимо напичканные буржуазно-демократическими, или парламентарными, предрассудками, недоуменно качают головой по поводу наших Совдепов, останавливаясь, например, на отсутствии прямых выборов. Эти люди ничего не забыли и ничему не научились за время великих переворотов 1914—1918 годов. Соединение диктатуры пролетариата с новой демократией для трудящихся, — гражданской войны с широчайшим вовлечением масс в политику, — такое соединение не дается сразу и не укладывается в избитые формы рутинного парламентарного демократизма. Новый мир, мир социализма, — вот что встает перед нами в своем очертании, как Советская республика. И неудивительно, что этот мир не рождается готовым, не выходит сразу, как Минерва из головы Юпитера.

Когда старые буржуазно-демократические конституции расписывали, например, формальное равенство и право собраний, — наша, пролетарская и крестьянская, Советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь. Когда буржуазные республиканцы свергали троны, тогда не заботились о формальном равенстве монархистов с республиканцами. Когда речь

идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равенства прав для буржуазии. Грош цена «свободы собраний» для рабочих и крестьян, если все лучшие здания захвачены буржуазией. Наши Советы *отняли* все хорошие здания, и в городах и в деревнях, у богачей, *передав в с е* эти здания рабочим и крестьянам под *их* союзы и собрания. Вот *наша* свобода собраний — — — для трудящихся! Вот смысл и содержание нашей Советской, нашей социалистической Конституции!

В. И. Ленин. Письмо к американским рабочим (1918) — т. 37, с. 62—63

Пролетарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся. [...]

Советы — непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, *облегчающая* им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как только можно. Именно авангард трудящихся и эксплуатируемых, городской пролетариат, получает то преимущество при этом, что он наилучше объединен крупными предприятиями; ему всего легче выбирать и следить за выборными. Автоматически советская организация *облегчает* объединение всех трудящихся и эксплуатируемых вокруг их авангарда, пролетариата. Старый буржуазный аппарат — чиновничество, привилегии богатства, буржуазного образования, связей и проч. (эти фактические привилегии тем разнообразнее, чем развитее буржуазная демократия), — все это при советской организации отпадает. Свобода печати перестает быть лицемерием, ибо типографии и бумага отбираются у буржуазии. То же самое с лучшими зданиями, дворцами, особняками, помещичьими домами. Советская власть многие и многие тысячи этих лучших зданий отняла сразу у эксплуататоров и таким образом сделала *в миллион раз* более «демократичным» право собраний для масс, — то право собраний, без которого демократия есть обман. Непрямые выборы в нелокальные, неместные Советы облегчают съезды Советов, делают *весь* аппарат дешевле, подвижнее, доступнее для рабочих и для крестьян в такой период, когда жизнь кипит и требуется особенно быстро иметь возможность отозвать своего ме-

стного депутата или послать его на общий съезд Советов.

Пролетарская демократия *в миллион раз* демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть *в миллион раз* демократичнее самой демократической буржуазной республики.

Не заметить этого мог только либо сознательный прислужник буржуазии, либо человек совершенно политически мертвый, не видящий живой жизни из-за пыльных буржуазных книг, пропитанный насквозь буржуазно-демократическими предрассудками и тем превращающий себя, объективно, в лакея буржуазии.

Не заметить этого мог только человек, который не способен *поставить вопроса* с точки зрения *угнетенных классов*:

есть ли хоть одна страна в мире, из числа наиболее демократических буржуазных стран, в которой *средний, массовый рабочий, средний, массовый батрак* или деревенский полупролетарий вообще (т. е. представитель угнетенной массы, громадного большинства населения) пользовался хоть приблизительно такой *свободой* устраивать собрания в лучших зданиях, такой *свободой* иметь для выражения своих идей, для защиты своих интересов крупнейшие типографии и лучшие склады бумаги, такой *свободой* выдвигать именно людей своего класса на управление государством и на «устраивание» государства, как в Советской России?

Смешно и думать, чтобы господин Каутский нашел в любой стране хоть одного из тысячи осведомленных рабочих и батраков, которые усомнились бы в ответе на этот вопрос. Инстинктивно, слыша обрывки признаний правды из буржуазных газет, рабочие всего мира сочувствуют Советской республике именно потому, что видят в ней *пролетарскую демократию, демократию для бедных*, а не демократию для богатых, каковой является на деле всякая, даже наилучшая, буржуазная демократия.

Нами управляют (и наше государство «устраивают») буржуазные чиновники, буржуазные парламентарии, буржуазные судьи. Вот — простая, очевидная, бесспорная истина, которую знают по своему жизненному опыту, которую чувствуют и осязают ежедневно десятки и сотни миллионов людей из угнетенных классов во всех буржуазных странах, в том числе и самых демократических.

А в России совсем разбили чиновничий аппарат, не оставили на нем камня на камне, прогнали всех старых судей, разогнали буржуазный парламент — и дали *гораздо более доступное* представительство именно рабочим и крестьянам, *их* Советами заменили чиновников, или *их* Советы поставили над чиновниками, *их* Советы сделали избирателями судей. Одного этого факта достаточно, чтобы все угнетенные классы признали Советскую власть, то есть данную форму диктатуры пролетариата, в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

В. И. Ленин. *Пролетарская революция и ренегат Каутский* (1918) — т. 37, с. 256—259

Советы — орган борьбы угнетенных масс — естественно, отражали и выражали настроения и перемену взглядов этих масс неизмеримо быстрее, полнее, вернее, чем какие бы то ни было другие учреждения (в этом, между прочим, один из источников того, почему советская демократия есть высший тип демократии).

В. И. Ленин. *Пролетарская революция и ренегат Каутский* (1918) — т. 37, с. 281

Большевизм популяризовал на весь мир идею «диктатуры пролетариата», перевел эти слова с латинского сначала на русский, а потом на *все* языки мира, показав на примере *Советской власти*, что рабочие и беднейшие крестьяне *даже* отсталой страны, даже наименее опытные, образованные, привычные к организации, *в состоянии* были целый год, среди гигантских трудностей, в борьбе с эксплуататорами (коих поддерживала буржуазия *всего* мира), сохранить власть трудящихся, создать демократию, неизмеримо более высокую и широкую, чем все прежние демократии мира, *начать* творчество десятков миллионов рабочих и крестьян по практическому осуществлению социализма.

В. И. Ленин. *Пролетарская революция и ренегат Каутский* (1918) — т. 37, с. 304

Советы, между прочим, потому именно представляют из себя неизмеримо более высокую форму и тип демократизма, что, объединяя и втягивая в политику *массу рабочих и крестьян*, они дают самый близкий к «народу» (в том смысле, в котором Маркс говорил в 1871 году

о действительно народной революции) *, самый чуткий барометр развития и роста политической, классовой зрелости масс.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский (1918) — т. 37, с. 312

ЧТО ТАКОЕ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ?

Что такое Советская власть? В чем заключается сущность этой новой власти, которой не хотят или не могут понять еще в большинстве стран? Сущность ее, привлекающая к себе рабочих каждой страны все больше и больше, состоит в том, что прежде государством управляли так или иначе богатые или капиталисты, а теперь в первый раз управляют государством, притом в массовом числе, как раз те классы, которых капитализм угнетал. Даже в самой демократической, даже в самой свободной республике, пока остается господство капитала, пока земля остается в частной собственности, государством всегда управляет небольшое меньшинство, взятое на девять десятых из капиталистов или из богатых.

Первый раз в мире власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовые организации — Советы, и этим Советам передается вся государственная власть. Вот почему, как ни клеветают на Россию представители буржуазии во всех странах, а везде в мире слово «Совет» стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся. И вот почему Советская власть, каковы бы ни были преследования сторонников коммунизма в разных странах, Советская власть неминуемо, неизбежно и в недалеком будущем победит во всем мире.

Мы хорошо знаем, что у нас еще много недостатков в организации Советской власти. Советская власть не чудесный талисман. Она не излечивает сразу от недостатков прошлого, от безграмотности, от некультурности, от наследия дикой войны, от наследия грабительского капитализма. Но зато она дает возможность переходить к социализму. Она дает возможность подняться тем, кого угнетали, и самим брать все больше и больше

* См. наст. изд., с. 150. *Ред.*

в свои руки все управление государством, все управление хозяйством, все управление производством.

Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный и потому — непобедимый.

В. И. Ленин. Что такое Советская власть? (1919) — т. 38, с. 238—239

[...] Большевизм связан с новой пролетарской, рабочей демократией, которая выступает на место старого парламента. [...] На место старого буржуазного парламента идет всемирная Советская власть, которая завоевала сочувствие всех рабочих, потому что она есть власть трудящихся, власть миллионов, которые сами господствуют, сами управляют. Может быть, они управляют плохо, как мы в России, но мы и в условиях находимся неимоверно трудных. В том государстве, где буржуазия не окажет такого бешеного сопротивления, задачи Советской власти будут легче, она сможет работать без того насилия, без того кровавого пути, который нам навязали господа Керенские и империалисты.

В. И. Ленин. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики [Чрезвычайное заседание пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г.] — т. 38, с. 261

Началась новая эпоха всемирной истории.

Человечество сбрасывает с себя последнюю форму рабства: капиталистическое или наемное рабство.

Освобождаясь от рабства, человечество впервые переходит к настоящей свободе.

Как могло случиться, что первой страной, которая осуществила диктатуру пролетариата, организовала Советскую республику, оказалась одна из наиболее отсталых европейских стран? Мы едва ли ошибемся, если скажем, что именно это противоречие между отсталостью России и ее «скачком» к высшей форме демократизма, через буржуазную демократию к советской или пролетарской демократии, именно это противоречие было одной из причин (помимо гнета над большинством вождей социализма оппортунистических привычек и филистерских предрассудков), которая особенно затруднила или замедлила понимание роли Советов на Западе.

Рабочие массы инстинктом уловили, во всем мире, значение Советов, как орудия борьбы пролетариата и

как формы пролетарского государства. Но испорченные оппортунизмом «вожди» продолжали и продолжают молиться на буржуазную демократию, называя ее «демократией» вообще.

Удивительно ли, что осуществление диктатуры пролетариата показало прежде всего «противоречие» между отсталостью России и ее «скачком» *через* буржуазную демократию? Удивительно было бы, если бы осуществление *новой* формы демократии история подарила нам *без* ряда противоречий.

В. И. Ленин. Третий Интернационал и его место в истории (1919) — т. 38, с. 303—304

Советская или пролетарская демократия родилась в России. По сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарски-крестьянская Советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой. Она не может уже умереть, как *новый тип государства*.

В. И. Ленин. Третий Интернационал и его место в истории (1919) — т. 38, с. 307

[...] Только Советская власть, власть самих трудящихся, а не буржуазный парламентаризм хотя бы в наиболее демократической республике, способна освободить труд от ига капитала, народы от вражды и войн, человечество от разгула бешеного империализма.

В. И. Ленин. Дополнение к проекту обращения к германским рабочим и не эксплуатирующим чужого труда крестьянам (1919) — т. 38, с. 379

Да, Советское правительство является самым демократическим из всех правительств мира. Мы готовы это доказать.

В. И. Ленин. Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News» (1919) — т. 39, с. 209

[...] *Внутри* России за нами *теперь* такое прочное сочувствие такого огромного большинства трудящихся, что мир еще не видал государства более демократического.

В. И. Ленин. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам (1919) — т. 39, с. 221

Советы = пролетарская демократия = диктатура пролетариата.

В. И. Ленин. Черновые наброски и план брошюры о диктатуре пролетариата (1919) — т. 39, с. 458

[...] Именно Советы являются тем исторически сложившимся инструментом, который единственный может обеспечить реализацию воли масс.

Запись беседы В. И. Ленина с У. Поллом (1920) — Ленинский сборник XXXVII, с. 250

Советская власть с каждым днем приобретает в сознании трудящихся все больше и больше значения, убеждая в том, что она, как таковая, есть власть самих трудящихся.

В. И. Ленин. Речь на собрании рабочих завода «Электросила» № 3 (б. «Динамо»), посвященном празднованию четвертой годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1921 г. — т. 44, с. 238

[...] Никакая сила в мире не может взять назад того, что Советское государство было создано. Это — всемирно-историческая победа. Сотни лет государства строились по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она. Но не в этом дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано, — и поэтому пусть вся Европа, тысячи буржуазных газет повествуют о том, какие у нас безобразия и пицета, что только одни мучения переживает трудящийся народ, — все-таки во всем мире все рабочие тяготеют к Советскому государству. Вот те великие завоевания, которые нами достигнуты и которые являются неотъемлемыми. Но для нас, представителей коммунистической партии, это значит только открыть дверь. Перед нами стоит теперь задача постройки фундамента социалистической экономики. Сделано это? Нет, не сделано. У нас еще нет социалистического фундамен-

та. Те коммунисты, которые воображают, что он имеется, делают величайшую ошибку. Весь гвоздь состоит в том, чтобы отделить твердо, ясно и трезво, что у нас составляет всемирно-историческую заслугу русской революции, от того, что нами исполняется до последней степени плохо, что еще не создано и что еще много раз надо перделывать.

Политические события всегда очень запутаны и сложны. Их можно сравнить с цепью. Чтобы удержать всю цепь, надо уцепиться за основное звено. Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться. В 1917 г. в чем был весь гвоздь? В выходе из войны, чего требовал весь народ, и это покрывало все. Выхода из войны революционная Россия достигла. Были большие усилия, но зато основная потребность народа была учтена, и это дало нам победу на много лет. И народ почувствовал, крестьянин видел, всякий возвращающийся с фронта солдат превосходно понимал, что в лице Советской власти он получает более демократическую, более близкую к трудящимся власть. Сколько бы мы глупостей и безобразий ни делали в других областях, раз мы эту главную задачу учли — значит, все было правильно. [...]

Советский тип государства нами завоеван, — это есть шаг вперед всего человечества [...]

*В. И. Ленин. Политический отчет
Центрального Комитета РКП(б)
27 марта [XI съезд РКП(б) 27 марта —
2 апреля 1922 г.] — т. 45, с. 108—110*

ПРЕИМУЩЕСТВА ПРОЛЕТАРСКОЙ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Высший тип демократии
Наиболее полная и широкая демократия
Демократия для трудящихся
Непосредственное участие трудящихся масс
в управлении государством
Действительная демократия — действительное равенство
и действительная свобода всех трудящихся
Реальные гарантии демократии
Демократия и социальная справедливость

Буржуазная демократия, ценность которой для воспитания пролетариата и обучения его к борьбе беспорядочна, всегда узка, лицемерна, лжива, фальшива, всегда остается демократией для богатых, обманом для бедных.

Пролетарская демократия подавляет эксплуататоров, буржуазию — и потому не лицемерит, *не обещает* им свободы и демократии — а трудящимся дает *настоящую демократию*. Только Советская Россия дала пролетариату, и всему гигантскому трудящемуся большинству России, невиданную, невозможную и немыслимую ни в одной буржуазной демократической республике *свободу и демократию*, отняв, например, дворцы и особняки у буржуазии (без этого свобода собраний — лицемерие), отняв типографии и бумагу у капиталистов (без этого свобода печати для трудящегося большинства нации есть ложь), заменив буржуазный парламентаризм демократической организацией *Советов*, в *1000 раз* более близких к «народу», более «демократичных», чем самый демократичный буржуазный парламент. *И так далее.*

В. И. Ленин. Пролетарская революция
и ренегат Каутский (1918) — т. 37,
с. 104—105

Все дело в том, что государство буржуазное, осуществляющее диктатуру буржуазии чрез посредство демократической республики, не может признаться перед народом в том, что оно служит буржуазии, не может сказать правды, вынуждено лицемерить.

А государство типа Коммуны, государство Советское, открыто и прямо говорит народу *правду*, заявляя, что оно есть диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, привлекая к себе именно этой правдой десятки и десятки миллионов новых граждан, забитых при любой демократической республике, втягиваемых в политику, *в демократию*, в управление государством, Советами.

В. И. Ленин. Пролетарская революция
и ренегат Каутский (1918) — т. 37,
с. 314

Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала, от лжи, фальши, лицемерия буржуазной демократии, этой демократии *для богатых*, в состоянии установить демократию *для бедных*, т. е. сделать блага демократии доступными *фактически* для рабочих и беднейших крестьян, тогда как теперь (даже и при самой демократической — *буржуазной* — республике) эти блага демократии *фактически* недоступны громадному большинству трудящихся.

Возьмем, например, свободу собраний и свободу печати. [...] *На деле* капиталисты, эксплуататоры, поме-

щики, спекулянты держат в своих руках $\frac{9}{10}$ лучших зданий, которые пригодны для собраний, и $\frac{9}{10}$ запасов бумаги, типографий и прочее. Рабочий в городе, батрак и поденщик в деревне *на деле* отстранены от демократии как этим «священным правом собственности» [...] так и буржуазным аппаратом государственной власти, т. е. буржуазными чиновниками, буржуазными судьями и прочее. Теперешняя «свобода собраний и печати» в «демократической» (буржуазно-демократической) республике немецкой есть ложь и лицемерие, ибо *на деле* это есть *свобода для богачей* покупать и подкупать прессу, *свобода богачей* спаивать народ сивухой буржуазной газетной лжи, *свобода богачей* держать в своей «собственности» помещичьи дома, лучшие здания и т. п. Диктатура пролетариата *отнимет* у капиталистов в пользу трудящихся помещичьи дома, лучшие здания, типографии, склады бумаги. [...]

Это будет заменой фактической диктатуры буржуазии (каковую диктатуру лицемерно прикрывают формы демократической буржуазной республики) диктатурой пролетариата. Это будет заменой демократии для богатых демократией для бедных. Это будет заменой свободы собраний и печати для меньшинства, для эксплуататоров, свободой собраний и печати для *большинства* населения, для трудящихся. Это будет гигантским, всемирно-историческим *расширением* демократии, превращением ее из лжи в правду, освобождением человечества от оков капитала, *искажающего* и урезающего всякую, даже и самую «демократическую» и республиканскую, *буржуазную* демократию. Это будет заменой буржуазного государства *пролетарским* государством, каковая замена есть единственный путь к отмиранию государства вообще.

Почему же нельзя достигнуть такой цели без диктатуры одного класса? почему нельзя прямо перейти к «чистой» демократии? спрашивают лицемерные друзья буржуазии или наивные клейнбургеры и филистеры, одураченные ею.

Мы отвечаем: потому, что во всяком капиталистическом обществе решающее значение могут иметь либо буржуазия, либо пролетариат, а мелкие хозяйчики неизбежно остаются колеблющимися, бессильными, глупыми мечтателями о «чистой», т. е. внеклассовой или надклассовой, демократии.

В. И. Ленин. О «демократии» и диктатуре (1918) — т. 37, с. 390—392

Возьмите буржуазное общество, которое хвалится своим всеобщим голосованием. А на самом деле, как мы знаем, это всеобщее голосование, весь этот аппарат превращается в обман, ибо громадное большинство трудящихся забито и задавлено даже в самых передовых, культурных и демократических странах,— задавлено капиталистической каторгой, так что фактически в политике не участвует и участвовать не может. И теперь впервые наступает в истории человечества переворот, который может привести к полной победе социализма,— и это лишь при условии, что новые громадные массы возмущаются за дело управления самостоятельно. Переворот социалистический означает не перемену форм государства, не замену монархии республикой, не новое голосование людей, которое предполагает совершенно «равных» людей и которое на деле является искусным затемнением и прикрытием того, что один есть собственник, а другой — неимущий. С точки зрения людей буржуазного общества,— раз есть «демократия» и раз капиталист и пролетарий участвуют в этом голосовании,— это есть «воля народа», это есть «равенство», это есть выражение его желания.

В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г.— т. 37, с. 443—444

Если до завоевания политической власти пролетариатом использование буржуазной демократии и в особенности парламентаризма было (обязательно) необходимо в целях политического воспитания и организации рабочих масс, то теперь, после завоевания политической власти пролетариатом, при более высоком типе демократизма, осуществляемом в Советской республике, всякий шаг назад, к буржуазному парламентаризму и к буржуазной демократии, был бы безусловно реакционным обслуживанием интересов эксплуататоров, помещиков и капиталистов. Только интересам эксплуататоров служат лозунги якобы всенародной общенациональной, всеобщей, внеклассовой, а на деле буржуазной демократии и, пока остается частная собственность на землю и другие средства производства, самая демократическая республика неизбежно остается диктатурой буржуазии, машиной для подавления гигантского большинства трудящихся горсткой капиталистов.

Историческая задача, которая ложится на Советскую республику — новый тип государства, переходный к полному уничтожению государства,— состоит в следующем:

1) создание и развитие всесторонней и массовой организованности именно угнетенных капитализмом классов, пролетариата и полупролетариата. Буржуазно-демократическая республика в лучшем случае допускала организацию эксплуатируемых масс в том смысле, что объявляла ее свободной, но на деле всегда ставила неисчислимы фактические препятствия их организации, и эти препятствия неустранимо связаны были с частной собственностью на средства производства. Советская власть, впервые в истории, не только всесторонне облегчает организацию угнетенных капитализмом масс, но и делает ее постоянной и неперменной основой всего государственного аппарата, снизу доверху, местного и центрального. Только таким путем на деле осуществляется для большинства населения демократизм, т. е. фактическое участие в управлении государством гигантского большинства народа, именно трудящихся, вместо фактического управления государством, главным образом, представителями буржуазных классов, как это бывает в самых демократических буржуазных республиках.

2) Советская организация государства дает некоторое фактическое преимущество именно той части трудящихся масс, которая наиболее сконцентрирована, объединена, просвещена и закалена в борьбе всем предшествующим социализму капиталистическим развитием, т. е. городскому промышленному пролетариату. Это преимущество должно быть неуклонно и систематически используется для того, чтобы в противовес узкоцеховым и узкопрофессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, раскалывая их на конкурирующие между собой группы, соединять теснее с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, вырывать их из-под влияния сельского кулачества и сельской буржуазии, организовывать и воспитывать их для коммунистического строительства.

3) Буржуазная демократия, торжественно провозглашая равенство всех граждан, на деле лицемерно прикрывала господство эксплуататоров-капиталистов, обманывая массы мыслью о том, будто возможно на деле равенство эксплуататора с эксплуатируемыми. Советская организация государства разрушает этот обман

и это лицемерие, осуществляя действительный демократизм, т. е. действительное равенство всех трудящихся, и исключая эксплуататоров из полноправных членов общества. Опыт всей всемирной истории, всех восстаний угнетенных классов против угнетателей учит неизбежности отчаянного и долгого сопротивления эксплуататоров в борьбе за сохранение их привилегий. Советская организация государства приспособлена к подавлению этого сопротивления, без чего не может быть и речи о победоносной коммунистической революции.

4) Более непосредственное воздействие трудящихся масс на устройство и управление государства, т. е. более высокая форма демократизма, достигается при советском типе государства также, во-первых, тем, что процедура выборов и возможность чаще производить их, равно условия перевыборов и отзыва депутатов гораздо легче и доступнее рабочим города и деревни, чем при наилучших формах буржуазной демократии.

5) Во-вторых, тем, что первичной избирательной единицей и основной ячейкой государственного строительства является, при Советской власти, не территориальный округ, а экономическая, производственная единица (завод, фабрика). Эта более тесная связь государственного аппарата с объединенными капитализмом массами передовых пролетариев, помимо создания более высокого демократизма, дает также возможность осуществлять глубокие социалистические преобразования.

6) Советская организация позволила создать такую вооруженную силу рабочих и крестьян, которая гораздо теснее, чем прежде, связана с трудящимися и эксплуатируемыми массами. Без этого было бы невозможно осуществить одно из основных условий победы социализма, именно: вооружение рабочих и разоружение буржуазии.

7) Советская организация развила несравненно дальше и шире ту сторону буржуазного демократизма, которая знаменует великую историческую прогрессивность его по сравнению с средневековьем, именно участие населения в выборе должностных лиц. Ни в одном из самых демократичных буржуазных государств трудящиеся массы никогда не осуществляли формально предоставляемого им буржуазией, но фактически стесняемого ею, права выборов даже приблизительно в такой широкой мере, так часто, так повсеместно, так легко и просто, как при Советской власти. Но вместе с тем советская

организация отменяла те отрицательные стороны буржуазного демократизма, которые начала отменять уже Парижская Коммуна, узость, ограниченность которых давно указал марксизм, именно парламентаризм, как отделение законодательной власти от исполнительной. Сливая ту и другую власть, Советы сближают государственный аппарат с трудящимися массами и устраняют ту загородку, которой был буржуазный парламент, обманывавший массы лицемерными вывесками, прикрывавший финансовые и биржевые проделки парламентских дельцов, обеспечивавший неприкосновенность буржуазного аппарата управления государством.

8) Только благодаря советской организации государства революция пролетариата могла сразу разбить и разрушить до основания старый, буржуазный, государственный аппарат, а без этого невозможен был бы и приступ к социалистическому строительству. В настоящее время в России уже вполне разрушены твердыни бюрократизма, связывавшего повсюду и всегда государственную власть с интересами помещиков и капиталистов как при монархии, так и в самой демократической буржуазной республике. Но борьба против бюрократизма у нас далеко не закончена. Часть потерянных ею позиций бюрократия пытается вернуть себе, используя, с одной стороны, недостаточно высокий культурный уровень масс населения, с другой — крайнее, почти сверхчеловеческое напряжение сил самого развитого слоя городских рабочих на военной работе. Поэтому продолжение борьбы против бюрократизма является для успеха дальнейшего социалистического строительства безусловно и настоятельно необходимым.

9) Работа в этом направлении, неразрывно связанная с осуществлением главной исторической задачи Советской власти, именно перехода к полному уничтожению государства, должна состоять, во-первых, в том, чтобы каждый член Совета обязательно выполнял известную работу по управлению государством, во-вторых, в том, чтобы эти работы последовательно менялись, охватывая весь круг дел, связанных с государственным управлением, все его отрасли, и, в-третьих, в том, чтобы рядом постепенных и осторожно выбираемых, но неуклонно проводимых мер все трудящееся население поголовно привлекалось к самостоятельному участию в управлении государством.

10) В общем и целом различие между буржуазной демократией и парламентаризмом, с одной стороны, и советской или пролетарской демократией, с другой, сводится к тому, что первая переносила центр тяжести на торжественное и пышное провозглашение всяческих свобод и прав, фактически не позволяя именно большинству населения, рабочим и крестьянам, пользоваться ими сколько-нибудь достаточно. Напротив, пролетарская или советская демократия центр тяжести переносит не на то, чтобы провозглашать права и свободы всего народа, а на то, чтобы на деле обеспечить именно тем массам трудящихся, которые были угнетены и эксплуатируемы капиталом, фактический доступ к управлению государством, фактическое пользование лучшими зданиями и помещениями для собраний и съездов, лучшими типографиями и крупнейшими складами (запасами) бумаги для просвещения тех, кого капитализм оуплял и забивал, обеспечить именно этим массам реальную (фактическую) возможность постепенно освобождаться от гнета религиозных предрассудков и т. д. и т. п. Именно в этом направлении фактического предоставления трудящимся и эксплуатируемым возможности на деле пользоваться благами культуры, цивилизации и демократии состоит важнейшая работа Советской власти, которая должна неуклонно продолжать ее и дальше.

В. И. Ленин. Черновой набросок проекта программы РКП(б) [Проект программы РКП(б)] (1919) — т. 38, с. 90—94

Обеспечивая для трудящихся масс несравненно большую возможность, чем при буржуазной демократии и парламентаризме, производить *выборы и отзыв* депутатов наиболее легким и доступным для рабочих и крестьян способом, Советская конституция в то же время уничтожает выясненные уже со времени Парижской Коммуны отрицательные стороны парламентаризма, особенно отделение законодательной и исполнительной властей, оторванность парламента от масс и пр.

Советская конституция сближает государственный аппарат с массами также тем, что избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика).

В. И. Ленин. Отрывок из политической части программы [Проект программы РКП(б)] (1919) — т. 38, с. 110

[...] Рабочие прекрасно знают, что «свобода собраний» даже и в наиболее демократической буржуазной республике есть пустая фраза, ибо богатые имеют все лучшие общественные и частные здания в своем распоряжении, а также достаточно досуга для собраний и охрану их буржуазным аппаратом власти. Пролетарии города и деревни и мелкие крестьяне, т. е. гигантское большинство населения, не имеют ни того, ни другого, ни третьего. Пока дела стоят таким образом, «равенство», т. е. «чистая демократия», есть обман. Чтобы завоевать настоящее равенство, чтобы осуществить на деле демократию для трудящихся, надо сначала отнять у эксплуататоров все общественные и роскошные частные здания, надо сначала дать досуг трудящимся, надо, чтобы охраняли свободу их собраний вооруженные рабочие, а не дворянчики или капиталисты-офицеры с забитыми солдатами. [...]

«Свобода печати» является тоже одним из главных лозунгов «чистой демократии». Опять-таки рабочие знают, и социалисты всех стран миллионы раз признавали, что эта свобода есть обман, пока лучшие типографии и крупнейшие запасы бумаги захвачены капиталистами и пока остается власть капитала над прессой, которая проявляется во всем мире тем ярче, тем резче, тем циничнее, чем развитее демократизм и республиканский строй, как, например, в Америке. Чтобы завоевать действительное равенство и настоящую демократию для трудящихся, для рабочих и крестьян, надо сначала отнять у капитала возможность нанимать писателей, покупать издательства и подкупать газеты, а для этого необходимо свергнуть иго капитала, свергнуть эксплуататоров, подавить их сопротивление. Капиталисты всегда называли «свободой» свободу наживы для богатых, свободу рабочих умирать с голоду. Капиталисты называют свободой печати свободу подкупа печати богатыми, свободу использовать богатство для фабрикации и подделки так называемого общественного мнения. Защитники «чистой демократии» опять-таки оказываются на деле защитниками самой грязной, продажной системы господства богачей над средствами просвещения масс, оказываются обманщиками народа, отвлекающими его посредством благовидных, красивых и насквозь фальшивых фраз от конкретной исторической задачи освобождения прессы от ее закабаления капиталом. Действительной свободой и равенством будет такой порядок, который строят коммунисты и в котором

не будет возможности обогащаться на чужой счет, не будет объективной возможности ни прямо, ни косвенно подчинять прессу власти денег, не будет помех тому, чтобы всякий трудящийся (или группа трудящихся любой численности) имел и осуществлял равное право на пользование общественными типографиями и общественной бумагой.

В. И. Ленин. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта [I конгресс Коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 г.] — т. 37, с. 494—496

Нас тысячи и миллионы раз обвиняли и обвиняют за нарушение свободы печати, за отказ от демократии. Демократией обвинители называют то, чтобы пресса была куплена капиталом, чтобы богатые люди могли пользоваться печатью в своих целях. Мы это называем не демократией, а плутократией. Все то, что буржуазная культура создала, чтобы обманывать народ и защищать капиталистов, мы отняли у них для того, чтобы удовлетворять политические запросы рабочих и крестьян. И мы в этом отношении сделали столько, сколько ни одной социалистической партии не удавалось сделать за четверть века или полвека. Но все же мы сделали неизмеримо мало из того, что следует сделать.

В. И. Ленин. Отчет Центрального Комитета 18 марта [VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.] — т. 38, д. 149—150

Буржуазная демократия ограничивалась провозглашением формальных прав, равно распространяемых на всех граждан, например, права собраний, союзов, печати. В лучшем случае бывали отменяемы в наиболее демократических буржуазных республиках все законодательные ограничения по этим пунктам. Но в действительности как административная практика, так и главным образом экономическое рабство трудящихся всегда ставило их при буржуазной демократии в невозможность сколько-нибудь широко пользоваться правами и свободами.

Напротив, пролетарская или советская демократия на место формального провозглашения прав и свобод ставит фактическое предоставление их прежде всего и больше всего именно тем классам населения, которые были угнетаемы капитализмом, т. е. пролетариату и

крестьянству. Для этого Советская власть экспроприрует у буржуазии помещения, типографии, склады бумаги, предоставляя их в полное распоряжение трудящихся и их организаций.

Задача РКП состоит в том, чтобы вовлекать все более широкие массы трудящегося населения в пользование демократическими правами и свободами и расширять материальные возможности этого.

*В. И. Ленин. Проект третьего пункта
общеполитической части программы
[VIII съезд РКП(б) 18—23 марта
1919 г.] — т. 38, с. 185*

Самая демократическая буржуазная республика не была никогда и не могла быть ничем иным, как машиной для подавления трудящихся капиталом, как орудием политической власти капитала, диктатурой буржуазии. Демократическая буржуазная республика обещала власть большинству, провозглашала ее, но никогда не могла осуществить ее, пока существовала частная собственность на землю и прочие средства производства.

«Свобода» в буржуазной демократической республике была на деле свободой *для богатых*. Пролетарии и трудящиеся крестьяне могли и должны были использовать ее для подготовки своих сил к свержению капитала, к преодолению буржуазной демократии, но *фактически* пользоваться демократией при капитализме трудящиеся массы, по общему правилу, не могли.

Впервые в мире советская или пролетарская демократия создала *демократию* для масс, для трудящихся, для рабочих и мелких крестьян.

Никогда еще не было в мире такой государственной власти *большинства* населения, власти этого большинства *на деле*, как Советская власть.

*В. И. Ленин. Третий Интернационал и
его место в истории (1919) — т. 38,
с. 308*

Карл Маркс в «Капитале» издевается над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве *вообще*, которое ослепляет мещан и филистеров всех стран вплоть до нынешних подлых героев подлого бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную

постановку вопроса пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня, вот один из типичных образчиков такой постановки*. Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем яснее, тем очевиднее, чем больше разворачивается содержание пролстарской революции. «Формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каутских, меньшевиков и эсеров с их милыми «братцами» из Берна именно тем, что они сводят все к *условиям труда*. Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о «народовласти» и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «блаародного чеаека», сразу и безошибочно определяет: «По всей вероятности, мошенник».

Поменьше пышных фраз, побольше простого, *будничного*, дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля! [...]

Наша печать, например, мало ведет войны с этими гнилыми остатками гнилого, буржуазно-демократического, прошлого, мало поддерживает простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма.

Возьмите положение женщины. Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти.

В. И. Ленин. Великий почин (1919) —
т. 39, с. 22—23

Маленькая иллюстрация в заключение: американская буржуазия обманывает народ, хвалясь свободой, равенством, демократией в ее стране. Но ни эта, ни какая иная буржуазия, ни одно правительство в мире не сможет принять, побоится принять состязание с нашим правительством на началах действительной свободы, равенства, демократии: допустим, договор обеспечивает за нашим правительством и за любым иным свободу обмена... брошюрами, от имени правительства издавае-

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 310—311.
Ред.

мыми на любом языке и содержащими текст законов данной страны, текст конституции, с объяснением ее превосходства над другими.

Ни одно буржуазное правительство в мире не осмелится пойти на такой мирный, цивилизованный, свободный, равный, демократичный договор с нами.

В. И. Ленин. Ответ на вопросы американского журналиста (1919) — т. 39, с. 117

Мы говорим: та свобода, в нарушении которой вы большевиков упрекаете, есть свобода капитала, есть свобода владельца продавать хлеб на вольном рынке, т. е. свобода наживы для немногих, которые имеют этот хлеб в излишке. Та свобода печати, в нарушении которой постоянно обвиняли большевиков, — что такое эта свобода печати в капиталистическом обществе? Всякий наблюдал, чем была печать у нас в «свободной» России. Еще больше это наблюдали люди, которые познакомились, непосредственно наблюдая или имея дело с постановкой печати в передовых капиталистических странах. Свобода печати в капиталистическом обществе — это значит свобода торговать печатью и воздействием на народные массы. Свобода печати — это содержание прессы, могущественнейшего орудия воздействия на народные массы, на счет капитала. Вот что такое свобода печати, которую большевики разрушили, и они гордятся тем, что дали впервые свободу печати от капиталистов, что они в первый раз в громадной стране создали печать, которая не зависит от горстки богатых и миллионеров, — печать, которая целиком посвящена задачам борьбы против капитала, и этой борьбе мы должны подчинить все.

В. И. Ленин. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры (1919) — т. 39, с. 133—134

Нас, представителей Советской власти, большевиков-коммунистов и сторонников Советской власти, постоянно упрекают в том, что мы нарушили демократию, и в доказательство этого обвинения выдвигают тот факт, что Советская власть разогнала учредилку. Мы отвечаем на эти обвинения обыкновенно так: той демократии и той учредилке, которые возникли при существовании частной собственности на земле, когда люди не были равны

между собою, когда имеющий собственный капитал был хозяином, а остальные, трудящиеся у него, были наемные рабы его,— такой демократии мы цены не придаем. Такая демократия покрывала собою рабство даже в самых передовых государствах. Мы, социалисты, являемся сторонниками демократии лишь постольку, поскольку она облегчает положение трудящихся и угнетенных. Социализм ставит своей задачей во всем мире борьбу против всякой эксплуатации человека человеком. Для нас имеет истинное значение та демократия, которая служит эксплуатируемым, тем, которые поставлены в положение неравноправное. Если нетрудящийся лишается избирательных прав, то это и есть настоящее равенство между людьми. Нетрудящийся не должен есть.

Мы говорим в ответ на эти обвинения, что надо поставить вопрос о том, как осуществляется в том или ином государстве демократия. Мы видим во всех демократических республиках, что провозглашается равенство, а в законах гражданских и в законах о правах женщины в смысле положения ее в семье, в смысле развода, на каждом шагу мы видим неравенство и принижение женщины, и мы говорим, что это есть нарушение демократии и именно в отношении к угнетенным. Советская власть более всех других, самых передовых стран осуществила демократию тем, что в своих законах не оставила ни малейшего намека на неравноправность женщины. Повторяю, ни одно государство и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования.

Конечно, недостаточно одних законов, и мы никоим образом не удовлетворяемся одними декретами. Но в области законодательства мы сделали все, что от нас требовалось для уравнивания положения женщины с положением мужчины, и мы по праву можем этим гордиться. Положение женщины в Советской России теперь таково, что оно является идеальным с точки зрения самых передовых государств. Но мы говорим себе, что, конечно, это только еще начало.

Положение женщины, при ее занятии домашним хозяйством, все еще остается стесненным. Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производ-

тельном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина.

В. И. Ленин О задачах женского рабочего движения в Советской республике (1919) — т. 39, с. 200—201

Решение голосованием, т. е. формальным волеизъявлением при сохранении капиталистических определителей (мотиваций) воли = буржуазная демократия. Решение классовой борьбой и гражданской войной против эксплуататоров = пролетарская демократия.

В. И. Ленин. Черновые наброски и план брошюры о диктатуре пролетариата (1919) — т. 39, с. 456—457

Реальность демократизма при *пролетарской демократии*.

Успехи демократизма: съезды, собрания, пресса, религия, женщины, угнетенные нации.

В. И. Ленин. О диктатуре пролетариата (1919) — т. 39, с. 266

Трудящиеся освобождены от вековых угнетателей и эксплуататоров, помещиков и капиталистов. Этот шаг вперед действительной свободы и действительного равенства, шаг, по величине его, по размерам, по скорости невиданный в мире, не учитывается сторонниками буржуазии (в том числе мелкобуржуазными демократами), которые говорят о свободе и равенстве в смысле парламентарной буржуазной демократии, облыжно объявляя ее «демократией» вообще или «чистой демократией» (Каутский).

Но трудящиеся учитывают именно действительное равенство, действительную свободу (свободу от помещиков и от капиталистов) и потому так прочно стоят за Советскую власть.

В. И. Ленин. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата (1919) — т. 39, с. 276

Буржуазия и ее сторонники обвиняют нас в нарушении демократии. Мы утверждаем, что советский переворот дал невиданный в мире толчок развитию демократии и вглубь и вширь, притом демократии именно для трудящихся и угнетенных капитализмом масс, — следовательно, демократии для громадного большинства

народа, следовательно, демократии социалистической (для трудящихся), в отличие от демократии буржуазной (для эксплуататоров, для капиталистов, для богатых).

Кто прав?

Хорошенько вдуматься в этот вопрос, глубже понять его — значит учесть опыт двух лет и лучше приготовиться к его дальнейшему развитию.

Положение женщины особенно наглядно поясняет разницу между буржуазной и социалистической демократией, особенно наглядно отвечает на поставленный вопрос.

В буржуазной республике (т. е. где есть частная собственность на землю, фабрики, заводы, акции и проч.), хотя бы это была самая демократическая республика, положение женщины *нигде в мире, ни в одной самой передовой стране* не стало вполне равноправным. И это несмотря на то, что со времени великой французской (буржуазно-демократической) революции прошло более 1¼ века.

Буржуазная демократия на словах обещает равенство и свободу. На деле женской половине человеческого рода ни одна, хотя бы самая передовая, буржуазная республика *не дала* ни полного равенства с мужчиной по закону, ни свободы от опеки и от угнетения мужчины.

Буржуазная демократия есть демократия пышных фраз, торжественных слов, велеречивых обещаний, громких лозунгов *свободы и равенства*, а на деле это прикрывает несвободу и неравенство женщины, несвободу и неравенство трудящихся и эксплуатируемых.

Советская или социалистическая демократия отмечает прочь пышные, но лживые слова, объявляет беспощадную войну лицемерию «демократов», помещиков, капиталистов или сытых крестьян, которые наживаются на спекулятивной продаже излишков хлеба голодным рабочим.

Долой эту гнусную ложь! Не может быть, нет и не будет «равенства» угнетенных с угнетателями, эксплуатируемых с эксплуататорами. Не может быть, нет и не будет настоящей «свободы», пока нет свободы для женщины от привилегий по закону в пользу мужчины, свободы для рабочего от ига капитала, свободы для трудящегося крестьянина от ига капиталиста, помещика, купца.

Пусть лжецы и лицемеры, тупицы и слепцы, буржуа и их сторонники надувают народ, говоря о свободе вообще, о равенстве вообще, о демократии вообще.

Мы говорим рабочим и крестьянам: срывайте маску с этих лжецов, открывайте глаза этим слепцам. Спрашивайте:

— Равенство какого пола с каким полом?

— Какой нации с какой нацией?

— *Какого класса с каким классом?*

— Свобода от какого ига или от ига какого класса? Свобода для какого класса?

Кто говорит о политике, демократии, о свободе, о равенстве, о социализме, не *ставя* этих вопросов, не выдвигая их на первый план, не воюя против прятания, скрывания, затушевывания этих вопросов,— тот худший враг трудящихся, тот волк в овечьей шкуре, тот злейший противник рабочих и крестьян, тот слуга помещиков, царей, капиталистов.

За два года Советская власть в одной из самых отсталых стран Европы сделала для освобождения женщины, для равенства ее с «сильным» полом столько, сколько за 130 лет не сделали все вместе передовые, просвещенные, «демократические» республики всего мира.

Просвещение, культура, цивилизация, свобода — все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических, буржуазных республиках мира с неслыханно-подлыми, отвратительно-грязными, зверски-грубыми законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчины, об унижении и оскорблении для женщины.

Иго капитала, гнет «священной частной собственности», деспотизм мещанской тупости, мелкохозяйственной корысти — вот что помешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на эти грязные и подлые законы.

Советская республика, республика рабочих и крестьян, смела эти законы сразу, не оставила камня на камне в постройках буржуазной лжи и буржуазного лицемерия.

В. И. Ленин. Советская власть и положение женщины (1919) — т. 39, с. 285—287

Старая, или буржуазная, демократия объявляет свободу и равенство, равенство независимо от того, имеет ли человек собственность или нет, независимо от того,

обладает он капиталом или нет, объявляет свободу распоряжаться частным собственникам землей, капиталом, а у кого этого нет — свободу продавать рабочие руки капиталисту.

Товарищи! Наша Советская власть решительно с этой свободой и с этим равенством, как с ложью, порвала и сказала всем трудящимся, что социалисты, так понимающие свободу и равенство, забыли начатки, азбуку и все содержание социализма. Ибо всегда разоблачали мы и социалисты, которые не изменили еще социализму, ложь, обман и лицемерие буржуазного общества, толкующего о свободе и равенстве, хотя бы о свободе и равенстве на выборах, когда на деле власть капиталистов, частная собственность на землю, на фабрики и на заводы определяет собой не свободу, а гнет и обман трудящихся при всяких и всяческих «демократических и республиканских» порядках.

Мы говорим: наша цель, как цель всемирного социализма, есть уничтожение классов, а классы — это такие группы, из которых одна может жить трудом другой, одна присваивает себе труд другой. И вот, если мы об этой свободе, об этом равенстве поговорим, то мы должны будем признать, как признает громадное большинство трудящихся в России, что ни одна страна еще не давала так много в такой короткий срок для действительной свободы и для действительного равенства, ни одна страна не давала трудящимся в такой короткий срок свободы от их главного эксплуататорского класса — помещиков и капиталистов, ни одна страна не давала равенства в такой мере по отношению к главному источнику средств существования — земле. И на этом пути, на пути освобождения от эксплуатации буржуазных классов до полного уничтожения классов, мы начали решительно бороться и продолжим борьбу за полное уничтожение классов.

В. И. Ленин. Заключительная речь при закрытии съезда 9 декабря [VII Всероссийский съезд Советов 5—9 декабря 1919 г.] — т. 39, с. 432—433

Советская система есть разрушение той буржуазной лжи, которая называет «свободой печати» свободу подкупа печати, свободу покупки газет богачами, капиталистами, свободу для капиталистов скупать сотни газет и тем подделывать так называемое «общественное мнение». [...]

То же относится к свободе собраний (это — ложь, пока богачи владеют лучшими зданиями или покупают общественные здания), к «вооружению *народа*», к свободе совести (=свободе для капитала покупать и подкупать целые церковные организации для одурманивания масс религиозным опиумом) и ко всем прочим буржуазно-демократическим свободам.

В. И. Ленин. Проект (или тезисы) ответа от РКП на письмо Независимой с.-д. германской партии. 20 января 1920 г. — т. 40, с. 55—56

[...] Буржуазная республика с учредилкой лучше такой же республики без учредилки, а «рабоче-крестьянская», советская, республика лучше всякой буржуазно-демократической, парламентарной, республики.

В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920) — т. 41, с. 13

[...] Признание Советской власти и ее превосходства над буржуазной парламентарной демократией, все это шло наиболее быстро и широко именно из недр наиболее марксистских течений в среде европейских и американских социалистических партий.

В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920) — т. 41, с. 17

Возьмите религию или бесправие женщины или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции. Пошляки мелкобуржуазной демократии восемь месяцев об этом болтали; *нет ни одной* из самых передовых стран мира, где бы *эти* вопросы были решены в *буржуазно-демократическом* направлении *до конца*. У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. [...]

Но чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски-революционной*, социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования — говорили мы и доказали делами мы — есть побочный продукт

пролетарской, то есть социалистической революции. [...] Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерасти первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую. Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян, и в то же время он означает разрыв с *буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического, *типа* демократии, именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата.

Пусть псы и свиньи умирающей буржуазии и плетущейся за нею мелкобуржуазной демократии осыпают нас кучами проклятий, ругательств, насмешек за неудачи и ошибки в постройке нами *нашего* советского строя. Мы ни на минуту не забываем того, что неудач и ошибок у нас действительно было много и делается много. Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для всей мировой истории новом деле, как создание невиданного еще *типа* государственного устройства! Мы будем неуклонно бороться за исправление наших неудач и ошибок, за улучшение нашего, весьма и весьма далекого от совершенства, применения к жизни советских принципов. Но мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн.

В. И. Ленин. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции (1921) —
т. 44, с. 146—148

Самое небольшое знакомство с законодательством буржуазных стран о браке, разводе и внебрачных детях, а равно с фактическим положением дела в этом отношении покажет любому интересующемуся вопросом человеку, что современная буржуазная демократия, даже во всех наиболее демократических буржуазных республиках, проявляет себя в указанном отношении именно крепостнически по отношению к женщине и по отношению к внебрачным детям.

Это не мешает, конечно, меньшевикам, эсерам и части анархистов и всем соответствующим партиям на Западе продолжать кричать о демократии и о ее нарушении большевиками. На самом деле, именно большевистская революция является единственной последовательно демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей. А это вопрос, затрагивающий самым непосредственным образом интересы большей половины населения в любой стране. Только большевистская революция впервые, несмотря на громадное число предшествовавших ей и называющих себя демократическими буржуазных революций, провела решительную борьбу в указанном отношении, как против реакционности и крепостничества, так и против обычного лицемерия правящих и имущих классов.

В. И. Ленин. *О значении воинствующего материализма* (1922) — т. 45, с. 32—33

БОРЬБА ПРОТИВ БЮРОКРАТИЗАЦИИ ПРОЛЕТАРСКОГО, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

**Борьба против отчуждения
исполнительной власти от трудящихся масс
Рабочий контроль, развитие самоуправления трудящихся, выборность,
гласность, устранение злоупотреблений должностных лиц
Экономические, социальные и культурные условия
преодоления бюрократизма
Длительность и сложность борьбы против бюрократизма**

Мы не обходимся без чиновников *при капитализме*, при *господстве буржуазии*. Пролетариат угнетен, трудящиеся массы поработаны капитализмом. При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т. е. в оторванных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц.

В этом *суть* бюрократизма, и пока не экспропрированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех

пор неизбежна известная «бюрократизация» даже пролетарских должностных лиц.

У Каутского выходит так: раз останутся выборные должностные лица, значит, останутся и чиновники при социализме, останется бюрократия! Именно это-то и неверно. Именно на примере Коммуны Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками», перестают *по мере* введения, кроме выборности, *еще* сменяемости в любое время, *да еще* сведения платы к среднему рабочему уровню, *да еще* замены парламентарных учреждений «работающими», т. е. издающими законы и проводящими их в жизнь»*.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 115

Борьба с бюрократическим извращением советской организации обеспечивается прочностью связи Советов с «народом», в смысле трудящихся и эксплуатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи. Буржуазные парламенты даже лучшей в мире по демократизму капиталистической республики беднота никогда не считает «своими» учреждениями. А Советы — «свое», а не чужое, для массы рабочих и крестьян. [...]

Именно близость Советов к «народу» трудящихся создает особые формы отзыва и другого контроля снизу, которые должны быть теперь особенно усердно развиваемы. Например, Советы народного образования, как периодические конференции советских избирателей и их делегатов для обсуждения и контроля за деятельностью советских властей в данной области, заслуживают полнейшего сочувствия и поддержки. Нет ничего глупее, как превращение Советов в нечто застывшее и самодовлеющее. Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц *для определенных процессов работы*, в определенные моменты *чисто исполнительских функций*, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма.

В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти (1918) — т. 36, с. 205—206

* См. наст. изд., с. 232. *Ред.*

[...] На местах много плесени, бюрократизма и моха выросло и с этим надо бороться. Это совершенно справедливо. Когда Октябрьская революция свергнула старых бюрократов, она это сделала потому, что создала Советы. Старых судей она выгнала и сделала суд народным. Но суд можно было сделать легче, для этого не надо было знать старых законов, а просто руководиться чувством справедливости. В судах бюрократизм легко было уничтожить. В других областях это было сделать гораздо труднее. Мы выгнали старых бюрократов, но они снова пришли, они называют себя «камунистами», если не могут сказать коммунист, они нацепляют красную петличку, они лезут на теплое местечко. Как тут быть? Опять и опять с этой нечистой бороться, опять и опять, если эта нечисть пролезла, чистить, выгонять, надзирать и смотреть через рабочих коммунистов, через крестьян, которых знают не месяцы и не год. Затем здесь был еще другой вопрос — записка, в которой говорится, что давать преимущество членам партии есть зло, потому что тогда примазываются жулики. С этим, товарищи, ведется борьба и будет вестись, сейчас на партийный съезд мы постановили не пускать делегатов, которые были в партии меньше года, такие меры мы будем принимать и дальше. Когда партия стоит у власти, то вначале принуждены давать преимущество партийным,— предположим, приходят два человека, один вынимает партийный билет и говорит, что он коммунист, другой же без билета, и обоих одинаково не знают, то, естественно, преимущество дается партийному, у которого есть билет. Как отличить, действительно ли человек по убеждению в партии или примазался? Надо писать на партийном билете — какого числа поступил в партию, не давать партийного билета, пока человек не выдержит искуса, не пройдет школу и т. д.

В. И. Ленин. Ответ на записки [Заседание Петроградского Совета 12 марта 1919 г.] — т. 38, с. 15—16

Дальнейший вопрос, который согласно разделению тем входит в мою задачу, это — *вопрос о бюрократизме и о вовлечении широких масс в советскую работу*. Жалобы по поводу бюрократизма раздаются давно, жалобы несомненно основательные. Мы в борьбе с бюрократизмом сделали то, чего ни одно государство в мире не сделало. Тот аппарат, который насквозь был бюрократическим и буржуазно-угнетательским, который остается

такowym даже в самых свободных буржуазных республиках,— мы его уничтожили до основания. Взять хотя бы суд. Здесь, правда, задача была легче, здесь не пришлось создавать нового аппарата, потому что судить на основе революционного правосознания трудящихся классов может всякий. Мы еще далеко не довели здесь дело до конца, но в целом ряде областей создали из суда то, что надо. Мы создали органы, через которые не только мужчины, но и женщины, самый отсталый и неподвижный элемент, могут быть проведены поголовно.

Служащие в других областях управления — более заскорузлые чиновники-бюрократы. Тут задача труднее. Жить без этого аппарата мы не можем, всякие отрасли управления создают потребность в таком аппарате. Тут мы страдаем от того, что Россия была недостаточно развита капиталистически. Германия, по-видимому, переживает это легче, потому что у нее бюрократический аппарат прошел большую школу, где выжимают все соки, но где заставляют делать дело, а не просиживать кресла, как бывает в наших канцеляриях. Этот старый бюрократический элемент мы разогнали, переворошили и затем начали снова ставить на новые места. Царистские бюрократы стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, перекрашиваться в коммунистов и для большей успешности карьеры доставать членские билеты РКП. Таким образом, их прогнали в двери, они влезают в окно. Тут больше всего сказывается недостаток культурных сил. Этих бюрократов можно было бы раскассировать, но нельзя их сразу перевоспитать. Здесь перед нами выступают прежде всего задачи организационные, культурные и воспитательные.

Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы над ним можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении. В буржуазных республиках это было не только невозможно: *этому мешал самый закон*. Самые лучшие буржуазные республики, как бы демократичны они ни были, имеют тысячи законодательных помех, которые препятствуют участию трудящихся в управлении. Мы сделали то, что этих помех у нас не осталось, но до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении,— кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Этот низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом

деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы.

Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием. Сейчас эта задача для нас непомерно трудна, потому что, как мне не раз случалось указывать, слой рабочих, который управляет, непомерно, невероятно *тонок*. Мы должны получить подмогу. По всем признакам такой резерв внутри страны растет. Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования, достигаемый чаще всего внешкольным путем,—гигантский успех образования трудящихся масс не подлежит ни малейшему сомнению. Этот успех не укладывается ни в какие школьные рамки, но этот успех колоссален. Все признаки говорят за то, что в близком будущем мы получим громадный резерв, который займет места слишком надорвавшихся на работе представителей тонкого слоя пролетариата. Но во всяком случае сейчас наше положение в этом отношении чрезвычайно трудно. Бюрократия побеждена. Эксплуататоры устранены. Но культурный уровень не поднят, и поэтому бюрократы занимают старые места. Бюрократию можно потеснить только организацией пролетариата и крестьянства в гораздо более широком размере, чем до сих пор, наряду с действительным проведением мер по привлечению рабочих к управлению.

В. И. Ленин. Доклад о партийной программе 19 марта [VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.] — т. 38, с. 169—171

[...] Наша партийная программа со всей определенностью поставила вопрос о причинах некоторого возрождения бюрократизма и о мерах борьбы против этого. [...]

Советская республика должна стать единым военным лагерем с наибольшим напряжением сил, с наибольшей экономией их, с наибольшим сокращением всякой волокиты, всякой ненужной формалистики, с наибольшим упрощением аппарата, с наибольшим приближением его не только к нуждам массы, но и к ее пониманию, к ее самостоятельному участию в этом аппарате.

В. И. Ленин. Итоги партийной недели в Москве и наши задачи (1919) — т. 39, с. 235, 236

Я никогда не сомневался, что в наших комиссариатах бюрократизма еще очень много, во всех.

Но чтобы в профессиональных союзах было *не меньше* бюрократизма, я не ожидал.

В. И. Ленин. В ВЦСПС, 16 января 1920 г.— т. 51, с. 120

Одно из важных постановлений ВЦИК, на которое, по моему мнению, надо было бы обратить серьезное внимание, это — о борьбе с бюрократизмом в наших учреждениях. Как одна из мер, есть постановление ВЦИК о пересоздании нашего аппарата Государственного контроля в аппарат рабоче-крестьянского контроля или рабочей инспекции. Не разгоняя старых чиновников, точно так же, как и из армии мы не изгоняли специалистов, а приставили к ним рабочих комиссаров, мы должны к этим буржуазным специалистам приставить группы рабочих, которые сами бы присмотрелись, научились и взяли бы эту работу в свои руки. Надо, чтобы рабочие вошли во все государственные учреждения, чтобы они контролировали весь государственный аппарат, и это должны сделать беспартийные рабочие, которые должны выбирать своих представителей на беспартийных рабоче-крестьянских конференциях. Надо прийти на помощь коммунистам, которые устают под непосильным бременем. Мы должны влить в этот аппарат возможно больше рабочих и крестьян. Мы за это возьмемся, это сделаем и этим изгоним из наших учреждений бюрократизм. Необходимо, чтобы широкие беспартийные массы проверяли все государственные дела и научились сами управлять.

В. И. Ленин. Речь на беспартийной конференции Благуше-Лефортовского района 9 февраля 1920 г.— т. 40, с. 127—128

Переделка и доделка нужны такие:

1) *Часть первая. Основные принципиальные положения.*
Программа РКП выставила по вопросу о борьбе с бюрократизмом следующие основные положения

{ перечислить их по пунктам, беря в кавычки
цитаты из Программы РКП

2) (М. б. можно без этой части 2? Надо еще подумать).

Выводы из принципиальных положений: задачи борьбы с бюрократизмом

(1) упрощение аппарата

(2) улучшение его

(3) рабоче-крестьянский контроль для этого. Привлечение масс

- (4) перевод части чиновников на производительный труд
- (5) *шаги* к полному уничтожению бюрократизма: поголовное участие в управлении самих трудящихся.

3) *Значение декрета 7/II 1920.*

по пунктам воспроизвести его основные положения и затем сделать вывод: это-де важная мера как *деловой шаг* к полному уничтожению бюрократизма.

Эта-де мера до сих пор дала ЕЩЕ очень мало пользы. Почему?

Причины: война

транспорт

и пр. Отвлекли лучшие силы рабочих.

(Несколько развить, пояснить, доказать.)

Вывод: а все же мы должны пойти и пойдём по этому пути **систематично**, упорно, неуклонно дальше.

4) Опыт работы Рабкрина.

Письмо В. А. Лванесову, между 1 и 7 ноября 1920 г.— Ленинский сборник XXXVIII, с. 338

[...] Необходимо повести борьбу с бюрократизмом и чиновничеством, нужно и здесь одержать победу, для этого средство одно — развитие сознания и самостоятельности самой рабочей массы.

В. И. Ленин. Речь на торжественном заседании пленума Сокольнического Совета р. и с. д. совместно с представителями фабрично-заводских комитетов и правлений предприятий г. Москвы 7 ноября 1920 г.— т. 42, с. 11

Ввиду того, что культурный уровень крестьян и рабочей массы не соответствовал задаче, и в то же время мы, чуть ли не на 99%, привыкли к военно-политическим задачам, у нас получилось возрождение бюрократизма. Это всеми признано. Задача Советской власти в том, чтобы старый аппарат уничтожить целиком, как он был уничтожен в Октябре, и передать власть Советам, но мы уже в своей программе признаемся, что у нас получилось возрождение бюрократизма, что экономических основ для действительного социалистического общества еще нет. Культурных условий, грамотности, вообще более высокой культуры в массе рабочих и крестьян нет. Это получилось потому, что военные задачи отвлекали все лучшее из пролетариата. Пролетариат гигантские

жертвы принес для военных задач, на которые пришлось отдать десятки миллионов крестьян, и надо было привлечь к работе пропитанные буржуазными взглядами элементы, так как других никаких нет. Поэтому мы и должны были сказать в программе, в таком документе, как программа партии, что бюрократизм возродился и нужна систематическая борьба против него.

В. И. Ленин. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии [Московская губернская конференция РКП(б) 20—22 ноября 1920 г.] — т. 42, с. 32

Я понимаю серьезность бюрократизма, но мы его уничтожения в партийной программе не ставили. Это не вопрос съезда — это вопрос целой эпохи [...]

В. И. Ленин. Речь на фракции РКП(б) VIII съезда Советов в связи с обсуждением доклада Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря [VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.] — т. 42, с. 165

В нашей борьбе с бюрократизмом, безусловно, нужна помощь профсоюзов, на них мы должны опереться. Это уже в основе сказано в программе партии. Отсюда видно, какая длительная борьба нужна и какая предстоит систематическая работа.

В. И. Ленин. Речь на фракции РКП(б) VIII съезда Советов в связи с обсуждением доклада Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря [VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.] — т. 42, с. 171

У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское — это во-первых. А из этого очень многое вытекает (Бухарин: Какое? Рабоче-крестьянское?). И хотя т. Бухарин сзади кричит: «Какое? Рабоче-крестьянское?», но на это я отвечать ему не стану. А кто желает, пусть припомнит только что закончившийся съезд Советов, и в этом уже будет ответ.

Но мало этого. Из нашей партийной программы видно — документ, который автору «Азбуки коммунизма» известен очень хорошо — из этой уже программы видно, что государство у нас рабочее с *бюрократическим извращением*. И мы этот печальный, — как бы это сказать? —

ярлык, что ли, должны были на него навесить. Вот вам реальность перехода. Что же, при такого рода практически сложившемся государстве профсоюзам нечего защищать, можно обойтись без них для защиты материальных и духовных интересов пролетариата, поголовно организованного? — Это совершенно неверное теоретически рассуждение. Это переносит нас в область абстракции или идеала, которого мы через 15—20 лет достигнем, но я и в этом не уверен, что достигнем в такой именно срок. Перед нами же действительность, которую мы хорошо знаем, если только мы не опьяняем себя, не увлекаемся интеллигентскими разговорами, или абстрактными рассуждениями, или тем, что иногда кажется «теорией», а на деле является ошибкой, неверным учетом особенностей перехода. Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства. И та и другая защита осуществляется через своеобразное сплетение наших государственных мер и нашего соглашения, «срачивания» с нашими профсоюзами.

Я об этом срачивании должен буду еще говорить. Но одно уже это слово показывает, что здесь сочинить себе врага в лице «советского тред-юнионизма», значит сделать ошибку. Ибо понятие «срачивание» означает, что есть налицо *разные* вещи, которые *надо* еще срачивать; в понятие «срачивания» входит то, что надо уметь использовать мероприятия государственной власти для защиты материальных и духовных интересов поголовно объединенного пролетариата от этой государственной власти.

В. И. Ленин. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого (1920) — т. 42, с. 208—209

Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-1-х, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во-2-х, рабочее государство с бюрократическим извращением.

В. И. Ленин. Кризис партии (1921) — т. 42, с. 239

До сих пор нашей платформой было: не надо защищать крайностей бюрократизма, надо исправлять. Борьба с бюрократизмом — долгий и тяжелый труд. Исправ-

ление крайностей возможно и необходимо тотчас. Авторитет военработников и назначенцев подрывает не тот, кто указывает на вредные крайности и проводит исправление их, а тот, кто сопротивляется такому исправлению.

В. И. Ленин. Кризис партии (1921) — т. 42, с. 244

Борьба с бюрократизмом потребует десятилетий. Это труднейшая борьба, и всякий, кто будет говорить вам, что мы освободимся сразу от бюрократизма, если примем платформы антибюрократические, будет просто шарлатаном, охочим до хороших слов. Крайности бюрократизма надо исправлять сейчас. Надо ловить эти крайности бюрократизма и исправлять их, не называя дурное хорошим и черное — белым. Рабочие и крестьяне не понимают, что им самим еще надо научиться управлять, но они прекрасно понимают, что есть и крайности бюрократизма, а если ты не хочешь их исправлять, ты виноват сугубо.

В. И. Ленин. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 23 января [I Всероссийский съезд горнорабочих 25 января — 2 февраля 1921 г.] — т. 42, с. 248

Мы в программе написали в 1919 году, что у нас бюрократизм есть. Кто вам предлагает покончить с бюрократизмом — тот демагог. [...] Если перед вами выходят и говорят — «покончим с бюрократизмом», то это есть демагогия. Это чепуха. С бюрократизмом мы будем бороться долгие годы, и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, потому что для того, чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность, поголовное участие в Рабоче-Крестьянской инспекции.

В. И. Ленин. Заключительное слово по докладу о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 24 января [I Всероссийский съезд горнорабочих 25 января — 2 февраля 1921 г.] — т. 42, с. 260

[...] Без хороших бюрократов не обойтись много лет [...]

В. И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина (1921) — т. 42, с. 277

[...] Союзы утратили такую основу, как *классовую* экономическую борьбу, но далеко не утратили и долгие годы еще, к сожалению, не смогут утратить такую основу, как *неклассовую* «экономическую борьбу» в смысле борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов массы трудящихся путями и средствами, недопустимыми для этого аппарата, и т. п.

В. И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина (1921) — т. 42, с. 297

[...] В рабочих организациях мы будем расширять демократизм, отнюдь не делая из него фетиша [...] делу борьбы с бюрократизмом мы будем уделять сугубое внимание [...] мы будем особенно тщательно исправлять всякие ненужные и вредные крайности бюрократизма, кто бы на них ни указывал.

В. И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина (1921) — т. 42, с. 300

Мы Россию убедили, мы Россию отвоевали от эксплуататоров для трудящихся, мы эксплуататоров подавили — мы должны научиться Россией управлять. Для этого надо научиться скромности и уважению к деловой работе «специалистов науки и техники», для этого надо научиться деловому и внимательному анализу наших многочисленных *практических* ошибок и исправлению их постепенному, но неуклонному. Поменьше интеллигентского и бюрократического самомнения, побольше изучения того, что наш практический опыт, в центре и на местах, дает, и того, что наука нам уже дала.

В. И. Ленин. Об едином хозяйственном плане (1921) — т. 42, с. 347

В заключение я скажу только два слова о том вопросе борьбы с бюрократизмом, который занял у нас так много времени. Еще летом прошлого года этот вопрос был поставлен в ЦК, в августе ЦК выдвинул его в письме ко всем организациям, в сентябре он был поставлен на партийной конференции, наконец, на декабрьском съезде Советов вопрос этот был поставлен в более

широком масштабе*. Несомненно, бюрократическая язва есть; она признана, и необходима действительная борьба против нее. [...] Борьба с бюрократизмом есть борьба абсолютно необходимая и что она так же сложна, как задача борьбы с мелкобуржуазной стихией. Бюрократизм в нашем государственном строе получил значение такой болячки, что о нем говорит наша партийная программа, и это потому, что он связан с этой мелкобуржуазной стихией и с ее распыленностью. Победить эти болезни можно только объединением трудящихся, чтобы они умели не только приветствовать декреты Рабоче-Крестьянской инспекции,— мало разве у нас декретов, которые приветствуются? — но чтобы они умели через Рабоче-Крестьянскую инспекцию осуществлять свое право, чего сейчас нет не только в деревне, но и в городах, и даже в городах столичных! Часто не умеют осуществлять его даже там, где больше всего кричат против бюрократизма. На это обстоятельство надо очень и очень обратить внимание.

В. И. Ленин. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 31, 32

Мы не можем вполне успешно бороться с бюрократизмом, проводить последовательный демократизм, потому что мы слабы, нет сил; и того, кто поможет в этом, того надо привлечь [...]

В. И. Ленин. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 38—39

Работа помощи в борьбе с бюрократизмом, работа помощи в отстаивании демократизма, помощь в деле

* В циркулярном письме Центрального Комитета «Всем партийным организациям, всем членам партии», опубликованном 4 сентября 1920 г. в «Известиях ЦК РКП(б)», были вскрыты причины проявления бюрократизма и других нездоровых явлений в партии и намечены меры по перестройке методов партийной работы, направленных на расширение внутрипартийной демократии. Указанные в письме мероприятия были закреплены в резолюции «Об очередных задачах партийного строительства», принятой IX Всероссийской конференцией РКП(б). 28 декабря доклад «Об улучшении деятельности советских органов в центре и на местах и борьба с бюрократизмом» обсуждался на VIII Всероссийском съезде Советов. *Ред.*

большей связи с действительно рабочими массами — безусловно необходимы.

В. И. Ленин. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 44—45

Еще раз скажу, что нам в борьбе с бюрократизмом всякая помощь рабочего, как бы он себя ни называл, если он хочет искренне нам помогать, — архижелательная помощь. [...] Когда говорят, что у нас есть недоверие к рабочему классу, что мы не пускаем рабочих в руководящие органы, это — сплошная неправда. Всякого сколько-нибудь сносного администратора из рабочих мы ищем и рады взять, мы его испытываем. Ведь если партия не верит рабочему классу и не пускает рабочих на ответственные посты, нужно такую партию долой, — уж договаривайте до конца! Я указывал, что это — неправда: мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека, — а из рабочих втрое, — мы берем обеими руками. Но у нас таких нет. На этой почве является анархия. Тут надо поддерживать борьбу с бюрократизмом, — а на это нужны сотни тысяч людей.

Задача борьбы с бюрократизмом в нашей программе поставлена, как работа чрезвычайно длительная. Чем раздробленнее крестьянство, тем неизбежнее бюрократизм в центре.

Легко писать такие вещи: «У нас в партии нечисто». Вы сами понимаете, что значит расслабить советский аппарат, когда два миллиона русских эмигрантов находятся за границей. Их выгнала гражданская война. [...]

Все, что можно сделать для того, чтобы изжить бюрократизм путем выдвижения рабочих снизу, — мы будем делать, всякое практическое указание в этом отношении примем.

В. И. Ленин. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 48—49

Когда такие люди, как Кутузов, часть деловой речи направляют на указание на бюрократические безобразия нашего аппарата, мы отвечаем: это верно, наше государство есть государство с бюрократическим извращением. С этим мы зовем бороться и беспартийных рабочих. И здесь я должен сказать, что такого типа

товарищей, как Кутузов, надо к этой работе привлечь поближе и поставить на должности повыше. Вот урок, который вытекает из нашего опыта. [...]

И сейчас, поскольку «рабочая оппозиция» защищала демократию, поскольку она ставила здоровые требования, мы сделаем максимум для сближения с нею, и съезд, как съезд, должен произвести определенный отбор. Вы утверждаете, что мы мало боремся с бюрократизмом, — идите помогать нам, идите ближе, помогайте бороться [...]

В. И. Ленин. Речь о профессиональных союзах 14 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 54, 55

Твердость «аппарата» сохранить.

Но аппарат для политики (= пересмотра и исправления отношений между классами), а не политика для аппарата!! (Хорошая) бюрократия на службе политики, а не политика на службе (хорошей) бюрократии.

Гибкость нужна теперь максимальная и для этого для гибкого маневрирования наибольшая твердость аппарата.

В. И. Ленин. План речи о замене разверстки налогом [Материалы к X съезду РКП(б)] (1921) — т. 43, с. 373

Н В:

НВ:

НВ

«Экономические основы отмирания государства» («Государство и революция»)*: здесь также «экономические основы» отмирания бюрократизма, отмирания верхов и низов, отмирания неравенства

К борьбе с бюрократизмом.

В. И. Ленин. Планы брошюры «О продовольственном налоге» (1921) — т. 43, с. 385

Возьмите вопрос о бюрократизме и взгляните на него с экономической стороны. 5 мая 1918 года бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после Октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху донизу, мы еще не ощущаем этого зла.

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 83—102. *Ред.*

Проходит еще год. На VIII съезде РКП, 18—23 марта 1919 года, принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о *«частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя»*.

Прошло еще два года. Весной 1921 года, после VIII съезда Советов, обсуждавшего (декабрь 1920 г.) вопрос о бюрократизме, после X съезда РКП (март 1921 г.), подводившего итоги спорам, теснейше связанным с анализом бюрократизма, мы видим *это* зло еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собой. Каковы экономические корни бюрократизма? Главным образом эти корни двоякие: с одной стороны, развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судейском и т. д. Этого у нас нет. Суды у нас классовые, против буржуазии. Армия у нас классовая, против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих ее учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени это — результат гражданской войны. Когда нас блокировали, осадили со всех сторон, отрезали от всего мира, затем от хлебного юга, от Сибири, от угля, мы не могли восстанавливать промышленность. [...] Бюрократизм, как наследие «осады», как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне.

Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним, чтобы начать еще и еще раз сначала — нам придется много еще раз, во всех областях нашего строительства начинать повторно сначала, исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче.

В. И. Ленин. О продовольственном налоге (1921) — т. 43, с. 229—231

Вы пишете:

«Самодеятельность масс *возможна* лишь тогда, когда мы *сотрем с лица земли* тот нарыв, который называется бюрократическими главками и центрами».

Я хотя и не бывал на местах, но знаю этот бюрократизм и весь его вред. Ваша ошибка — думать, что его можно, как «нарыв», сразу уничтожить, «стереть с лица земли».

Это ошибка. Можно прогнать царя, — прогнать помещиков, — прогнать капиталистов. Мы это сделали. Но нельзя «прогнать» бюрократизм в крестьянской стране, нельзя «стереть с лица земли». Можно лишь медленным, упорным трудом его *уменьшать*.

«Сбросить» «бюрократический нарыв», как Вы в другом месте выражаетесь, — это неверно в самой постановке вопроса. Это — непонимание вопроса. «Сбросить» нарыв такого рода *нельзя*. Его можно лишь *лечить*. Хирургия в *этом* случае абсурд, *невозможность*; только *медленное лечение* — все остальное шарлатанство или наивность.

Вы именно наивны, извините меня за откровенность. Но Вы сами пишете о своей молодости.

Наивно махать рукой на лечение, ссылаясь на то, что Вы 2—3 раза пробовали бороться с бюрократами и потерпели поражение. Во-первых, отвечаю я на этот неудачный Ваш опыт, — во-1-х, надо не 2—3, а 20—30 раз попробовать, повторять, начинать сначала.

Во-2-х, где доказано, что Вы правильно боролись, искусно? Бюрократы — ловкачи, многие мерзавцы из них — архипроидохи. Их голыми руками не возьмешь. Правильно ли Вы боролись? по всем ли правилам военного искусства *окружили* «врага»? Я не знаю. [...]

Борьба с бюрократизмом в крестьянской и архистощенной стране требует долгого времени, и надо эту борьбу вести настойчиво, не падая духом от первой неудачи.

«Главки» *«сбросить»*? Пустяки. Что вы поставите *вместо* них? Вы этого не знаете. Не *сбрасывать*, а чистить, лечить, лечить и чистить десять и сто раз. И не падать духом.

В. И. Ленин — М. Ф. Соколову, 16 мая
1921 г. — т. 52, с. 193—194

Мы знаем, что бюрократизм и волокита больше всего связаны в России с уровнем культуры и с последствиями крайнего разорения и обнищания вследствие войны. Борьба с таким злом может быть успешной лишь при громадной настойчивости в течение долгого ряда лет. Поэтому не приходите в отчаяние, а начинать работу

снова и снова, возобновлять прерванное, испытывать разнообразные способы достижения цели.

В. И. Ленин. Наказ от СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям (1921) — т. 43, с. 281

Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии. Реализовалась из наших планов ничтожная доля. Над планами смеялась жизнь, смеялись все.

Надо это в корне переделать.

Рассчитать на худшее. Опыт уже есть хоть малый, но практический.

В. И. Ленин. Мысли насчет «плана» государственного хозяйства (1921) — т. 44, с. 63

Всякий знает, что Октябрьская революция на деле выдвинула новые силы, новый класс, — что лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией, создали армию, вели ее, создали местное управление и т. д., руководят промышленностью и пр. Если в этом управлении есть бюрократические извращения, то мы этого зла не скрываем, а разоблачаем его, боремся с ним. Кто из-за борьбы с извращением нового строя забывает его содержание, забывает, что рабочий класс создал и ведет государство советского типа, тот просто не умеет думать и бросает слова на ветер.

В. И. Ленин. Новые времена, старые ошибки в новом виде (1921) — т. 44, с. 106

Советские законы очень хороши, потому что предоставляют всем возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которую ни в одном капиталистическом государстве не предоставляют рабочему и крестьянину. А что — пользуются этой возможностью? Почти никто! И не только крестьянин, громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с волокитой, бюрократизмом или с таким истинно русским явлением, как взяточничество. Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Наша пропаганда? Напротив! Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завер-

шить, только если сама народная масса помогает. У нас коммунисты, не меньше половины, не умеют бороться, не говоря уже о таких, которые мешают бороться. Правда, из вас 99% — коммунисты, и вы знаете, что с этими последними коммунистами мы производим теперь операции, которыми занята комиссия по очистке партии, и есть надежда, что тысяч 100 из нашей партии мы удалим. Некоторые говорят, что тысяч 200,— и эти последние мне больше нравятся.

Я очень надеюсь, что мы выгоним из нашей партии от 100 до 200 тысяч коммунистов, которые примазались к партии и которые не только не умеют бороться с волокитой и взяткой, но мешают с ними бороться.

В. И. Ленин. Новая экономическая политика и задачи политпросветов (1921) — т. 44, с. 171

На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие. Всегда в истории великие политические перевороты требовали длинного пути на то, чтобы их переварить. Все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса. Иначе развитие и не могло идти в том обществе, которое было придавлено царями, помещиками, капиталистами. И эта часть работы, т. е. политический переворот, была выполнена нами так, что всемирное историческое значение этого дела бесспорно. Затем, за великим политическим переворотом встает, однако, другая задача, которую нужно понять: нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь, не отговариваясь тем, что советский строй плох и что нужно его перестраивать. У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. О том, что у нас существуют недостатки в аппарате по организации масс, это я знаю превосходным образом и на всякие десять недостатков, которые любой мне из вас укажет, я сейчас же вам назову сотню добавочных. Но не в том дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а дело в том, что нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурный экономический уровень. Вот в чем штука. Не перестраивать, а, на-

оборот, помочь надо исправить те многочисленные недостатки, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, чтобы помочь десяткам и миллионам людей. Нужно, чтобы вся крестьянская масса помогла нам переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали. Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет, что это завоевание сделано, но в плоть и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий, и на нее нужно потратить огромные усилия. Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу.

В. И. Ленин. О внутренней и внешней политике Республики [IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г.] — т. 44, с. 326—327

Вся работа всех хозорганов страдает у нас больше всего бюрократизмом. Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это. А Госбанку всего опаснее быть бюрократичным. Мы думаем все еще о декретах, об учреждениях. В этом ошибка. Вся соль теперь в практиках и в практике. Найти людей — *деляг* (1 из 100; 1 из 1000 коммунистов, и то еще дай бог); превратить наши декреты из грязной бумаги (все равно, и плохие и хорошие декреты) в живую практику — в этом *соль*. [...]

Дело теперь не в учреждениях, а в людях и в проверке практического опыта. *По одному* подыскивать умеющих торговать и шаг за шагом их опытом, их трудом *чистить* комг..., разгоняя добродетельных коммунистов из правлений, закрывая сонные (и строго коммунистические) предприятия, закрывая их, выделяя 1 из 100 годных. Либо НКФин сумеет перейти на такую работу, либо весь НКФ = 0.

В. И. Ленин — Г. Я. Сокольникову, 22 и 28 февраля 1922 г. — т. 54, с. 180

т. Шейнман!

Ваши слова, что Госбанк теперь «мощный аппарат» (22/II), вызвали во мне смех. По секрету: это верх ребячества, верх коммунистически-сановного ребячества.

«Мощный аппарат»! «Мощный аппарат» = перекладывание из одного госкармана в другой таких замечательно «реальных ценностей», как соврубли... Текущие счета в золотых рублях (да и то фальшиво,

не по *реальному* курсу) 2,8—7,9—10,3 млн. руб. (к 16.XII, 16.I и 1.II). Ха-ха! Из них сколько? 90—98% от наших *казенных трестов!* т. е. те же казенные бумажки тех же бюрократов.

Госбанк теперь = игра в бюрократическую переписку бумажек. Вот Вам правда, если хотите знать не сладенькое чиновно-коммунистическое вранье (коим Вас все кормят, как сановника), а *правду*.

И если Вы не захотите открытыми глазами через все комвранье смотреть на эту правду, то Вы — человек, во цвете лет *погибший* в тине казенного вранья. Вот это — неприятная истина, но истина.

Либо искать и *медленно* находить (сто раз испытывая и проверяя) **людей**, способных от имени Госбанка ставить торговлю, проверять торговлю, поощрять дельных торговцев, *закрывать* якобы торговые, на деле же бюрократически-коммунистические торговые и фабричные «потемкинские деревни», — либо весь Госбанк и вся его работа = нуль, хуже нуля, самообольщение новой бюрократической погремушкой.

И пока Вы мне не докажете делом, проверенным опытом, что таких людей, инспекторов, агентов и т. п., Госбанк *стал находить*, до тех пор и говорить не о чем: ни одному слову не поверю.

Прошу не сердиться за откровенность.

Ваш Ленин

В. И. Ленин — А. Л. Шейнману,
28 февраля 1922 г. — т. 54, с. 188—189

Не надо обольщать себя неправдой. Это вредно. Это — главный источник нашего бюрократизма.

В. И. Ленин. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) о тезисах Е. А. Преображенского «Основные принципы политики РКП в современной деревне» (1922) — т. 45, с. 46

Резолюцию съезда от Цека подготовить такую (примерно):

Факты показывают, и специальная комиссия съезда подтверждает, что главный недостаток партии в области работы в деревне — неизучение практического опыта. Это корень всех бед и всего бюрократизма.

В. И. Ленин. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) о тезисах Е. А. Преображенского «Основные принципы политики РКП в современной деревне» (1922) — т. 45, с. 47

т. Молотову для членов Политбюро

Московский комитет (и т. Зеленский в том числе) уже не первый раз фактически *послабляет* преступникам-коммунистам, коих надо вешать.

Делается это по «ошибке». Но опасность этой «ошибки» гигантская. *Предлагаю*:

1. Предложение т. Дивильковского *принять*.
2. Объявить строгий выговор Московскому комитету за *послабления* коммунистам (вид послабления — особая комиссия).

3. Подтвердить всем губкомам, что за малейшую попытку «влиять» на суды в смысле «смягчения» ответственности коммунистов ЦК будет *исключать из партии*.

4. Циркулярно оповестить НКЮОст (копия губкомпартам), что коммунистов суды обязаны карать *строже*, чем некоммунистов.

За неисполнение этого нарсудьи и члены коллегии НКЮ подлежат *изгнанию со службы*.

5. Поручить Президиуму ВЦИКа *огреть* президиум Моссовета выговором в печати.

Ленин

18. III.

P. S. Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев!!

В. И. Ленин. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) (1922) — т. 45, с. 53

План предполагаемого мною политдоклада Цека на съезде [...]

Главное, чего нам не хватает, — культурности, умения управлять. Иллюстрация этого небольшими примерами. Экономически и политически *нэп* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда. [...]

Разрыв между величием начатых осуществлением задач и нищетой, как материальной, так и культурной. [...]

Наконец, необходимо разграничить гораздо точнее функции партии (и Цека ее) и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего

слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства.

*В. И. Ленин. Письмо В. М. Мологову
для Пленума ЦК РКП(б) с планом
политдоклада на XI съезде партии
(1922) — т. 45, с. 60—61*

Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет. Но если взять Москву — 4700 ответственных коммунистов — и взять эту бюрократическую махину, груды, — кто кого ведет? Я очень сомневаюсь, чтобы можно было сказать, что коммунисты ведут эту груды. Если правду говорить, то не они ведут, а их ведут. Тут произошло нечто подобное тому, что нам в детстве рассказывали по истории. Нас учили: бывает, что один народ завоеует другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов, потому что у них нет достаточного умения управлять. Коммунисты, становясь во главе учреждений, — а их иногда нарочно так подставляют искусно саботажники, чтобы получить вывеску-фирму, — зачастую оказываются одураченными. Это признание очень неприятное. Или, по крайней мере, не очень приятное, но мне кажется, что его надо сделать, ибо в этом сейчас гвоздь вопроса. К этому, по-моему, политический урок за год сводится, и под этим знаком пройдет борьба 1922 года.

*В. И. Ленин. Политический отчет
Центрального Комитета РКП(б)
27 марта [XI съезд РКП(б) 27 марта —
2 апреля 1922 г.] — т. 45, с. 95—96*

[...] Аппараты партийный и советский следует размежевать.

В. И. Ленин. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта [XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г.] — т. 45, с. 122

[...] Местная бюрократия с местными влияниями = худшее средостение между трудящимся народом и властью [...]

В. И. Ленин. Тезисы письма «О «двойном» подчинении и законности» (1922) — т. 45, с. 428

Часто: не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему!!

В. И. Ленин. Конспект речи на X Всероссийском съезде Советов (1922) — т. 45, с. 441

Как можно соединить учреждения партийные с советскими? Нет ли тут чего-либо недопустимого?

Я ставлю этот вопрос не от своего имени, а от имени тех, на кого я намекнул выше, говоря, что бюрократы имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях.

Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела?

[...] Почему же [...] не допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским?

Я бы не видел в этом никаких препятствий. Более того, я думаю, что такое соединение является единственным залогом успешной работы. Я думаю, что всякие сомнения на этот счет вылезают из самых пыльных углов нашего госаппарата и что на них следует отвечать только одним — насмешкой. [...]

Другое сомнение: удобно ли соединять деятельность учебную с деятельностью должностной? Мне кажется, не только удобно, но и должно. Вообще говоря, мы успели заразиться от западноевропейской государственности, при всем революционном к ней отношении, целым рядом вреднейших и смешнейших предрассудков, а отчасти нас умышленно заразили этим наши милые бюрократы, не без умысла спекулируя на то, что в мутной воде подобных предрассудков им неоднократно удастся ловить рыбу; и лавливали они рыбу в этой мутной воде до такой

степени, что только совсем слепые из нас не видели, как широко эта ловля практиковалась.

Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями.

Это и понятно, потому что самые смелые шаги вперед лежали в области, которая составляла издавна удел теории, лежали в области, которая культивировалась главным образом и даже почти исключительно теоретически. Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. [...]

И поэтому наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями.

Я думаю, что иначе и не бывало ни при одной действительно великой революции, потому что действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было.

И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться. [...]

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ

Противоположность демократического централизма
бюрократическому централизму и анархизму.
Демократический централизм и местное самоуправление

Демократический централизм как общий тип «нормальных» государств.

В. И. Ленин. Планы к реферату по национальному вопросу (1913) — т. 23, с. 444

Демократический централизм не только не исключает местного самоуправления с *автономией* областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п., а, напротив, необходимо требует *и того и другого*. У нас смешивают постоянно централизм с произволом и бюрократизмом. История России, естественно, должна была породить такое смешение, но оно остается все же безусловно непозволительным для марксиста.

В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу (1913) — т. 24, с. 144

Мы, социал-демократы, враги *всякого* национализма и сторонники демократического *централизма*. Мы противники партикуляризма, мы убеждены, что *при прочих равных условиях* крупные государства гораздо успешнее, чем мелкие, могут решить задачи экономического прогресса и задачи борьбы пролетариата с буржуазией. [...]

Демократическое государство должно признавать автономию разных областей, особенно областей и округов с разным национальным составом населения. Такая

автономия несколько не противоречит демократическому централизму; напротив, лишь посредством автономии областей в большом и пестром по национальному составу государстве *можно* осуществить действительно демократический централизм.

В. И. Ленин. К вопросу о национальной политике (1914) — т. 25, с. 70, 71

С.-д. всех стран должны отстаивать *не* федеративный принцип, *не* образование мелких государств, как идеал, а всевозможное сближение наций, вред всякого отделения наций, вред культурно-национальной автономии, пользу демократического централизма, пользу крупнейших государств и союзов государств.

В. И. Ленин. Материалы к реферату «Империализм и право наций на самоопределение» (1915) — т. 27, с. 438

Признание самоопределения не равносильно признанию федерации, как принципа. Можно быть решительным противником этого принципа и сторонником демократического централизма, но предпочитать федерацию национальному неравноправию, как единственный путь к полному демократическому централизму.

В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (1916) — т. 27, с. 255—256

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ЕДИНСТВА НАЦИИ

«[...] Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим паростом на теле нации... Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества» * [...]

* См. наст. изд., с. 234. *Ред.*

Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной государственной машины за уничтожение централизма!

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и *объединят* действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее *всей* нации, всему обществу, разве это не будет централизм? разве это не будет самый последовательный демократический централизм? и притом пролетарский централизм?

Бернштейну просто не может быть приятно в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военной могущее быть навязанным и сохраненным.

Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 51, 53—54

Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику*. [...]

Но централизм демократический Энгельс понимает отнюдь не в том бюрократическом смысле, в котором употребляют это понятие буржуазные и мелкобуржуазные идеологи, анархисты в числе последних. Централизм для Энгельса нисколько не исключает такого широкого местного самоуправления, которое, при добро-

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 238—239. Ред.

вольном отстаивании «коммунами» и областями единства государства, устраняет всякий бюрократизм и всякое «командование» сверху безусловно.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 72, 73

Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху, к чему так склонны интеллигенты. С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается *многообразием* в подробностях, в местных особенностях, в приемах *подхода* к делу, в *способах* осуществления контроля, в *путях* истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т. д. и т. п.).

Парижская Коммуна показала великий образчик сочетания почина, самостоятельности, свободы движения, энергии размаха снизу — и добровольного, чуждого шаблонов, централизма. Наши Советы идут по тому же пути. [...]

Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — *наилучшие* приемы и средства борьбы.

В. И. Ленин. Как организовать соревнование? (1917) — т. 35, с. 203, 204

Мы стоим за демократический централизм. И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны — от анархизма. Противники централизма постоянно выдвигают автономию и федерацию, как средства борьбы со случайностями централизма. На самом деле демократический централизм нисколько не исключает автономию, а напротив — предполагает ее необходимость. На самом деле даже федерация, если она проведена в разумных, с экономической точки зрения, пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной общности, — даже федерация нисколько не противоречит демократическому централизму. Сплошь и рядом

федерация при действительно демократическом строе, а тем более при советской организации государственного устройства, является лишь переходным шагом к действительно демократическому централизму. На примере Российской Советской республики особенно наглядно показывается нам как раз, что теперь федерация, которую мы вводим и которую мы будем вводить, послужит именно вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное Советское государство.

И вот, подобно тому, как демократический централизм отнюдь не исключает автономии и федерации, так он нисколько не исключает, а напротив, предполагает полнейшую свободу различных местностей и даже различных общин государства в выработке разнообразных форм и государственной, и общественной, и экономической жизни. Нет ничего ошибочней, как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией. Наша задача теперь — провести именно демократический централизм в области хозяйства, обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почта, телеграф и прочие средства транспорта и т. п., а в то же самое время централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели. Поэтому задача организовать соревнование состоит из двух сторон: с одной стороны, она требует проведения демократического централизма так, как он обрисован выше, с другой стороны, — она означает возможность нахождения наиболее правильного, наиболее экономного пути к реорганизации экономического строя России. Говоря вообще, этот путь известен. Он состоит в переходе к крупному, на машинной индустрии построенному хозяйству, в переходе к социализму. Но конкретные условия и формы этого перехода неизбежно являются и должны быть разнообразными в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, направленное к созданию социализма. И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществлять тот или иной план — все это должно отразиться на свое-

образии пути к социализму в той или иной трудовой коммуне государства. Чем больше будет такого разнообразия,— конечно, если оно не перейдет в оригинальничание, тем вернее и тем быстрее будет обеспечено как достижение нами демократического централизма, так и осуществление социалистического хозяйства. Нам остается теперь только организовать соревнование, т. е. обеспечить гласность, которая давала бы возможность всем общинам государства ознакомлять относительно того, как именно пошло экономическое развитие в различных местностях,— обеспечить, во-вторых, сравнимость результатов движения к социализму в одной и в другой коммуне государства,— обеспечить, в-третьих, возможность практического повторения опыта, проделанного в одной общине, другими общинами,— обеспечить возможность обмена теми материальными силами,— и человеческими силами,— которые проявили себя с наилучшей стороны в соответственной области народного хозяйства или государственного управления. Придавленные капиталистическим строем, мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, какие богатые силы таятся в массе трудящихся, в разнообразии трудовых коммун большого государства, в интеллигентских силах, которые до сих пор работали, как мертвые безгласные исполнители предначертаний капиталистов, какие силы таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества. Наше дело состоит только в том, чтобы расчистить дорогу всем этим силам. И если мы поставим организацию соревнования, как нашу государственную задачу,— то, при условии проведения советских принципов государственного порядка, при условии уничтожения частной собственности на землю, на фабрики, на заводы и пр.,— результаты должны будут показать себя неизбежно и подскажут нам дальнейшие формы строительства.

В. И. Ленин. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» (1918) — т. 36, с. 151—153

Верно, что управление идет через единоличного администратора, но кто именно окажется этим администратором, специалист или рабочий— это зависит от того, сколько у нас есть администраторов из старого и нового порядка. [...] Демократический централизм значит только то, что представители с мест собираются и выбирают ответственный орган, который и должен управлять.

Но как? Это зависит от того, сколько есть годных людей, от того, сколько там есть хороших администраторов. Демократический централизм заключается в том, что съезд проверяет ЦК, смещает его и назначает новый. [...] Возьмите тезисы Московского губкома партии, которые были нам розданы. Здесь говорится, что в развитом социалистическом обществе, где исчезнет общественное разделение труда и прикрепление людей к профессиям, периодическая смена людей, выполняющих по очереди функцию управления, возможна только на основе широкой коллегиальности и т. д. и т. д. Все это сплошная путаница!

В. И. Ленин. Заключительное слово по докладу Центрального Комитета 30 марта [IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г.] — т. 40, с. 260—261

[...] Советский социалистический демократизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит [...] волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим. Во всяком случае, принципиальное отношение к коллегиальности, к единоличию не только разъяснялось давно, но и утверждено ВЦИК.

В. И. Ленин. Речь о хозяйственном строительстве 31 марта [IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г.] — т. 40, с. 272—273

Если бы мы попытались в органе, вообще устанавливаемом только принципы, выделить орган, решающий мелкие практические, вермишельные дела, то мы испортили бы дело. Потому что оторвали бы обобщение от фактов, а отрыв обобщения от фактов будет фантазерством и делом несерьезным. Нельзя в Центральном Комитете делить вопросы на принципиальные и мелочные, потому что в каждой мелочи может проявиться принципиальная сторона.

Дело не в Иване Сидоровиче и не в Сидоре Карповиче. Дело не в том, чтобы посадить на место Ивана Карпа или наоборот. А если они этого не захотят? А если эти Иван и Карп оба наркомы, то как тут быть? В ЦК есть Секретариат, есть Оргбюро, есть Политбюро, наконец — собираются Пленумы Центрального Комитета, и очень часто даже до Пленума Центрального Комитета доходят вопросы мелочнее мелочного и скучнее скучного и такие, что над ними посидишь несколько часов и хо-

чется утопиться. Но проводить деление вопросов на мелкие и принципиальные — значит всякую основу демократического централизма подорвать. [...]

Я должен сказать, что всякий член нашей партии и всякий гражданин Республики вправе довести самый пустячный вопрос, самое пустячное обстоятельство до ВЦИК. Этот вопрос пройдет через всю лестницу, через бюро и т. д. в Президиум ВЦИК, где он и будет рассмотрен. И так будет до полнейшего коммунистического перевоспитания трудящихся, которое наступит у нас через несколько десятилетий после полного завершения электрификации.

В. И. Ленин. Речь на фракции РКП(б) VIII съезда Советов в связи с обсуждением доклада Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря [VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.] — т. 42, с. 167, 168

Все дело в том, что нужно своевременно обращаться к тому учреждению, которое должно исправлять, а не рассказывать об этом здесь, где мы не можем собрать точных сведений о том, что тов. Рязанов что-то слышал о каком-то товарище и ничего не проверил и точно не узнал. Это — демократический централизм? Нет, это вовсе не демократический и вовсе не централизм, а беспорядок и внесение хаоса. Жалобы нужно давать учреждениям партийным. Если оно не исполнит своего долга, пусть оно подвергнется строгому отчету.

В. И. Ленин. Речь на фракции РКП(б) VIII съезда Советов в связи с обсуждением доклада Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря [VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.] — т. 42, с. 169

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

**Демократия, централизация, автономия
Центральные и местные органы власти**

[...] Демократы либо прямо будут стремиться к установлению федеративной республики, либо, если им не удастся избежать единой и нераздельной республики,

постараются по крайней мере парализовать центральное правительство, предоставив возможно большую самостоятельность и независимость общинам* и провинциям. В противоположность этому плану рабочие не только должны отстаивать единую и нераздельную германскую республику, но и добиваться в этой республике самой решительной централизации силы в руках государственной власти. Они не должны давать вводить себя в заблуждение демократической болтовней о свободе общин, о самоуправлении и т. д. В такой стране, как Германия, где еще предстоит устранить столь многочисленные остатки средневековья, где необходимо сломить так много местного и провинциального самоуправления, ни при каких обстоятельствах не может быть терпимо, чтобы каждая деревня, каждый город и каждая провинция ставили новую помеху на пути революционной деятельности, которая во всю свою мощь может быть развернута только из центра.— Нельзя допускать, чтобы возродилось теперешнее положение, при котором немцы за один и тот же шаг вперед должны бороться особо в каждом городе и в каждой провинции. Менее всего можно допускать, чтобы с помощью так называемого свободного местного самоуправления была бы увековечена общинная собственность,— форма собственности, которая стоит еще позади современной частной собственности и повсюду, разлагаясь, неизбежно переходит в нее,— а вместе с тем были бы увековечены возникающие из этой общинной собственности тяжбы между бедными и богатыми общинами, равно как существующее наряду с общегосударственным гражданским правом общинное гражданское право с его каверзами против рабочих. Как во Франции в 1793 г., так и теперь в Германии проведение строжайшей централизации является задачей действительно революционной партии**.

*К. Маркс, Ф. Энгельс. Обращение
Центрального комитета к Союзу коммунистов (1850) — т. 7, с. 265—266*

* Термин *община* (Gemeinde) употребляется здесь в широком смысле, применительно к городским муниципалитетам и сельским общинам. *Ред.*

** В настоящее время надо заметить, что это место основано на недоразумении. Благодаря бонапартистским и либеральным фальсификаторам истории тогда считалось установленным, что французская централизованная машина управления была введена великой революцией и что Конвент пользовался ею, как необходимым и решающим орудием для победы над роялистской и федералистской

Голландия, кроме Англии и Швейцарии, единственная западноевропейская страна, которая в XVI—XVIII столетиях *не была* абсолютной монархией и имеет благодаря этому некоторые преимущества, в частности — остатки местного и провинциального самоуправления без настоящей бюрократии во французском или прусском духе. Это большое преимущество для развития национального характера, а также и для последующего развития; произведя сравнительно немного изменений, трудящийся [народ]* мог бы установить здесь свободное самоуправление, которое должно быть нашим лучшим орудием при преобразовании способа производства.

Ф. Энгельс — Ф. Д. Ньюенгейсу,
4 февраля 1886 г. — Т. 36, с. 368—369

Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показали и доказали нам Америка и первая Французская республика, а теперь еще показывают Австралия, Канада и другие английские колонии. И такое провинциальное и общинное самоуправление — гораздо более свободные учреждения, чем, например, швейцарский федерализм, где, правда, кантон очень независим по отношению к федеративному государству в целом, но независим также и по отношению к округу и по отношению к общине. [...]

реакцией и над внешним врагом. Но теперь стало уже общеизвестным фактом, что все управление департаментов, округов и общин в продолжение всей революции, вплоть до 18 брюмера, состояло из властей, которые избирались самими управляемыми и пользовались полной свободой в рамках общегосударственных законов; что это провинциальное и местное самоуправление, аналогичное американскому, стало как раз наиболее сильным рычагом революции, в такой мере, что Наполеон непосредственно после государственного переворота 18 брюмера поспешил заменить это самоуправление хозяйничаньем префектов, которое сохранилось еще до настоящего времени и которое, таким образом, с самого начала было чистейшим орудием реакции. Но насколько местное и провинциальное самоуправление не противоречит политической, национальной централизации, настолько же не обязательна его связь с тем ограниченным кантональным или коммунальным эгоизмом, который выступает перед нами в таком отвратительном виде в Швейцарии и который южногерманские федеративные республиканцы хотели ввести в Германии в 1849 году. [*Примечание Энгельса к изданию 1885 г.*]

* В этом месте рукопись повреждена. Ред.

Полное самоуправление в провинции, округе и общине через чиновников, избранных на основании всеобщего избирательного права. Отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством.

Ф. Энгельс. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года (1891) — т. 22, с. 239, 240

Если центральная власть не будет *вполне* демократической (республика и пр.), тогда местные власти смогут остаться лишь в мелочах «автономны», лишь в вопросе о лужении умывальников самостоятельны, лишь настолько «демократичны», насколько были «демократичны», скажем, наши земства при Александре III.

В. И. Ленин. Доклад об Объединительном съезде РСДРП (1906) — т. 13, с. 12—13

Если государство, о котором идет речь, действительно демократическое [...] то собственность его на землю несколько не исключает, а напротив, *требует* передачи *распоряжения* земель, в рамках общегосударственных законов, местным и областным органам самоуправления.

В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. (1907) — т. 16, с. 317

Дело в том, чтобы *один и тот же класс* имел политическую власть и в центре и на местах, чтобы там и здесь была вполне последовательно проведена совершенно одинаковая *степень* демократизма, обеспечивающая *полное господство*, к примеру скажем, большинства населения, т. е. крестьянства. Исключительно в этом состоит *реальная гарантия* от «чрезмерных» посягательств центра, от нарушения «законных» прав областей [...] Неполный демократизм центра означает обеспечение власти в центре *не* большинству населения, *не* тем элементам, которые преобладают в местных самоуправлениях, а это означает не только возможность, а *неизбежность конфликтов*, победителем из которых непременно, в силу законов экономического развития, выйдет недемократическая центральная власть!

В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. (1907) — т. 16, с. 319

Не к «местному» демократизму должны мы «приспособлять» свою программу, не выдумывать нелепого и невозможного при недемократической центральной власти «муниципального социализма» в деревне, не подлаживать мелочнически-социалистическое реформаторство к буржуазной революции, а сосредоточивать внимание масс на действительных условиях ее победы, как буржуазной революции, на необходимости для этого не одного местного, а непременно «центрального» демократизма, т. е. демократизма центральной государственной власти,— и не только демократизма вообще, а непременно самых полных, самых высших форм демократизма, ибо без них именно становится *утопичной* в научном значении слова крестьянская аграрная революция в России.

В. И. Ленин. *Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.* (1907) — т. 16, с. 410—411

Задача пролетарской революции: «разбить», сломать эту машину, заменить ее полнейшим самоуправлением внизу, на местах, и *прямой* властью вооруженного пролетариата, его диктатурой, наверху.

В. И. Ленин. *Марксизм о государстве* (1917) — т. 33, с. 155

Рост демократии самоуправлению не мешает, осуществляет наши задачи. [...] Коммуна крестьянству вполне подходит. Коммуна — значит полное самоуправление, отсутствие всякого надзора сверху.

В. И. Ленин. *Доклад о текущем моменте и об отношении к Временному правительству 14 (27) апреля* [Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) 14—22 апреля (27 апреля — 5 мая) 1917 г.] — т. 31, с. 249

Гг. представители помещиков и капиталистов, заседающие во Временном правительстве, непременно хотят *сохранить* старый, царистский *аппарат* управления: сверху «назначаемое» чиновничество. Так делали все буржуазно-парламентарные республики в мире почти всегда, за исключением непродолжительных периодов революции в некоторых странах. [...]

Идея о необходимости «руководства» через «назначаемых» сверху чиновников является в корне фальшивой, недемократичной, цезаристской или бланкистской

авантюрой. Энгельс был вполне прав, когда, критикуя в 1891 году проект программы немецких с.-д., зараженных в изрядной степени бюрократизмом, настаивал на требовании: никакого надзора сверху за местным самоуправлением; Энгельс был прав, напоминая опыт Франции, которая с 1792 по 1798 год управлялась местными выборными органами, без всякого такого надзора, и нисколько не «разваливалась», нисколько не «распадалась», а укреплялась, демократически спланивалась, организовалась*. [...]

Народу нужна действительно демократическая, не знающая иных властей, кроме выборных и по желанию населения в любое время сменяемых, рабочая и крестьянская республика.

В. И. Ленин. К чему ведут контрреволюционные шаги Временного правительства (1917) — т. 31, с. 463, 464

В 1891 году, критикуя проект программы германских с.-д. (так называемой теперь Эрфуртской программы), Энгельс писал, что пролетариат германский нуждается в единой и нераздельной республике.

«Но не в такой республике,— добавлял Энгельс,— как теперешняя французская, которая представляет из себя не что иное, как основанную в 1798 году империю без императора. С 1792 по 1798 год всякий французский департамент, всякая община пользовались полным самоуправлением по американскому образцу. Это именно должны завоевать и мы» (т. е. немецкие с.-д.). «Как следует устроить самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это доказала нам Америка и первая французская республика, это доказывают и теперь еще Австралия, Канада и другие английские колонии. И подобное областное и общинное самоуправление гораздо свободнее, чем, например, швейцарский федерализм, где кантон действительно очень независим от «бунда»» (т. е. от центральной государственной власти), «но в то же время независим также по отношению к более мелким подразделениям кантона: уезду (бецирку) и общине. Кантональные правительства назначают уездных комиссаров (штатгальтеров) и префектов. В странах, говорящих по-английски, подобное право назначения совершенно неизвестно, и мы должны

* См. следующий фрагмент. *Ред.*

на будущее время так же вежливо отвергнуть это право» (назначения сверху), «как должны мы отвергнуть прусских ландратов (исправников) и регирунгсратов» (губернаторов или комиссаров) *.

Так судил о вопросах демократизма в применении к праву назначать чиновников сверху Фридрих Энгельс. И чтобы резче, прямее, точнее выразить свои взгляды, он предлагал германским с.-д. вставить в программу партии следующее требование:

*«Полное самоуправление в общине, уезде и области через должностных лиц, выбранных всеобщим голосованием; отмена всяких государством назначаемых местных и областных властей»**.*

В. И. Ленин. Один принципиальный вопрос (1917) — т. 32, с. 219—220

Азбучной истиной демократизма является положение, что на местах власть должна быть избираема самим народом [...]

В. И. Ленин. Доклад о текущем моменте на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) 20 июня (3 июля) 1917 г.— т. 32, с. 363—364

В данный момент необходимость централизации уже проникает в сознание народных масс; если этот поворот идет медленно, зато он будет глубже и шире; если наблюдаются стремления к децентрализации — это болезнь переходного времени, болезнь роста; она вполне естественна, так как царский и буржуазный централизм внушил ненависть и отвращение народным массам ко всякой центральной власти.

Я рассматриваю централизм, как минимум известного обеспечения трудящихся масс. Я за самую широкую автономию местных советских организаций, но вместе с тем я думаю, что для плодотворности нашей работы по сознательному преобразованию страны необходима единая, строго определенная финансовая политика и исполнение предписаний сверху донизу,

В. И. Ленин. Доклад на I Всероссийском съезде представителей финансовых отделов Советов 18 мая 1918 г.— т. 36, с. 351

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 239. *Ред.*

** См. наст. изд., с. 338—339. *Ред.*

Земледелие в Калужской губернии не то, что в Казанской. То же относится ко всей промышленности. То же относится ко всему администрированию или управлению. Не учитывать во всех этих вопросах местных отличий значило бы впадать в бюрократический централизм и т. п., значило бы мешать местным работникам в том учете местных различий, который является основой разумной работы. Между тем, законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской.

В. И. Ленин. О «двойном» подчинении и законности (1922) — т. 45, с. 198

[...] Партия создаст небольшую центральную коллегию, способную на деле противостоять местным влияниям, местному и всякому бюрократизму и устанавливать действительно единообразное применение законности во всей республике и во всей федерации. Поэтому возможные ошибки этой центральной юридической коллегии исправляются тут же на месте немедленно теми партийными органами, которые устанавливают вообще все основные понятия и все основные правила для всей нашей и партийной и советской работы в республике вообще.

Если отступить от этого,— это значит под сурдинку провести тот взгляд, которого никто не защищает прямо и открыто, именно: будто у нас уже так высоко развиты культурность и неразрывно связанная с нею законность, что мы можем ручаться за наличность у нас сотни прокуроров, совершенно безупречных с точки зрения того, что они никогда никаким местным влияниям не поддадутся и сами собой будут устанавливать единообразную законность во всей республике.

В итоге я прихожу к выводу, что защита «двойного» подчинения по отношению к прокуратуре и отнятие у нее права опротестовывать всякое решение местных властей не только неправильна принципиально, не только мешает основной нашей задаче неуклонного введения законности, но и выражает интересы и предрассудки местной бюрократии и местных влияний, т. е. худшего средостения между трудящимися и местной и центральной Советской властью, а равно центральной властью РКП.

В. И. Ленин. О «двойном» подчинении и законности (1922) — т. 45, с. 200—201

Мы убеждены, что если наша революция достигла настоящих успехов, то это потому, что именно власти на местах, опыту самих мест мы всегда уделяли самое главное внимание. [...] И если, я говорю, революция с такой быстротой в несколько месяцев, даже в несколько недель, сделала свое дело, то это потому, что мы всецело полагались на местные элементы, что мы открывали им полный простор действий, что мы именно с мест ждали того энтузиазма, который создал непреоборимость и быстроту действий нашей революции. Я знаю, что с тех пор нашим местам приходилось переживать много весьма различных, так сказать, пертурбаций. Отношение мест к центру составляло нашу немалую задачу, и я вовсе не хочу сказать, что эта задача всегда решалась нами идеально: при общем уровне культуры, который мы имеем, нам о таком идеальном решении мечтать нечего. Но что она решена искреннее, правдивее и прочнее, чем в каком бы то ни было другом государстве,— это мы можем сказать смело.

В. И. Ленин. Речь на IV сессии ВЦИК
IX созыва 31 октября 1922 г.— т. 45,
с. 249

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ

Равноправие в государстве и обществе

Свобода и равенство как права человека

Всеобщее избирательное право

Свобода слова, печати, собраний, союзов, совести

Права и обязанности

Равноправие женщин

Демократия и политические свободы

Демократия и социальная справедливость

Исторический характер требований равенства и справедливости

Буржуазное и пролетарское требования равенства

Разве в стране цензуры нет уже вовсе никакой свободы печати? Печать вообще есть осуществление человеческой свободы. Следовательно, там, где есть печать, есть и свобода печати.

В стране цензуры государство, правда, не пользуется свободой печати, но один из органов государства ею все-таки пользуется — *правительство*. Не говоря уже о том, что официальные произведения правительства пользуются полной свободой печати, разве цензор не практикует ежедневно безусловную свободу печати, если не прямо, то косвенно?

Писатели, так сказать,—секретари цензора. Если секретарь не сумел выразить мнение начальника, последний

просто зачеркивает негодное произведение. Цензура, стало быть, творит эту печать. [...]

Свобода настолько присуща человеку, что даже ее противники осуществляют ее, борясь против ее осуществления; они хотят присвоить себе как драгоценнейшее украшение то, что они отвергли как украшение человеческой природы.

Ни один человек не борется против свободы,— борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право.

Только теперь вопрос этот получил *правильную постановку*. Вопрос не в том, должна ли существовать свобода печати,— она всегда существует. Вопрос в том, составляет ли свобода печати привилегию отдельных лиц или же она есть привилегия человеческого духа. Вопрос в том, должно ли то, что по отношению к одной стороне есть право, стать несправием по отношению к другой стороне. Не имеет ли «свобода духа» больше прав, чем «свободы, направленные против духа»?

К. Маркс. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания (1842) — т. 1, с. 55

Деморализующим образом действует одна только *подцензурная печать*. Величайший порок — лицемерие — от нее неотделим; из этого ее коренного порока происходят все остальные ее недостатки, в которых нет и зародыша добродетели, происходит ее самый отвратительный — даже с эстетической точки зрения — порок пассивности. Правительство слышит только *свой собственный голос*, оно знает, что слышит только свой собственный голос, и тем не менее оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа, и требует также и от народа, чтобы он поддерживал этот самообман. Народ же, со своей стороны, либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, совершенно отвернувшись от государственной жизни, превращается в *толпу людей, живущих только частной жизнью*.

Если господь бог только на шестой день сказал о своем собственном творении: «И увидел, что все — хорошо», то подцензурная печать каждый день восхваляет творе-

ния правительственной воли; но так как один день непременно противоречит другому, то печать постоянно лжет и при этом должна скрывать, что она сознает свою ложь, должна потерять всякий стыд.

Тем самым, что народ вынуждается рассматривать свободные произведения мысли как противозаконные, он приучается считать противозаконное свободным, свободу — беззаконием, а законное — несвободным. Так цензура убивает государственный дух.

К. Маркс. *Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания (1842) — т. 1, с. 69*

«Свободная человечность», признания которой евреи действительно добивались, а не только думали, что добиваются, есть та самая «свободная человечность», которая нашла свое *классическое* признание в так называемых всеобщих *правах человека*.

[...] Эта «свободная человечность» и ее «признание» суть не что иное, как признание *эгоистического гражданского индивидуума* и *необузданного* движения духовных и материальных элементов, образующих содержание жизненного положения этого индивидуума, содержание *современной* гражданской жизни; что поэтому *права человека* не освобождают человека от религии, а только предоставляют ему *свободу религии*; что они не освобождают его от собственности, а предоставляют ему *свободу собственности*, не освобождают его от грязной погони за наживой, а только предоставляют ему *свободу промысла*.

[...] *Признание прав человека современным государством* имеет такой же смысл, как *признание рабства античным государством*. А именно, подобно тому как античное государство имело своей *естественной основой* рабство, точно так же *современное государство* имеет своей *естественной основой* гражданское общество, равно как и *человека* гражданского общества, т. е. независимого человека, связанного с другим человеком только узами частного интереса и *бессознательной* естественной необходимости, *раба* своего промысла и своей собственной, а равно и чужой *своекорыстной* потребности. Современное государство признало эту свою естественную основу как таковую во *всеобщих правах человека*. Оно не создало ее. Будучи продуктом гражданского общест-

ва, в силу собственного своего развития вынужденного вырваться из старых политических оков, современное государство, со своей стороны, признало путем *провозглашения прав человека* свое собственное материнское лоно и свою собственную основу. [...] Все эти проявления «*свободной человечности*» весьма определенно признаны таковыми во французской Декларации прав человека. [...]

«Критика» не сумела сказать о правах человека ничего более критического, чем то, что права эти *не* прирождены, а возникли историческим путем, что было сказано уже Гегелем.

К. Маркс, Ф. Энгельс. *Святое семейство* (1844) — т. 2, с. 125—126

Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.

К. Маркс. *Временный Устав Товарищества* (1864) — т. 16, с. 13

Буржуазия не может завоевать своего политического господства, не может выразить это политическое господство в конституции и в законах без того, чтобы не дать в то же время оружия в руки пролетариата. Против старых сословий, различающихся по признаку происхождения, она должна начертать на своем знамени права человека; против цеховщины — свободу торговли и промыслов; против бюрократической опеки — свободу и самоуправление. Чтобы быть последовательной, она должна, стало быть, требовать всеобщего и прямого избирательного права, свободы печати, союзов, собраний и отмены всех исключительных законов против отдельных классов населения. Но это и все, чего пролетариат должен требовать от буржуазии. Он не может требовать, чтобы буржуазия перестала быть буржуазией, но он несомненно может требовать, чтобы она последовательно проводила свои собственные принципы. А вместе с этим пролетариат получает в руки и то оружие, которое ему необходимо для его окончательной победы. С помощью свободы печати, права собраний и союзов он завоевывает себе всеобщее избирательное право, с помощью же всеобщего и прямого избирательного права, в сочетании с указанными агитационными средствами, — все прочее.

Ф. Энгельс. *Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия* (1865) — т. 16, с. 76—77

Каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, так же как и телесные, нужды без того, чтобы полиция совала в это свой нос. Но рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести*, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана.

К. Маркс. *Критика Готской программы* (1875) — т. 19, с. 30

[...] Неизбежным спутником всякой монархической реставрации было бы господство насилия, подавление всяких общественных свобод и личных прав, — то, чего рабочий класс должен стремиться избежать. [...] Сохранение республики избавило бы его от необходимости вновь вести особую борьбу за ее завоевание в будущем.

Ф. Энгельс. *Европейские рабочие в 1877 году* (1878) — т. 19, с. 140

Представление о том, что все люди как люди имеют между собой нечто общее и что они, насколько простирается это общее, также равны, само собой разумеется, очень старо. Но от этого представления совершенно отлично современное требование равенства. Это требование состоит, скорее, в том, что из того общего свойства людей, что они люди, из равенства людей как людей, оно выводит право на равное политическое и — соответственно — социальное значение всех людей или, по крайней мере, всех граждан данного государства или всех членов данного общества. Должны были пройти и действительно прошли целые тысячелетия, прежде чем из первоначального представления об относительном равенстве был сделан вывод о равноправии в государстве и обществе и этот вывод даже стал казаться чем-то естественным, само собой разумеющимся.

Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг* (1878) — т. 20, с. 104—105

Как только экономический прогресс общества поставил в порядок дня требование освобождения от феодальных оков и установления правового равенства путем устранения феодальных неравенств, — это требование по необходимости должно было скоро принять более широкие

размеры. [...] С другой стороны, неизбежно должно было возникнуть требование, чтобы были уничтожены и феодальные преимущества, чтобы были отменены свобода дворянства от податей и политические привилегии отдельных сословий. А так как дело происходило уже не в мировой империи, какой была Римская империя, а в системе независимых государств, которые вступали в сношения друг с другом как равные, находясь приблизительно на одинаковой ступени буржуазного развития, то естественно, что требование равенства приняло всеобщий, выходящий за пределы отдельного государства характер, что свобода и равенство были провозглашены *правами человека*. При этом для специфически буржуазного характера этих прав человека весьма показательным обстоятельством, что американская конституция, которая первая выступила с признанием прав человека, в то же самое время санкционирует существующее в Америке рабство цветных рас; классовые привилегии были заклеены, расовые привилегии — освящены.

Ф. Энгельс. *Литт-Дюпинг (1878)* —
т. 20, с. 107

С того момента, как выдвигается буржуазное требование уничтожения классовых *привилегий*, рядом с ним выступает и пролетарское требование уничтожения *самых классов*, сначала — в религиозной форме, примыкая к первоначальному христианству, а потом — на основе самих буржуазных теорий равенства. Пролетарии ловят буржуазию на слове: равенство должно быть не только мнимым, оно должно осуществляться не только в сфере государства, но и быть действительным, оно должно проводиться и в общественной, экономической сфере. И в особенности с тех пор, как французская буржуазия, начиная с великой революции, выдвинула на первый план гражданское равенство, — французский пролетариат немедленно вслед за этим ответил ей требованием социального, экономического равенства, и требование это стало боевым кличем, характерным как раз для французских рабочих.

Требование равенства в устах пролетариата имеет, таким образом, двойное значение. Либо оно является — и это бывает особенно в самые начальные моменты, например в Крестьянской войне, — стихийной реакцией против вопиющих социальных неравенств, против контраста между богатыми и бедными, между господами и

крепостными, обжорами и голодающими; в этой своей форме оно является просто выражением революционного инстинкта и в этом, только в этом, находит свое оправдание. Либо же пролетарское требование равенства возникает как реакция против буржуазного требования равенства, из которого оно выводит более или менее правильные, идущие дальше требования; оно служит тогда агитационным средством, чтобы поднять рабочих против капиталистов при помощи аргументов самих капиталистов, и в таком случае судьба этого требования неразрывно связана с судьбой самого буржуазного равенства. В обоих случаях действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов*. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости.

Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг* (1878) —
т. 20, с. 108

Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины, а современное общество — это масса, состоящая сплошь из индивидуальных семей, как бы его молекул. Муж в настоящее время должен в большинстве случаев добывать деньги, быть кормильцем семьи, по крайней мере в среде имущих классов, и это дает ему господствующее положение, которое ни в каких особых юридических привилегиях не нуждается. Он в семье — буржуа, жена представляет пролетариат. Но в области промышленности специфический характер тяготеющего над пролетариатом экономического гнета выступает со всей своей резкостью только после того, как устранены все признанные законом особые привилегии класса капиталистов и установлено полное юридическое равноправие обоих классов; демократическая республика не уничтожает противоположности обоих классов — она, напротив, лишь создает почву, на которой разворачивается борьба за разрешение этой противоположности. Равным образом, своеобразный характер господства мужа над женой в современной семье и необходимость установления действительного общественного равенства для обоих, а также способ достижения этого только тогда выступят в полном свете, когда супруги юридически станут вполне равноправными. Тогда обнаружится, что первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству, что,

в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства (1884) — т. 21, с. 76—77

[...] Поднимающаяся буржуазия, в особенности в протестантских странах, где больше всего был поколеблен существующий порядок, все более и более стала признавать свободу заключения договора также и в отношении брака и осуществлять ее вышеописанным образом. Брак оставался классовым браком, но в пределах класса сторонам была предоставлена известная свобода выбора. И на бумаге, в теоретической морали и в поэтическом изображении, не было ничего более незыблемого и прочно установленного, чем положение о безнравственности всякого брака, не покоящегося на взаимной половой любви и на действительно свободном согласии супругов. Одним словом, брак по любви был провозглашен правом человека, и притом не только *droit de l'homme* *, но, в виде исключения, и *droit de la femme* **.

Но это право человека в одном отношении отличалось от всех остальных так называемых прав человека. Тогда как эти последние на практике распространялись только на господствующий класс — буржуазию — и прямо или косвенно сводились на нет для угнетенного класса — пролетариата, здесь снова сказывается ирония истории. Господствующий класс остается подвластным известным экономическим влияниям, и поэтому только в исключительных случаях в его среде бывают действительно свободно заключаемые браки, тогда как в среде угнетенного класса они, как мы видели, являются правилом.

Полная свобода при заключении браков может, таким образом, стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранил все побочные, экономические соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше никакого другого мотива, кроме взаимной склонности.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства (1884) — т. 21, с. 83—84

* Игра слов: «*droit de l'homme*» означает «право человека», а также «право мужчины». *Ред.*

** — правом женщины. *Ред.*

Освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере. А это сделалось возможным только благодаря современной крупной промышленности, которая не только допускает женский труд в больших размерах, но и прямо требует его и все более и более стремится растворить частный домашний труд в общественном производстве.

Ф. Энгельс. *Происхождение семьи, частной собственности и государства* (1884) — т. 21, с. 162

Действительное равноправие женщины и мужчины может, по моему убеждению, осуществиться лишь тогда, когда будет уничтожена эксплуатация капиталом и тех и других, а ведение домашнего хозяйства, которое является теперь частным занятием, превратится в отрасль общественного производства.

Ф. Энгельс — Г. Гильом-Шак, около 5 июля 1885 г. — т. 36, с. 294

Вместо «за равное право всех» я предлагаю: «за равные права и равные обязанности всех» и т. д. *Равные обязанности* являются для нас особо важным дополнением к буржуазно-демократическим *равным правам*, которое лишает последних их специфически буржуазного смысла.

Ф. Энгельс. *К критике проекта социал-демократической программы 1891 года* (1891) — т. 22, с. 235

Полное отделение церкви от государства. Ко всем религиозным обществам без исключения государство относится как к частным объединениям. Они лишаются всякой поддержки из государственных средств и всякого влияния на государственные школы. (Ведь нельзя же запретить им создавать *собственные* школы на *собственные* средства и преподавать там свой вздор.)

Ф. Энгельс. *К критике проекта социал-демократической программы 1891 года* (1891) — т. 22, с. 240

3. Политическая свобода.

всем нужна, а рабочим и крестьянам **особенно**

- 4. Неприкосновенность личности, свобода слова, союзов.
- 5. Свобода передвижения.
- 6. Уничтожение сословий.
- 7. Выборность чиновников и преследование по суду.
- 8. Военщина.
- 9. Отделение церкви от государства. Даровое обучение.
- 10. Прогрессивный налог *.

В. И. Ленин. Материалы к брошюре «К деревенской бедноте» (1903) — т. 7, с. 370

Политическая свобода { — отделение церкви от государства
— уничтожение постоянной армии
— уничтожение бюрократизма
— равноправие иностранцев.
Участие поляков
— самоуправление общин (*Коммуна*).

В. И. Ленин. Три конспекта доклада о Парижской Коммуне (1904) — т. 8, с. 490

Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс. Рабочие могут добиться себе большей или меньшей политической свободы для борьбы за свое экономическое освобождение, но никакая свобода не избавит их от нищеты, безработицы и гнета, пока не сброшена будет власть капитала. Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. [...]

Религия должна быть объявлена частным делом — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких

* Пункты 4—10 Лениным перечеркнуты. *Ред.*

недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии. Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сию пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви.

Русская революция должна осуществить это требование, как необходимую составную часть политической свободы. Русская революция поставлена в этом отношении в особо выгодные условия, ибо отвратительная казенщина полицейски-крепостнического самодержавия вызвала недовольство, брожение и возмущение даже в среде духовенства. Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного «служи-

телям бога». Мы, социалисты, должны поддержать это движение, доводя до конца требования честных и искренних людей из духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией. Либо вы искренни, и тогда вы должны стоять за полное отделение церкви от государства и школы от церкви, за полное и безусловное объявление религии частным делом. Либо вы не принимаете этих последовательных требований свободы,— и тогда, значит, вы всё еще в плену у традиций инквизиции, тогда, значит, вы всё еще примазываетесь к казенным местечкам и казенным доходам, тогда, значит, вы не верите в духовную силу вашего оружия, вы продолжаете брать взятки с государственной власти,— тогда сознательные рабочие всей России объявляют вам беспощадную войну.

По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой союз, РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас же идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

*В. И. Ленин. Социализм и религия
(1905) — т. 12, с. 142—145*

[...] И в силу нашего научного, материалистического мировоззрения, чуждого всяких предрассудков, и в силу наших общих задач борьбы за свободу и счастье всех трудящихся мы, социал-демократы, относимся отрицательно к христианскому учению. Но, заявляя это, я считаю своим долгом сейчас же, прямо и открыто сказать, что социал-демократия борется за полную свободу совести и относится с полным уважением ко всякому искреннему убеждению в делах веры, раз это убеждение не проводится в жизнь путем насилия или обмана.

В. И. Ленин. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе (1907) — т. 15, с. 157

Разумеется, о том, что пресса российская обуздана намордником, вождь капиталистов* не говорит: к чему это? В программе свобода печати может стоять. Это необходимо для «европейской» партии. Но чтобы на деле бороться против зажимания рта прессе, чтобы открыто разоблачать заведомую продажность влиятельных российских органов прессы,— этого смешно ждать от г. Гучкова, как и от г. Милюкова.

В. И. Ленин. Заказанная полицейски-патриотическая демонстрация (1908) — т. 16, с. 456

[...] На Западе *после* окончания национальных буржуазных революций, *после* введения более или менее полной свободы вероисповедания, вопрос демократической борьбы с религией настолько уже был исторически оттеснен на второй план борьбой буржуазной демократии с социализмом, что буржуазные правительства сознательно пробовали отвлечь внимание масс от социализма [...]

В. И. Ленин. Об отношении рабочей партии к религии (1909) — т. 17, с. 424

Демократия никогда не может стоять на той точке зрения, что духовенству не следует участвовать в политической жизни. Это — точка зрения архиреакционная. Приводит она только к казенному лицемерию и ни к чему больше. В жизни абсолютно невозможны, неосуществимы никакие меры, отстраняющие от политики и от классовой борьбы ту или иную группу или часть населения. [...]

Рабочие демократы в России борются против подделки избирательного (и всякого другого) права в пользу помещиков или духовенства и т. д., а вовсе не против свободы участия духовенства в политической жизни. Мы стоим на точке зрения классовой борьбы и требуем полной свободы участия в политике любого класса, сословия, пола, народа, слоя или группы населения. [...]

Рабочая демократия — за свободу политической борьбы для всех, в том числе и для духовенства. Мы не против участия духовенства в выборной борьбе, в Думе и пр., а *исключительно* против средневековых привилегий духовенству. Мы клерикализма не боимся, мы с ним охотно — на свободной и равной для всех трибуне — поспорим. Духовенство всегда участвовало в политике

* — А. И. Гучков. *Ред.*

прикровенно; ничего кроме пользы для народа, и большой пользы, не будет от того, если духовенство станет участвовать в политике *откровенно*.

В. И. Ленин. *Либералы и клерикалы* (1912) — т. 21, с. 469, 470

Демократ безусловно враждебен самомалейшей *подделке* избирательного права и выборов, но он безусловно за прямое и открытое вовлечение самых широких масс всякого духовенства в политику. Неучастие духовенства в политической борьбе есть вреднейшее лицемерие. На деле духовенство *всегда* участвовало в политике прикровенно, и народу принесет лишь пользу переход духовенства к политике откровенной.

В. И. Ленин. *Духовенство и политика* (1912) — т. 22, с. 80—81

Демократия же полагает, что реакционеры лицемерят, защищая на деле всевластие полиции и бюрократии, привилегии одного пола и худшее угнетение женщины; — что на деле свобода развода означает не «распад» семейных связей, а, напротив, укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях.

В. И. Ленин. *О праве наций на самоопределение* (1914) — т. 25, с. 286

Dear friend! * План брошюры очень советую написать поподробнее **. Иначе слишком многое неясно.

Одно мнение должен высказать уже сейчас:

§ 3 — «требование (женское) свободы любви» советую вовсе выкинуть.

Это выходит действительно не пролетарское, а буржуазное требование.

В самом деле, что Вы под ним понимаете? Что *можно* понимать под этим?

1. Свободу от материальных (финансовых) расчетов в деле любви?

2. Тоже от материальных забот?

3. от предрассудков религиозных?

4. от запрета папаши etc.?

* — Дорогой друг! *Ред.*

** Брошюра, которую И. Ф. Арманд намеревалась написать для работниц, в печати не появилась. *Ред.*

5. от предрассудков «общества»?
6. от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды?
7. от уз закона, суда и полиции?
8. от серьезного в любви?
9. от деторождения?
10. свободу адюльтера? и т. д.

Я перечислил много (не все, конечно) оттенков. Вы понимаете, конечно, не №№ 8—10, а или №№ 1—7 или вроде №№ 1—7.

Но для №№ 1—7 надо выбрать иное обозначение, ибо свобода любви не выражает точно этой мысли.

А публика, читатели брошюры неизбежно поймут под «свободой любви» вообще нечто вроде №№ 8—10, даже вопреки Вашей воле.

Именно потому, что в современном обществе классы, наиболее говорливые, шумливые и «вверхуидные», понимают под «свободой любви» №№ 8—10, именно поэтому сие есть не пролетарское, а буржуазное требование.

Пролетариату важнее всего №№ 1—2, и затем №№ 1—7, а это собственно не «свобода любви».

Дело не в том, что Вы субъективно «хотите понимать» под этим. Дело в объективной логике классовых отношений в делах любви.

Friendly shake hands!

W. I. *

В. И. Ленин — И. Ф. Арманд, 17 января 1915 г. — т. 49, с. 51—52

По поводу Вашего плана брошюры я находил, что «требование свободы любви» неясно и — независимо от Вашей воли и желания (я подчеркивал это, говоря: дело в объективных, классовых отношениях, а не в Ваших субъективных желаниях) — явится в современной общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием.

В. И. Ленин — И. Ф. Арманд, 24 января 1915 г. — т. 49, с. 55

[...] Нельзя быть демократом и социалистом, не требуя сейчас же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть сверхпритеснение угнетенного пола, женщины, — хотя вовсе не трудно смекнуть, что признание

* — Дружески жму руку! В. И. Ред.

свободы ухода от мужей не есть *приглашение* всем жнам уходить! [...]

[...] Право развода, как и *все* без исключения демократические права, при капитализме трудно осуществимо, условно, ограничено, формально-узко, но тем не менее отрицающих это право ни один порядочный социал-демократ не сочтет не только социалистами, но и демократами. А в этом вся суть. *Вся* «демократия» состоит в провозглашении и осуществлении «прав», осуществимых весьма мало и весьма условно при капитализме, а без такого провозглашения, без борьбы за права немедленно и тотчас, без воспитания масс в духе такой борьбы социализм *невозможен*.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916) — т. 30, с. 125, 127

Октябрь и декабрь 1905 года знаменуют высшую точку восходящей линии российской революции. Все источники революционной силы народа открылись еще гораздо шире, чем раньше. [...]

Открылись двери университетов, и аудитории, которые в мирное время предназначались исключительно для того, чтобы дурманить молодые головы профессорской кафедральной мудростью и превращать их в покорных слуг буржуазии и царизма, служили теперь местами собраний для тысяч и тысяч рабочих, ремесленников, служащих, которые открыто и свободно обсуждали политические вопросы.

Была завоевана свобода печати. Цензура была просто устранена. Никакой издатель не осмеливался представлять властям обязательный экземпляр, а власти не осмеливались принимать против этого какие-либо меры. Впервые в русской истории свободно появились в Петербурге и других городах революционные газеты. В одном Петербурге выходило три ежедневных социал-демократических газеты с тиражом от 50 до 100 тысяч экземпляров.

В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года (1917) — т. 30, с. 321

[...] Никакая свобода не удовлетворит массы, терпящие голод от недостатка припасов. [...]

В. И. Ленин. Набросок тезисов 4 (17) марта 1917 г. — т. 31, с. 4

Бояться манифестаций, заранее объявляемых, правительство, знающее, что *весь* его состав опирается на волю большинства народа, не может.

Запрещать их оно не будет.

В. И. Ленин, *Намеки* (1917) — т. 32,
с. 325

Надо принять резолюцию, клеймящую, как *подлог**, достойный Николая II подлог, такие приемы, как прием Совета *солдатских* депутатов (у солдат 1 на 500, у рабочих 1 на 1000) или Бюро профессиональных союзов (у мелких союзов 1 на **a** членов, у крупных 1 на **a — b** членов).

Если мы будем молча терпеть этот *подлог*, то какие же мы *демократы*?

Чем же худ тогда Николай II, который тоже «давал» представительство от крестьян и от помещиков *не поровну*??

Терпя такие вещи, мы простигуируем демократизм.

Надо принять резолюцию, требовать **равного** избирательного права (и в Советах и на съездах профессиональных союзов), заклеить *малейшее* отступление от равенства, как *подлог*, именно этим словом, как *прием Николая II*, и эту резолюцию пленума ЦК, популярно написанную, пустить листком в рабочую массу.

Нельзя терпеть *подлога* в демократизме, называясь «демократами». Мы не демократы, а беспринципные люди, если терпим это!!

В. И. Ленин. *О нарушениях демократизма в массовых организациях* (1917) — т. 34, с. 143

Капиталисты (а за ними, по неразумению или по косности, многие эсеры и меньшевики) называют «свободой печати» такое положение дела, когда цензура отменена и все партии свободно издают любые газеты.

На самом деле это не свобода печати, а свобода обмана угнетенных и эксплуатируемых масс народа богатыми, буржуазией.

В самом деле. Возьмите хоть питерские и московские газеты. Вы увидите сразу, что по числу выпускаемых

* «1 представитель всюду и везде от *равного* числа избирателей» = азбука демократии. Иначе *подлог*.

экземпляров громадное преобладание имеют буржуазные газеты. [...] На чем основано это преобладание? Все не на воле большинства, ибо выборы показывают, что в обеих столицах большинство (и гигантское) на стороне демократии, т. е. эсеров, меньшевиков и большевиков. Голосов у этих трех партий от трех четвертей до четырех пятых, а число экземпляров выпускаемых ими газет наверное менее одной четверти или даже одной пятой по сравнению с числом экземпляров всей буржуазной прессы (которая, как мы теперь знаем и видим, прямо и коварно защищала корниловщину).

Почему это так?

Все прекрасно знают, почему. Потому, что издание газеты есть доходное и крупное капиталистическое предприятие, в которое богатые вкладывают миллионы и миллионы рублей. «Свобода печати» буржуазного общества состоит в свободе *богатых* систематически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров, обманывать, развращать, одурачивать эксплуатируемые и угнетенные массы народа, бедноту.

Вот та простая, общеизвестная, очевидная правда, которую все наблюдают, все сознают, но «почти все» «стыдливо» замалчивают, боязливо обходят.

Спрашивается, можно ли бороться с таким вопиющим злом и как бороться?

Прежде всего есть одно простейшее, величайшее и законнейшее средство, которое я давно указывал в «Правде»*, которое особенно уместно напомнить теперь, к 12 сентября, и которое всегда надо иметь в виду рабочим, ибо они едва ли обойдутся без него, когда завоюют политическую власть.

Это средство — государственная монополия на частные объявления в газетах. [...]

Спрашивается, почему, называющая себя революционной, демократия не могла бы осуществить такой меры, как объявление государственной монополией частных объявлений в газетах? Запрещение печатать объявления где-либо *кроме* газет, издаваемых Советами в провинции и в городах и *центральным Советом* в Питере для всей России? Почему «революционная» демократия обязана терпеть такую вещь, как обогащение на частных объявлениях богачей, сторонников Корнилова, распространителей лжи и клеветы против Советов?

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 348—349. Ред.

Такая мера была бы безусловно справедливой мерой. Она дала бы громадные выгоды и тем, кто частные объявления печатает, и всему народу, и особенно наиболее угнетенному и темному крестьянству, которое получило бы возможность иметь за ничтожную цену или даже даром *советские* газеты с приложениями для крестьян.

Почему не осуществить этого? Только потому, что священна частная собственность и наследственное право (на доходы от объявлений) у господ капиталистов. И признавать такое право «священным» можно, называя себя революционным демократом XX века, во второй русской революции?!

Скажут: но это нарушение свободы печати.

Неправда. Это было бы расширением и восстановлением свободы печати. Ибо свобода печати означает: все мнения *всех* граждан свободно можно оглашать.

А теперь? А теперь *только* богатые имеют эту монополию, да затем крупные партии. Между тем при издании больших *советских* газет, со всеми объявлениями вполне осуществимо было бы обеспечить выражение своих мнений гораздо более широкому числу граждан, скажем, каждой группе, собравшей определенное число подписей. Свобода печати *на деле* стала бы гораздо демократичнее, стала бы несравненно полнее при таком преобразовании.

Но скажут: где же взять типографии и бумагу?

Вот оно что!!! Не в «свободе печати» дело, а в священной собственности эксплуататоров на захваченные ими типографии и запасы бумаги!!!

Во имя чего мы, рабочие и крестьяне, должны признать это священное право? Чем это «право» издавать ложные сведения лучше «права» владеть крепостными крестьянами?

Почему во время войны допустимы и всюду происходят всякие реквизиции — и домов, и квартир, и экипажей, и лошадей, и хлеба, и металлов, а реквизиция типографий и бумаги недопустима?

Нет, рабочих и крестьян можно на время обмануть, представив в их глазах такие меры несправедливыми или трудноосуществимыми, но правда возьмет свое.

Государственная власть, в виде Советов, берет *все* типографии и *всю* бумагу и распределяет ее *справедливо*: на первом месте — государство, в интересах большинства народа, большинства бедных, особенно большинст-

ва крестьян, которых веками мучили, забивали и отупляли помещики и капиталисты.

На втором месте — крупные партии, собравшие, скажем, в обеих столицах сотню или две сотни тысяч голосов.

На третьем месте — более мелкие партии и затем любая группа граждан, достигшая определенного числа членов или собравшая столько-то подписей.

Вот какое распределение бумаги и типографий было бы справедливо и, при власти в руках Советов, осуществимо без всякого труда.

Вот тогда, за два месяца до Учредительного собрания, мы могли бы действительно помочь крестьянам, обеспечить доставку в *каждую* деревню десятка брошюр (или номеров газеты, или особых приложений) в миллионах экземпляров от *каждой* крупной партии.

Вот это была бы *«революционно-демократическая»* подготовка выборов в Учредительное собрание, вот это была бы помощь деревне со стороны передовых рабочих и солдат, вот это было бы государственное содействие просвещению, а не оглушению и не обманыванию народа, вот это была бы настоящая свобода печати *для всех*, а не для богачей, вот это был бы разрыв с тем проклятым, холопским прошлым, которое заставляет нас терпеть захват богачами великого дела осведомления и обучения крестьянства.

В. И. Ленин. Как обеспечить успех Учредительного собрания (1917) — т. 34, с. 209—213

Буржуазия понимала под свободой печати свободу издания газет богатыми, захват прессы капиталистами, на деле приводивший повсюду во всех странах, не исключая и наиболее свободных, к продажности прессы.

Рабочее и крестьянское правительство под свободой печати понимает освобождение прессы из-под гнета капитала, переход в собственность государства бумажных фабрик и типографий, предоставление каждой группе граждан, достигающей известной численности (например, 10 000), равного права на пользование соответственной долей запасов бумаги и соответственным количеством типографского труда.

В. И. Ленин. Проект резолюции о свободе печати (1917) — т. 35, с. 51

Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование

этих газет, значит перестать быть социалистом. Тот, кто говорит: «откройте буржуазные газеты», не понимает, что мы полным ходом идем к социализму. И закрывали же ведь царистские газеты после того, как был свергнут царизм. Теперь мы свергли иго буржуазии. Социальную революцию выдумали не мы,— ее провозгласили члены съезда Советов,— никто не протестовал, все приняли декрет, в котором она была провозглашена. Буржуазия провозгласила свободу, равенство и братство. Рабочие говорят: «нам нужно не это». [...]

Нужно сейчас же назначить комиссию для расследования зависимости буржуазных газет от банков. Какая свобода нужна этим газетам? Не свобода ли покупать массу бумаги и нанимать массу писак? Мы должны уйти от этой свободы печати, зависящей от капитала. Этот вопрос имеет принципиальное значение. Если мы идем к социальной революции, мы не можем к бомбам Каледина добавлять бомбы лжи.

[...] Мы виноваты, что оставляли газеты в руках буржуазии. Надо идти вперед, к новому обществу, и относиться к буржуазным газетам так же, как мы относились к черносотенным в феврале — марте.

В. И. Ленин. Речь по вопросу о печати [Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г.] — т. 35, с. 54, 55

Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия.

Во всех цивилизованных странах, даже самых передовых, положение женщин таково, что недаром их называют домашними рабынями. Ни в одном капиталистическом государстве, даже самой свободной республике, нет полного равноправия женщин.

Задача Советской республики — в первую голову уничтожить все ограничения прав женщин. Источник буржуазной грязи, подавленности, приниженности — бракоразводный процесс — Советская власть уничтожила полностью.

Скоро год, как существует совершенно свободное законодательство о разводе. Мы издали декрет, который уничтожил разницу в положении брачного и внебрачного ребенка и целый ряд политических стеснений; нигде так полно не осуществлены равенство и свобода трудящихся женщин. [...]

Наш закон первый раз в истории вычеркнул все то, что делало женщин бесправными. [...]

Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в ней участвуют женщины. Советская власть делает все, чтобы женщина самостоятельно вела свою пролетарскую социалистическую работу.

В. И. Ленин. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г.— т. 37, с. 185, 186

Разбираться начнем со свободы. Свобода, нечего говорить, для всякой революции, социалистической ли или демократической, это есть лозунг, который очень и очень существен. А наша программа заявляет: свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман. [...]

Мы прекрасно знаем, что должны бороться со всемирным капиталом, мы прекрасно знаем, что всемирный капитал в свое время имел перед собой задачу создания свободы, что он сбросил феодальное рабство, что он буржуазную свободу создал, мы прекрасно знаем, что это всемирно-исторический прогресс. И мы заявляем, что мы против капитализма вообще идем, против капитализма республиканского, против капитализма демократического, против капитализма свободного;— конечно, мы знаем, что он против нас выдвинет знамя свободы. И мы ему отвечаем. Мы считали необходимым этот ответ дать в своей программе: всякая свобода есть обман, если она противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала.

Но, может быть, этого быть не может? Может быть, нет противоречия свободы с освобождением труда от гнета капитала? Посмотрите на все западноевропейские страны, в каких вы либо бывали, либо, во всяком случае, о каких читали. В каждой книжке освещался их строй как самый свободный строй, и теперь эти западноевропейские цивилизованные страны — Франция, Англия, Америка — они подняли это знамя, они идут против большевиков «во имя свободы». [...]

А что они называют свободой? Эти цивилизованные французы, англичане, американцы, они называют свободой хотя бы свободу собраний. В конституции должно быть написано: «Свобода собраний всем гражданам». «Вот это,— говорят они,— есть содержание, вот это есть

основное проявление свободы. А вы, большевики, вы свободу собраний нарушили».

Да,— отвечаем мы,— ваша свобода, господа англичане, французы, американцы, есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала. Вы мелочь забыли, господа цивилизованные. Забыли, что ваша свобода написана в конституции, которая *узаконяет частную собственность*. Вот в чем суть дела.

Рядом с свободой — собственность, так и написано в вашей конституции. Что вы признаете свободу собраний, это, конечно, громадный прогресс по сравнению с феодальным порядком, средневековым, крепостным правом. Это признали все социалисты, когда использовали эту свободу буржуазного общества, чтобы научить пролетариат, как свергнуть гнет капитализма.

Но ваша свобода такова, что это есть свобода на бумаге, а не на деле. Это значит, что если в больших городах бывают большие залы, вроде этой, то они принадлежат капиталистам и помещикам, называются, например, залами «благородного собрания». Вы можете свободно собираться, граждане Российской демократической республики, но это — частная собственность, извините, пожалуйста, нужно уважать частную собственность, иначе вы будете большевиками, преступниками, разбойниками, грабителями, озорниками. А мы говорим: «Мы это перевернем. Это здание из «благородного собрания» мы сперва сделаем зданием рабочих организаций, а потом поговорим о свободе собраний». Вы нас обвиняете в нарушении свободы. Мы же признаем, что всякая свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман. Свобода собраний, которая написана в конституции всех буржуазных республик, есть обман, потому что, чтобы собираться в цивилизованной стране, которая все-таки зимы не уничтожила, погоды не переделала, нужно иметь помещения для собраний, а лучшие здания — в частной собственности. Сначала отберем лучшие здания, а потом поговорим о свободе.

Мы говорим, что свобода собраний для капиталистов — это величайшее преступление против трудящихся, это есть свобода собраний для контрреволюционеров. Мы говорим господам буржуазным интеллигентам, господам сторонникам демократии: вы лжете, когда бросаете нам в лицо обвинение в нарушении свободы! Когда ваши буржуазные великие революционеры в Англии в 1649 году, во Франции в 1792—1793 гг. совершали

революцию, они не давали свободы собраний монархистам. Потому и названа французская революция великой, что она не отличалась дряблостью, половинчатостью, фразерством многих революций 1848 года, а что это была деловая революция, которая, свергнув монархистов, задавила их до конца. Так же и мы сумеем поступить с господами капиталистами, ибо мы знаем, что для освобождения трудящихся от гнета капитала нужно отобрать свободу собраний у капиталистов, нужно их «свободу» отнять или урезать. Это служит освобождению труда от гнета капитала, это служит той настоящей свободе, когда не будет зданий, в которых живет отдельная семья и которые принадлежат кому-нибудь в отдельности — помещикам, капиталистам или какому-нибудь акционерному обществу. Когда это будет, когда забудут люди о том, что могут быть общественные здания в чьей-то собственности, тогда-то мы будем за полную свободу. Когда на свете останутся только работники и забудут люди думать о том, что можно быть членом общества не работником, — это будет еще не так скоро, в проволочке виноваты господа буржуа и господа буржуазные интеллигенты, — тогда мы будем за свободу собраний для каждого, а сейчас свобода собраний есть свобода собраний для капиталистов, контрреволюционеров. Мы с ними боремся, мы даем им свой отпор и заявляем, что эту свободу мы отменяем. [...]

Теперь от свободы я перейду к равенству. Здесь дело стоит еще глубже. Здесь мы касаемся вопроса еще более серьезного, вызывающего большие разногласия, и более болезненного [...]

[...] Равенство есть обман, если оно противоречит освобождению труда от гнета капитала. Это мы говорим, и это совершенная правда. Мы говорим, что демократическая республика с современным равенством — это ложь, обман, что равенство там не соблюдается и его там быть не может, и то, что мешает пользоваться этим равенством — это есть собственность на средства производства, на деньги, на капитал. [...]

Равенство есть обман, если оно противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала.

Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства есть глупейший и вздорный предрассудок помимо уничтожения классов*. Буржуазные профессора

* См. наст. изд., с. 350. *Ред.*

за понятие равенства пытались нас изобличить в том, будто мы хотим одного человека сделать равным другим. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты — и именно основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс — говорили: равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента, который иногда добросовестно кривляется, вывертывает слова, а содержания нет, — пусть он называет себя писателем, иногда ученым и еще кем бы то ни было.

И вот мы говорим: мы ставим себе целью равенство как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество. Конечно, при толковании слова социализм в известном смысле, можно назвать его социалистическим, но это будет казуистика, спор о словах. Социализм — это есть первая стадия коммунизма, — но спорить о словах не стоит. Ясно одно, что, пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем говорить о равенстве, не остерегаясь того, чтобы не попасть, как вода на мельницу буржуазии.

В. И. Ленин. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства [I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г.] — т. 38, с. 346—350, 352, 353—354

Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса, именно того из угнетенных классов, который способен не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразерством насчет свободы и равенства вообще (на деле, как давно показал Маркс, это фразерство означает «свободу и равенство» *товаровладельцев*, «свободу и равенство» *капиталиста и рабочего*).

В. И. Ленин. Привет венгерским рабочим (1919) — т. 38, с. 387

Пролетариату нужно уничтожение классов — вот *реальное* содержание пролетарской демократии, пролетарской свободы (свободы от капиталиста, от товарообмена), пролетарского равенства (не равенства *классов* [...]) а равенства трудящихся, которые *свергают* капитал и капитализм).

Пока есть классы, свобода и равенство классов есть буржуазный обман. Пролетариат берет власть, становится *господствующим* классом, ломает буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию, подавляет буржуазию, подавляет *все* попытки *всех* других классов вернуться к капитализму, дает *настоящую* свободу и равенство трудящимся (что осуществимо лишь при *отмене* частной собственности на средства производства), дает им не «права» только, а *реальное* пользование тем, что *отнято* у буржуазии.

Кто не понял *этого* содержания диктатуры пролетариата (или, что то же, Советской власти или демократии пролетарской), тот всеу приемлет это слово.

В. И. Ленин. О задачах III Интернационала (1919) — т. 39, с. 108—109

Чтобы заниматься политикой, при старом капиталистическом обществе требовалась особая подготовка, и потому участие женщин в политике, даже в самых передовых и свободных капиталистических странах, было ничтожное. Наша задача состоит в том, чтобы сделать политику доступной для каждой трудящейся женщины. С того момента, как уничтожена частная собственность на землю и фабрики и свергнута власть помещиков и капиталистов, задачи политики для трудящейся массы и трудящихся женщин становятся простыми, ясными и вполне для всех доступными. В капиталистическом обществе женщина поставлена в такое бесправное положение, что участие ее в политике проявляется в ничтожной доле по сравнению с мужчиной. Для того, чтобы это положение переменялось, нужно, чтобы была власть трудящихся, и тогда главные задачи политики будут составлять все то, что непосредственно касается судьбы самих трудящихся.

И здесь участие женщины-работницы, не только партийной и сознательной, но и беспартийной и наиболее

бессознательной, необходимо. Здесь для женщины-работницы открывается Советской властью широкое поле деятельности.

В. И. Ленин. О задачах женского рабочего движения в Советской республике (1919) — т. 39, с. 203

Диктатура пролетариата есть единственный шаг к равенству и демократии *на деле*, не на бумаге, а в жизни, не в политической фразе, а в экономической действительности.

В. И. Ленин. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам (1919) — т. 39, с. 217

Советская власть первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или в области отношений к детям. Советская власть первая и единственная в мире, как власть трудящихся, отменила все, связанные с собственностью, преимущества, которые сохранились в семейном праве за мужчиной во всех, даже самых демократических, буржуазных республиках.

Где есть помещики, капиталисты, купцы, там не может быть равенства женщины с мужчиной даже по закону.

Где нет помещиков, капиталистов, купцов, где власть трудящихся без этих эксплуататоров строит новую жизнь, там есть равенство женщины с мужчиной по закону.

Но этого мало.

Равенство по закону не есть еще равенство в жизни.

Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством.

Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин. [...]

Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин.

В. И. Ленин. К женщинам-работницам (1920) — т. 40, с. 157—158

Свобода печати и собраний в буржуазной демократии есть свобода заговора богачей против трудящихся, свобода подкупа газет и скупки их капиталистами.

В. И. Ленин. Письмо к английским рабочим (1920) — т. 41, с. 127

Пережив три года диктатуры пролетариата, мы вправе сказать, что самым ходким и популярным возражением против нее является во всем свете ссылка на нарушение свободы и равенства. [...]

Уничтожение феодализма и его следов, введение основ буржуазного (можно с полным правом сказать: буржуазно-демократического) порядка заняло целую эпоху всемирной истории. И лозунгами этой всемирно-исторической эпохи были неизбежно свобода, равенство, собственность и Бентам. Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории. И лозунгами нашей эпохи неизбежно являются и должны быть: уничтожение классов; диктатура пролетариата для осуществления этой цели; беспощадное разоблачение мелкобуржуазных демократических предрассудков насчет свободы и равенства, беспощадная борьба с этими предрассудками. Кто не понял этого, тот ничего не понял в вопросах о диктатуре пролетариата, о Советской власти, о коренных основах Коммунистического Интернационала.

Пока не уничтожены классы, всякие разговоры о свободе и равенстве вообще являются самообманом или обманом рабочих, а также всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, являются, во всяком случае, защитой интересов буржуазии. Пока не уничтожены классы, при всяком рассуждении о свободе и равенстве должен быть поставлен вопрос: свобода для какого класса? и для какого именно употребления? равенство какого класса с каким? и в каком именно отношении? Обход этих вопросов, прямой или косвенный, сознательный или бессознательный, является неизбежно защитой интересов буржуазии, интересов капитала, интересов эксплуататоров. Лозунг свободы и равенства, при умолчании об этих вопросах, о частной собственности на средства производства, есть ложь и лицемерие буржуазного общества, которое формальным признанием свободы и равенства прикрывает фактические, экономические несвободу и неравенство для рабочих, для всех трудящихся

и эксплуатируемых капиталом, т. е. для громадного большинства населения во всех капиталистических странах.

В. И. Ленин. О борьбе внутри Итальянской социалистической партии (1920) — т. 41, с. 424—426

[...] Как вы забыли вами самим правильно примененную диалектику при своих выводах.

«...Свободу печати от монархистов до анархистов включительно...» Очень хорошо! Но, извините, все марксисты и все думавшие над четырехлетним опытом нашей революции рабочие скажут: разберемся в том, *какую* свободу печати? для *чего?* для *какого класса?*

Мы в «абсолюты» не верим. Мы над «чистой демократией» смеемся.

Лозунг «свободы печати» стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX века. Почему? Потому что он выражал прогрессивную буржуазию, т. е. ее борьбу против попов и королей, феодалов, помещиков.

Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния *попов и помещиков*, как РСФСР. Эту задачу «свободы печати» мы выполняли и выполняем *лучше всех* в мире.

Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода *покупать* газеты, *покупать* писателей, *подкупать* и *покупать* и фабриковать «общественное мнение» *в пользу буржуазии*.

Это факт.

Никто никогда не сможет его опровергнуть.

А у нас? Может ли кто отрицать, что буржуазия разбита, *но не уничтожена?* что она *притаилась?* Нельзя этого отрицать.

Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода *политической организации* буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и зсеров.

Это факт неопровержимый.

Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как свобода политической организации (= свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу.

Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем.

Мы ясно видим *факт*: «свобода печати» означает *на деле* немедленную покупку международной буржуазией сотни и тысячи кадетских, эсеровских и меньшевистских писателей и организацию их пропаганды, их борьбы против нас.

Это факт. «Они» богаче нас и купят «силу» вдесятеро большую против нашей наличной силы.

Нет. Мы этого не сделаем, мы всемирной буржуазии помогать не будем. [...]

«...У нас куча безобразий и злоупотреблений: свобода печати их разоблачит...»

Вот на чем, насколько я могу судить по двум статьям, вы сбились. Вы дали себя *подавить* известному числу печальных и горьких *фактов* и потеряли способность *трезво* учесть силы.

Свобода печати поможет *силе* мировой буржуазии. Это факт. *Не очистке коммунистической партии* в России от ряда ее слабостей, ошибок, бед, болезней (куча болезней есть, это бесспорно) послужит «свобода печати», ибо этого *не* хочет мировая буржуазия,— а свобода печати станет оружием в руках *этой мировой буржуазии*. Она не умерла. Она жива. Она стоит рядом и караулит. Она уже *наняла* Милюкова, коему Чернов и Мартов (частью по глупости, частью по фракционной злобе на нас, а главным образом по объективной логике их мелкобуржуазно-демократической позиции) служат «верой и правдой».

Вы «шли в комнату, попали в другую».

Вы хотели *лечить* коммунистическую партию и стали хвататься за *лекарство*, несущее верную смерть — не от вас, конечно, а от мировой буржуазии (+ Милюков + Чернов + Мартов).

Вы забыли мелочь, совсем малюсенькую мелочь, именно: мировую буржуазию и ее «свободу» покупать себе газеты, покупать себе *центры политической организации*.

Нет. По этой дороге мы не пойдем. [...]

От неверия в черную работу, медленную, трудную, тяжелую, люди впадают в панику и ищут «легкого» выхода: «свобода печати» (*для буржуазии*).

Почему вам настаивать на своей ошибке, явной ошибке, на непартийном, *антипролетарском* лозунге «свобода печати»? Почему вам не взяться за менее «блестящую» (буржуазным блеском блестящую) работу черную,

деловой чистки злоупотреблений, деловой борьбы с нами, деловой *помощи* беспартийным?

Где вы указали Центральному Комитету **такое-то** злоупотребление? и такое-то *средство* его исправить, искоренить?

Ни разу.

Ни единого разу.

Вы увидали кучу бедствий и болезней, впали в отчаяние и бросились в чужие объятия, в объятия буржуазии («свобода печати» для буржуазии). А мой совет в отчаяние и в панику не впадать. [...]

И я надеюсь, что, подумав трезво, вы не станете из ложного самолюбия настаивать на явной политической ошибке («свобода печати»), а, выправив нервы, поборов в себе панику, вы возьметесь за деловую работу: помочь *связи* с беспартийными, помочь *проверке* беспартийными работы партийных.

На этой работе дела тьма. И на этой работе болезнь можно (и должно) лечить, медленно, но действительно *лечить*, а не туманить себе голову «свободой печати», этим «блестящим» болотным огоньком.

В. И. Ленин — Г. Мясникову, 5 августа 1921 г. — т. 44, с. 78—83

[...] Вся помощь, которую Вы можете оказать просителям, должна состоять в «юридической» им помощи, т. е. *научить* их (и помочь им) *воевать за свое право* по всем правилам законной в РСФСР *войны за права*.

В. И. Ленин — В. В. Адоратскому, 31 августа 1921 г. — т. 53, с. 149

ГАРАНТИИ ДЕМОКРАТИИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД

Материальные, экономические, социальные,
политические и правовые гарантии демократии
Самодержавие народа как гарантия политических прав
и свобод

Либеральная оппозиция показывает нам уровень политического собрания, как вообще оппозиция служит показателем уровня развития данного общества. В такое время, когда сомневаться в привидениях считается философской смелостью, когда протест против суда над

ведьмами кажется парадоксом,— в такое время чем-то вполне *законным* признаются вера в привидения и процессы о ведьмах. Страна, которая, подобно древним Афинам, смотрит на прихлебателей, паразитов, льстецов, как на исключения, противоречащие народному разуму, как на *юродство*,— такая страна есть страна независимости и самостоятельности. Народ же, который, как все народы доброго старого времени, право думать и высказывать истину предоставляет только *придворным шутам*, может быть только народом зависимым и обезличенным. Собрание сословий, в котором оппозиция уверяет, что свободная воля присуща человеческой природе, по меньшей мере не есть собрание сословий свободной воли. Исключение только подтверждает правило. Либеральная оппозиция показывает нам, во что превратилась либеральная позиция, показывает ту степень, в какой свобода воплотилась в человеке.

К. Маркс. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания (1842) — т. 1, с. 36

Я вообще не думаю, что личности должны служить гарантиями против законов; я, наоборот, думаю, что законы должны служить гарантиями против личностей.

К. Маркс. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса (1842) — т. 1, с. 140

Но спрашивается, от кого же могут требовать рабочие гарантирования неприкосновенности личности и свободы союзов (необходимой, как мы видели, для успеха комиссий)? Только от государственной власти, потому что отсутствие неприкосновенности личности и свободы союзов зависит от основных законов русского государства, и даже больше того: зависит от формы государственного правления в России. По форме правления Россия есть неограниченная монархия. Царь — самодержавен, он один издает законы и назначает всех высших чиновников без всякого участия народа и народных представителей. При таком государственном устройстве личность не может быть неприкосновенна, союзы граждан вообще, а рабочих в особенности, не могут быть свободны. Поэтому требование от самодержавного правительства, чтобы оно гарантировало неприкосновенность личности (и свободу союзов), не имеет никакого смысла:

такое требование равносильно требованию политических прав для народа, а самодержавное правительство потому и называется самодержавным, что означает политическое бесправие народа. Гарантировать неприкосновенность личности (и свободу союзов) возможно будет только тогда, когда в издании законов и во всем государственном управлении будут участвовать *народные представители*. Пока нет народного представительства, даже те маленькие уступки, которые дает рабочим одной рукой самодержавное правительство, оно будет всегда отнимать другой рукой. [...] Губернское и фабричное начальство «гарантирует» неприкосновенность депутатов, а жандармерия хватает их и бросает в одиночные тюрьмы или высылает из города! Какая может быть польза народу от такого гарантирования?

В. И. Ленин. Предисловие к брошюре
«Майские дни в Харькове» (1900) —
т. 4, с. 368—369

Цена всяким законам о выборах народных представителей — медный грош, пока нет *фактически завоеванного* самодержавия народа, полной свободы слова, печати, собраний, союзов, пока нет вооружения граждан, способного обеспечить неприкосновенность личности. Мы сказали выше, что Государственная дума есть издевка над народным представительством. [...]

С точки зрения *самодержавия народа*, необходимо сначала обеспечить на деле полную свободу агитации и выборов, а затем созвать действительно всенародное учредительное собрание, т. е. такое, которое бы было избрано всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием и которое бы имело в своих руках всю власть, полную, единую и нераздельную, которое выражало бы на деле самодержавие народа.

В. И. Ленин. «Единение царя с народом и народа с царем» (1905) — т. 11,
с. 184, 185

Если вы хотите революции, свободы, народного представительства... *вы должны быть сильны*.

В. И. Ленин. Никакой фальши! Наша сила в заявлениях правды! (1905) —
т. 11, с. 331

Чего стоят все эти обещанные свободы, пока власть и вооруженная сила остаются в руках правительства?

В. И. Ленин. Николай Эрнестович Бауман (1905) — т. 12, с. 37

Толкуют о свободе, говорят о народном представительстве, ораторствуют об учредительном собрании и забывают постоянно, ежечасно и ежеминутно, что все эти хорошие вещи — пустые фразы без серьезных гарантий. А серьезной гарантией может быть *только* победоносное народное восстание, *только* полное господство вооруженного пролетариата и крестьянства над всеми представителями царской власти, которые отступили шаг назад перед народом, но далеко не подчинены еще народу, далеко не низложены народом. И пока *эта* цель не достигнута, до тех пор *не может быть* настоящей свободы, настоящего представительства народа, действительно *учредительного* собрания, которое бы имело силу учредить новые порядки в России.

Что такое конституция? Бумажка, на которой записаны права народа. В чем гарантия действительного признания этих прав? В *силе* тех классов народа, которые осознали эти права и сумели добиться их. Не будем же обольщаться словами, — это приличествует только красной буржуазной демократии, — не будем ни на минуту забывать того, что *сила* доказывает себя *только* победой в борьбе, и что мы далеко еще не одержали полной победы. Не будем же верить красивым фразам, — мы переживаем как раз такое время, когда идет открытая борьба, когда все фразы и все обещания проверяются немедленно на деле, когда словами, манифестами, посулами конституции *одурачивают* народ, стараются ослабить его силы, разрознить его ряды, побудить его к разоружению.

В. И. Ленин. *Между двух бит*
(1905) — т. 12, с. 53—54

Но нам нужно не признание свободы, а действительная свобода. Нам нужна не бумажка, обещающая законодательные права представителям народа. Нам нужно действительное самодержавие народа.

В. И. Ленин. *Приближение развязки*
(1905) — т. 12, с. 75

Из этих слов ясно видно, что наша партия обращает внимание не на одни только формальные, но и на материальные условия созыва учредительного собрания, т. е. такие условия, которые действительно делали бы собрание всенародным и учредительным. Мало ведь назвать собрание «учредительным», мало созвать народных пред-

ставителей, хотя бы избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, хотя бы при обеспеченной на деле свободе выборов. Кроме всех этих условий надо еще, чтобы учредительное собрание имело власть и силу учредить новые порядки. История революций знает такие примеры, когда собрание числилось учредительным, а на деле реальная сила и власть были не в его руках, а в руках старой самодержавной власти.

В. И. Ленин. Революционная канцелярщина и революционное дело (1905) — т. 12, с. 120

Свобода народа обеспечена лишь тогда, когда народ действительно устраивает без всякой помехи союзы, собрания, ведет газеты, издает сам законы, выбирает и сменяет сам всех должностных лиц государства, которым поручается проведение законов в жизнь и управление на основании законов. Следовательно, свобода народа обеспечена лишь тогда полностью и на самом деле, когда вся власть в государстве полностью и на самом деле принадлежит народу. [...] Эту очевидную истину и устанавливает программа рабочей партии. В этой программе во главе *политических* требований, осуществимых на почве буржуазного общества, т. е. при сохранении частной собственности на средства производства и хозяйства на рынок, — стоит *самодержавие народа*. Тот, кто борется за свободу народа, не борясь за полновластие народа в государстве, тот либо непоследователен, либо неискренен.

В. И. Ленин. Борьба за свободу и борьба за власть (1906) — т. 13, с. 68

[...] Без социализма нет никакой *гарантии* для демократии!

В. И. Ленин. Двенадцать кратких тезисов о защите Г. Грейлхем защиты отечества (1917) — т. 30, с. 332

Недостаточно демократию проповедовать, недостаточно ее провозглашать и постановлять, недостаточно верить ее осуществление «представителям» народа в представительных учреждениях. Надо *строить* демократию тотчас, снизу, почином самих масс, их действенным участием *во всей* государственной жизни, без «надзора» сверху, без чиновников.

Замена полиции, чиновничества, постоянной армии всеобщим, поголовным, вооружением народа, всеобщей, поголовной, непременно с участием женщин, *милицией* — вот то практическое дело, за которое можно и должно браться немедленно. Чем больше почина, разнообразия, смелости, творчества внесут в это дело массы, тем лучше. Не только пролетарии и полупролетарии деревни, — девять десятых всего крестьянства, навверное, пойдет за нами, если мы сумеем ясно, просто, понятно, на живых примерах и уроках живой жизни пояснить наше предложение:

— не дать восстановить полиции;

— не дать восстановить всевластия чиновников, на деле несменяемых и принадлежащих к классу помещиков или капиталистов;

— не дать восстановить отделенной от народа постоянной армии, вернейшего залога всяких попыток отнять свободу, вернуться к монархии;

— учить народ, до самого низу, искусству государственного управления не только книжкой, а немедленным повсеместным переходом к практике, к применению опыта масс.

Демократия снизу, демократия без чиновников, без полиции, без постоянной армии. Несение общественной службы поголовно вооруженной, всенародно составленной *милицией* — вот залог такой свободы, которой не смогут отнять ни цари, ни бравые генералы, ни капиталисты.

В. И. Ленин. Съезд крестьянских депутатов (1917) — т. 31, с. 272—273

Рабочим нужно, чтобы не было оторванной от народа армии, чтобы рабочие и солдаты *сливались* в единую всенародную милицию.

Без этого аппарат угнетения остается в силе [...]

Капиталистам нужна теперь республика, ибо иначе «не сладить» с народом. Но им нужна республика «парламентарная», то есть чтобы демократизм ограничился демократическими *выборами*, правом посылать в парламент людей, которые — по меткому и глубоко верному замечанию Маркса — народ *представляют* и народ *подавляют* *.

* См. наст. изд., с. 234. *Ред.*

Оппортунисты современной социал-демократии, подменившие Маркса Шейдеманом, заучили правило, что «надо использовать» парламентаризм (это бесспорно), но забыли уроки Маркса о значении пролетарской демократии *в отличие* от буржуазного парламентаризма.

Народу нужна республика, чтобы воспитывать массы к демократии. Необходимо *не только* представительство по типу демократии, но и постройка всего управления государством снизу, самими массами, их действительное участие в каждом шаге жизни, их активная роль в управлении. *Заменить* старые органы угнетения, полицию, чиновничество, постоянную армию всеобщим вооружением народа, действительно всеобщей милицией — вот единственный путь, гарантирующий страну в наибольшей степени от восстановления монархии и дающий *возможность* идти планомерно, твердо и решительно к социализму, не «вводя» его сверху, а поднимая громадные массы пролетариев и полупролетариев к искусству государственного управления, к распоряжению *всей* государственной властью.

Общественная служба через стоящую над народом полицию и через чиновников, вернейших слуг буржуазии, через постоянную армию под командой помещиков и капиталистов, таков идеал буржуазной парламентарной республики, стремящейся увековечить господство капитала.

Общественная служба через всенародную, действительно поголовную, мужскую и женскую, милицию, способную отчасти заменить чиновников, соединенную не только с выборностью всех властей, не только с сменяемостью их в любое время, но и с оплатой их труда не «по-барски», не по-буржуазному, а по-рабочему, — таков идеал рабочего класса.

Этот идеал не только вошел в нашу программу, не только занял свое место в истории рабочего движения Запада, именно в опыте Парижской Коммуны, не только оценен, подчеркнут, разъяснен, рекомендован Марксом, — но и практически применялся уже рабочими России в 1905 и 1917 годах.

Советы рабочих депутатов, по своему значению, по типу государственной власти, создаваемому ими, суть именно учреждения такой демократии, которая устраняет старые органы угнетения, которая вступает на путь всенародной милиции. [...]

Учитесь демократии на практике, тотчас, сами, снизу,— поднимайте массы к действительному, непосредственному, всеобщему участию в управлении,— в этом и только в этом залог полной победы революции и ее твердого, обдуманного, планомерного шествия вперед.

В. И. Ленин. О пролетарской милиции (1917) — т. 31, с. 287—289

Едва ли найдется демократическая партия в России, не признающая программного требования замены постоянной армии всеобщим вооружением народа. Едва ли найдется социалист-революционер или с.-д. меньшевик, который решился бы встать против такого требования. Но вся беда в том, что «по нынешним временам» «принято» — под шумом фраз о «революционной демократии» — признавать демократические (о социализме нечего уже и говорить) программы «в принципе» и отречься от них на практике.

Высказываться против участия солдат в милиции на том основании, что «солдаты должны исполнять свое прямое назначение», значит совершенно забывать начала демократии и невольно, бессознательно, может быть, переходить на точку зрения постоянной армии. Солдат есть профессионал; его прямое назначение *не* есть общественная служба,— таков взгляд сторонников постоянной армии. Это не демократический взгляд. Это взгляд Наполеонов. Это взгляд сторонников старого режима и капиталистов, мечтающих о легком переходе назад, от республики к конституционной монархии.

Демократ принципиально против такого взгляда. Участие солдат в милиции есть вопрос разрушения стены между армией и народом. Это — вопрос разрыва с проклятым прошлым «казармы», в которой отдельно от народа, против народа «натаскивали», дрессировали, муштровали особый слой граждан, с «прямыми назначениями» служить только военной профессии. Участие солдат в милиции есть коренной вопрос перевоспитания «солдат» в граждан-милиционеров, перевоспитания населения из обывателей в вооруженных граждан. Демократия останется пустой и лживой фразой или полумерой, если *весь* народ не будет немедленно и безусловно получать возможности учиться употреблению оружия. Без систематического, постоянного, широкого участия солдат в милиции это недостижимо.

Возразят, может быть, что нельзя *отзывать* солдат от их *непосредственных* обязанностей. Но об этом нет и речи. Об этом смешно говорить особо, как не говорят особо о том, что врач, занятый у постели опасно больного, не вправе отойти для подачи избирательного бюллетеня, или что рабочий, занятый производством, непрерывность коего признана всеми за безусловно необходимую, не вправе, до смены его другим рабочим, уйти для использования своих политических прав. Подобные отговорки прямо-таки были бы несерьезны или даже недобросовестны.

Участие в милиции есть одно из важнейших и коренных требований демократии, одна из наиболее существенных гарантий свободы. (Добавим в скобках, что нет более верного пути к повышению чисто военных способностей и военной силы армии, как замена постоянной армии всеобщим вооружением народа, обучение народа солдатами; во всякой истинно революционной войне был применяем и будет применяем этот способ.) Немедленный, безусловный, повсеместный приступ к организации всенародной милиции, к всестороннему развитию участия солдат в милиции — вот насущнейший интерес и рабочих, и крестьян, и солдат, всего огромного большинства населения, большинства, не заинтересованного в охране прибылей помещиков и капиталистов.

*В. И. Ленин. Печальное отступление
от демократизма (1917) — т. 32, с. 63—
65*

Чтобы большинство действительно решало в государстве, для этого нужны определенные реальные условия. Именно: должен быть прочно установлен такой государственный порядок, такая государственная власть, которая давала бы возможность решать дела по большинству и обеспечивала превращение этой возможности в действительность. Это с одной стороны. С другой стороны, необходимо, чтобы это большинство по своему классовому составу, по соотношению тех или иных классов внутри этого большинства (и вне его) *могло* дружно и успешно везти государственную колесницу. Для всякого марксиста ясно, что эти два реальные условия играют решающую роль в вопросе о большинстве народа и о ходе государственных дел согласно воле этого большинства. [...]

Если политическая власть в государстве находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства, тогда управление государством действительно согласно воле большинства возможно. Если же политическая власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства. Всякая буржуазная республика показывает нам сотни и тысячи примеров этого.

В. И. Ленин. О конституционных иллюзиях (1917) — т. 34, с. 38—39

Точно так же реальная, подлинная жизнь научила рабочих понимать, что пока помещики великолепно устроились в дворцах и волшебных замках, до тех пор свобода собраний является фикцией и означает свободу собираться разве на том свете. Согласитесь, что обещать свободу рабочим и одновременно оставлять дворцы, землю, фабрики и все богатства в руках капиталистов и помещиков — не пахнет что-то свободой и равенством.

В. И. Ленин. Речь на митинге на заводе бывш. Михельсона (1918) — т. 37, с. 84

ВЫБОРНОСТЬ

**Выборность, ответственность,
сменяемость, право отзыва должностных лиц
Оплата должностных лиц**

Коммуна должна была состоять из выбранных всеобщим голосованием по различным округам городских гласных (так как Париж был инициатором Коммуны и служил ее образцом, то мы должны сослаться на него), ответственных и в любое время сменяемых.

К. Маркс. Второй набросок «Гражданской войны во Франции» (1871) — т. 17, с. 601

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы.

К. Маркс. Гражданская война во Франции (1871) — т. 17, с. 342

Против этого неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и при том ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие.

*Ф. Энгельс. Введение к работе
К. Маркса «Гражданская война во
Франции» (1891) — т. 22, с. 200*

Всякий согласится, вероятно, что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и, во-вторых, выборность всех функций.

*В. И. Ленин. Что делать? (1901—
1902) — т. 6, с. 138*

Крестьянство хочет земли и воли. [...]

«Всю волю» — это значит выборность чиновников и должностных лиц, которые управляют общественными и государственными делами. «Всю волю» — это значит полное уничтожение такой государственной власти, которая бы не зависела целиком и исключительно от народа, которая не была бы выбрана народом, не была бы подотчетна народу, не была бы сменяема народом. «Всю волю» — это значит, что не народ должен подчиняться чиновникам, а чиновники должны подчиняться народу.

В. И. Ленин. Пролетариат и крестьянство (1905) — т. 12, с. 95

[...] В высшей степени странно, что выборы чиновников народом могут напомнить об анархизме; в высшей степени странно, что в такой момент, как настоящий, вопрос о выборе чиновников народом может или мог вызвать улыбку у какого бы то ни было социал-демократа, кроме разве Бернштейна. Именно теперь мы переживаем как раз такое время, когда этот лозунг — выбор чиновников народом — получает самое непосредственное, громадное практическое значение. Вся наша деятельность, пропаганда и агитация в крестьянских массах должна состоять

в значительной степени в пропаганде, в распространении и разъяснении именно этого лозунга. Проповедовать крестьянскую революцию, говорить сколько-нибудь в серьезном смысле слова об аграрной революции и не говорить вместе с тем о необходимости настоящего демократизма, т. е., между прочим, и выбора чиновников народом,— это вопиющее противоречие. [...]

Мы должны прямо и определенно сказать крестьянину: если ты хочешь довести аграрную революцию до конца, то ты должен также довести и политическую революцию до конца; без доведения до конца политической революции не будет вовсе или не будет сколько-нибудь прочной аграрной революции. Без полного демократического переворота, без выбора чиновников народом у нас будут либо аграрные бунты, либо кадетские аграрные реформы.

В. И. Ленин. Заключительное слово по аграрному вопросу [Объединительный съезд РСДРП 10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 г.] — т. 12, с. 364

[...] Необходима выборность всех чиновников народом, уничтожение постоянной армии, республика,— *только* тогда передача земли «в казну», передача земли «народу» будет мерой не вредной, а полезной.

В. И. Ленин. Доклад об Объединительном съезде РСДРП (1906) — т. 13, с. 29

Участие народных представителей в суде есть, несомненно, начало демократическое. Последовательное применение этого начала состоит, во-первых, в том, чтобы для выбора присяжных не было *ценза*, т. е. ограничения избирательного права условиями образования, собственности, оседлости и проч.

Среди присяжных в настоящее время, вследствие исключения рабочих, преобладает нередко особенно реакционное мещанство. Лекарство от этого зла должно состоять в развитии демократизма до его последовательной и цельной формы, а вовсе не в подлом отречении от демократизма. Известно, что вторым условием последовательного демократизма в устройстве суда признается во всех цивилизованных странах выборность судей народом.

В. И. Ленин. Международный съезд судей (1912) — т. 22, с. 74—75

[...] Не следует ли демократу, если он пожелал ставить вопрос о перевыборах, признать и подчеркнуть принцип демократии: право населения отзывать *в любое время* всех и всяких выборных, должностных лиц, представителей?

Не припомнят ли редакторы «Известий», если они считаются с мнением основоположников научного социализма, Маркса и Энгельса, что писали эти действительные социалисты о таком праве?

В. И. Ленин. Еще одно отступление от демократизма (1917) — т. 32, с. 118—119

Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму.

В. И. Ленин. Государство и революция (1917) — т. 33, с. 44

Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных. Это основное, принципиальное положение истинного демократизма, относясь ко всем без исключения собраниям представителей, относится также и к Учредительному собранию.

В. И. Ленин. Проект декрета о праве отзыва (1917) — т. 35, с. 106

[...] Мы предусматриваем в важнейшей статье нашей будущей конституции возможность отзыва избирателями всякого представителя, действия которого будут противоречить доверенному ему мандату.

В. И. Ленин. Ответ Герману Фернау (1917) — Ленинский сборник XXXIX, с. 182

Масса должна иметь право выбрать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каж-

дый самый малый шаг их деятельности. Масса должна иметь право выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции. Но это несколько не означает, чтобы процесс коллективного труда мог оставаться без определенного руководства, без точного установления ответственности руководителя, без строжайшего порядка, создаваемого единством воли руководителя. Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией. И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи.

В. И. Ленин. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» (1918) — т. 36, с. 157

ГЛАСНОСТЬ

**Гласность в государственной и партийной жизни
Свобода слова и печати
Необходимость полной и правдивой информации**

Может быть, оратор под *парламентской свободой* понимает свободу *старых французских* парламентов. По его собственному признанию, между сословными представителями установилось *многолетнее* знакомство, их дух, как *наследственная болезнь*, передается всем *hommes novi* *, и при этом все еще не настало время для гласности? Двенадцатый ландтаг ответит, пожалуй, так же, как и шестой, и разве только более решительно подчеркнет, что он-де *слишком независим*, чтобы позволить вырвать у себя *благородную привилегию тайного ведения своих дел*.

Конечно, развитие *парламентской* свободы в старофранцузском духе, самостоятельность, противопоставляющая себя общественному мнению, застой кастового духа,— все это наиболее основательно развивается при изоляции; но предостережение от опасности, что так именно пойдет дальнейшее развитие, никогда не может

* — новым людям. *Ред.*

быть преждевременным. Политическое собрание в истинном смысле этого слова может процветать только под верховным покровительством *общественного духа*, как все живое — под благотворным действием *свободного притока воздуха*. Только «экзотические» растения, — растения, перенесенные в чуждый им климат, — нуждаются в *тепличной обстановке*. Неужели оратор рассматривает ландтаг как «экзотическое» растение среди привольной и веселой природы Рейнской провинции?

К. Маркс. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов *сословного собрания* (1842) — т. 1, с. 50—51

Цензура не уничтожает борьбы, она делает ее односторонней, она превращает ее из открытой борьбы в тайную, а борьбу принципов превращает в борьбу бессильного принципа с беспринципной силой. Истинная, коренящаяся в самом существе свободы печати, цензура есть *критика*. Она — тот суд, который свобода печати порождает изнутри себя. Цензура есть критика в качестве монополии правительства. Но разве критика не теряет свой разумный характер, когда она является не открытой, а тайной, не теоретической, а практической, когда она не выше партий, а сама становится партией, когда она действует не острым ножом разума, а тупыми ножницами произвола, когда она хочет только выступить с критикой, но не подвергаться ей, когда она своим собственным осуществлением отрицает себя, когда, наконец, она настолько некритична, что ошибочно принимает отдельного индивида за воплощение универсальной мудрости, веления силы — за веления разума, чернильные пятна — за солнечные пятна, цензорские перечеркивания — за математические построения, а применение грубой силы — за сильный аргумент?

К. Маркс. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов *сословного собрания* (1842) — т. 1, с. 59—60

Правда, германские и прусские газеты, поставившие себе задачей сделать Германию и Пруссию центром внимания германского и прусского населения, превратить государство из таинственного жреческого дела

в ясное, всем доступное и всех касающееся мирское дело, заставить государство войти в плоть и кровь его граждан,— эти газеты уступают французским и английским в отношении фактической достоверности сообщений, их информация часто бывает неискusstна и фантастична. Но вспомните, что немец знает свое государство только *понаслышке*, что *запертые двери* совсем не похожи на *прозрачное стекло*, что государство, в котором все делается *тайно*, не есть *публичная* государственная организация. Не объявляйте пороком газет то, что является пороком только государства,— пороком, который именно эти газеты стараются исправить.

К. Маркс. Запрещение «*Leipziger Allgemeine Zeitung*» (1842) — т. 1, с. 172

Сопоставив все цитированные места цензурной инструкции *, мы можем выразить их общий смысл следующим образом: цензура, проявляя чрезвычайную мнительность, стала *внешними* оковами для свободы печати; рука об руку с этим шло усиление *внутренней* скованности печати, утратившей мужество и даже отказавшейся от стремления подняться над уровнем сенсаций; наконец, в самом народе были утрачены *интерес к отечественным делам и национальное чувство*, т. е. те именно элементы, которые являются не только творческими силами печати, высказывающей откровенно и публично свое мнение, но и единственными предпосылками, при которых такая печать может развернуть свою деятельность и заслужить признание народа; это признание составляет жизненную атмосферу печати, без которой она обречена на полное захирение.

Если, таким образом, мероприятия властей могут создать *несвободную* печать, то *власти*, напротив, *бессильны*, в условиях общей несвободы печати, обеспечить возможно более откровенное и публичное обсуждение специальных вопросов. В этих условиях даже свободно высказанное мнение о каких-нибудь отдельных предметах, которое каким-либо образом попало бы на страницы газет, не могло бы найти *всеобщего* отклика, не могло бы, следовательно, служить проявлением подлинной гласности.

К. Маркс. Оправдание мозельского корреспондента (1843) — т. 1, с. 209

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 207—208. Ред.

Согласно *обычному* человеческому рассудку *оклеветанным* считается человек, которого обвиняют в выдуманных действиях; но *по необычному* разумению Уголовного кодекса человек считается оклеветанным, если ему приписывают поступки, *действительно* им совершенные, поступки, которые могут быть *доказаны*, но только не *единственно признаваемым* способом, не с помощью судебного приговора или *официального документа*. Чудодейственная сила судебных приговоров и официальных документов! Только *установленные судом*, только *официально документированные* факты считаются *настоящими, действительными* фактами. Существовал ли когда-либо свод законов, который бы так гнусно *клеветал* на самый обычный человеческий рассудок? Воздвигала ли когда-либо бюрократия подобную китайскую стену между собой и гласностью? Под защитой этого параграфа чиновники и депутаты так же *неприкосновенны*, как конституционные короли. Эти господа могут совершить столько действий, «навлекающих на них ненависть и презрение граждан», сколько их душе угодно, но говорить, писать, печатать об этих действиях ничего нельзя, не подвергаясь лишению гражданских прав с обязательным тюремным заключением и денежным штрафом. Да здравствует свобода печати и слова, смягченная параграфами 367, 368 и 370! Тебя незаконно посадили в тюрьму. Печать разоблачает это беззаконие. *Результат*: разоблачение получает должную «оценку» в ходе «судебного следствия» по поводу «клеветы» на почтенного чиновника, совершившего беззаконие,— если только не случится такого чуда, что по поводу совершенного сегодня беззакония уже вчера был вынесен *судебный приговор*.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Судебный процесс
«Neue Rheinische Zeitung»
(1849) — т. 5, с. 209—210

[...] Коммуна не претендовала на непогрешимость, как это делали все старые правительства без исключения. Она опубликовывала отчеты о своих заседаниях, сообщала о своих действиях; она посвящала публику во все свои несовершенства.

К. Маркс. Гражданская война во Франции (1871) — т. 17, с. 352

Благодарим Вас также за Ваше решение излагать нам факты такими, каковы они в действительности.

Наше Товарищество достаточно сильно, чтобы знать подлинную правду, даже если она кажется неблагоприятной, и ничто так не могло бы ослабить его, как дутые отчеты, не имеющие под собой никакой реальной почвы. Поступайте так, от меня же Вы никогда не получите такой информации, которая хоть в малейшей степени могла бы заставить Вас видеть вещи не такими, каковы они есть.

Ф. Энгельс — К. Кафьеро, 16 июля
1871 г. — т. 33, с. 212

Всякий согласится, вероятно, что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и, во-вторых, выборность всех функций.

В. И. Ленин. *Что делать?* (1901—1902) — т. 6, с. 138

Чтобы *весь народ* знал, что такое социал-демократы и чего они хотят, социал-демократы составили свою *программу* [...]. Программа — это значит короткое, ясное и точное заявление *всего, чего партия добивается и за что она борется*. Социал-демократическая партия есть единственная партия, которая выставляет ясную и точную программу, чтобы весь народ знал и видел ее, чтобы в партии могли быть только люди, действительно желающие бороться за освобождение от гнета буржуазии всего рабочего народа, притом люди, понимающие правильно, кому надо соединиться для такой борьбы и как надо вести эту борьбу.

В. И. Ленин. *К деревенской бедноте* (1903) — т. 7, с. 166

[...] Пусть всякий человек обдумает и обсудит *всю* программу социал-демократов, пусть у каждого будет постоянно в памяти *все то, чего хотят социал-демократы и что они думают об освобождении* всего рабочего народа. Социал-демократы хотят, чтобы все и каждый ясно и точно знали *всю правду, до конца, о том, что такое социал-демократическая партия*.

В. И. Ленин. *К деревенской бедноте* (1903) — т. 7, с. 201

Надо говорить правду, а не опускаться до демагогии.

В. И. Ленин. *План брошюры против эсеров* (1903) — т. 7, с. 385

Пора, в самом деле, решительно отбросить традиции сектантской кружковщины и — в партии, опирающейся на *массы*, — выдвинуть решительный лозунг: *побольше света*, пусть партия знает *все*, пусть будет ей доставлен *весь*, *решительно весь материал* для оценки всех и всяческих разногласий, возвращений к ревизионизму, отступлений от дисциплины и т. д. Побольше доверия к самостоятельному суждению всей массы партийных работников: они и только они сумеют умерить чрезмерную горячность склонных к расколу группок, сумеют своим медленным, незаметным, но зато упорным воздействием внушить им «добрую волю» к соблюдению партийной дисциплины, сумеют охладить пыл анархического индивидуализма, сумеют одним фактом своего равнодушия документировать, доказать и показать ничтожное значение разногласий, преувеличиваемых тяготеющими к расколу элементами.

На вопрос: «чего не делать?» (чего не делать вообще и чего не делать для того, чтобы не вызвать раскола) я ответил бы прежде всего: не скрывать от партии возникающих и нарастающих поводов к расколу, не скрывать ничего из тех обстоятельств и происшествий, которые являются такими поводами. Более того, не скрывать не только от партии, но, по возможности, и от сторонней публики. Я говорю «по возможности», имея в виду то, что необходимо скрыть в силу требований конспирации, — но в наших расколах обстоятельства такого рода играют самую ничтожную роль. Широкая гласность — вот самое верное и единственно надежное средство для избежания расколов, которых можно избежать, для уменьшения до *minimum*'а вреда от тех расколов, которые стали уже неизбежными.

В самом деле, вдумайтесь в те обязанности, которые налагает на партию то обстоятельство, что она имеет уже дело с *массой*, а не с кружками. Чтобы не на словах только стать партией масс, мы должны к участию во всех партийных делах привлекать все более и более широкие массы, постоянно поднимая их от политического безразличия к протесту и борьбе, от общего духа протеста к сознательному принятию социал-демократических воззрений, от принятия этих воззрений к поддержке движения, от поддержки к организационному участию в партии. Можно ли достигнуть этого результата, не внося самой широкой гласности в дела, от решения которых зависит то или иное воздействие на массы? [...]

Только широкая огласка направляет все прямолинейные, однобокие, капризные уклонения, только она превращает иногда нелепые и смешные «контры» «группок» в полезный и необходимый материал партийного самовоспитания.

Света, побольше света! Нам нужен громадный концерт; нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить в нем роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижерскую палочку. Пусть же осуществится на деле прекрасный призыв автора к гостеприимству для всех мнений на страницах партийного органа и всех партийных изданий, пусть судят все и каждый о наших «спорах и вздорах» из-за какой бы то ни было «ноты», взятой слишком резко, по мнению одних, фальшивой, по мнению других, сорванной, по мнению третьих. Только из ряда таких открытых обсуждений и сможет выработаться у нас действительно спевшаяся коллегия руководителей, только при таком условии рабочие будут поставлены в такое положение, чтобы они *не могли* перестать понимать нас, только тогда наш «штаб» будет опираться действительно на *добрую* и *сознательную* волю армии, идущей за штабом и в то же время направляющей свой штаб!

В. И. Ленин. Письмо в редакцию «Искры» (1903) — т. 8, с. 94—97

[...] Нам не нужно намалеванных декораций. Партия пролетариата требует правды.

В. И. Ленин. К членам партии (1904) — т. 8, с. 109

[...] Политическая партия не заслуживала бы уважения, если бы она не смела называть свою болезнь настоящим именем, ставить беспощадный диагноз и отыскивать средства лечения.

В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад (1904) — т. 8, с. 305

[...] Наряду с совершенно ясными намеками на «анархических индивидуалистов» тов. Плеханов умышленно неявно выразился насчет ревизионистов, выразился так, как будто он имел в виду рабочедельцев, поворачивающих от оппортунизма к ортодоксии, а не Аксельрода

с Мартовым, начавших поворачивать *от ортодоксии к ревизионизму*, но это была невинная военная хитрость [...] это было плохенькое фортификационное сооружение, неспособное устоять пред артиллерийским огнем партийной гласности.

В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад (1904) — т. 8, с. 358—359

Сплоченная партийная организация, выдержанное революционно-марксистское направление, введение внутрипартийной борьбы в приличные и достойные рамки, так чтобы эта борьба не вносила дезорганизации и не мешала положительной работе,—эти настоятельные требования всего рабочего движения России должны быть немедленно и во что бы то ни стало осуществлены под угрозой полной потери доброго имени Российской социал-демократической рабочей партии и всего приобретенного ею влияния.

Первым шагом к достижению этой цели мы считаем внесение полной ясности, откровенности и прямоты в отношениях между разными группами, направлениями и оттенками нашей партии. Споры нет, бывают моменты, когда польза дела требует умолчания о частичных расхождениях, но было бы самой печальной и непростительной ошибкой считать таковым момент, переживаемый нашей партией. [...] Только полная ясность и прямота способны дать всем сознательным рабочим и всем членам партии материал для разумного и твердого решения спорных партийных вопросов. [...]

Мы боремся за партийную гласность [...]

В. И. Ленин. Чего мы добиваемся? (1904) — т. 9, с. 4—6

Мы, социал-демократы, конспирируем от царя и царских ищеек, заботясь в то же время о том, чтобы народ знал все о нашей партии, об оттенках внутри ее, о развитии программы и тактики ее, даже о том, что сказал тот или другой делегат партийного съезда на этом съезде.

В. И. Ленин. Первые шаги буржуазного предательства (1905) — т. 10, с. 295

НИКАКОЙ ФАЛЬШИ! НАША СИЛА В ЗАЯВЛЕНИИ ПРАВДЫ!

[...] Мы должны сказать *правду*: в этом *наша сила* [...]

В. И. Ленин. Никакой фальши! Наша сила в заявлении правды (1905) — т. 11, с. 328, 331

В такую революционную эпоху, как переживаемая, всякие теоретические ошибки и тактические отклонения партии критикуются всего беспощаднее самой жизнью, просвещающей и воспитывающей рабочий класс с невиданной быстротой. В такое время — долг всякого социал-демократа стремиться к тому, чтобы идейная борьба внутри партии по вопросам теории и тактики велась как можно более открыто, широко и свободно, но чтобы она ни в каком случае не нарушала и не затрудняла единства революционных выступлений социал-демократического пролетариата.

В. И. Ленин. Обращение к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков» (1906) — т. 12, с. 395—396

Но мы не вправе скрывать от себя *настоящей* трудности задачи: замалчивание таких трудностей было бы самой худшей политикой.

В. И. Ленин. Роспуск Думы и задачи пролетариата (1906) — т. 13, с. 317

[...] Мы думаем, что скрывать, затушевывать правду в серьезном политическом деле — вещь, недостойная социалиста. Надо называть вещи своими именами. Надо разоблачать всяческие отговорки и отводы глаз, чтобы рабочая масса вполне ясно понимала суть дела.

В. И. Ленин. Социал-демократия и выборы в Думу (1907) — т. 14, с. 263

Революционная социал-демократия должна говорить всю правду массам и идти неуклонно своим путем.

В. И. Ленин. Социал-демократия и выборы в Думу (1907) — т. 14, с. 270

[...] Не затушевывать малодушно своих ошибок и недостатков, а подвергнуть их партийной критике и направить все усилия на устранение этих недостатков.

В. И. Ленин. Борьба с.-д. и с.-р. на выборах в рабочей курии в С.-Петербург (1907) — т. 14, с. 352

Скрывают от народа только дурные вещи. [...] Когда речь идет о гнусности в делах общенародных, долг гражданина заставить укрывателей заговорить.

В. И. Ленин. Политическая ликвидация (1907) — т. 14, с. 363

[...] Народ должен знать всю правду.

В. И. Ленин. Близкий разгон Думы и вопросы тактики (1907) — т. 15, с. 73

[...] Помочь народу разъясненном вопроса, ясной постановкой его, *полным* изложением правды, полным устраниением всяких экивоков и обиняков мы *можем* и *мы обязаны*, если мы хотим действительно быть *народными представителями*, а не либеральными чиновниками, если мы хотим действительно служить интересам народа и интересам свободы.

В. И. Ленин. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе (1907) — т. 15, с. 154—155

Адвокаты и профессора, делающие себе карьеру на парламентаризме, фарисейски осуждая подполье, восхваляют открытую деятельность партий, а на деле издеваются над демократическим принципом гласности и скрывают от публики различные политические тенденции в своей партии.

В. И. Ленин. А судьбы кто? (1907) — т. 16, с. 160

[...] Не может быть массовой партии, партии класса без полной ясности существенных оттенков, без открытой борьбы между разными тенденциями, без ознакомления *масс* с тем, какие деятели партии, какие организации партии ведут ту или иную линию.

В. И. Ленин. А судьбы кто? (1907) — т. 16, с. 164—165

Как отдельные лица, любые представители партий и классов могут заблуждаться, но когда они выступают на публичной арене, перед всем населением, то отдельные ошибки неизбежно выправляются соответственными группами или классами, заинтересованными в борьбе. Классы не ошибаются: в общем и целом они намечают

свои интересы и свои политические задачи соответственно условиям борьбы и условиям общественной эволюции.

В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов (1907) — т. 16, с. 347

На «обещаниях» ничего построить нельзя. [...]

Воплющее противоречие между формой и сущностью, между фразой и делом [...] вносит величайшее разложение в партийную жизнь. Чтобы прекратить это разложение, это изведение формально партийных учреждений до роли, вызывающей заслуженные насмешки и ликование врагов партии, надо порвать с лицемерием и открыто сказать, что есть, открыто признать ведение партийной работы *двумя* фракциями. [...]

Надо действовать открыто. Надо иметь смелость говорить, что есть.

В. И. Ленин. Открытое письмо ко всем социал-демократам партиям (1910) — т. 20, с. 27, 29, 30, 33

[...] Гласность есть меч, который сам исцеляет наносимые им раны.

В. И. Ленин. Разговор (1913) — т. 23, с. 53

Из всех классов России ни один класс, даже образованная и богатая буржуазия, не обсуждает так прямо, отчетливо, по мере возможности, открыто, своей тактики, то есть направления и приемов своего движения, как рабочий класс. Только людям неумным или боящимся участия широких масс в политике кажутся неуместными или излишними открытые и страстные споры о тактике, которые постоянно наблюдаются в рабочей печати. На самом деле, именно эти горячие споры и помогают тому, чтобы все рабочие втягивались, приучались всесторонне обдумывать свою, рабочую, политику, вырабатывали твердую, ясную, определенную классовую линию движения.

В. И. Ленин. Единство рабочих и «течения» интеллигентов (1914) — т. 25, с. 151

Прикрывать неприятную правду добренькими словами — самая вредная и самая опасная вещь для дела пролетариата, для дела трудящихся масс. Правде, как бы

она горька ни была, надо смотреть прямо в лицо. Политика, не удовлетворяющая этому условию, есть гибельная политика.

В. И. Ленин. Защита империализма, прикрытая добренькими фразами (1917) — т. 32, с. 12

Искренность в политике, то есть в той области человеческих отношений, которая имеет дело не с единицами, а с *миллионами*, — искренность в политике есть вполне доступное проверке *соответствие между словом и делом*.

В. И. Ленин. Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! (1917) — т. 32, с. 259

Революционный демократ всякое зло, всякий недостаток — одновременно со внесением доклада по «начальству» и даже раньше, чем вносить его, — раскрывает, разоблачает перед народом, апеллируя к его энергии.

В. И. Ленин. Чудеса революционной энергии (1917) — т. 32, с. 388

Пусть партия ясно и громко скажет народу правду без урезок, что мы переживаем начало бонапартизма [...]

В. И. Ленин. Начало бонапартизма (1917) — т. 34, с. 51

Пусть каждый будет знать, что думают их правительства. Мы не хотим тайны. Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны.

В. И. Ленин. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) [Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.] — т. 35, с. 19

Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно.

В. И. Ленин. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) [Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.] — т. 35, с. 21

Возьмем такое средство организации соревнования, как гласность. Буржуазная республика обеспечивает ее только формально, на деле подчиняя прессу капиталу, забавляя «чернь» пикантными политическими пустяками, скрывая то, что происходит в мастерских, в торговых сделках, в поставках и пр., покровом «коммерческой тайны», ограждающей «священную собственность». Советская власть отменила коммерческую тайну, вступила на новый путь, но для использования гласности в целях экономического соревнования мы еще почти ничего не сделали. Надо систематически взяться за то, чтобы, наряду с беспощадным подавлением насквозь лживой и нагло-клеветнической буржуазной прессы, велась работа создания такой прессы, которая бы не забавляла и не дурачила массы политическими пикантностями и пустяками, а именно вопросы повседневной экономики несла на суд массы, помогала серьезно изучать их. [...]

И мы еще почти не приступили к громадной, трудной, но зато и благодарной работе организовать соревнование коммун, ввести отчетность и гласность в процесс производства хлеба, одежды и пр., превратить сухие, мертвые, бюрократические отчеты в живые примеры — как отталкивающие, так и привлекающие.

В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти (1918) — т. 36, с. 190—191

СНК поручает т. Рыкову, или президиуму ВСНХ, опубликовать принципиальные основы нашей политики в деле привлечения инженеров как для работы в комиссиях специалистов, так и на административных постах, условия гласности, критики со стороны рабочих организаций и т. д.

В. И. Ленин. К проекту постановления СНК о составе Комитета государственных сооружений (1918) — т. 54, с. 399

Та партия, которая доводит своих наиболее искренних представителей до того, что и они падают в столь ужасающее болото обмана и лжи, такая партия является окончательно погибшей.

В. И. Ленин. Доклад Совета Народных Комиссаров 5 июля [V Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов 4—10 июля 1918 г.] — т. 36, с. 496

[...] Пролетариат нуждается в правде, и нет ничего вреднее для его дела, как благовидная, благоприличная, обывательская ложь.

В. И. Ленин. О задачах III Интернационала (1919) — т. 39, с. 97

Дело в том, что капиталистическое общество все, что особенно интересует граждан — их экономические условия существования, война и мир, — все это капиталистическое общество решает тайком от самого общества; самые важные вопросы: война, мир, дипломатические вопросы решаются ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже часто обманывают и парламент. Нет в мире парламента, который бы сказал когда-либо что-либо серьезное по вопросу о войне и мире! В капиталистическом обществе главные вопросы экономической жизни трудящихся, их положение голодного или хорошего существования — решает капиталист, как господин, как бог! Во всех капиталистических странах, в демократических республиках, внимание народа во время таких периодов отвлекается той продажной буржуазной прессой, которая называется свободой слова, которая сочиняет и пускает в ход все, чтобы надуть, обмануть эту массу! Наоборот, у нас весь аппарат государственной власти, все внимание сознательного рабочего сосредоточивались целиком и исключительно на главном, ответственном моменте, на главной задаче! В военной области мы сделали гигантский успех в этом отношении, и этот опыт мы должны перенести теперь в область хозяйственную.

Мы совершаем переход к социализму, и самый существенный вопрос — о хлебе, о работе — не является вопросом частным, частным делом предпринимателя, а вопросом всего общества, когда каждый сколько-нибудь думающий крестьянин должен определенно сознавать и понимать, что если государство во всей своей прессе, в каждой статье, в каждом номере газеты ставит вопрос о транспорте, то это является общим делом! Это строительство является переходом для крестьянина от той слепоты и темноты, которая осуждала его на рабство, к настоящей свободе, к тому, когда трудящиеся знают все трудности, которые перед ними стоят впереди, и все силы общественной организации, все силы государственного аппарата, все силы агитации направляют на самое

простое и самое существенное, отбрасывая блески, побрякушки и игру во всякие резолюции и умнейшие обещания, которыми заняты газетные агитаторы любой буржуазной страны!

В. И. Ленин. Речь при закрытии съезда 5 апреля |IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г.] — т. 40, с. 285—286

Когда мы говорим о своем положении, мы говорим правду, мы скорее преувеличиваем немного в худшую сторону. [...] И теперь, когда мы говорим, что у нас плохо, когда наши послы шлют сообщения, что во всей буржуазной прессе печатается: «Конец Советской власти», когда даже Чернов сказал, что она несомненно падет,— тогда мы говорим: «Кричите, сколько влезет, на то свобода печати на капиталистические деньги; этой свободы у вас сколько угодно, а мы нисколько не будем бояться печальную правду говорить».

В. И. Ленин. Речь на заседании пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля 1921 г.— т. 42, с. 369

Одно из важнейших средств борьбы с бюрократизмом и волокитой должно состоять в проверке исполнения законов и распоряжений центра местами, для этого нужны отчеты, печатаемые *в общее сведение* с обязательным *расширением участия беспартийных* и не ведомственных людей. [...]

Само собою разумеется, что вопросы, составляющие государственную тайну (военные или связанные с военными операциями и охраной государства и т. п.), должны быть выделяемы в особый отчет, не подлежащий публикации, а предназначенный исключительно для СТО, как отчет секретный.

В. И. Ленин. Наказ от СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям (1921) — т. 43, с. 273, 275

При капитализме отдельные «хозяева» старались — таясь от других и ставя им подножку — добывать себе хороших приказчиков, управляющих, директоров; занимались этим десятилетия, и только немногие наилучше поставленные «фирмы» достигали хороших результатов. Теперь «хозяином» является рабоче-крестьянское

государство, и оно должно поставить широко, планомерно, систематично и открыто дело подбора наилучших работников по хозяйственному строительству, администраторов и организаторов специального и общего, местного и общегосударственного масштаба.

В. И. Ленин. Наказ от СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям (1921) — т. 43, с. 280

Мы не должны скрывать наши ошибки перед врагом. Кто этого боится, тот не революционер. Наоборот, если мы открыто заявим рабочим: «Да, мы совершили ошибки», то это значит, что впредь они не будут повторять-ся [...]

В. И. Ленин. Речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала 1 июля [III конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня — 12 июля 1921 г.] — т. 44, с. 33

[...] Партия должна соблюдать дисциплину и не должна страшиться вскрывать свои недостатки. Опасно, если мы будем умалчивать о наших недостатках.

Выступления на заседании немецкой делегации III конгресса Коммунистического Интернационала с членами ЦК РКП(б) (1921) — Ленинский сборник XXXVII, с. 304

Мы знаем теперь свои задачи много яснее, конкретнее, нагляднее, чем вчера; мы не боимся указывать открыто на свои ошибки, чтобы исправлять их. Мы отдадим теперь все силы партии на ее лучшую организацию, на повышение качества и содержания ее работы, на создание более тесной связи с массами, на выработку все более и более правильной и точной тактики и стратегии рабочего класса.

В. И. Ленин. Письмо к немецким коммунистам (1921) — т. 44, с. 99—100

Нам нужна полная и правдивая информация. А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить.

В. И. Ленин — Е. С. Варге, 1 сентября 1921 г. — т. 54, с. 446

[...] Если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжелую правду напрямик, мы научимся, непременно и безусловно научимся побеждать все и всякие трудности.

В. И. Ленин. Доклад о новой экономической политике 29 октября [VII Московская губпартконференция 29—31 октября 1921 г.] — т. 44, с. 210

Я подозреваю маленькую военную хитрость со стороны Осинского и Богданова, вносящих сегодня в мое отсутствие вопрос об отмене постановления СТО, касающегося привлечения к ответственности лиц, виновных в волоките по изготовлению плугов Фаулера. Прошу обратиться на это дело внимание и повлиять против отмены постановления СТО. Нет сомнения, что виновные в волоките здесь налицо, а с точки зрения принципа необходимо такие дела не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных.

В. И. Ленин — В. А. Аванесову, Д. И. Курскому, А. Д. Цюрупе, 13 декабря 1921 г. — т. 54, с. 71

т. Богданов!

Считаю решительно и принципиально неправильными все Ваши рассуждения насчет дела о плугах Фаулера. Правда, у Вас неправильность не так неприлична (извиняюсь за сильное выражение), как у Осинского, который прямо превратился в защитника худшего бюрократизма, но все же у Вас тоже *нехорошо* выходит.

Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим.

Ваш довод: исключительно хорошие, преданные, ценные работники.

Допустим, что это верно, что у Вас нет «ведомственного увлечения».

Что из сего следует?

Только то, что суд, ежели согласится с Вами *в этом* (а Вы, вероятно, раз в это твердо верите, выдвинете ряд серьезнейших свидетелей для доказательства этого), вынесет решение:

виновны в неустранении волокиты и в нераспорядительности, но, принимая во внимание исключительную преданность Советской власти, вполне доказанную рядом свидетелей, выдающуюся добросовестность и усердие, тоже вполне доказанные, принимая во внимание общие недостатки механизма ВСНХ, связанные отчасти с переменой президиума и т. д.,... от всякого наказания освободить в уверенности, что подсудимые это учтут серьезно, как и весь президиум ВСНХ.

Что, ежели такое *примерно* решение будет вынесено, можете Вы отрицать его пользу? его *общественное* значение, в 1000 раз большее, чем келейно-партийно-цекистски-идиотское притушение поганого дела о поганой волоките без гласности?

Вы архинеправы принципиально. Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это *подолом* повесят.

Ежели Вы думаете, что в РСФСР не найдется *одного* умного обвинителя и трех умных судей, действительно умных (не торопыг, не крикунов, не фразеров), то я Вас обвиняю еще в пессимизме насчет Советской власти. Копию сего письма (вместе с Вашим письмом) посылаю тов. Курскому с специальной просьбой, чтобы он прочел и пошире дал юристам прочесть и чтобы специально на его, Курского, ответственности считал лежащим приискание для *сего* процесса непременно *умного* обвинителя и *умных* судей. И чтобы Курский лично отвечал (1) за максимальное ускорение суда и (2) за представление мне *стенографического* отчета о сем процессе (для вывода: начинает ли наконец наш *слабенький* Наркомюст *учиться* ставить и вести гласные дела о волоките). Пора начать учиться.

Не понимаю, почему умный обвинитель не может перед *всеми* разнести вдрызг, осмеять и опозорить «богдановскую» и «осинскую» защиту бюрократической волокиты и вместе с тем поставить обвинение разумно, правильно, в меру?

Почему не возможен приговор типа *примерно* такого:

Придавая исключительное значение гласному суду по делам о волоките, выносим на этот раз мягчайший приговор ввиду исключительно редкой добросовестности обвиняемых, предупреждая при сем,

что впредь будем карать за волокиту и *святеньких, но безрукых* болванов (суд, пожалуй, повежливее выразится), ибо нам, РСФСР, нужна не святость, а *умение* вести дело.

А посему, ежели Ломова и Стюнкеля за «святость» на сей раз от наказания освобождаем, то Унксова (кажись, так?), который обязан был в *СТО* давать отчеты и не исполнил, на неделю под арест;

— а Ильина (директор завода б. Ильина?) и *весь фабком* этого завода и *весь* состав правления профсоюза (соответственного) и весь состав ком-ячейки такого-то завода или таких-то заводов объявляем *виновными* в волоките, безрукости, в попустительстве бюрократизму и объявляем *строгий выговор* и *общественное* порицание, с предупреждением, что только на первый раз так мягко караем, а впредь будем сажать за это профсоюзовскую и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно.

В. И. Ленин — П. А. Богданову, 23 декабря 1921 г. — т. 54, с. 86—89

[...] Беспощадно ошибки наши вскрывать и говорить о них. Если мы это ясно сознаем,— а на этом съезде это достигается,— тогда нет ни тени сомнения, что мы их преодолеть сумеем.

В. И. Ленин. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта [XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г.] — т. 45, с. 130

Самое худое у нас — чрезмерное обилие общих рассуждений в прессе и политической трескотни при крайнем недостатке *изучения* местного опыта. И на местах и вверху могучие тенденции борются против его правдивого оглашения и правдивой оценки. Боятся выносить сор из избы, боятся голый правды, отмахиваются от нее «взглядом и нечто», попросту верхоглядством, как справедливо выразился т. Троцкий.

Еще более и еще более конкретности в изучении местного опыта, деталей, мелочей, практики, делового опыта, углубления в настоящую жизнь, и уездную, и волостную, и сельскую; разбор того, где, кому и почему (какими приемами) удастся, несмотря на бездну нищеты и разорения, достигать действительного, хотя

и небольшого улучшения; не бояться вскрывать ошибки и неумение; популяризировать и *рекламировать* изо всех сил всякого сколько-нибудь выдающегося местного работника, ставить его в образец. Чем больше будет такой работы, чем больше углубляться будем в живую практику, отвлекая внимание и свое и читателей от вонюче-канцелярского и вонюче-интеллигентского московского (и совбуровского вообще) воздуха, тем успешнее пойдет улучшение и нашей прессы и всего нашего строительства.

В. И. Ленин — Н. Осинскому, 12 апреля 1922 г. — т. 54, с. 237

Надо считаться с тем, что в сравнении со всеми государствами, в которых теперь идет бешеная капиталистическая конкуренция, в которых — миллионы и десятки миллионов безработных, в которых капиталисты организуют своими силами могущественные капиталистические союзы, организуют поход на рабочий класс, — в сравнении с ними мы наименее культурны, производительные силы у нас развиты менее всех, работать мы умеем хуже всех. Это очень неприятно, может быть, что нам приходится в этом сознаться. Но я думаю, что именно потому, что мы таких вещей не прикрываем благовидными фразами и казенными восклицаниями, а сознаемся в них прямоком, именно потому, что мы все это сознаем и не боимся сказать с трибуны, что на исправление этого направлено больше сил, чем у любого из государств, мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали.

В. И. Ленин. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. — т. 45, с. 246—247

КРИТИКА И САМОКРИТИКА

Необходимость и свобода критики

Самокритика пролетарских революций

Критика и самокритика в условиях социалистической демократии

Критика и самокритика в коммунистической партии

Буржуазные революции, как, например, революции XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи,

быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и патиска. Напротив, пролетарские революции, революции XIX века, постоянно критикуют сами себя, то и дело отстаиваются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно:

Hic Rhodus, hic salta!

Здесь роза, здесь танцуй! *

*К. Маркс. Восемнадцатое брюмера
Луи Бонапарта (1851—1852) — т. 8,
с. 122—123*

Рабочее движение основано на острейшей критике существующего общества; критика является его жизненной стихией, как же может оно само избежать критики, стремиться запретить споры? Неужели же мы требуем от других свободы слова для себя только для того, чтобы вновь уничтожить ее в наших собственных рядах?

*Ф. Энгельс — Г. Триру, 18 декабря
1889 г. — г. 37, с. 277*

[...] С тех пор как вы попытались насильно воспрепятствовать опубликованию статьи и направили в «*Neue Zeit*» предупреждение, что в случае повторения чего-либо подобного его придется, возможно, передать в ведение высшей партийной власти и подчинить цензуре,— с тех пор мероприятия партии по овладению всей вашей

* *Hic Rhodus, hic salta!* (Здесь Родос, здесь прыгай! — в переносном смысле: Здесь главное, здесь доказывай!) — слова, обращенные к хвостуну (из басни Эзопа «Хвостун»), утверждавшему, что на острове Родос он совершал огромные прыжки.

Здесь роза, здесь танцуй! — перифраза предыдущей цитаты (Рόδос — по-гречески название острова, а также «роза»), данная Гегелем в предисловии к книге «Философия права». *Ред.*

прессой поневоле представляются мне в своеобразном свете. Какая же разница между вами и Путткамером, если вы в своих собственных рядах вводите закон против социалистов? Меня лично это, собственно, мало затрагивает: никакая партия той или другой страны не может заставить меня молчать, если я решил говорить. Но мне хотелось бы павести вас на мысль, не лучше ли было бы вам быть несколько менее обидчивыми, а в своих поступках — несколько менее пруссаками.

Ф. Энгельс — А. Бебелю, 1—2 мая
1891 г.— т. 38, с. 77

Насколько мало люди в Германии знают *истинного* Лассалья, я убедился именно на примере Эде*. Однако письма Лассалья к Марксу, какими бы безобидными они кое-кому ни казались, и необходимость рассмотреть облик этого человека в целом все же открыли ему — Эде — глаза и представили все в ином свете. Но берлинцы хотят прежде всего *спокойствия* в партии, а это со свободой критики совместить трудно.

Ф. Энгельс — К. Каутскому, 16 июня
1891 г.— т. 38, с. 100—101

Мне кажется абсолютно необходимым, чтобы партия [...] подвергала критике свою прошлую деятельность и таким образом училась бы действовать лучше.

Ф. Энгельс — А. Бебелю, 6 ноября
1892 г.— т. 38, с. 436

[...] Самокритика безусловно необходима для всякой живой и жизненной партии. Нет ничего пошлее самодовольного оптимизма.

В. И. Ленин. О смещении политики с
педагогикой (1905) — т. 10, с. 355

«Личное поведение» «должностных лиц» либо является на самом деле личным только (вне должности, независимо от должности), и тогда разбор его группой есть *дрязга*. Либо же личное поведение имеет отношение к должности,— тогда всякий член партии, недовольный этим поведением и настаивающий на *формальном, офи-*

* — Э. Бернштейна. *Ред.*

циальном разборе недовольства, *обязан* прежде всего формально обратиться в ЦК. [...]

Указанное сейчас мною различие между *дрязгой* и *критикой должностного лица* (критикой, *обязательной* для всякого члена партии, но в форме открытой и прямо направленной к центральным учреждениям или съезду, а не критикой подпольной, частной и кружковой), это различие, видимо, неясно создается группой.

В. И. Ленин — П. Н. Лепешинскому, 16 (29) августа 1905 г. — т. 47, с. 60

Партия пролетариата должна выработать в себе умение строго критически относиться к резолюциям ее представителей.

В. И. Ленин. К итогам съезда (1906) — т. 13, с. 79

Рабочий класс сумеет воспитать и закалить свои организации, открыто критикуя своих представителей.

В. И. Ленин. О некоторых чертах современного распада (1908) — т. 17, с. 147

Партия революционного пролетариата достаточно сильна, чтобы открыто критиковать самое себя, чтобы назвать без обиняков ошибку и слабость ошибкой и слабостью.

В. И. Ленин. Что доказал суд над РСДР фракцией? (1915) — т. 26, с. 172

Критикуя другие партии, мы должны критиковать и сами себя.

В. И. Ленин. Два недостатка (1917) — т. 32, с. 194

Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра.

В. И. Ленин. Из дневника публициста (1917) — т. 34, с. 257

Борющейся партии передового класса не страшны ошибки. Страшно было бы упорствование в ошибке, ложный стыд признания и исправления ее.

В. И. Ленин. Из дневника публициста (1917) — т. 34, с. 263

[...] Не может быть речи о том, можно ли или нельзя позволить себе резкой критики, эта критика составляет долг революционера, и народные комиссары не считают себя непогрешимыми.

*В. И. Ленин. Заключительное слово
[Заседание ВЦИК 10 (23) ноября
1917 г.] — т. 35, с. 87*

Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею *на деле* ее обязанностей к своему *классу* и к трудящимся *массам*. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*.

*В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920) — т. 41,
с. 40—41*

Долг коммунистов не замалчивать слабостей своего движения, а открыто критиковать их, чтобы скорее и радикальнее от них избавиться.

В. И. Ленин. Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала [Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала] (1920) — т. 41, с. 184

Свобода критики — прекрасная вещь, но после того, как мы все под ней подписались, не грех заняться вопросом и о содержании критики. Свободой критики нас долгое время пугали меньшевики, эсеры и прочие люди, но мы этого не испугались. Если свобода критики означает свободу защиты капитализма, то мы ее раздавим.

*В. И. Ленин. Московская губернская конференция РКП(б) (1920) — т. 42,
с. 36*

Очень важно относиться критически к своим ошибкам.

В. И. Ленин. Речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала 1 июля [III конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня — 12 июля 1921 г.] — т. 44, с. 28

Мы не боимся признать свои ошибки и трезво будем смотреть на них, чтобы научиться исправлять их.

В. И. Ленин. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции (1921) — т. 44, с. 150

[...] Не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы.

В. И. Ленин. Доклад о новой экономической политике 29 октября [VII губпартконференция 29—31 октября 1921 г.] — т. 44, с. 204

[...] На попрание экономическом мы потерпели целый ряд поражений. И тут нечего бояться это признать, а наоборот: только тогда мы научимся побеждать, когда мы не будем бояться признавать свои поражения и недостатки, когда мы будем истине, хотя бы и самой печальной, смотреть прямо в лицо.

В. И. Ленин. О внутренней и внешней политике Республики [IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г.] — т. 44, с. 309

Не бояться признавать своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их — и мы будем на самой вершине.

В. И. Ленин. Заметки публициста (1922) — т. 44, с. 423

Пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибнут, — гибнут оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости.

В. И. Ленин. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта [XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г.] — т. 45, с. 118

ДЕМОКРАТИЯ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА

Рабочий контроль в сфере производства и распределения
Участие профсоюзов в управлении производством
Выборность руководителей

Когда рабочий класс победит всю буржуазию, тогда он отнимет землю у крупных хозяев, тогда он устроит на крупных экономиях *товарищеское хозяйство*, чтобы землю обрабатывали рабочие вместе, сообща, выбирая свободно доверенных людей в распорядители, имея всякие машины для облегчения труда, работая посменно не больше восьми (а то и шести) часов в день каждый.

В. И. Ленин. К деревенской бедноте (1903) — т. 7, с. 182

Опыт парламентарных республик учит нас тому, что бумажным заявлениям верить нельзя. Если хотите контроля, его надо начать. Достаточно одного дня, чтобы издать закон о таком контроле. Совет служащих каждого банка, совет рабочих каждой фабрики, каждая партия получают право контроля. Этого нельзя, скажут нам, это коммерческая тайна, это священная частная собственность! Ну, как хотите, выбирайте одно из двух. Если все эти книги, и счета, и все операции трестов вы хотите оберегать, не нужно болтать о контроле, не нужно говорить, что страна гибнет. [...]

Контроль может осуществить только сам народ. Вы должны устроить контроль — советы банковских служащих, советы инженеров, советы рабочих, и завтра же этот контроль начать. Всякого чиновника сделать ответственным под страхом уголовной кары в случае, если он в любом из этих учреждений даст неверные показания.

В. И. Ленин. Война и революция (1917) — т. 32, с. 95—96

Рабочие должны отметить прочь фразерство, обещания, декларации, прожектерство чиновников в центре, готовых засесть за сочинение эффективнейших планов, положений, уставов, нормировок. Долой все это лганье! Долой эту шумиху бюрократического и буржуазного прожектерства, провалившегося всюду с треском! Долой эту манеру класть дело под сукно! Рабочие должны требовать *немедленного* осуществления контроля на деле и притом обязательно *через самих рабочих*. [...]

Самое полезное и самое необходимое для народа дело в момент приближения неминуемой катастрофы есть *организованное* дело. Чудеса пролетарской организованности — вот что является нашим лозунгом теперь и еще больше будет нашим лозунгом и требованием, когда пролетариат будет у власти. Ни ввести безусловно необходимой всеобщей трудовой повинности, ни осуществить сколько-нибудь серьезный контроль за банками, за синдикатами, за производством и распределением продуктов безусловно невозможно без организованности масс.

В. И. Ленин. Неминуемая катастрофа и безмерные обещания (1917) — т. 32, с. 109, 110

Чтобы контроль над промышленностью действительно осуществлялся, он должен быть *рабочим контролем*, чтобы во все ответственные учреждения входило большинство рабочих и чтобы администрация отдавала отчет в своих действиях перед всеми наиболее авторитетными рабочими организациями.

В. И. Ленин. Речь на I Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов 31 мая (13 июня) 1917 г. — т. 32, с. 240

Без отмены коммерческой тайны контроль за производством и распределением либо остается пустейшим посулом, потребным только для надувания кадетами эсеров и меньшевиков, а эсерами и меньшевиками — трудящихся классов, либо контроль может быть осуществлен только реакционно-бюрократическими способами и мерами. [...]

Именно здесь ключ ко всякому контролю. Именно здесь самое чувствительное место капитала, грабящего народ и саботирующего производство. Именно поэтому и боятся эсеры и меньшевики прикоснуться к этому пункту. [...]

Если торговая тайна неизбежна в мелком товарном хозяйстве, т. е. среди мелких крестьян и ремесленников, где само производство не обобществлено, распылено, раздроблено, то в крупном капиталистическом хозяйстве охрана этой тайны есть охрана привилегий и прибылей буквально горстки людей *против* всего народа. Это признано уже и законом постольку, поскольку введена публикация отчетов акционерных обществ, но *этого* контроль,— во всех передовых странах, а также в России уже осуществляемый,— есть именно реакционно-бюрократический контроль, который *народу* глаз не открывает, который *не позволяет* знать *всю правду* об операциях акционерных обществ.

Чтобы действовать революционно-демократически, тут следовало бы немедленно издать иной закон, отменяющий торговую тайну, требующий от крупных хозяйств и от богачей самых полных отчетов, предоставляющий любой группе граждан, достигающей солидной демократической численности (скажем, 1000 или 10 000 избирателей), права просмотра *всех* документов любого крупного предприятия. Такая мера вполне и легко осуществима простым декретом; *только* она развернула бы *народную* инициативу контроля через союзы служащих, через союзы рабочих, через все политические партии, только она сделала бы контроль серьезным и демократическим. [...]

Революционные демократы, если бы они были действительно революционерами и демократами, немедленно издали бы закон, отменяющий торговую тайну, обязывающий поставщиков и торговцев отчетностью, запрещающий им покидать их род деятельности без разрешения власти, вводящий конфискацию имущества и расстрел [...] за утайку и обман народа, организующий проверку и контроль *снизу*, демократически, со стороны самого народа, союзов служащих, рабочих, потребителей и т. д.

Наши эсеры и меньшевики вполне заслуживают названия запуганных демократов, ибо по данному вопросу они повторяют то, что говорят все запуганные мещане, именно что капиталисты «разбегутся» при применении «слишком суровых» мер, что без капиталистов «нам» не справиться, что «обидятся», пожалуй, и англо-французские миллионеры, которые ведь нас «поддерживают», и тому подобное. Можно подумать, что большевики предлагают нечто в истории человечества невиданное, нико-

гда не испробованное, «утопичное», тогда как на самом деле уже 125 лет тому назад во Франции люди, действительно бывшие «революционными демократами», действительно убежденные в справедливом, оборонительном характере войны с их стороны, действительно опиравшиеся на народные массы, искренне убежденные в том же,— эти люди умели устанавливать *революционный* контроль за богачами и достигать результатов, перед которыми преклонялся весь мир. А за истекшие пять четвертей века развитие капитализма, создав банки, синдикаты, железные дороги и прочее и прочее, во сто крат облегчило и упростило меры действительно демократического контроля со стороны рабочих и крестьян за эксплуататорами, помещиками и капиталистами.

В сущности говоря, весь вопрос о контроле сводится к тому, кто кого контролирует, т. е. какой класс является контролирующим и какой контролируемым. У нас до сих пор, в республиканской России, при участии «правомочных органов» якобы революционной демократии в роли контролеров признаются и оставляются помещики и капиталисты. В результате неизбежно то мародерство капиталистов, которое вызывает всеобщее возмущение народа, и та разруха, которая искусственно капиталистами поддерживается. Надо перейти решительно, бесповоротно, не боясь рвать со старым, не боясь строить смело новое, к контролю *над* помещиками и капиталистами *со стороны* рабочих и крестьян.

В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться (1917) — т. 34, с. 171—175

Война заставила все воюющие и многие нейтральные государства перейти к регулированию потребления. Хлебная карточка появилась на свет божий, стала привычным явлением, потянула за собой и другие карточки. Россия не осталась в стороне и тоже ввела хлебные карточки.

Но именно на этом примере мы можем всего, пожалуй, нагляднее сравнить реакционно-бюрократические методы борьбы с катастрофой, старающиеся ограничиться минимумом преобразований, с революционно-демократическими, которые, чтобы заслуживать свое название, должны ставить своей прямой задачей насильственный разрыв с отжившим старым и возможно большее ускорение движения вперед.

Хлебная карточка, этот типичный образец регулирования потребления в современных капиталистических государствах, ставит своей задачей и осуществляет (в лучшем случае осуществляет) одно: распределить наличное количество хлеба, чтобы всем хватило. [...]

Реакционное капиталистическое государство, которое *боится* подорвать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического господства богатых, *боится* развить самостоятельность рабочих и вообще трудящихся, *боится* «разжечь» их требовательность; *такому* государству ничего не нужно, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду *реакционной* цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить «регулирование экономической жизни» вообще, и регулирование потребления в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, чтобы прокормить народ, отнюдь *не посягая* на действительное регулирование потребления в смысле *контроля за богатыми*, в смысле возложения на них, лучше поставленных, привилегированных, сытых и перекормленных в мирное время, *больших* тягот в военное время.

Реакционно-бюрократическое решение задачи, поставленной народам войной, ограничивается хлебной карточкой, распределением поровну абсолютно-необходимых для питания «народных» продуктов, ни на йоту не отступая от бюрократизма и реакционности, именно от цели: самостоятельности бедных, пролетариата, массы народа («демоса») *не* поднимать, контроля *с их стороны* за богатыми *не* допускать, лазеек для того, чтобы богатые вознаграждали себя предметами роскоши, оставлять *побольше*. И во *всех* странах, повторяем, даже в Германии, — о России нечего и говорить, — лазеек оставлено масса, голодает «простой народ», а богатые ездят в курорты, пополняют скудную казенную норму всяческими «додатками» со стороны и *не* позволяют *себя* контролировать.

В России, только что проделавшей революцию против царизма во имя свободы и равенства, в России, сразу ставшей демократической республикой по ее фактическим политическим учреждениям, особенно бьет в глаза народу, особенно вызывает недовольство, раздражение, озлобление и возмущение масс, что легкость обхода «хлебных карточек» богатыми *все* видят. Легкость эта особенно велика. «Под полой» и за особенно высокую

цену, особенно «при связях» (которые есть только у богатых), достают все и помногу. Голодает народ. Регулирование потребления ограничивается самыми узкими, бюрократически-реакционными рамками. Со стороны правительства нет и тени помышления, ни тени заботы о том, чтобы поставить это регулирование на началах действительно революционно-демократических.

От хвостов страдают «все», но... но богатые посылают прислугу стоять в хвостах и нанимают даже для этого особую прислугу! Вот вам и «демократизм»!

Революционно-демократическая политика во время неслыханных бедствий, переживаемых страной, для борьбы с надвигающейся катастрофой, не ограничилась бы хлебными карточками, а добавила бы к ним, во-первых, принудительное объединение всего населения в потребительные общества, ибо без такого объединения контроль за потреблением полностью провести нельзя; во-вторых, трудовую повинность для богатых, с тем чтобы они обслуживали бесплатно эти потребительные общества секретарским и другим подобным трудом; в-третьих, раздел поровну между населением действительно всех продуктов потребления, чтобы тягости войны распределялись действительно равномерно; в-четвертых, организацию контроля такую, чтобы потребление именно богатых контролировали бедные классы населения.

Создание действительно демократизма в этой области, проявление действительно революционности в организации контроля как раз наиболее нуждающимися классами народа было бы величайшим толчком к напряжению каждой наличной интеллигентной силы, к развитию действительно революционной энергии всего народа.

В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться (1917) — т. 34, с. 179—182

Для серьезной борьбы с финансовым расстройством и неизбежным финансовым крахом нет иного пути, кроме того революционного разрыва с интересами капитала и организации контроля действительно демократического, т. е. «снизу», контроля рабочих и беднейших крестьян за капиталистами [...]

Чтобы сделать налог действительно, а не фиктивным, нужен действительный, не остающийся на бумаге контроль. А контроль за капиталистами невозможен,

если он остается бюрократическим, ибо бюрократия тысячами нитей сама связана и переплетена с буржуазией. Поэтому в западноевропейских империалистских государствах, все равно и в монархиях и в республиках, финансовое упорядочение достигается лишь ценой такого введения «трудовой повинности», которое создает для рабочих *военную каторгу* или *военное рабство*.

Реакционно-бюрократический контроль — вот единственное средство, которое знают империалистские государства, не исключая и демократических республик, Франции и Америки, для сваливания тяжестей войны на пролетариат и на трудящиеся массы.

Основное противоречие нашей правительственной политики состоит именно в том, что приходится проводить — дабы не ссориться с буржуазией, не разрушать «коалиции» с ней — реакционно-бюрократический контроль, называя его «революционно-демократическим», обманывая на каждом шагу народ, раздражая и озлобляя массы, только что свергнувшие царизм.

Между тем именно революционно-демократические меры, объединяя в союзы как раз угнетенные классы, рабочих и крестьян, как раз массы, — давали бы возможность установления самого действительного контроля за *богатыми* и самой успешной борьбы с утайкой доходов. [...]

Ибо без мер истинно революционных, без серьезнейшего принуждения, капиталисты никакому контролю не подчинятся, своих бюджетов не откроют, запасы бумажек не сдадут «под отчет» демократического государства.

Объединенные в союзы рабочие и крестьяне, национализируя банки, вводя чековое обращение как обязательное по закону для всех богатых людей, отменяя торговую тайну, устанавливая конфискацию имущества за утайку доходов и т. п., могли бы с чрезвычайной легкостью сделать контроль и действительным и универсальным, контроль именно за богатыми, контроль именно такой, который *вернул бы казне* выпускаемые ею бумажные деньги *от тех, кто их имеет, от тех, кто их прячет*.

Для этого нужна революционная диктатура демократии, возглавляемой революционным пролетариатом, т. е. для этого демократия должна стать революционной *на деле*. В этом весь гвоздь. Этого-то и не хотят

наши эсеры и меньшевики, обманывающие народ *флагом* «революционной демократии» и поддерживающие на деле реакционно-бюрократическую политику буржуазии, которая, как всегда, руководится правилом: «*après nous le déluge*» — после нас хоть потоп!

Мы не замечаем даже обыкновенно, до какой степени глубоко въелись в нас антидемократические привычки и предрассудки насчет «святости» буржуазной собственности. Когда инженер или банкир публикует доходы и расходы рабочего, данные о его заработках и о производительности его труда, это считается архизаконным и справедливым. Никто не думает усматривать в этом посягательство на «частную жизнь» рабочего, «сыск или донос» инженера. Труд и заработок наемных рабочих буржуазное общество рассматривает *своей* открытой книгой, куда всякий буржуа вправе всегда заглянуть, всегда разоблачить такую-то «роскошь» рабочего, такую-то будто бы «лень» его и т. п.

Ну, а обратный контроль? Что если бы союзы служащих, конторщиков, *прислуги* были приглашены *демократическим* государством к проверке доходов и расходов капиталистов, к публикации данных об этом, к содействию правительству в деле борьбы с утайками доходов?

Какой бы дикий вой подняла буржуазия против «сыска», против «доносов»! Когда «господа» контролируют прислугу, капиталисты — рабочих, это считается в порядке вещей, частная жизнь трудящегося и эксплуатируемого *не* считается неприкосновенной, буржуазия вправе потребовать к отчету каждого «наемного раба», всегда вынести на публику его доходы и расходы. А попытку угнетенных контролировать угнетателя, *его* доходы и расходы вывести на чистую воду, *его* роскошь раскрыть, хотя бы даже во время войны, когда эта роскошь вызывает прямой голод и гибель армий на фронте, — о, нет, буржуазия «сыска» и «доносов» не допустит!

Вопрос сводится все к тому же: господство буржуазии с истинно революционным истинно демократизмом *непримиримо*. В XX веке, в капиталистической стране нельзя быть революционным демократом, *если бояться* идти к социализму.

В. И. Ленин. *Грозная катастрофа и как с ней бороться* (1917) — т. 34, с. 187—190

Что такое трудовая всеобщая повинность?

Это шаг вперед на базе новейшего монополистического капитализма, шаг к регулированию экономической жизни в целом, по известному общему плану, шаг к сбережению народного труда, к предотвращению бессмысленной растраты его капитализмом.

В Германии юнкера (помещики) и капиталисты вводят всеобщую трудовую повинность, и тогда она неизбежно становится военной каторгой для рабочих.

Но возьмите то же самое учреждение и продумайте значение его при революционно-демократическом государстве. Всеобщая трудовая повинность, вводимая, регулируемая, направляемая Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, это *еще не* социализм, но это *уже не* капитализм. Это — громадный шаг к социализму, такой шаг, что, при условии сохранения полной демократии, от такого шага нельзя уже было бы без неслыханных насилий над массами уйти назад, к капитализму.

В. И. Ленин. *Грозящая катастрофа и как с ней бороться* (1917) — т. 34, с. 193—194

Советское правительство должно немедленно ввести рабочий контроль в общегосударственном масштабе над производством и потреблением.

В. И. Ленин. *Задачи революции* (1917) — т. 34, с. 234

Главная трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, *рабочего контроля* за производством и распределением продуктов. [...]

Когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идет речь. Государство есть орган господства *класса*. [...] Если пролетариата, если речь идет о пролетарском государстве, т. е. о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль *может* стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим *учетом* производства и распределения продуктов.

В. И. Ленин. *Удержат ли большевики государственную власть?* (1917) — т. 34, с. 305—306

Универсализация учета и контроля за всем производством и распределением продуктов, причем этот учет и контроль должны осуществляться сначала рабочими организациями, затем *поголовно* всем населением.

Организация соревнования между различными (всеми) потребительско-производительными коммунами страны для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов, для постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки, для постепенного выравнивания *всех* заработных плат и жалований во *всех* профессиях и категориях.

В. И. Ленин. Черновой набросок проекта программы [VII Экстренный съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г.] — т. 36, с. 75

Решающим является организация строжайшего и все-народного учета и контроля за производством и распределением продуктов. [...] Учет и контроль нами *еще не* достигнут, а без этого не может быть и речи о втором, столь же существенном, материальном условии введения социализма, именно: о повышении, в общенациональном масштабе, производительности труда.

В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти (1918) — т. 36, с. 175

Рабочий контроль введен у нас как закон, но в жизнь и даже в сознание широких масс пролетариата он едва-едва начинает проникать. О том, что безотчетность, бесконтрольность в деле производства и распределения продуктов есть гибель зачатков социализма, есть казнокрадство (ибо все имущество принадлежит казне, а казна — это и есть Советская власть, власть большинства трудящихся), что нерадивость в учете и контроле есть прямое пособничество немецким и русским Корниловым, которые могут скинуть власть трудящихся *только* при условии, что мы не одолеем задачи учета и контроля, и которые, при помощи всей мужицкой буржуазии, при помощи кадетов, меньшевиков, правых эсеров «подкарауливают» нас, выжидая момент, — об этом мы недостаточно говорим в своей агитации, об этом недостаточно думают и говорят передовики рабочих и крестьян. А пока рабочий контроль не стал фактом, пока передовики-рабочие не наладили и не провели победоносного и беспощадного похода против нарушителей этого контроля или

беззаботных насчет контроля,— до тех пор от первого шага (от рабочего контроля) нельзя сделать второго шага к социализму, то есть перейти к рабочему регулированию производства.

Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще менее. Без того, чтобы наладить строжайший всенародный, всеобъемлющий учет и контроль *хлеба* и *добычи хлеба* (а затем и всех других необходимых продуктов), тут не обойтись.

В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти (1918) — т. 36, с. 185

Этому мы не научились, но должны учиться, это есть путь к социализму, единственный путь — обучать рабочих практическому делу управления колоссальными предприятиями, организации крупного производства и крупнейшего распределения.

В. И. Ленин. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. — т. 36, с. 263

[...] Люди сочувствуют, когда видят, как на фабрике поднимаются рабочие, которые получают возможность начать самим учиться делу управления предприятиями, трудному, тяжелому делу, в котором неизбежны ошибки, но единственному делу, на котором рабочие могут, наконец, осуществить свое постоянное стремление к тому, чтобы машины, фабрики, заводы, лучшая современная техника, лучшие завоевания человечества служили не эксплуатации, а улучшению жизни, облегчению жизни громадного большинства.

В. И. Ленин. Доклад о текущем моменте 27 июня [IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 27 июня — 2 июля 1918 г.] — т. 36, с. 442—443

Мы знаем, что в стране наиболее отсталой и разоренной, где рабочему классу ставили столько препон и рога-ток, чтобы научиться управлять промышленностью,— ему нужен долгий срок. Мы считаем самым важным и ценным то, что за это управление взялись сами рабочие,

что от рабочего контроля, который должен был оставаться хаотическим, раздробленным, кустарным, неполным во всех главнейших отраслях промышленности, мы подошли к рабочему управлению промышленностью в общенациональном масштабе.

В. И. Ленин. Речь о годовщине революции 6 ноября [VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г.] — т. 37, с. 140

Совет Народных Комиссаров принял декрет о создании потребительских коммун в интересах правильного распределения продуктов. Несправедливо, чтобы в распределении продуктов, необходимых для *всего* населения поголовно, участвовала только *часть* населения, как это было при капитализме. Во всех странах кооперативы при капитализме охватывают преимущественно верхние слои рабочих и крестьян. Необходимо, чтобы теперь не только верхние слои, а *все*, поголовно все трудящиеся приняли участие в распределении продуктов.

Едва ли найдется хотя бы один из великих основателей всемирного кооперативного движения, который бы не указывал на превращение этого движения в социализм. Теперь именно настало это время, и все лучшие элементы кооперации сочувствуют такому *развитию* кооперации, каким явился декрет о превращении кооперативов в потребительские коммуны, *охватывающие всех трудящихся поголовно*.

В. И. Ленин — Тамбовскому губисполкому, 20 апреля 1919 г. — т. 50, с. 284

5. Усиление методов рабочей демократии, демократизма внутри профсоюзов признать неотложнейшей задачей и разработать подробно.

6. Развитие участия профсоюзов в управлении производством разработать по отдельным пунктам (приемам, методам, способам) в обстоятельную инструкцию.

В. И. Ленин. набросок проекта резолюции «Задачи профессиональных союзов и методы их осуществления» (1920) — т. 42, с. 373

Коммунизм говорит: авангард пролетариата, коммунистическая партия, руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, готовя, обучая, воспитывая эту массу («школа» коммунизма), сначала рабочих,

а затем и крестьян, для того, чтобы она могла прийти и пришла бы к сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством.

Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»), уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению на деле управления в их руках всем народным хозяйством.

В. И. Ленин. Кризис партии (1921) — т. 42, с. 241

Посмотрите, здесь говорили, что управлять производством должен «всероссийский съезд производителей». Я затрудняюсь, какими словами следует еще эту несуразицу характеризовать, но утешаюсь тем, что здесь все партийные работники в то же время работники советские, которые уже год, два, три революционную работу делают. Перед ними не стоит это и критиковать. Они потому и прения закрывают, когда такие речи слышат, что это скучно, несерьезно — говорить о «всероссийском съезде производителей», который управляет народным хозяйством. Может быть, это можно было бы предлагать в стране, где никакого приступа к работе, при взятой уже политической власти, не было. У нас этот приступ есть.

В. И. Ленин. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 45

Мы даже основного фундамента еще не положили, мы начали намечать только на опыте, как это управление производством при участии профсоюзов вести.

В. И. Ленин. Доклад о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне 16 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 103

6. ПРОФСОЮЗЫ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Главнейшим и самым коренным интересом пролетариата после завоевания им госвласти является увеличение количества продуктов, повышение в громадных размерах производительных сил общества. Эта задача, ясно выдвинутая в программе РКП, особенно обострена у нас теперь послевоенным разорением, голодом и раз-

рухой. Поэтому быстрее и возможно более прочный успех в восстановлении крупной промышленности есть условие, без коего немислим успех всего дела освобождения труда от ига капитала, немислима победа социализма. А такой успех в свою очередь требует безусловно, в современной российской обстановке, сосредоточения всей полноты власти в руках заводууправлений. Эти управления, составленные по общему правилу на началах единоличия, должны самостоятельно ведавать и установлением размеров зарплаты и распределением дензнаков, пайков, прозодежды и всяческого иного снабжения, при максимальной свободе маневрирования, при строжайшей проверке фактических успехов в повышении производства и безубыточности, прибыльности его, при серьезнейшем отборе наиболее выдающихся и умелых администраторов и т. д.

Всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями, при этих условиях, должно быть признано безусловно вредным и недопустимым.

Но было бы совершенно неправильным толковать эту бесспорную истину в смысле отрицания участия профсоюзов в социалистической организации промышленности и в управлении госпромышленностью. Это участие необходимо в точно определенных, именно следующих формах.

7. РОЛЬ И УЧАСТИЕ ПРОФСОЮЗОВ В ХОЗ- И ГОСОРГАНХ ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Пролетариат является классовой основой государства, совершающего переход от капитализма к социализму. Пролетариат может выполнить успешно эту задачу в стране с громадным преобладанием мелкого крестьянства лишь при условии чрезвычайно умелого, осторожного и постепенного осуществления союза с подавляющим большинством крестьянства. Профсоюзы должны быть ближайшим и неременным сотрудником госвласти, которую руководит во всей ее политической и хозяйственной работе сознательный авангард рабочего класса, компартия. Будучи школой коммунизма вообще, профсоюзы должны быть, в частности, школой управления социалистической промышленностью (а затем постепенно и земледелием) для всей массы рабочих, а затем и для всех трудящихся.

Исходя из этих принципиальных положений, следует установить следующие основные формы участия профсоюзов в хоз- и госорганах пролетарского государства:

(1) Профсоюзы участвуют в составлении всех хоз- и госорганов, связанных с экономикой, выдвигая кандидатов и подавая свой совещательный голос; профсоюзы участвуют и в этих органах, но не непосредственно, а через выдвинутых ими и утвержденных компартией и Соввластью членов высших госучреждений, членов хозколлегий, членов заводоуправлений (там где допущена такая коллегиальность), администраторов, их помощников и т. д.

(2) Одной из важнейших задач профсоюзов является выдвигание и подготовка администраторов из рабочих и трудящейся массы вообще. Если у нас имеются теперь десятки таких администраторов промышленности, вполне удовлетворительных, и сотни более или менее удовлетворительных, то в ближайшее время нам нужны сотни первых и тысячи вторых. Систематический учет всех способных на такую работу рабочих и крестьян и обстоятельная, всесторонняя, деловая проверка успехов их обучения управлению должны быть во много раз тщательнее и настойчивее осуществляемы профсоюзами, чем теперь.

(3) Не менее важно участие профсоюзов во всех плановых органах пролетарского государства. Наряду с участием профсоюзов во всей культурно-просветительной работе и в производпропаганде такая деятельность профсоюзов должна все шире и глубже втягивать рабочий класс и трудящиеся массы во все строительство госхозяйства, знакомя их со всем кругом хозжизни, со всем кругом промышленной работы, начиная от заготовки сырья и кончая реализацией продукта, и давая все более конкретное представление как о едином государственном плане социалистического хозяйства, так и о практической заинтересованности рабочего и крестьянина в осуществлении этого плана.

(4) Выработка тарифов и норм снабжения и т. д. составляют одну из необходимых составных частей работы профсоюзов в деле строительства социализма и участия их в управлении промышленностью. В частности, диссуды должны неуклонно повышать дисциплину труда и культурные формы борьбы за

нее и за повышение производительности, отнюдь не вмешиваясь в функции нарсудов вообще и в функции управления.

Этот перечень главнейших функций профсоюзов в деле строительства социалистического хозяйства должен быть, разумеется, подробно детализирован соответственными органами профсоюзов и Соввласти. Самым существенным является то, чтобы профсоюзы сознательно и решительно перешли от причинившего немало вреда непосредственного, неподготовленного, некомпетентного, безответственного вмешательства в управление к упорной, деловой, рассчитанной на долгий ряд лет работе *практического обучения* рабочих и всех трудящихся *управлять* нархозяйством целой страны.

В. И. Ленин. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики (1921) — т. 44, с. 345—348

ДЕМОКРАТИЯ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Равноправие наций
Пролетарская демократия и самоопределение наций
Пролетарский интернационализм
и демократическое объединение наций
Демократический централизм и национальная автономия

Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации.

Ф. Энгельс. О Польше (1847) — т. 4, с. 372

[...] Равенство между нациями так же необходимо, как равенство между индивидами.

Ф. Энгельс — П. Лафаргу, 27 июня 1893 г. — т. 39, с. 78

Демократия никогда не потерпит, чтобы противопоставлялся просто славянин турку, когда противопоставлять надо славянского и турецкого крестьян *вместе* — славянским и турецким помещикам и башибузукам.

Демократия никогда не допустит, чтобы *самосознание* сторонников свободы и врагов угнетения во *всех*

народностях подменялось «русским национальным самосознанием»,— при угнетении и травле поляков, евреев, «шпородцев» вообще.

В. И. Ленин. Кадеты и националисты (1912) — т. 22, с. 158

Чтобы разные нации свободно и мирно уживались вместе или расходились (когда это им удобнее), составляя разные государства, для этого необходим полный демократизм, отстаиваемый рабочим классом. Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству! — вот принципы рабочей демократии.

В. И. Ленин. Рабочий класс и национальный вопрос (1913) — т. 23, с. 150

Лозунги последовательного демократизма (республика, милиция, выборность чиновников народом и т. д.) соединяют пролетариат и трудящиеся массы и вообще все передовое в каждой нации во имя борьбы за условия, исключающие возможность самонаименнейшей национальной привилегии [...]

Лозунги последовательного демократизма сливают воедино пролетариат и передовую демократию всех наций [...]

Лозунги последовательного демократизма непримимо враждебны и реакционерам и контрреволюционной буржуазии всех наций [...]

В. И. Ленин. Тезисы по национальному вопросу (1913) — т. 23, с. 319—320

[...] Только последовательно-демократические общегосударственные учреждения обеспечивают наиболее мирное и человеческое (а не зверское) сожительство разных национальностей [...]

В. И. Ленин. Национализация еврейской школы (1913) — т. 23, с. 376

Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении наций, т. е. государственном отделении их, вполне свободным, демократическим путем; издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприя-

тие (земское, городское, общинное и т. д. и т. п.), проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, объявляется незаконным и недействительным — и любой гражданин государства вправе требовать отмены такого мероприятия, как противоконституционного, и уголовного наказания тех, кто стал бы проводить его в жизнь.

Национальной грызне различных буржуазных партий из-за вопросов о языке и т. д. рабочая демократия противопоставляет требование: безусловного единства и полного слияния рабочих *всех* национальностей во *всех* рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительных, просветительных и всяких иных, в противовес всяческому буржуазному национализму. Только такое единство и слияние может отстоять демократию, отстоять интересы рабочих против капитала, — который уже стал и все более становится интернациональным, — отстоять интересы развития человечества к новому укладу жизни, чуждому всяких привилегий и всякой эксплуатации.

*В. И. Ленин. Либералы и демократы
в вопросе о языках (1913) — т. 23,
с. 425—426*

1. Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплуатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном, до конца демократическом, республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населения школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства. В особенности необходима при этом широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.

2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой

борьбы пролетариата в особенности. Именно к такому разделению сводится принятый в России всеми буржуазными партиями еврейства и мещанскими, оппортунистическими, элементами разных наций план так называемой «культурно-национальной» автономии или «создания учреждений, гарантирующих свободу национально-го развития».

*В. И. Ленин. Резолюции летнего
1913 года совещания ЦК РСДРП с
партийными работниками (1913) —
т. 24, с. 57—58*

«Право на автономию»? Опять неверно. Мы за *автономию* для всех частей, мы за *право* отделения (а не за *отделение* всех!). Автономия есть *наш* план устройства демократического государства. Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения. Но мы стоим за *право* на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда *больше* связи получится *после* свободного отделения!!

Право на самоопределение есть *исключение* из нашей общей посылки централизма. Исключение это безусловно необходимо перед лицом черносотенного великорусского национализма, и малейший отказ от этого исключения есть оппортунизм [...]

В. И. Ленин — С. Г. Шаумяну, 6 декабря 1913 г. — т. 48, с. 235

Не «разграничение» наций — наша цель, а обеспечение полной демократией их равноправия и столь же мирного (сравнительно) сожительства, как в Швейцарии [...].

В. И. Ленин. Еще о разделении школьного дела по национальностям (1913) — т. 24, с. 238

Но большие государства могут быть демократичны только при самом полном равноправии наций, а такое равноправие означает и *право* на отделение.

В. И. Ленин. Еще о «национализме» (1914) — т. 24, с. 326

Известно, что в 1905 году Норвегия отделилась от Швеции вопреки горячим протестам шведских помещиков, грозивших войной. К счастью, в Швеции крепостни-

ки не всеисильны, как в России, и войны не вышло. Норвегия, имея меньшинство населения, мирно отделилась от Швеции, демократически, культурно, а не так, как хотелось крепостникам и военной партии. Что же? Проиграл ли народ? проиграли ли интересы культуры? или интересы демократии? интересы рабочего класса от такого отделения??

Нисколько! И Норвегия и Швеция принадлежат к числу несравненно более культурных стран, чем Россия,— между прочим, *именно потому*, что они сумели демократически применить формулу «политического самоопределения» наций. Разрыв *насильственной* связи означал *усиление* добровольной экономической связи, усиление культурной близости, усиление взаимоуважения между этими двумя, столь близкими по языку и прочее, народами. Общность, близость шведского и норвежского народов на деле *выиграла* от отделения, ибо отделение было разрывом *насильственных* связей. [...]

Мы, социал-демократы, враги *всякого* национализма и сторонники демократического *централизма*. Мы противники партикуляризма, мы убеждены, что *при прочих равных условиях* крупные государства гораздо успешнее, чем мелкие, могут решить задачи экономического прогресса и задачи борьбы пролетариата с буржуазией. Но мы ценим связь только добровольную, а никогда не насильственную. Везде, где мы видим *насильственные* связи между нациями, мы, нисколько не проповедуя непременно отделения каждой нации, отстаиваем *безусловно* и решительно *право* каждой нации политически самоопределиться, т. е. отделиться.

Отстаивать, проповедовать, признавать такое *право* — значит отстаивать равноправие наций, значит не признавать *насильственных* связей, значит бороться против всяких государственных привилегий какой бы то ни было нации, значит и воспитывать в рабочих разных наций полную классовую солидарность.

Классовая солидарность рабочих разных наций выигрывает от замены насильственных, феодальных, военных связей добровольными связями. [...]

А истинная демократия, с рабочим классом во главе, поднимает знамя полного равноправия наций и слияния рабочих всех наций в их классовой борьбе. С этой точки зрения мы отвергаем так называемую «культурно-национальную» автономию, то есть разделение по национальностям школьного дела в одном государстве или

изъятие школьного дела из ведения государства с передачей его отдельно организованным национальным союзам. Демократическое государство должно признавать автономию разных областей, особенно областей и округов с разным национальным составом населения. Такая автономия нисколько не противоречит демократическому централизму; напротив, лишь посредством автономии областей в большом и пестром по национальному составу государстве *можно* осуществить действительно демократический централизм. Демократическое государство безусловно должно признать *полную свободу* родных языков и отвергнуть *всякие* привилегии одного из языков. Демократическое государство не допустит подавления, майоризирования, ни единой национальности другою ни в одной области, ни в одной отрасли общественных дел.

Но отнимать школьное дело из рук государства и делить его по нациям, отдельно организованным в национальные союзы, это — вредная мера и с точки зрения демократии и еще больше с точки зрения пролетариата. Это повело бы лишь к упрочению обособленности наций; а мы должны стремиться к сближению их. Это повело бы к росту шовинизма, а мы должны идти к теснейшему союзу рабочих всех наций, к совместной борьбе их против *всякого* шовинизма, против *всякой* национальной исключительности, против *всякого* национализма. Школьная политика у рабочих всех наций едина: свобода родного языка, демократическая и *светская* школа.

В. И. Ленин. К вопросу о национальной политике (1914) — т. 25, с. 69—72

Рабочий класс поддерживает буржуазию только в интересах национального мира (которого буржуазия не может дать вполне и который осуществим лишь в меру *полной* демократизации), в интересах равноправия, в интересах наилучшей обстановки классовой борьбы. Поэтому как раз *против* практицизма буржуазии пролетарии выдвигают *принципиальную* политику в национальном вопросе, всегда поддерживая буржуазию *лишь условно*. Всякая буржуазия хочет в национальном деле либо привилегий для *своей* нации, либо исключительных выгод для нее; это и называется «практичным». Пролетариат против всяких привилегий, против всякой исключительности. [...]

В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы *безусловно* поддерживаем [...]

В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение (1914) — т. 25, с. 273, 275—276

[...] Против насилия *за* демократическое объединение наций. «Свобода отделения» есть *высшее* выражение *демократизма*.

[...] Экономическое объединение *выигрывает* от демократизма, от свободы отделения [...]

В. И. Ленин. Материалы к реферату «Империализм и право наций на самоопределение» (1915) — т. 27, с. 440

Мы требуем свободы самоопределения, *т. е.* независимости, *т. е.* свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств, а, наоборот, потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния, наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, *немыслимой* без свободы отделения.

В. И. Ленин. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение (1915) — т. 27, с. 68

Победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию, а следовательно, не только провести полное равноправие наций, но и осуществить право на самоопределение угнетенных наций, *т. е.* право на свободное политическое отделение. Социалистические партии, которые не докажут всей своей деятельностью и теперь и во время революции и после ее победы, что они освободят поработанные нации и построят отношение к ним на основе свободного союза,— а свободный союз есть лживая фраза без свободы отделения,— такие партии совершили бы измену по отношению к социализму.

В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (1916) — т. 27, с. 252—253

Право на самоопределение наций означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей

нации. Конкретно, это требование политической демократии означает полную свободу агитации за отделение и решение вопроса об отделении референдумом отделяющейся нации. Таким образом это требование вовсе не равносильно требованию отделения, дробления, образования мелких государств. Оно означает лишь последовательное выражение борьбы против всякого национального гнета. Чем ближе демократический строй государства к полной свободе отделения, тем реже и слабее будут на практике стремления к отделению, ибо выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны, причем они все возрастают с ростом капитализма. Признание самоопределения не равносильно признанию федерации, как принципа. Можно быть решительным противником этого принципа и сторонником демократического централизма, но предпочитать федерацию национальному неравноправию, как единственный путь к полному демократическому централизму. [...]

Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их. [...] Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения.

В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (1916) — т. 27, с. 255—256

Наша «программа мира» требует, чтобы главный пункт демократии в этом вопросе — отрицание аннексий — применялся на деле, а не на словах, служил интернационалистской пропаганде, а не национальному лицемерию. Для этого надо разъяснять массам, что отрицание аннексий, *то есть* признание самоопределения, искренне лишь тогда, когда социалист *каждой* нации требует свободы отделения наций, угнетенных его нацией.

В. И. Ленин. О «программе мира» (1916) — т. 27, с. 273—274

Теперь реакционный, империалистский капитализм все чаще *ломает* эти, демократически определяемые,

границы. Все признаки говорят за то, что империализм оставит в наследство идущему ему на смену социализму границы, *менее* демократические, ряд аннексий в Европе и в других частях света. Что же? победивший социализм, восстанавливая и проводя до конца полную демократию по всей линии, откажется от *демократического* определения границ государства? не пожелает считаться с «симпатиями» населения? [...]

Старые «экономисты», превращая марксизм в карикатуру, учили рабочих, что для марксистов важно «только» «экономическое». Новые «экономисты» думают то ли, что демократическое государство победившего социализма будет существовать без границ (вроде «комплекса ощущений» без материи), то ли, что границы будут определяться «только» по потребностям производства. На деле эти границы будут определяться демократически, т. е. согласно воле и «симпатиям» населения. Капитализм насилует эти симпатии и тем прибавляет новые трудности делу сближения наций. Социализм, организуя производство *без* классового гнета, обеспечивая благосостояние *всем* членам государства, тем самым дает *полный простор* «симпатиям» населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций. [...]

При капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет *нельзя*. Для этого *необходимо* уничтожить классы, т. е. ввести социализм. Но, базирясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней. Для устранения национального гнета необходим фундамент — социалистическое производство, но на этом фундаменте необходима *еще* демократическая организация государства, демократическая армия и пр. Перестроив капитализм в социализм, пролетариат создает *возможность* полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в *действительность* «только» — «только»! — при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства согласно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения. На этой базе, в свою очередь, разовьется *практически* абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится *отмиранием* государства.

В. И. Ленин. *Итоги дискуссии о самоопределении (1916)* — т. 30, с. 21, 22

Национальные антипатии так быстро не исчезнут; ненависть — и вполне законная — у нации угнетаемой к угнетающей *останется* на время; она испарится лишь *после* победы социализма и *после* окончательного установления вполне демократического отношения между нациями. Если мы хотим быть верны социализму, мы должны уже теперь вести интернационалистское воспитание масс, невозможное в угнетающих нациях без проповеди свободы отделения для угнетенных наций.

В. И. Ленин. *Итоги дискуссии о самоопределении* (1916) — т. 30, с. 51

Если мы требуем от своих правительств, чтобы оно убралось вон из колоний — т. е. выражаясь не агитационным выкриком, а точным политическим выражением, — чтобы оно *предоставило* колониям полную *свободу* отделения, действительное *право на самоопределение*, — если мы сами обязательно осуществим это право, предоставим эту свободу, как только завоюем власть, то мы требуем этого от теперешнего правительства и мы *сделаем* это, когда сами будем правительством, *вовсе* не для «рекомендации» отделения, а, наоборот: для облегчения и ускорения *демократического* сближения и слияния наций. [...]

[...] Экономический расчет, равно как инстинкт и сознание интернационализма и демократизма, требует скорейшего сближения и слияния всех наций в социалистическом обществе.

В. И. Ленин. *О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»* (1916) — т. 30, с. 120, 121

Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций.

Чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций.

Полная свобода отделения, самая широкая местная (и национальная) автономия, детально разработанные

гарантии прав национального меньшинства — такова программа революционного пролетариата.

В. И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции (1917) — т. 31, с. 167—168

Лишь признание пролетариатом права наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительно демократическому сближению наций.

В. И. Ленин. Резолюция по национальному вопросу [Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г.] — т. 31, с. 439

Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций. Мы хотим *революционно-пролетарского единства, соединения, а не разделения.* [...]

В отличие от буржуазных демократов мы ставим лозунг не братство народов, а братство *рабочих* всех народностей, ибо буржуазии всех стран мы не доверяем, считаем ее врагом.

В. И. Ленин. К пересмотру партийной программы (1917) — т. 34, с. 379, 380

Мы говорим: надо считаться с тем, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии — к демократии пролетарской. Это абсолютно правильно. Все нации имеют право на самоопределение, — о готтентогах и бушменах специально говорить не стоит. Гигантское большинство, наверно девять десятых всего населения земли, может быть 95%, подходит под эту характеристику, ибо все страны — на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной к пролетарской демократии.

В. И. Ленин. Доклад о партийной программе 19 марта [VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.] — т. 38, с. 159

[...] Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения.

Что важно для пролетария? Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации.

В. И. Ленин. К вопросу о национальностях или об «автономизации» (1922) — т. 45, с. 359

ДЕМОКРАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблемы войны и мира
Демократический мир

[...] Добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами.

Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса.

К. Маркс. Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих (1864) — т. 16, с. 11

Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

Ф. Энгельс. Эмигрантская литература (1874) — т. 18, с. 509

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы»*, так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата.

В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов (1914) — т. 26, с. 108

Наша «программа мира», наконец, должна состоять в разъяснении того, что империалистские державы и империалистская буржуазия *не могут* дать демократического мира. Его *надо* искать и добиваться — но *не позади*, в реакционной утопии *неимпериалистского* капитализма, или союза равноправных наций *при* капитализме, — а *впереди*, в социалистической революции пролетариата. Ни одно коренное демократическое требование не осуществимо сколько-нибудь широко и прочно в передовых империалистских государствах иначе как *через* революционные битвы под знаменем социализма.

В. И. Ленин. О «программе мира» (1916) — т. 27, с. 274

[...] 1) Интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций; 2) [...] требование демократии надо брать в общеевропейском — теперь следует сказать: мировом — масштабе, а не изолированно. [...]

Отдельные требования демократии, в том числе самоопределение, не абсолют, а *частичка* общедемократического (ныне: общесоциалистического) *мирового* движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее.

В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении (1916) — т. 30, с. 38, 39

[...] Интересы демократии *одной* страны надо подчинять интересам демократии *нескольких и всех* стран. Представим себе, что между двумя большими монархиями находится одна маленькая, королек которой родственными и иными узами «связан» с монархами обеих соседних стран. Представим себе далее, что провозглашение республики в маленькой стране, изгнание *ее* монарха, означало бы на практике войну между двумя со-

* См. предыдущий фрагмент. *Ред.*

седними большими странами из-за восстановления того или иного монарха маленькой страны. Нет сомнения, что вся международная социал-демократия, как и действительно интернационалистская часть социал-демократии маленькой страны, *была бы против замены монархии республикой* в данном случае. [...]

Чтобы быть социал-демократом интернационалистом, надо думать *не* о своей только нации, а *выше* ее ставить интересы всех, их всеобщую свободу и равноправие.

В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении (1916) — т. 30, с. 43—45

Не тот стоит за демократический мир, без аннексий и т. п., кто клянется и божится, повторяя эти слова, а тот, кто *на деле* разоблачает *именно свою* буржуазию, своими *делами* разрушающую эти великие принципы истинного социализма и истинной демократии.

В. И. Ленин. Черновой проект тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям (1916) — т. 30, с. 277

Только власть действительно народная, т. е. принадлежащая *большинству* народа, способна вступить на *правильный* путь, ведущий человечество к свержению ига капиталистов и к избавлению от ужасов и бедствий империалистской войны, к прочному и к справедливому миру.

В. И. Ленин. Большевизм и «разложение» армии (1917) — т. 32, с. 257

Рабочий класс, когда он завоеует власть, один только сможет повести политику мира не на словах, как ее ведут меньшевики и эсеры, на деле поддерживающие буржуазию и ее тайные договоры, а на деле. Именно: он немедленно и при каком угодно военном положении, даже если корниловские генералы, сдав Ригу, сдадут и Петроград, предложит *всем* народам открытые, точные, ясные, *справедливые* условия мира. Рабочий класс может сделать это от имени всего народа, ибо подавляющее большинство рабочих и крестьян России высказалось против теперешней захватной войны и за мир на справедливых условиях, без аннексий (захватов) и без контрибуций.

В. И. Ленин. Проект резолюции о современном политическом моменте (1917) — т. 34, с. 148

Главным условием демократического мира является отказ от аннексий (захватов) — не в том неправильном смысле, что все державы возвращают потерянное ими, а в том, единственно правильном смысле, что *каждая* народность, без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она *отдельное* государство или входит в состав любого иного государства.

В. И. Ленин. *Задачи революции (1917)* — т. 34, с. 232

А вопрос о мире, этот кардинальный вопрос всей современной жизни. Пролетариат «изолирован от остальных классов»... Пролетариат выступает здесь поистине как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах, гигантского большинства мелкой буржуазии, ибо только пролетариат, достигши власти, *сразу* предложит справедливый мир всем воюющим народам, только пролетариат пойдет на действительно *революционные* меры (опубликование тайных договоров и т. п.), чтобы достигнуть как можно скорее, как можно более справедливого мира.

В. И. Ленин. *Удержат ли большевики государственную власть? (1917)* — т. 34, с. 300

ДЕКРЕТ О МИРЕ

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,— таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, согласно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилеием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилеием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

В. И. Ленин. Доклад о мире [Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.] — т. 35, с. 13—15

Самое крупное проявление демократии — это в основном вопросе о войне и мире.

В. И. Ленин. Доклад о работе ВЦИК и Сознаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. — т. 40, с. 92

ДЕМОКРАТИЯ И КУЛЬТУРА

**Демократия и наука, искусство, литература
Справедливое распределение ценностей культуры
Демократическая культура и национальная культура**

[...] Лишь рабочий класс может [...] превратить науку из орудия классового господства в народную силу, превратить самих ученых из пособников классовых предубеждений, из честолюбивых государственных паразитов и союзников капитала в свободных тружеников мысли! Наука может выполнять свою истинную роль только в Республике Труда.

К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции» (1871) — т. 17, с. 559

[...] Именно благодаря этой промышленной революции производительная сила человеческого труда достигла такого высокого уровня, что создала возможность — впервые за время существования человечества — при разумном разделении труда между всеми не только производить в размерах, достаточных для обильного потребления всеми членами общества и для богатого резервного фонда, но и предоставить каждому достаточно досуга

для восприятия всего того, что действительно ценно в исторически унаследованной культуре — науке, искусстве, формах общения и т. д., — и не только для восприятия, но и для превращения всего этого из монополии господствующего класса в общее достояние всего общества и для дальнейшего развития этого достояния.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу (1872) — т. 18, с. 215

[...] Для научных работ не существует демократического форума [...]

Ф. Энгельс — В. Либкнехту, 31 июля 1877 г. — т. 34, с. 221

[...] Упразднение классов предполагает такую высокую степень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, — а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, — не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития. Эта степень теперь достигнута.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг (1877—1878) — т. 20, с. 293

Возможен новый общественный строй, при котором исчезнут современные классовые различия и при котором — по-видимому, после короткого, связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае очень полезного в нравственном отношении переходного времени — средства для существования, пользования радостями жизни, получения образования и проявления всех физических и духовных способностей в равной мере, со все возрастающей полнотой будут предоставлены в распоряжение всех членов общества благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил, при одинаковой для всех обязанности трудиться.

Ф. Энгельс. Введение к отдельному изданию работы К. Маркса «Наемный труд и капитал» (1891) — т. 22, с. 212

Вам, партии, *нужна* социалистическая наука, а она не может существовать без свободы развития. Тут уж приходится мириться со всякими неприятностями, и лучше всего делать это с достоинством, без нервозности.

Даже легкая размолвка, не говоря уж о разрыве, между немецкой партией и немецкой социалистической наукой была бы ни с чем не сравнимым несчастьем и позором.

Ф. Энгельс — А. Бебело, 1—2 мая 1891 г. — т. 38, с. 77

[...] Есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т. п. в руки всего общества и вести общее социалистическое производство, направляемое самими рабочими. Продукты, производимые общим трудом, будут тогда идти в пользу самих трудящихся, а производимый ими излишек над их содержанием будет служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства.

В. И. Ленин. Проект и объяснение программы социал-демократической партии (1896) — т. 2, с. 96—97

[...] Речи об абсолютной свободе одно лицемерие. [...] Абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза [...] Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу.

В. И. Ленин. Партийная организация и партийная литература (1905) — т. 12, с. 103, 104

Рабочие не дадут разделить себя никакими сладкими речами о национальной культуре или «национально-культурной автономии». Рабочие всех наций отстаивают дружно, вместе, в общих организациях, полную свободу и полное равноправие — залог истинной культуры.

Рабочие создают во всем мире свою, интернациональную культуру, которую давно подготовляли проповедники свободы и враги угнетения. Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком.

В. И. Ленин. Рабочий класс и национальный вопрос (1913) — т. 23, с. 150

Социал-демократы всегда стояли и стоят на точке зрения *интернационализма*. Оберегая от крепостников и от полицейского государства равноправие всех национальностей, мы стоим не за «*национальную культуру*», а за *интернациональную культуру*, в которую от каждой национальной культуры входит только часть, именно: лишь последовательно-демократическое и социалистическое содержание каждой национальной культуры.

Лозунг «национально-культурной автономии» обманывает рабочих призраком культурного единства наций, тогда как на деле в каждой нации преобладает сейчас помещичья, буржуазная или мелкобуржуазная «культура».

Мы против национальной культуры — как одного из лозунгов буржуазного национализма. *Мы за интернациональную культуру демократического до конца и социалистического пролетариата.*

В. И. Ленин. Проект платформы к IV съезду Социал-демократии Латышского края (1913) — т. 23, с. 209

С точки зрения социал-демократии недопустимо ни прямо ни косвенно бросать лозунг *национальной культуры*. Этот лозунг неверен, ибо вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее. Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, воспринимает в себя не «национальную культуру» (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из *каждой* национальной культуры *исключительно* ее последовательно демократические и социалистические элементы.

В. И. Ленин. Тезисы по национальному вопросу (1913) — т. 23, с. 318

Трудящиеся массы могут говорить только об интернациональной (международной) культуре всемирного рабочего движения. Только такая культура означает полное, действительное, искреннее равноправие наций, отсутствие национального гнета, осуществление демократии.

В. И. Ленин. Как епископ Никон защищает украинцев? (1913) — т. 24, с. 10

Да, интернациональная культура не безнациональна [...]

В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры. Поэтому «национальная культура» вообще *есть* культура помещиков, попов, буржуазии. [...]

Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации.

В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу (1913) — т. 24, с. 120—121

Не о том, чтобы разгородить нации так или иначе в школьном деле, должны мы заботиться, а наоборот — о том, чтобы создать основные демократические условия мирного сожительства наций на основе равноправия. Не «национальную культуру» должны поднимать мы на щит, а разоблачать клерикальный и буржуазный характер этого лозунга во имя интернациональной (международной) культуры всемирного рабочего движения.

В. И. Ленин. Национальный состав учащихся в русской школе (1913) — т. 24, с. 221

[...] Истинная демократия, с рабочим классом во главе, поднимает знамя полного равноправия наций и слияния рабочих всех наций в их классовой борьбе. С этой точки зрения мы отвергаем так называемую «культурно-национальную» автономию, то есть разделение по национальностям школьного дела в одном государстве или изъятие школьного дела из ведения государства с передачей его отдельно организованным национальным союзам. Демократическое государство должно признавать автономию разных областей, особенно областей и округов с разным национальным составом населения. Такая автономия нисколько не противоречит демократическому централизму; напротив, лишь посредством автономии областей в большом и пестром по национальному составу государстве *можно* осуществить действительно демократический централизм. Демократическое государство безусловно должно признать *полную свободу* родных языков и отвергнуть *всякие* привилегии одного из языков. Демократическое государство не допустит подавления, майоризирования, ни единой национальности другую ни в одной области, ни в одной отрасли общественных дел.

Но отнимать школьное дело из рук государства и делить его по нациям, отдельно организованным в национальные союзы, это — вредная мера и с точки зрения демократии и еще больше с точки зрения пролетариата. Это повело бы лишь к упрочению обособленности наций, а мы должны стремиться к сближению их. Это повело бы к росту шовинизма, а мы должны идти к теснейшему союзу рабочих всех наций, к совместной борьбе их против *всякого* шовинизма, против *всякой* национальной исключительности, против *всякого* национализма. Школьная политика у рабочих всех наций едина: свобода родного языка, демократическая и *светская* школа.

В. И. Ленин. К вопросу о национальной политике (1914) — т. 25, с. 71—72

Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием,

и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации.

В. И. Ленин. Заключительное слово перед закрытием съезда 18 (31) января [Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 (23—31) января 1918 г.] — т. 35, с. 289

Мы превосходно знаем, что значит культурная неразвитость России, что делает она с Советской властью, в принципе давшей неизмеримо более высокую пролетарскую демократию, давшей образец этой демократии для всего мира, — как эта некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен, как мы все это знаем. И во все не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: наши законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало. Необходима масса работы воспитательной, организационной, культурной, — чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадной длительной работы.

В. И. Ленин. Доклад о партийной программе 19 марта [VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.] — т. 38, с. 165—166

Говорят, уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины. В этом изречении есть зерно глубокой истины. И с этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень. [...]

Раз речь идет о тех, кто капитализмом был угнетен прямо или косвенно, сплошь или отчасти, то именно советский строй и только советский строй обеспечивает демократию. Это ясно на положении рабочего класса и беднейших крестьян. Это ясно видно на положении женщины.

Но советский строй есть последний решительный бой за уничтожение классов, за экономическое и социальное равенство. Демократии, даже демократии для угнетенных капитализмом, в том числе для угнетенного пола, — нам мало.

Женское рабочее движение главной своей задачей ставит борьбу за экономическое и социальное равенство

женщины, а не только формальное. Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего рабства», освободить ее от подчинения — отупляющего и принижающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской — вот главная задача.

Это — борьба длительная, требующая коренной переделки и общественной техники и нравов. Но эта борьба кончится полной победой коммунизма.

В. И. Ленин. К Международному дню работниц (1920) — т. 40, с. 192—193

В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком.

В. И. Ленин. О пролетарской культуре (1920) — т. 41, с. 336

Если перед вами выходят и говорят — «покончим с бюрократизмом», то это есть демагогия. Это чепуха. С бюрократизмом мы будем бороться долгие годы, и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, потому что для того, чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность, поголовное участие в Рабоче-Крестьянской инспекции.

В. И. Ленин. Заключительное слово по докладу о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 24 января [I Всероссийский съезд горнорабочих 25 января — 2 февраля 1921 г.] — т. 42, с. 260

Крайне неудовлетворительно также поставлено распределение газет, брошюр, журналов и книг по библиотекам и читальням, как при школах, так и не при школах. Отсюда пристокает то, что газету и книгу захватывает тонкий слой советских служащих и непомерно мало доходит до рабочих и до крестьян. Необходима коренная реорганизация всего этого дела.

В. И. Ленин. Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса (1921) — т. 42, с. 321

Как распределяем мы газеты и книги? [...]

Поразительно мало на расклейку, т. е. для наиболее широких масс. Поразительно много на столичные «учреждения» и т. п.— видимо, на расхищение и бюрократическое использование «совбуров» — как военных, так и штатских. [...]

В распределении газет (насчет книг не имею данных; вероятно, там обстоит дело еще хуже) мы отметили подписку. Это шаг вперед от капитализма к коммунизму. Но капитализм нельзя убить сразу. Он возрождается в виде «совбуров», советской бюрократии, которая под разными предложениями захватывает газеты. Сосчитать, сколько она их захватывает, нельзя, но, видимо, много. Надо работать упорно и систематично над тем, чтобы бюрократию «бить по рукам», не давать ей захватывать газет и книг, уменьшать ее долю, уменьшать неуклонно самое число «совбуров». Мы не в силах, к сожалению, сразу уменьшить это число в десять, в сто раз — при данном уровне нашей культуры обещать это было бы шарлатанством,— но уменьшать постоянно и неуклонно мы можем и должны. Коммунист, этого не делающий, есть коммунист только на словах.

Надо добиваться и добиваться того, чтобы газеты и книги, по правилу, распределялись даром *только* по библиотекам и читальням, по *сети* их, правильно обслуживающей всю страну, всю массу рабочих, солдат, крестьян. Тогда народ во сто раз сильнее, быстрее, успешнее потянется к грамоте, к свету, к знанию. Тогда дело просвещения двинется вперед семимильными шагами.

*В. И. Ленин. О работе Наркомпроса
(1921) — т. 42, с. 328, 330*

3) Из числа книг, пускаемых в свободную продажу в Москве, изъять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в *Главбум* на бумагу.

4) Иностранские книги разрешить продавать свободно.

*В. И. Ленин. Проект постановления
Политбюро ЦК РКП(б) о свободной
продаже книг, хранящихся на складах
Москвы (1921) — т. 44, с. 119*

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Демократический централизм
 Выборность, отчетность, сменяемость должностных лиц
 Коллективность руководства
 Демократия и дисциплина
 Подчинение меньшинства большинству
 Различие мнений и единство действий
 Гласность
 Критика и самокритика
 Борьба против нарушений демократических принципов
 Связь руководящих органов с партийными массами

Возникла ли когда-нибудь организация, которая вела бы свою работу без использования наряду с гласными также и негласных средств связи? Но говорить о тайных инструкциях из Лондона, как о декретах в вопросах веры и морали, исходящих из какого-то центра папского владычества и интриг, значит совершенно не понимать сущности Интернационала. Для этого потребовалась бы централизованная форма управления Интернационалом, в действительности же форма его организации предоставляет как раз наибольшую свободу местной самодеятельности и независимости. В самом деле, Интернационал вовсе не является собственно правительством рабочего класса; он представляет собой скорее объединение, чем командующую силу.

Запись беседы К. Маркса с корреспондентом газеты «The World» 3 июля 1871 г. — т. 44, с. 544

Боюсь, что наши друзья в Германии заблуждаются относительно организационных форм, которых следует придерживаться в теперешних условиях. Я не возражаю против того, чтобы те, кто избран в члены парламента, стояли во главе, потому что никакого другого руководства нет. Но того беспрекословного повиновения, которого могло требовать старое партийное руководство, избранное для этой цели, они не могут требовать, да и не суме-

ют добиться. В особенности при теперешних условиях — без прессы, без массовых собраний. Чем свободнее в настоящее время организация по видимости, тем крепче она в действительности. Вместо этого хотят сохранить старую систему, при которой решения партийного руководства являются окончательными (хотя и нет съезда, который мог бы поправить его, а в случае надобности — сместить), и если кто-нибудь заденет одного из них, его объявляют еретиком. При этом лучшие сами сознают, что в их среде тоже есть всякого рода неспособная и не совсем чистоплотная публика. [...] По-моему, *старой* партии с ее прежней организацией приходит конец. Если, как можно ожидать, европейское движение вскоре снова оживет, то в него вольются широкие массы немецкого пролетариата, и 500 тысяч человек 1878 года* составят образованное, дисциплинированное ядро этой массы, но тогда уж старая, сохранившаяся от лассалевских традиций, «строгая организация» будет тормозом, который хотя и мог бы остановить телегу, по которым нельзя удержать лавину. [...]

Немецкое движение имеет ту особенность, что все ошибки руководства всегда исправляются массами.

Ф. Энгельс — И. Ф. Беккеру, 1 апреля 1880 г. — т. 34, с. 349—351

По-видимому, *всякая* рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе в полном соответствии с законами диалектического развития вообще.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну, 20 октября 1882 г. — т. 35, с. 312

Партия настолько велика, что абсолютная свобода обмена мнений внутри нее является необходимостью. [...]

Самая большая в империи партия не может существовать без того, чтобы в ней не проявлялись в избытке всякого рода оттенки, и надо избегать даже *видимости* диктатуры на манер швейцеровской**.

Ф. Энгельс — Ф. А. Зорге, 9 августа 1890 г. — т. 37, с. 373, 374

* Энгельс имеет в виду 437 тыс. избирателей, голосовавших за социал-демократов на выборах в рейхстаг 30 июля 1878 г. *Ред.*

** И. Б. Швейцер — преемник Ф. Лассалья на посту президента Всеобщего германского рабочего союза. *Ред.*

Не создавайте без необходимости мучеников, покажите, что у вас царит свобода критики, и *если* уж необходимо кого-либо исключить, то только в тех случаях, когда налицо «открытые действия», на самом деле яркие и полностью доказуемые *факты* низости и предательства!

Ф. Энгельс — В. Либкнехту, 10 августа 1890 г.— т. 37, с. 379

Пусть же они * поймут, что их «академическое образование», требующее к тому же основательной критической самопроверки, вовсе не дает им офицерского чина с правом на соответствующий пост в партии; что в нашей партии каждый должен начинать свою службу с низшей должности; что для занятия ответственных постов в партии недостаточно только литературного таланта и теоретических знаний, даже когда и то и другое бесспорно налицо, но что для этого требуется также основательное знание условий партийной борьбы и усвоение ее форм, испытанная личная честность и твердость характера и, наконец, добровольное включение себя в ряды борцов; одним словом, что им, этим «академически образованным» людям, в общем и целом гораздо больше надо учиться у рабочих, чем рабочим у них.

Ф. Энгельс. Ответ редакции «Sächsische Arbeiter-Zeitung» (1890) — т. 22, с. 74—75

Необходимо также, чтобы люди перестали, наконец, обращаться с партийными чиновниками — своими собственными слугами — с постоянной чрезмерной деликатностью и вместо критики их покорнейше повиноваться им как непогрешимым бюрократам.

Ф. Энгельс — К. Каутскому, 11 февраля 1891 г.— т. 38, с. 29

[...] В *большой партии* не может дальше существовать строгая дисциплина *секты*, и это имеет также свои положительные стороны.

Ф. Энгельс — К. Каутскому, 30 апреля 1891 г.— т. 38, с. 70

* — представители так называемых «молодых» — мелкобуржуазной полуанархистской оппозиционной группы в германской социал-демократии, основное ядро которой составляли студенты и начинающие литераторы, претендовавшие на роль теоретиков и руководителей партии. *Ред.*

[...] С тех пор как вы попытались насильно воспрепятствовать опубликованию статьи * и направили в «Neue Zeit» предупреждение, что в случае повторения чего-либо подобного его придется, возможно, передать в ведение высшей партийной власти и подчинить цензуре,— с тех пор мероприятия партии по овладению всей вашей прессой поневоле представляются мне в своеобразном свете. Какая же разница между вами и Путкамером, если вы в своих собственных рядах вводите закон против социалистов? Меня лично это, собственно, мало затрагивает: никакая партия той или другой страны не может заставить меня молчать, если я решил говорить. Но мне хотелось бы навести вас на мысль, не лучше ли было бы вам быть несколько менее обидчивыми, а в своих поступках — несколько менее пруссаками. Вам, партии, *нужна* социалистическая наука, а она не может существовать без свободы развития. Тут уж приходится мириться со всякими неприятностями, и лучше всего делать это с достоинством, без нервозности. Даже легкая размолвка, не говоря уж о разрыве, между немецкой партией и немецкой социалистической наукой была бы ни с чем несравнимым несчастьем и позором. Что Правление и лично ты сохраняете и должны сохранять значительное *моральное* влияние на «Neue Zeit» и на все, что вообще печатается,— это само собой разумеется. Но этим вы должны и можете удовлетворяться. В «Vorwärts» постоянно похваляются неприкосновенностью свободы дискуссии, но она что-то не особенно заметна. Вы совершенно не представляете себе, какое странное впечатление производит эта склонность к насильственным мерам здесь, за границей, где люди привыкли видеть, как без стеснения привлекаются к ответу перед партией старейшие лидеры этой же партии (например, правительство тори — лордом Рандолфом Черчиллем). И затем вы не должны забывать о том, что в большой партии дисциплина ни в коем случае не может быть столь же суровой, как в маленькой секте, и что закон против социалистов, сплотивший воедино лассальянцев и эйзенахцев (правда, по мнению Либкнехта, это сделала его великолепная программа!) и вынуждавший к такому тесному сплочению, теперь уже более не существует.

Ф. Энгельс — А. Бебелю, 1—2 мая
1891 г. — т. 38, с. 77—78

* Имеется в виду работа К. Маркса «Критика Готской программы» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 9—32). Ред.

Ваше «государствление» печати * может иметь большие недостатки, если пойдет слишком далеко. Вам, безусловно, необходимо иметь в партии прессу, независимую непосредственно от Правления и даже от партийного съезда, то есть прессу, имеющую возможность в рамках программы и принятой тактики свободно выступать против тех или иных шагов, предпринятых партией, а также, не преступая границ партийной этики, подвергать свободной критике программу и тактику. Таковую прессу вы как Правление должны поощрять и даже создавать, тогда вы будете иметь на нее большее моральное влияние, чем если она возникнет наполовину вопреки вашей воле. Партия перерастает рамки существовавшей до сих пор жесткой дисциплины; при двух-трех миллионах членов и постоянном притоке «образованных» ** элементов требуется большая свобода действий, чем та, которая предоставлялась до сих пор и была не только достаточна, но приносила даже пользу тем, что ставила известные границы. Чем скорее вы приспособитесь сами и приспособите партию к этому изменившемуся положению, тем лучше. И первое, что требуется, это формально независимая партийная пресса. Появится-то она непременно, но будет лучше, если вы вызовете ее к жизни при таких обстоятельствах, чтобы она с самого начала находилась под вашим моральным влиянием, а не возникла наперекор вам и против вас.

Ф. Энгельс — А. Бебело, 19 ноября
1892 г. — т. 38, с. 441—442

Да! Мы признаем долг товарищества, долг поддержки всех товарищей, долг терпимости к мнениям товарищей, но для нас долг товарищества вытекает из долга перед русской и перед международной социал-демократией, а не наоборот.

В. И. Ленин. Попятное направление в
русской социал-демократии (1899) —
т. 4, с. 154

[...] Закричат, что мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правоверных», преследующих

* Имеется в виду предложение руководства Социал-демократической партии Германии выкупать все вновь создаваемые социал-демократические газеты и превращать их в официальные органы партии. Это предложение было отклонено Берлинским съездом партии в ноябре 1892 г. *Ред.*

** В оригинале на берлинском диалекте: «jebildeten». *Ред.*

«еретиков» за отступление от «догмы», за всякое самостоятельное мнение и пр. Знаем мы все эти модные хлесткие фразы. Только нет в них ни капли правды и ни капли смысла. Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности; защищать такую теорию, которую по своему крайнему разумению считаешь истинной, от неосновательных нападений и от попыток ухудшить ее — вовсе еще не значит быть врагом *всякой* критики. Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России. Поэтому мы охотно будем уделять место в нашей газете статьям по теоретическим вопросам и приглашаем всех товарищей к открытому обсуждению спорных пунктов.

В. И. Ленин. *Наша программа* (1899) — т. 4, с. 183—184

Ведение политической борьбы невозможно без того, чтобы вся партия высказывалась по всем вопросам политики и направляла отдельные проявления борьбы. Организация революционных сил, дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных *форм и правил ведения дела*, без установления — чрез посредство центрального органа — *ответственности* каждого члена партии перед всей партией.

В. И. Ленин. *Наша ближайшая задача* (1899) — т. 4, с. 191

Могут возразить, что настоящий момент еще и потому неудобен для составления программы, что среди самих социал-демократов возникают разногласия и начинается полемика. Мне кажется, наоборот: это еще один довод

за необходимость программы. С одной стороны, раз полемика началась, то можно надеяться, что при обсуждении проекта программы выскажутся все взгляды и все оттенки взглядов, можно надеяться, что обсуждение программы будет всесторонним. Poleмика указывает на оживление в рядах русских социал-демократов широких вопросов о целях нашего движения, о его ближайших задачах и его тактике, а такое оживление именно и необходимо для обсуждения проекта программы. С другой стороны, для того, чтобы полемика не осталась бесплодной, чтобы она не выродилась в личное состязание, чтобы она не повела к путанице взглядов, к смешению врагов и товарищей, для этого безусловно необходимо, чтобы в эту полемику внесен был вопрос о программе. Poleмика только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, *насколько они глубоки*, есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах, мешают ли эти разногласия совместной работе в рядах одной партии или нет. *Только* внесение в полемику вопроса о программе может дать ответ на все эти, настоятельно требующие ответа, вопросы; — только определенное заявление обеими полемизирующими сторонами своих *программных* взглядов. Выработка общей программы партии, конечно, отнюдь не должна положить конец всякой полемике, — но она твердо установит те основные воззрения на характер, цели и задачи нашего движения, которые должны служить знаменем борющейся партии, остающейся сплоченной и единой, несмотря на частные разногласия в среде ее членов по частным вопросам.

В. И. Ленин. Проект программы нашей партии (1899) — т. 4, с. 214—215

[...] Идейное объединение русских социал-демократов еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнению, открытое и всестороннее обсуждение основных принципиальных и тактических вопросов, поднятых современными «экономистами», бернштейнцами и «критиками». Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению. Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем

вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм, и нам вряд ли есть надобность добавлять, что мы стоим за последовательное развитие идей Маркса и Энгельса и решительно отвергаем те половинчатые, расплывчатые и оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Эд. Бернштейна, П. Струве и многих других. Но, обсуждая все вопросы с своей определенной точки зрения, мы вовсе не отвергаем полемику между товарищами на страницах нашего органа. Открытая полемика пред всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают не только представители различных взглядов, но даже представители различных местностей или различных «профессий» революционного движения. Мы считаем даже, как уже было замечено выше, одним из недочетов современного движения отсутствие открытой полемики между заведомо расходящимися взглядами, стремление держать под спудом разногласия, касающиеся очень серьезных вопросов.

В. И. Ленин. *Заявление редакции «Искры»* (1900) — т. 4, с. 357—358

«Свобода критики» — это, несомненно, самый модный лозунг в настоящее время, всего чаще употребляемый в спорах между социалистами и демократами всех стран. На первый взгляд, трудно себе представить что-либо более странное, чем эти торжественные ссылки одной из спорящих сторон на свободу критики. Неужели из среды передовых партий раздались голоса против того конституционного закона большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования? «Тут что-то не так!» — должен будет сказать себе всякий сторонний человек, который услышал повторяемый на всех перекрестках модный лозунг, но не вник еще в сущность разногласия между спорящими. [...]

Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность *оппортунизма*. И если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по

тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют,— то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Свобода — великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду с старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «да здравствует свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке.

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимают кричать: пойдете в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!

В. И. Ленин. Что делать? (1901—1902) — т. 6, с. 6, 9—10

«ЗАГОВОРЩИЧЕСКАЯ» ОРГАНИЗАЦИЯ И «ДЕМОКРАТИЗМ»

[...] Всякий согласится, вероятно, что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и, во-

вторых, выборность всех функций. Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации. Мы назовем демократической организацией немецкой социалистической партии, ибо в ней все делается открыто, вплоть до заседаний партийного съезда; но никто не назовет демократической организацией — такую, которая закрыта от всех не членом покровом тайны. Спрашивается, какой же смысл имеет выставление «широкого демократического принципа», когда основное условие этого принципа *неисполнимо* для тайной организации? [...]

Не лучше обстоит дело и со вторым признаком демократизма, — с выборностью. В странах с политической свободой это условие подразумевается само собою. «Членом партии считается всякий, кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил» — гласит первый параграф организационного устава немецкой социал-демократической партии. И так как вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра, то это признание или непризнание, поддержка или противодействие известны всем и каждому и из газет и из народных собраний. Все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами, — и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность *все* члены партии. Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! Мыслимо ли у нас, чтобы все, «кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил», контролировали каждый шаг

революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер *обязан* в интересах работы скрывать от девяти десятых этих «всех», кто он такой? Вдумайтесь хоть немного в настоящее значение тех громких слов, с которыми выступает «Раб. Дело», и вы увидите, что «широкий демократизм» партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь *пустая и вредная игрушка*. Это — пустая игрушка, ибо на деле никогда никакая революционная организация *широкого* демократизма не проводила и не может проводить даже при всем своем желании. Это — вредная игрушка, ибо попытки проводить на деле «широкий демократический принцип» облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество, отвлекают мысль практиков от серьезной, настоятельной задачи вырабатывать из себя профессиональных революционеров к составлению подробных «бумажных» уставов о системах выборов. Только за границей, где нередко собираются люди, не имеющие возможности найти себе настоящего, живого дела, могла кое-где и особенно в разных мелких группах развиться эта «игра в демократизм». [...]

Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества,—обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это большее безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными: им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою *ответственность* чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами. Да и есть у нас довольно развитое, имеющее за собой целую историю, общественное мнение русской (и международной) революционной среды, карающее с беспощадной суровостью всякое от-

ступление от обязанностей товарищества (а ведь «демократизм», настоящий, не игрушечный демократизм входит, как часть в целое, в это понятие товарищества!). Примите все это во внимание — и вы поймете, какой затхлый запах заграничной игры в генеральство поднимается от этих разговоров и резолюций об «антидемократических тенденциях»!

Надо заметить еще, что другой источник таких разговоров, т. е. наивность, питается также смутностью представлений о том, что такое демократия. В книге супругов Вебб об английских тред-юнионах* есть любопытная глава: «Примитивная демократия». Авторы рассказывают там, как английские рабочие в первый период существования их союзов считали необходимым признаком демократии, чтобы все делало всё по части управления союзами: не только все вопросы решались голосованием всех членов, но и должности отправлялись всеми членами по очереди. Нужен был долгий исторический опыт, чтобы рабочие поняли нелепость такого представления о демократии и необходимость представительных учреждений, с одной стороны, профессиональных должностных лиц, с другой. Нужно было несколько случаев финансового краха союзных касс, чтобы рабочие поняли, что вопрос о пропорциональном отношении платимых взносов и получаемых пособий не может быть решен одним только демократическим голосованием, а требует также голоса специалиста по страховому делу. Возьмите, далее, книгу Каутского о парламентаризме и народном законодательстве**, — и вы увидите, что выводы теоретика-марксиста совпадают с уроком многолетней практики «стихийно» объединявшихся рабочих. Каутский решительно восстает против примитивного понимания демократии Риттингхаузенем, высмеивает людей, готовых во имя ее требовать, чтобы «народные газеты прямо редактировались народом», доказывает необходимость профессиональных журналистов, парламентариев и пр. для социал-демократического руководства классовой борьбой

* Вебб С. и Б. Теория и практика английского тред-юнионизма (Industrial democracy). Пер. с англ. В. Ильина. Т. 1—2. Спб., 1900. Ред.

** Kautsky K. Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie. Stuttgart, 1893 (Каутский К. Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия. Штутгарт, 1893). Ред.

пролетариата, нападает на «социализм анархистов и литераторов», в «погоне за эффектами» превозносящих прямое народное законодательство и не понимающих весьма условной применимости его в современном обществе.

Кто работал практически в нашем движении, тот знает, как широко распространено среди массы учащейся молодежи и рабочих «примитивное» воззрение на демократию. Неудивительно, что это воззрение проникает и в уставы и в литературу. «Экономисты» бернштейнианского толка писали в своем уставе: «§ 10. Все дела, касающиеся интересов всей союзной организации, решаются большинством голосов всех членов ее». «Экономисты» террористского толка вторят им: «необходимо, чтобы комитетские решения обходили все кружки и только тогда становились действительными решениями» («Свобода» № 1, с. 67). Заметьте, что это требование широко применять референдум выдвигается *сверх* требования построить на выборном начале *всю* организацию! Мы далеки от мысли, конечно, осуждать за это практиков, имевших слишком мало возможности познакомиться с теорией и практикой действительно демократических организаций. Но когда «Раб. Дело», которое претендует на руководящую роль, ограничивается при таких условиях резолюцией о широком демократическом принципе, то как же не назвать это простой «погоней за эффектом»?

В. И. Ленин. *Что делать?* (1901—1902) — т. 6, с. 134, 138—143

И не потому только бесполезны уставы, что революционная работа не всегда допускает оформленность. Нет, оформленность нужна, и мы должны стараться *оформить* всю работу по мере возможности. И оформленность допустима в гораздо больших размерах, чем это обыкновенно думают, но достижима она не уставами, а только и исключительно (повторяем это еще и еще раз) точным оповещением центра партии: только тогда это будет реальной оформленностью, связанной с реальной ответственностью и (партийной) оглаской. А то кто же у нас не знает, что *серьезные* конфликты и разногласия решаются у нас в сущности вовсе не голосованием «по уставу», а борьбой и угрозой «уйти»? Такой внутренней борьбой полна история *большинства* наших комитетов за последние 3—4 года партийной жизни. Очень

жаль, что борьба эта не была оформлена: она тогда дала бы гораздо более для поучения партии, для опыта наших преемников. Но *такая* полезная и необходимая оформленность никакими уставами не создается, а исключительно *партийной гласностью*. У нас при самодержавии не может быть иного средства и оружия партийной гласности, кроме регулярной осведомленности партийного центра.

И только тогда, когда мы научимся широко применять эту гласность, у нас действительно выработается опыт функционирования тех или иных организаций, только на основании такого широкого и многолетнего опыта могут выработываться *не бумажные уставы*.

*В. И. Ленин. Письмо к товарищу о
нших организационных задачах
(1902) — т. 7, с. 24—25*

Голосования по всем вопросам, кроме выбора должностных лиц, должны быть открытые.

*В. И. Ленин. Материалы ко II съезду
РСДРП (1903) — т. 7, с. 394—395*

Неужели не ясно, что централизм требует *отсутствия* всяких перегородок между центром и самыми отдаленными, самыми захолустными частями партии? Наш центр получит безусловное право доходить непосредственно до каждого отдельного члена партии. [...] Мы безусловно и непременно дадим автономию и «какому-нибудь» Тульскому комитету, автономию в смысле свободы от мелочного вмешательства центра, причем, разумеется, обязанность подчинения центру остается.

*В. И. Ленин. Речь по вопросу о месте
Бюро в РСДРП [II съезд РСДРП
17 (30) июля — 10 (23) августа
1903 г.] — т. 7, с. 267—268*

Необходимо предоставить Центральному Комитету самому определять сферу своей компетенции, потому что во всяком местном деле могут быть затронуты общепартийные интересы, и необходимо предоставить Центральному Комитету возможность вмешаться в местные дела, вопреки, быть может, местным интересам, но в целях общепартийных.

В. И. Ленин. Доклад об уставе партии [II съезд РСДРП 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 г.] — т. 7, с. 273

Недовольство личным составом центров, вытекает ли оно из личных раздражений или из разногласий, кажущихся тому или иному члену партии серьезными, не может и не должно вести к нелояльному образу действий. Если центры, по мнению тех или иных лиц, делают те или иные ошибки, то обязанность всех членов партии указывать на эти ошибки перед всеми членами партии и, прежде всего, указывать самим центрам. ЦК и редакция ЦО равным образом обязаны, во имя партийного долга, рассмотреть все такие указания со всей тщательностью, независимо от того бы они ни поступили. [...]

ЦК и редакция ЦО твердо убеждены, что Российская социал-демократическая рабочая партия не позволит влиять на созданные ею учреждения незаконным, негласным (перед партией негласным) и нелояльным путем давлений и бойкотов.

В. И. Ленин. Проект обращения ЦК и редакции ЦО к членам оппозиции (1903) — т. 8, с. 33

[...] Больше света: обсуждение «непоследовательности» и «мелких разногласий»

«поражения» вождей; выбор вождей должен быть сознательным

В. И. Ленин. набросок содержания письма в редакцию «Искры» (1903) — т. 8, с. 464

[...] Вина формализма и бюрократизма падает на того, кто своим отстранением от работы под руководством центров затруднил возможность неформалистического ведения дела.

В. И. Ленин. Почему я вышел из редакции «Искры»? (1903) — т. 8, с. 103

Вы называете бюрократами тех, кто занимает партийную должность по воле партийного съезда [...] Вам необходимо прикрыть этим тот неприятный для вас факт, что именно духом бюрократизма, духом местничества, духом погони за чинами оказались пропитанными люди, которые решительно не в состоянии были работать в партии вне центральных партийных учреждений. Да, ваше поведение действительно воочию показало нам, что партия наша больна бюрократизмом, который место ставит выше работы, который не чурается бойкота и дезорганизации ради завоевания места.

В. И. Ленин. К членам партии (1904) — т. 8, с. 108

[...] Члены нашей партии должны всеми силами стремиться к тому, чтобы никакие частные разногласия в понимании и способах проведения принципов, признанных нашей партийной программой, не мешали и не могли мешать дружной совместной работе под руководством наших центральных учреждений. Чем глубже и шире понимаем мы нашу программу и задачи международного пролетариата, чем больше ценим мы значение положительной работы над развитием пропаганды, агитации и организации, чем дальше мы от сектантства, мелкой кружковщины и местнических счетов,— тем с большей энергией мы должны добиваться того, чтобы разногласия между членами партии обсуждались спокойно и по существу дела, чтобы эти разногласия не могли мешать нашей работе, не могли вносить дезорганизации в нашу деятельность, не могли тормозить правильного функционирования наших центральных учреждений. [...]

У нас есть, конечно, и в большой партии всегда будут случаи, когда то или другое число членов недовольно известным оттенком деятельности того или другого центра, известными чертами его направления, или его личным составом и т. п. Такие члены могут и должны выяснять причины и характер своего недовольства в товарищеском обмене мнений и в полемике на страницах партийных изданий, но было бы совершенно непозволительно и недостойно революционеров проявлять свое недовольство в бойкоте или отстранении от поддержки всеми силами всей положительной работы, объединяемой и направляемой обоими центрами партии. Поддержка обоих центров, дружная работа под их непосредственным руководством — есть наш общий и прямой партийный долг.

Такие неидейные, грубо-механические приемы борьбы, которые указаны выше, заслуживают безусловного осуждения, ибо они способны совершенно разрушить всю партию, сплываемую всецело и исключительно доброй волей революционеров.

В. И. Ленин. Проект резолюции о мерах по восстановлению мира в партии, внесенный 15 (28) января [Совет РСДРП 15—17 (28—30) января 1904 г.] — т. 8, с. 115—116

[...] Нормальная борьба, идейная борьба, борьба, которая ведется в известных границах,— допустима, но не допустимы: бойкот, отказ от работы под руководством

ЦК, отказ от поддержки денежными средствами центральной партийной кассы и т. д.

В. И. Ленин. *Речи о мерах по восстановлению мира в партии* [Совет РСДРП 15—17 (28—30) января 1904 г.] — т. 8, с. 121

[...] Нарушает партийную дисциплину и устав съезда именно тот, кто стесняет чем бы то ни было обращение любого делегата *прямо к съезду по всем, без исключения и изъятия, вопросам партийной жизни.*

В. И. Ленин. *Шаг вперед, два шага назад* (1904) — т. 8, с. 202

Толкуют о бюрократизме. Бюрократизм можно перевести на русский язык словом: местничество. Бюрократизм означает подчинение интересов *дела* интересам *карьеры*, обращение сугубого внимания на *местечки* и игнорирование работы, свалку за *кооптацию* вместо борьбы за *идеи*. Такой бюрократизм, действительно, безусловно нежелателен и вреден для партии, и я спокойно предоставляю читателю судить, которая из двух борющихся теперь в нашей партии сторон повинна в таком бюрократизме...

В. И. Ленин. *Шаг вперед, два шага назад* (1904) — т. 8, с. 351

Теперь мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших.

В. И. Ленин. *Шаг вперед, два шага назад* (1904) — т. 8, с. 355

Барский анархизм не понимает, что формальный устав необходим именно для замены узких кружковых связей широкой партийной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта связь держалась на приятельстве или на безотчетном, немотивированном «доверии». Связь партийная не может и не должна держаться ни на том, ни на другом, ее необходимо базировать именно на *формальном*, «бюрократически» (с точки зрения распущенного интеллигента) редижированном уставе, строгое соблюдение которого одно лишь гарантирует нас от круж-

кового самодурства, от кружковых капризов, от кружковых приемов свалки, называемой свободным «процессом» идейной борьбы.

В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад (1904) — т. 8, с. 380—381

[...] По мере того, как складывается у нас *настоящая* партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, шеголяющего анархической фразой, должен научиться *требовать* исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от «людей верха» [...]

В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад (1904) — т. 8, с. 382—383

Бюрократизм *versus* * демократизм, это и есть централизм *versus* автономизм, это и есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов социал-демократии. Последний стремится идти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно и насколько можно, автономизм, «демократизм», доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части.

В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад (1904) — т. 8, с. 384—385

Не в одной только Германии, а и во Франции, и в Италии оппортунисты горой стоят за автономизм, за ослабление партийной дисциплины, за сведение ее к нулю, везде их тенденции приводят к *дезорганизации*, к извращению «демократического принципа» в *анархизм*. «Демократия не есть отсутствие власти,— поучает К. Каутский оппортунистов в организационном вопросе,— демократия не есть анархия, она есть господство массы над ее уполномоченными, в отличие от других форм власти, когда мнимые слуги народа в действительности являются его владыками» **. К. Каутский проследживает подробно дезорганизаторскую роль оппортуни-

* — против. *Ред.*

** Здесь и ниже Ленин цитирует статью Каутского «Избирательный округ и партия», опубликованную в журнале «Die Neue Zeit» (Jg. 22, 1903—1904, Bd. 2, № 28). *Ред.*

стического автономизма в разных странах, показывает, что именно присоединение к социал-демократии «*массы буржуазных элементов*»* усиливает оппортунизм, автономизм и тенденции к нарушению дисциплины, напоминает паки и паки, что именно «организация есть то оружие, которым освободит себя пролетариат», именно «организация есть свойственное пролетариату оружие классовой борьбы».

В Германии, где оппортунизм слабее, чем во Франции и Италии, «автономистские тенденции привели пока лишь к более или менее патетическим декламациям против диктаторов и великих инквизиторов, против отлучений от церкви** и выскиваний ереси, к бесконечным придиркам и дрызгам, разбор которых повел бы лишь к бесконечной ссоре».

Неудивительно, что в России, где оппортунизм в партии еще более слаб, чем в Германии, автономистские тенденции породили меньше идей и больше «патетических декламаций» и дрызг.

Неудивительно, что Каутский приходит к заключению: «Может быть, ни в каком другом вопросе ревизионизм всех стран не отличается такой однородностью, несмотря на все его разновидности, всю его разноцветность, как именно в организационном вопросе». Основные тенденции ортодоксии и ревизионизма в этой области и К. Каутский формулирует при помощи «страшного слова»: бюрократизм *versus* (против) демократизма. Нам говорят, пишет К. Каутский, что дать право правлению партии влиять на выбор кандидата (в депутаты парламента) местными избирательными округами — значит «постыдно посягать на демократический принцип, который требует, чтобы вся политическая деятельность развертывалась снизу вверх, путем самодеятельности масс, а не сверху вниз, путем бюрократическим... Но если есть какой-нибудь действительно демократический принцип, так это тот, что большинство должно иметь перевес над меньшинством, а не наоборот...» Выбор депутатов в парламент от какого бы то ни было отдель-

* В качестве примера К. Каутский называет *Жореса*. По мере их уклонения в оппортунизм, таким людям «партийная дисциплина неизбежно должна была казаться непозволительным стеснением их свободной личности».

** *Bannstrahl* — анафема. Это немецкий эквивалент русского «осадного положения» и «исключительных законов». Это — «страшное слово» немецких оппортунистов.

ного избирательного округа есть важный вопрос всей партии в целом, которая и должна влиять на назначение кандидатов хотя бы через посредство доверенных людей партии (Vertrauensmänner). «Кому кажется это слишком бюрократическим или централистическим, тот пусть попробует предложить, чтобы кандидатов намечали прямые голосования всех членов партии вообще (sämtliche Parteigenossen). Раз это неисполнимо, то нечего и жаловаться на недостаток демократизма, когда указанная функция, подобно многим другим, касающимся всей партии, выполняется одной или несколькими партийными инстанциями». По «обычному праву» германской партии и раньше отдельные избирательные округа «товарищески договаривались» с правлением партии о выставлении того или иного кандидата. «Но партия стала уже слишком велика, чтобы достаточно было этого молчаливого обычного права. Обычное право перестает быть правом, когда его перестают признавать, как нечто само собою разумеющееся, когда содержание его определений и даже самое его существование оспаривается. Тогда становится безусловно необходимым точно формулировать это право, кодифицировать его...», перейти к более «точному уставному закреплению [...] (statutarische Festlegung), а вместе с тем к усилению строгости (größere Straffheit) организации».

Вы видите, таким образом, в другой обстановке ту же борьбу оппортунистического и революционного крыла партии по организационному вопросу, тот же конфликт автономизма и централизма, демократизма и «бюрократизма», тенденций к ослаблению строгости и к усилению строгости организации и дисциплины, психологии неустойчивого интеллигента и выдержанного пролетария, интеллигентского индивидуализма и пролетарской сплоченности.

В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад (1904) — т. 8, с. 388—390

Конечно, всякой властью могут злоупотреблять, но для борьбы с этим злом имеется контроль — в форме, например, прессы или деятельности Совета и т. д.

В. И. Ленин. Речь о кооптации в комитеты и о праве ЦК вводить в них новых членов [Совет РСДРП 31 мая и 5 июня (13 и 18 июня) 1904 г.] — т. 8, с. 437

[...] Для членов партии было бы весьма важно знать, что происходит в высшем партийном учреждении [...]

В. И. Ленин. Выступление по вопросу об опубликовании протоколов заседаний Совета партии (Совет РСДРП 31 мая и 5 июня (13 и 18 июня) 1904 г.) — т. 8, с. 442

Без подчинения меньшинства большинству не может быть партии, сколько-нибудь достойной имени рабочей партии [...]

В. И. Ленин. Чего мы добиваемся? (1904) — т. 9, с. 7—8

[...] В партии всегда будут споры и борьба, их надо лишь ввести в партийные рамки, а это под силу лишь съезду.

В. И. Ленин. Чего мы добиваемся? (1904) — т. 9, с. 8

Необходимо дать самые широкие гарантии вообще относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии.

В. И. Ленин. Чего мы добиваемся? (1904) — т. 9, с. 10

[...] Новый ЦК в своей новой политике решился, вместе с ЦО, третировать партию, как ничто. Собрание энергично осуждает эту политику бонапартизма, призывает всех членов партии к решительной борьбе против узурпации и лицемерия, требует полного опубликования протоколов Совета и всех неконспиративных данных о деятельности центральных учреждений.

В. И. Ленин. Проект резолюции Женевской группы большинства (1904) — т. 9, с. 26—27

[...] Должностные учреждения, назначенные партией, должны считаться с волей этой партии [...]

В. И. Ленин. Письмо Глебову (В. А. Носкову) (1904) — т. 9, с. 32

[...] Партия обязана сама следить за исполнением устава ее должностными лицами [...] «следить» значит не словами только порицать, а делом исправлять. Тот не достоин звания политически свободного гражданина, кто не умеет требовать и добиваться от своих доверенных выполнения их обязанностей по отношению к доверителям.

Тот не достоин звания члена партии, кто не умеет требовать и *добиваться* от своих доверенных выполнения их партийных обязанностей по отношению к их доверителям.

В. И. Ленин. Бесконечные отговорки (1905) — т. 9, с. 310

При свободных политических условиях наша партия может и будет построена всецело на принципе выборного начала. При самодержавии это неосуществимо для всей массы входящих в партию тысяч рабочих.

В. И. Ленин. Проект резолюций съезда [Общий план работ и решений III съезда РСДРП] (1905) — т. 9, с. 324

Неверно, что выборное начало не даст большей осведомленности периферии etc.

В. И. Ленин. Материалы к III съезду РСДРП (1905) — т. 10, с. 388

[...] Выборное начало не даст большей осведомленности. Это неверно. Если бы выборное начало применялось *на деле*, оно, несомненно, дало бы больше осведомленности.

В. И. Ленин. Речь по вопросу об отношениях рабочих и интеллигентов в с.-д. организациях [III съезд РСДРП 12—27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 г.] — т. 10, с. 162

Принимая во внимание:

1) что со стороны правого крыла нашей партии до сих пор систематически продолжают начавшиеся еще со времен «экономизма» попытки сеять вражду и недоверие между членами партии — рабочими и интеллигентами, попытки изображать наши партийные организации, как чисто интеллигентские, чем искусно пользуются враги социал-демократии, — попытки обвинять социал-демократические организации в стремлении сковать партийной дисциплиной самостоятельность рабочего класса, — попытки щеголять лозунгом выборного начала, большей частью без серьезных шагов к проведению его в жизнь;

2) что *полное* господство выборного начала, возможное и необходимое при свободных политических условиях, неосуществимо при самодержавии, — но что и при самодержавии применение выборной системы было бы возможно в значительно более широких размерах, чем это делается теперь, если бы не препятствовала та формальная расплывчатость партийной организации и та

фактическая ее дезорганизованность, которыми партия обязана правому же крылу социал-демократии.—

III съезд РСДРП, признавая своей задачей путем ряда организационных реформ подготовить к ближайшим съездам условия для действительного проведения в возможных размерах выборного начала в партийной жизни, напоминает еще раз задачу сознательных сторонников рабочей социал-демократической партии: укреплять всеми силами связь партии с массой рабочего класса, поднимая все более и более широкие слои пролетариев и полупролетариев до полной социал-демократической сознательности, развивая их революционную социал-демократическую самодеятельность, заботясь о выделении рабочей массой возможно большего числа рабочих, способных руководить движением и партийными организациями, в качестве членов местных центров и центра общепартийного, создавая как можно больше рабочих организаций, входящих в нашу партию, стараясь о том, чтобы рабочие организации, не желающие или не имеющие возможности войти в партию, по крайней мере, к ней примыкали.

В. И. Ленин. Проект резолюции об отношениях рабочих и интеллигентов в с.-д. организациях [III съезд РСДРП 12—27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 г.] — т. 10, с. 171—172

Меньшинство второго съезда не захотело подчиниться большинству его и начало раскол, принесший глубокий вред с.-д. рабочему движению. [...] III съезд, несмотря на отсутствие меньшинства, принял все меры к тому, чтобы меньшинство могло работать вместе с большинством в одной партии. III съезд признал неправильность того поворота к устарелым, отжившим взглядам «экономизма», который наметился в нашей партии, но в то же время съезд создал точные и определенные, закрепленные уставом партии, обязательным для всех членов ее, гарантии прав всякого меньшинства. Меньшинство имеет теперь безусловное, обеспеченное уставом партии, право отстаивать свои взгляды, вести идейную борьбу,— лишь бы споры и разногласия не вели к дезорганизации, не мешали положительной работе, не дробили наших сил, не препятствовали дружной борьбе с самодержавием и с капиталистами. [...] Одним словом, третьим съездом сделано все, чтобы рассеять всякую возможность нареканий на злоупотребление со стороны большинства его

перевесом, на механическое подавление, на деспотизм центральных учреждений партии и проч. и т. п. [...] Мы уверены, что именно сознательные рабочие, всего лучше умеющие ценить значение сплоченной, дружной работы, всего глубже прочувствовавшие весь вред розни, шатаний и усобиц, будут настаивать теперь со всей энергией на всеобщем и безусловном признании партийной дисциплины всеми членами партии как из низов, так и из верхов ее!

В. И. Ленин. Извещение о III съезде РСДРП (1905) — т. 10, с. 206—208

Для всякого, усвоившего себе основы всякой партийной организации вообще, ясно, что дисциплина по отношению к низшей коллегии обусловлена дисциплиной по отношению к высшей коллегии [...] Кто не согласен с этой азбукой, тот неизбежно приходит к абсурдному выводу, что не доверенные лица ответственны перед доверителями и подотчетны им, а наоборот.

В. И. Ленин. Третий съезд (1905) — т. 10, с. 213

Как можно было не поставить меньшевикам принципиального ультиматума в организационном вопросе: (1) съезды вместо плебисцитов, как верховный орган партии; (2) безусловное подчинение партийной литературы партии; (3) прямые выборы в ЦК; (4) подчинение меньшинства (без кавычек) большинству и т. д.??

В. И. Ленин — Центральному Комитету РСДРП, 1 (14) августа 1905 г. — т. 47, с. 55

[...] Рост социал-демократического движения и усиление его революционности ведут непременно и неизбежно к более последовательному проведению централизма. Развитие немецкой социал-демократии в этом отношении крайне поучительно для нас русских. Организационные вопросы недавно занимали у нас, отчасти даже и теперь занимают, непропорционально большое место в ряду злободневных вопросов партийной жизни. Со времени III съезда две организационные тенденции в партии определились вполне: одна — к последовательному централизму и к выдержанному расширению демократизма в партийной организации не для демагогии, не для красного словца, а для осуществления на деле по мере расширения свободы попроща для социал-демократии в

России. Другая — к организационной расплывчатости, к «организационной туманности», весь вред которой понял теперь даже столь долго защищавший ее Плеханов [...]

В. И. Ленин. Иенский съезд Германской социал-демократической рабочей партии (1905) — т. 11, с. 324

Мы, представители революционной социал-демократии, сторонники «большинства», неоднократно говорили, что демократизация партии, проведенная до конца, была невозможна при условиях конспиративной работы, что «выборное начало» при этих условиях есть фраза. И жизнь подтвердила наши слова. Неоднократно в литературе [...] отмечалось уже бывшими сторонниками меньшинства, что фактически никакой серьезной демократизации, никакой действительной выборности провести не удавалось. Но необходимость перехода к выборному началу при новых условиях, при переходе к политической свободе, мы, большевики, признавали всегда: протоколы III съезда РСДРП доказывают это особенно убедительно, если требуются еще тому доказательства.

В. И. Ленин. О реорганизации партии (1905) — т. 12, с. 84

Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

«Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижającego, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равеннию, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и страшного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского русского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту

новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения» своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной «свободы критики», *внутри* партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой пере-

ход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках * и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески,— не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу.

*В. И. Ленин. Партийная организация
и партийная литература (1905) — т. 12,
с. 100—105*

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ

Принимая во внимание:

1) что принцип демократического централизма в партии является в настоящее время общепризнанным;

* В источнике, по-видимому, опечатка; по смыслу следовало бы «в романах». *Ред.*

2) что проведение его в жизнь при существующих политических условиях хотя и затруднено, но все же является в известных пределах возможным;

3) что смешение конспиративного и открытого аппарата партийной организации оказалось крайне губительным для партии и играющим на руку правительственной провокации;

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что выборное начало в организациях партии должно быть проведено снизу доверху;

2) что отступления от этого принципа, например двухстепенные выборы или кооптация в выборные учреждения и т. п., допустимы лишь при непреодолимых полицейских препятствиях и в исключительных особо предусмотренных случаях;

3) что настоятельно необходимо сохранение и укрепление конспиративного ядра партийной организации;

4) что для открытого выступления всякого рода (в печати, собраниях, в союзах, особенно в профессиональных, и т. п.) должны быть устроены особые отделы организаций, которые ни в каком случае не могли бы вредить целостности конспиративных ячеек;

5) что центральное учреждение партии должно быть едино, т. е. общий съезд партии должен выбирать единый ЦК, который назначает редакцию ЦО партии и т. д.

*В. И. Ленин. Тактическая платформа
к Объединительному съезду РСДРП
(1906) — т. 12, с. 237—238*

Мы все сошлись на принципе демократического централизма, на обеспечении прав всякого меньшинства и всякой лояльной оппозиции, на автономии каждой партийной организации, на признании выборности, подотчетности и сменяемости всех должностных лиц партии. В соблюдении на деле этих принципов организации, в их искреннем и последовательном осуществлении мы видим гарантию от расколов, гарантию того, что идейная борьба в партии может и должна оказаться вполне совместимой со строгим организационным единством, с подчинением всех решениям общего съезда.

*В. И. Ленин. Обращение к партии делегатов
Объединительного съезда, принявшего
к бывшей фракции «большевиков» (1906) — т. 12, с. 397—
400*

Остается важная, серьезная и чрезвычайно ответственная задача: воплотить действительно в жизнь принципы демократического централизма в организации партии,— добиться упорной работой того, чтобы основной организационной ячейкой партии стали на деле, а не на словах, низшие организации, чтобы все высшие учреждения были действительно выборны, подотчетны и сменяемы. Надо упорной работой сложить такую организацию, которая включала бы всех сознательных рабочих с.-д. и которая жила бы самостоятельной политической жизнью. Автономия всякой партийной организации, признаваемая до сих пор больше на бумаге, должна быть проведена и проведена в жизни. Борьбу за места, боязнь другой «фракции» надо устранять и устранить. Пусть на деле будут у нас единые организации партии с чисто идейной борьбой различных течений с.-д. мысли внутри них. Этого не легко еще добиться, этого мы не добьемся сразу. Но путь намечен, принципы провозглашены, и мы должны добиваться полного и последовательного осуществления этого организационного идеала.

В. И. Ленин. Доклад об Объединительном съезде РСДРП (1906) — т. 13, с. 60—61

Надо добиваться самого широкого обсуждения решений съезда, надо требовать от всех членов партии вполне сознательного и критического отношения к этим решениям. Надо добиваться, чтобы все рабочие организации с полным знанием дела высказали свое одобрение или неодобрение тем или иным решениям. В печати, на собраниях, в кружках и группах должно вестись это обсуждение, если мы только действительно серьезно решили провести демократический централизм в нашей партии, если мы решили вовлекать рабочие массы в сознательное решение партийных вопросов.

Но в единой партии эта идейная борьба не должна раскалывать организаций, не должна нарушать единства действий пролетариата. Это новый еще в практике нашей партии принцип, и над правильным проведением его в жизнь придется немало поработать.

Свобода обсуждения, единство действия,— вот чего мы должны добиться. [...]

Но за пределами единства действий — самое широкое и свободное обсуждение и осуждение тех шагов, решений, тенденций, которые мы считаем вредными. Только

в таких обсуждениях, резолюциях, протестах может выработаться действительное общественное мнение нашей партии. Только при таком условии это будет настоящая партия, умеющая *всегда* заявлять свое мнение и находящая правильные пути для превращения определившегося мнения в решения нового съезда.

В. И. Ленин. Доклад об Объединительном съезде РСДРП (1906) — т. 13, с. 64, 65

СВОБОДА КРИТИКИ И ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИИ

В редакцию доставлен следующий листок, подписанный ЦК РСДРП:

«Ввиду того, что некоторыми партийными организациями возбужден вопрос о пределах свободы критики решений партийных съездов, Центральный Комитет, принимая во внимание, что интересы русского пролетариата всегда требовали наибольшего единства в тактике РСДРП и что теперь это единство политических действий отдельных частей нашей партии является больше, чем когда-либо, необходимым,— полагает:

1) что в партийной прессе и на партийных собраниях должна быть всем предоставлена *полная свобода* высказывать свое личное мнение и защищать свои особые взгляды; -

2) что на широких политических собраниях члены партии не должны вести *агитации*, идущей вразрез с постановлениями съезда;

3) что никто из членов партии не должен на *таких* собраниях ни призывать к действиям, противоречащим решениям съезда, ни предлагать резолюции, не согласные с решениями съезда». (Курсив везде наш.)

Рассматривая эту резолюцию по существу, мы видим в ней целый ряд странностей. Резолюция гласит, что «на партийных собраниях» предоставляется «полная свобода» личного мнения и критики (§ 1), а на «широких собраниях» (§ 2) «никто из членов партии не должен призывать к действиям, противоречащим решениям съезда». Подумайте-ка, что это такое выходит: на партийных собраниях члены партии *вправе* призывать к действиям, противоречащим решениям съезда,— на широких собраниях *не* «предоставляется» полной свободы «высказывать личное мнение»!!

Составители резолюции совершенно неправильно поняли соотношение между *свободой критики* внутри партии и *единством действия* партии. Критика, в пределах *основ* партийной программы, должна быть вполне свободна (напомним хотя бы речь Плеханова об этом на втором съезде РСДРП) и не только на партийных,

но и на широких собраниях. Запрещать такую критику или такую «агитацию» (ибо критики нельзя отделить от агитации) невозможно. Политическое действие партии должно быть едино. Никакие «призывы», нарушающие единство определенных действий, недопустимы ни на широких собраниях, ни на партийных собраниях, ни в партийной печати.

Очевидно, ЦК определил свободу критики неточно и слишком узко, а единство действия — неточно и слишком широко.

Возьмем пример. Съезд постановил выбирать в Думу. Выборы — вполне определенное действие. На время выборов (например, в Баку теперь) *никакие* призывы *не выбирать* абсолютно недопустимы *нигде* со стороны членов партии. В это время недопустима и «критика» постановления о выборах, потому что она на практике подрывала бы успех избирательной агитации. Напротив, *критика* решения участвовать в выборах в *такое* время, когда выборы еще не назначены, допустима *везде* со стороны членов партии. Конечно, применение этого принципа на практике тоже вызовет иногда споры и недоразумения, но *только* на основе *именно* этого принципа *все* споры и все недоумения могут быть решены с честью для партии. А резолюция ЦК создает нечто невозможное.

Резолюция ЦК и неправильна по существу, и *противоречит уставу партии*. Принцип демократического централизма и автономии местных учреждений означает именно *свободу критики*, полную и повсюду, раз не нарушается этим единство *определенного действия*, — и недопустимость *никакой* критики, подрывающей или затрудняющей *единство* решенного партией действия.

Мы считаем большой ошибкой со стороны ЦК издание резолюции по этому важному вопросу без всякого предварительного обсуждения его партийной печатью и партийными организациями; такое обсуждение помогло бы ему избежать указанных нами ошибок.

Мы призываем все партийные организации обсудить теперь резолюцию ЦК и определенно выразить свое отношение к ней.

В. И. Ленин. *Свобода критики и единство действий* (1906) — т. 13, с. 128—130

Петербургские с.-д. рабочие знают, что вся организация партии строится теперь *демократически*. Это значит,

что *все* члены партии выбирают должностных лиц, членов комитетов и т. п., что *все* члены партии обсуждают и *решают* вопросы о политической кампании пролетариата, что *все* члены партии *определяют* направление тактики партийных организаций.

В. И. Ленин. *Пусть решают рабочие* (1906) — т. 13, с. 192

Принципиально мы уже не раз определяли наш взгляд на значение дисциплины и на понятие дисциплины в рабочей партии. *Единство действий, свобода обсуждения и критики*, — вот наше определение. Только такая дисциплина достойна демократической партии передового класса. Сила рабочего класса — организация. Без организации масс пролетариат — ничто. Организованный, он — все. Организованность есть единство действия, единство практического выступления. Но, разумеется, всякие действия и всяческие выступления ценны лишь потому и постольку, поскольку они двигают вперед, а не назад, — поскольку они идейно сплачивают пролетариат, поднимая его, а не принижая, не развращая, не расслабляя. Безыдейная организованность — бессмыслица, которая на практике превращает рабочих в жалких прихвостней власть имущей буржуазии. Поэтому без свободы обсуждения и критики пролетариат не признает единство действий. Поэтому сознательные рабочие никогда не должны забывать, что бывают такие серьезные нарушения принципов, которые делают обязательным разрыв всяких организационных отношений.

В. И. Ленин. *Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина* (1906) — т. 14, с. 125—126

Марксисты не могут стоять на обычной точке зрения интеллигента-радикала с его якобы революционной отвлеченностью: «никаких авторитетов».

Нет. Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты, — но, разумеется, в том только смысле, в каком молодым рабочим нужен опыт старых борцов против угнетения и эксплуатации, борцов, проводивших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором. Авторитет всемирной борьбы пролетариата нужен пролетариям каждой страны. Ав-

торитет теоретиков всемирной социал-демократии нужен нам для уяснения программы и тактики нашей партии. Но этот авторитет не имеет, конечно, ничего общего с казенными авторитетами буржуазной науки и полицейской политики. Этот авторитет есть авторитет более разносторонней борьбы в тех же рядах всемирной социалистической армии. Насколько важен он для расширения кругозора борцов, настолько недопустима была бы в рабочей партии претензия решать со стороны, издали, практические и конкретные вопросы ближайшей политики. Коллективность передовых сознательных рабочих каждой страны, ведущих непосредственную борьбу, всегда будет наибольшим авторитетом во всех таких вопросах.

В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» (1906) — т. 14, с. 226

Крупные политические вопросы буржуазные партии решают от случая к случаю, простым постановлением той или иной партийной «инстанции», за кулисами изготовляющей для народа разные политиканские рецепты. Только рабочая с.-д. партия осуществляет на деле демократизм в организации, несмотря на все громадные трудности, — даже тяжелые жертвы, с которыми связано это для нелегальной партии. Только рабочая с.-д. партия взвешивает перед каждым крупным политическим шагом *принципиальное* значение его, не гоняясь за одним минутным успехом, подчиняя свою практическую политику конечной цели полного освобождения труда от всякой эксплуатации. Только рабочая партия, идя на бой, требует от всех своих членов обдуманного, прямого и ясного ответа на вопрос, делать ли известный шаг и как именно его делать.

В. И. Ленин. Избирательная кампания рабочей партии в Петербурге (1907) — т. 14, с. 242

Российская социал-демократическая рабочая партия организована демократически. Это значит, что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены партии, на равных правах и без всякого исключения; причем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии — выборные, подотчетные, сменяемые. Делами петербургской организации заведует выборный Петербургский комитет РСДРП.

Верховным же учреждением петербургской организации, ввиду невозможности собрать вместе всех членов партии (около 6000 человек), является *конференция представителей* организации. На эту конференцию *все* члены организации имеют право посылать представителей: по одному делегату на определенное число членов партии, — например, по 1 делегату на каждые 50 членов партии, как было принято по отношению к последней конференции. Эти представители должны быть *выбраны* всеми членами партии, и решение представителей является верховным и окончательным решением вопроса для всей местной организации.

Но это еще не все. Для того, чтобы решение вопроса было действительно демократическое, недостаточно собрать выборных представителей организации. Необходимо, чтобы *все* члены организации, выбирая представителей, в то же время *самостоятельно и каждый за себя* высказались по спорному вопросу, интересующему всю организацию. Демократически организованные партии и союзы не могут принципиально отказываться от такого опроса всех без исключения членов — по крайней мере, в важнейших случаях и особенно тогда, когда речь идет о таком политическом действии, в котором *масса* выступает самостоятельно, например: стачка, выборы, бойкот какого-нибудь крупного местного заведения и т. п.

Почему в этих случаях признается недостаточность посылки представителей? Почему требуется опрос *всех* членов партии или так называемый «референдум»? Именно потому, что для успеха массовых действий необходимо сознательное и добровольное участие каждого отдельного рабочего. Стачка не может пройти дружно, выборы не могут пройти сознательно, если *каждый рабочий* вполне сознательно и добровольно не решил для себя вопроса: бастовать или нет? голосовать за кадетов или нет? Все политические вопросы невозможно решать опросом всех членов партии; это была бы вечная, утомительная, бесплодная голосовка. Но важнейшие вопросы и притом такие, которые прямо связаны с определенным действием *самых масс*, необходимо решать, во имя демократизма, не только посылкой представителей, но и опросом всех членов партии.

Вот почему Петербургский комитет постановил, чтобы выборы делегатов на конференцию происходили обязательно *после* обсуждения членами партии вопроса о том,

следует ли заключать соглашения с кадетами, *после* голосования всеми членами партии этого вопроса. Выборы, это — такое дело, в котором непосредственно участвует масса. Социалисты главной силой считают сознательность масс. Значит, *всякий* член партии должен сознательно решить вопрос, голосовать ли за кадетов на выборах или нет. Только после открытого обсуждения этого вопроса всеми собравшимися членами партии, становиться возможным для каждого принять то или другое сознательное и твердое решение. Только на основании такого решения выбор представителей на конференции не будет уже делом кумовства, приязни или привычки («мы, мол, *своего* Николая Николаевича или Ивана Ивановича выберем!»), а делом сознательного определения *самими* «низами» (т. е. *всеми* членами партии) своего же собственного политического поведения*.

Выборы в Думу, т. е. первоначальное и основное голосование за уполномоченных или за выборщиков, будут производиться не через представителей, а каждым избирателем в отдельности. Значит, если мы хотим быть на деле, а не на словах только, социалистами, организованными в действительно *демократическую, рабочую* партию, то мы должны добиваться, чтобы *каждый рабочий* уяснил себе вопрос, голосовать за кадетов или нет. Недостаточно доверить представительство знакомому Ивану Иванычу или хорошему человеку Сидору Сидорычу, — надо *сознательно* разобрать *по существу* спорный вопрос в «низах». Лишь тогда демократическое решение будет сознательно-демократическим решением *массы*, а не только решением посланных «по знакомству» представителей.

Петербургский комитет есть выбранный руководитель *всей* с.-д. организации Петербурга и СПб губернии. Чтобы руководить *массой* в таком деле, как выборы в Думу, он обязан был (если признает демократизм не только на словах) добиваться сознательного участия в выборах *всей массы*. А чтобы участие всей массы

* Некоторые говорят, что выбор представителя, даже без голосования избирателями вопроса по существу, может основываться на знании *взглядов* представителя. Но это верно лишь тогда, когда речь идет о *всей совокупности* взглядов представителя, а не об одном специальном вопросе, связанном с действием самой массы. Отказ от голосования платформы (за блоки с кадетами или против) означал бы при таких условиях неясность взглядов избирателя, неопределенность его, неполное согласие его с своим представителем.

в выборах было сознательное и дружное, необходимо, чтобы не только представители партии, но и каждый член партии дал определенный ответ своему Петербургскому комитету: стоит ли он за соглашения с кадетами или нет.

Таково значение «дискуссий», т. е. *обсуждения* самого спорного вопроса перед выборами представителей. На каждом собрании членов партии, прежде чем произвести выборы представителей на конференцию, необходимо было сначала *обсудить* спорный политический вопрос, необходимо было выслушать докладчика от ПК, т. е. от руководящей местной организации, а также предоставить слово сторонникам других взглядов. После обсуждения *все* члены партии голосуют, стоят ли они за соглашения с кадетами или нет. Голосование проверяют члены контрольной комиссии, в которой есть представители обоих течений (если в организации имеется два течения по данному вопросу). Только при соблюдении этих условий ПК действительно может знать *сознательное* мнение *всей* массы партийных членов и может, следовательно, руководить не вслепую, а опираться на полное уяснение вопроса массами.

В. И. Ленин. Социал-демократия и выборы в Думу (1907) — т. 14, с. 252—255

Устав нашей партии совершенно определенно устанавливает демократическую организацию ее. Организация вся строится снизу, на основе выборности. Местные организации объявлены, по уставу партии, самостоятельными (автономными) в своей местной деятельности. Центральный Комитет, по уставу, объединяет и направляет всю работу партии. Ясно отсюда, что в определение *состава* местных организаций он вмешиваться не вправе. Раз организация строится снизу, вмешательство сверху в ее состав было бы полнейшим нарушением всего демократизма, всего устава партии. Допустим, что организация по тем или другим причинам соединяет разнородные части, например, соединяет вместе город и губернию. При демократическом строе удержать это соединение (или предписать его) по приказу сверху нельзя. Значит, разделение возможно лишь по желанию снизу: город может отделиться от губернии, и никто ему запретить этого не может. Губерния может отделиться от города, и никто ей этого запретить не может. Если снизу ни одна сколько-нибудь крупная, сколько-нибудь обособ-

ленная часть организации не заявила требования о выдеде,— значит ЦК не мог *убедить* в необходимости отделения *ни одной* влиятельной части организации! Пытаться при таких условиях навязать разделение сверху есть насмешка над демократизмом, насмешка над уставом партии. Это значит ни больше и ни меньше, как пытаться употребить власть ЦК во зло, т. е. не в интересах партийного единства, а в интересах одной части партии (меньшевиков), употребить власть для искажения воли и решения местных работников.

В. И. Ленин. Социал-демократия и выборы в Думу (1907) — т. 14, с. 259—260

Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласным-мыслящим.

В. И. Ленин. Доклад V съезду РСДРП по поводу петербургского раскола и связанного с ним учреждения партийного суда (1907) — т. 15, с. 297

Категорически высказываюсь против прекращения прений. Нельзя простым голосованием механически решать вопросы принципиальной важности.

В. И. Ленин. Выступление против предложения о прекращении прений по вопросу о порядке дня съезда [V съезд РСДРП 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г.] — т. 15, с. 311

Говорят: «нельзя решать серьезные тактические вопросы большинством в десяток голосов». Ну, разве же это не софизм? Разве это не бессильная увертка от принципиальности в сторону беспринципности?

Решение вопроса никогда не достигается голосованием. Мы уже несколько лет решаем вопросы марксистской оценки нашей революции. Мы уже несколько лет проверяем опытом нашей революции свои теоретические взгляды и общие тактические решения. [...]

А я думаю, что оппортунизм сказывается у нас именно в том, что с обсуждением первого действительно общепартийного съезда хотят снять общие вопросы об основах нашей тактики в буржуазной революции. Не снимать

теоретические вопросы должны мы, а поднимать всю нашу партийную практику на высоту теоретического освещения задач рабочей партии.

В. И. Ленин. Речь во время прений по вопросу о порядке дня съезда [V съезд РСДРП 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г.] — т. 15, с. 313, 314

Нельзя раз навсегда и для всех условий объявить, что священники не могут быть членами социал-демократической партии, но нельзя раз навсегда выставить обратное правило. Если священник идет к нам для совместной политической работы и выполняет добросовестно партийную работу, не выступая против программы партии, то мы можем принять его в ряды с.-д., ибо противоречие духа и основ нашей программы с религиозными убеждениями священника могло бы остаться при таких условиях только его касающимся, личным его противоречием, а экзаменовать своих членов насчет отсутствия противоречия между их взглядами и программой партии политическая организация не может. Но, разумеется, подобный случай мог бы быть редким исключением даже в Европе, а в России он и совсем уже мало вероятен. И, если бы, например, священник вошел в партию с.-д. и стал вести в этой партии, как свою главную и почти единственную работу, активную проповедь религиозных воззрений, то партия безусловно должна бы была исключить его из своей среды. Мы должны не только допускать, но сугубо привлекать всех рабочих, сохраняющих веру в бога, в с.-д. партию, мы безусловно против малейшего оскорбления их религиозных убеждений, но мы привлекаем их для воспитания в духе нашей программы, а не для активной борьбы с ней. Мы допускаем *внутри* партии свободу мнений, но в известных границах, определяемых свободой группировки: мы не обязаны идти рука об руку с активными проповедниками взглядов, отвергаемых большинством партии.

В. И. Ленин. Об отношении рабочей партии к религии (1909) — т. 17, с. 422

Смешивать споры, дискуссии по партийным (и внутрипартийным) платформам с «распрями» было бы величайшей ошибкой.

В. И. Ленин. Вопрос о партийности среди демократического студенчества (1912) — г. 22, с. 211

Дискуссии (беседы, обсуждения, споры) о партиях и об общей тактике необходимы; без них масса распыляется; без них *невозможно* общее решение, а следовательно, невозможно и единство действия. Без них *разлагается* марксистская организация *рабочих*, «различающих, в чем суть дела», и облегчается влияние буржуазии на отсталых.

В. И. Ленин. *Борьба за марксизм* (1913) — т. 23, с. 414

Бывают такие споры и такая борьба мнений в печати, которые помогают читателям яснее понять вопросы политики, глубже дать себе отчет в их значении, тверже решить их.

Бывают споры, которые вырождаются в перебранку, в сплетни и дразги.

Передовым рабочим, которые знают *свою* ответственность за ход работы, просвещающей и организующей пролетариат, надо внимательнейшим образом смотреть за тем, чтобы *неизбежные* споры, *неизбежная* борьба мнений *не вырождались* в перебранку, сплетни, дразги, клеветы.

Это — вопрос рабочего дела, рабочей организации. Это — серьезнейший и важнейший вопрос борьбы с малейшими дезорганизаторскими попытками. Тут отмахнуться нельзя: кто не научился пресекать в корне дезорганизаторство, тот не годится в организаторы. А без организации рабочий класс — *ничто*. Без прений, споров и борьбы мнений никакое движение, в том числе и рабочее движение, невозможно. Без беспощадной борьбы с вырождением споров в перебранку и дразги *никакая* организация *невозможна*.

В. И. Ленин. *Два приема споров и борьбы* (1913) — т. 24, с. 166

Единство необходимо для рабочего класса. Единство осуществляется лишь единой организацией, решения которой не за страх, а за совесть проводятся всеми сознательными рабочими. Обсудить вопрос, высказать и выслушать разные мнения, узнать взгляд *большинства* организованных марксистов, выразить этот взгляд в заочном* решении, добросовестно исполнить это решение — вот что везде в мире, среди всех разумных людей называется *единством*. И такое единство бесконечно

* Здесь, по-видимому, следует читать «точном», *Ред.*

дорого, бесконечно важно для рабочего класса. Разрозненные рабочие — ничто. Объединенные рабочие — все.

В. И. Ленин. О рабочем единстве (1913) — т. 24, с. 192

[...] Голосовать без коллегиального обмена мнений. Трусливо. Дико. Пошло. Вредно.

В. И. Ленин. В редакцию журнала «Просвещение», 14 (27) февраля 1914 г. — т. 48, с. 263

Есть один и только один путь к единству: пробудить меньшинство, ушедшее из нелегальной партии, дезорганизуемое ее и срывающее работу и волю большинства, порвать с своей практикой и *доказать делами* желание уважать волю большинства.

В. И. Ленин. Доклад ЦК РСДРП и инструктивные указания делегации ЦК на Брюссельском совещании (1914) — т. 25, с. 400

Затем, важно было бы выяснить наше принципиальное отношение к федерации*. Мы *против* нее *принципиально*. Мы за демократический централизм.

В. И. Ленин — И. Рудису-Гипслису, 13 (26) июля 1914 г. — т. 48, с. 329

Мы всегда защищаем в нашей печати внутрипартийную демократию. Но мы никогда не высказываемся против централизации партии. Мы за демократический централизм.

В. И. Ленин. Секретарю «Лиги социалистической пропаганды» (1915) — т. 27, с. 72

[...] Партии, принадлежащие к Коммунистическому Интернационалу, должны быть построены по принципу демократического *централизма*. В нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если ее партийный центр будет являться властным авторитет-

* Речь идет о принципах партийного строительства. *Ред.*

ным органом с широкими полномочиями, пользующимся всеобщим доверием членов партии.

В. И. Ленин. Условия приема в Коммунистический Интернационал [Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала] (1920) — т. 41, с. 209

Неслыханно тяжелое положение Советской республики в первые годы ее существования, крайнее разорение и величайшая военная опасность сделали неизбежным выделение «ударных» (и потому фактически привилегированных) ведомств и групп работников. Это было неизбежно, ибо нельзя было спасти разоренной страны без сосредоточения сил и средств на таких ведомствах и на таких группах работников, без укрепления которых империалисты всего мира наверное задавили бы нас и не допустили бы даже приступа нашей Советской республики к хозяйственному строительству.

Это обстоятельство, в связи с трудно изживаемым наследием капиталистических и частнособственнических привычек и настроений, объясняет необходимость еще и еще раз направить внимание всей партии на борьбу за проведение...*

...необходимости практических, деловых гарантий того, чтобы решения партии, единодушной по указанным выше принципиальным вопросам, не остались только на бумаге. Поэтому конференция предлагает Центральному Комитету немедленно постановить, осуществить и сверх того предложить ближайшему съезду партии подтвердить следующее:

(1) безусловную обязательность более частых и более широких собраний членов партии наряду с другими мерами к развитию самодеятельности членов партии;

(2) создать литературные органы, способные осуществлять более систематично и широко критику ошибок партии и вообще критику внутри партии (дискуссионные листки и т. п.);

(3) выработать вполне точные практические правила о мерах к устранению такого неравенства (в условиях жизни, в размере заработка и пр.) между «спецами» и ответственными работниками, с одной стороны, и массой, с другой стороны,— неравенства, которое нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов;

* Одна страница рукописи не сохранилась. *Ред.*

(4) признать необходимым создание контрольной комиссии наряду с Цека, которая должна состоять из товарищей, имеющих наибольшую партийную подготовку, наиболее опытных, беспристрастных и способных осуществлять строго партийный контроль. Контрольная комиссия, выбираемая съездом партии, должна иметь право принимать всякие жалобы и разбирать их, вступая в соглашение с Цека, в случае надобности устраивая общие совместные заседания с ним или перенося вопрос на партсъезд.

В. И. Ленин. Проект резолюции об очередных задачах партийного строительства [IX Всероссийская конференция РКП(б) 22—25 сентября 1920 г.] — т. 41, с. 292—293

Ввиду того, что культурный уровень крестьян и рабочей массы не соответствовал задаче, и в то же время мы, чуть ли не на 99%, привыкли к военно-политическим задачам, у нас получилось возрождение бюрократизма. Это всеми признано. Задача Советской власти в том, чтобы старый аппарат уничтожить целиком, как он был уничтожен в Октябре, и передать власть Советам, но мы уже в своей программе признаем, что у нас получилось возрождение бюрократизма, что экономических основ для действительного социалистического общества еще нет. Культурных условий, грамотности, вообще более высокой культуры в массе рабочих и крестьян нет. Это получилось потому, что военные задачи отвлекали все лучшее из пролетариата. Пролетариат гигантские жертвы принес для военных задач, на которые пришлось отдать десятки миллионов крестьян, и надо было привлекать к работе пропитанные буржуазными взглядами элементы, так как других никаких нет. Поэтому мы и должны были сказать в программе, в таком документе, как программа партии, что бюрократизм возродился и нужна систематическая борьба против него*. Понятное дело, что возродившийся в советских учреждениях бюрократизм не мог не оказать тлетворного влияния и среди партийных организаций, так как верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же. Значит, если мы сознали зло — старый бюрократизм, который мог проявиться в партийном аппарате, — очевидно и естественно, что в партийных организациях и установлены все признаки этого зла. И если это так, то

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 427. *Ред.*

этот вопрос поставлен в порядок дня съезда Советов и занял большое внимание настоящей конференции, и законным образом занял потому, что партийная болезнь, признание которой выражено в резолюциях общепартийной конференции *, есть не только в Москве, но она распространяется и на всю республику.

В. И. Ленин. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии [Московская губернская конференция РКП(б) 20—22 ноября 1920 г.] — т. 42, с. 32—33

Указав на причины возрождения бюрократизма в нашем Советском государстве и на корни, его питающие в настоящее время, тов. Ленин весьма энергично предостерегал товарищей от мысли, что с этим злом можно бороться путем бумажных резолюций, путем голой критики без содержания. Ведь и меньшевики и эсеры, желающие на этом вопросе капитал нажить, упрекают нас в том, что мы не сумеем побороть бюрократизма в нашем советском аппарате. В свое время эти господа говорили, что мы не сумеем отстоять своего Советского государства, а теперь они говорят: «отстоять-то отстояли, а вот бюрократизм в советских учреждениях остался, несмотря на то, что Ленин, мол, в такой-то книжке писал, что при власти Советов бюрократизм будет уничтожен».

А между тем это вовсе не так.

Раньше всего должны быть улучшены общие условия жизни, чтобы рабочий не должен был бегать с мешком за хлебом, чтобы сотни тысяч и миллионы трудящихся прошли школу Рабоче-Крестьянской инспекции и научились управлять государством (ведь нас этому никто не учил), чтобы они могли заменить сотни тысяч буржуазных бюрократов.

Кстати о Рабоче-Крестьянской инспекции. Этот орган создан около года тому назад, но пока мало себя проявил, как школа для подготовки к управлению государством. В этой области не мешало бы поработать и извлечь полезные уроки товарищам, которые действительно хотят ускорить дело борьбы с бюрократизмом.

Тов. Ленин отметил, что вопрос о борьбе с бюрократизмом особенно остро стоит именно в Москве потому, что здесь товарищам приходится иметь дело не только

* Имеется в виду резолюция IX Всероссийской конференции РКП(б) «Об очередных задачах партийного строительства». *Ред.*

с московскими бюрократами, но и с общероссийскими, благодаря наличию здесь центральных учреждений. [...]

Бюрократизм советского аппарата не мог не проникнуть в аппарат партийный, ибо эти аппараты переплетаются между собою тесным образом. Борьбу с этим злом в настоящее время можно и должно ставить в порядок дня, но ставить не в плоскости критики ради критики, а в плоскости деловых указаний методов этой борьбы, а еще лучше — в плоскости действительной борьбы в тех учреждениях, где критикующие товарищи работают, и сообщений о результатах и уроках этой борьбы.

*В. И. Ленин. Доклад на общем собрании коммунистов Замоскворечья
29 ноября 1920 г. — т. 42, с. 48—49*

Формально-демократический Троцкий *имел право* выступить с фракционной платформой хотя бы и против всего Цека. Это бесспорно. Бесспорно и то, что это формальное право Цека подтвердил своим решением от 24 декабря 1920 г. о свободе дискуссии. Это формальное право буферный Бухарин признает за Троцким, но не признает за питерской организацией — вероятно, потому, что Бухарин договорился 30 декабря 1920 г. до «священного лозунга рабочей демократии» (стр. 45 стенографического отчета)...

Ну, а революционная целесообразность?

Найдется ли хоть один серьезный человек, не ослепленный фракционным самолюбием «цектрановской» или «буферной» фракции, который бы, в здравом уме и твердой памяти, нашел *революционно-целесообразным т а к о е* выступление по вопросам профдвижения *т а к о г о* авторитетного вождя, как Троцкий??

В. И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина (1921) — т. 42, с. 268—269

Товарищи, мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна!

Я не знаю, как вы оцените теперь это. Вполне ли, по вашему, соответствовала эта роскошь нашим богатствам

и материальным и духовным? От вас зависит оценить это. Но во всяком случае я должен сказать одно, что здесь, на этом съезде, мы должны поставить своим лозунгом, своей главной целью и задачей, которую мы во что бы то ни стало должны осуществить, это — чтобы из дискуссии и споров выйти более крепкими, нежели тогда, когда мы их начали.

В. И. Ленин. Речь при открытии съезда 8 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 4—5

Необходимо, чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая даже при всем желании представителей отдельных групп охранить партийное единство неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к правительственной партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контрреволюции. [...]

В практической борьбе с фракционностью необходимо, чтобы каждая организация партии строжайше следила за недопущением никаких фракционных выступлений. Безусловно необходимая критика недостатков партии должна быть поставлена так, чтобы всякое практическое предложение в возможно более отчетливой форме направлялось немедленно, без всякой волокиты, на обсуждение и решение руководящих, местных и центрального, органов партии. Всякий выступающий с критикой должен, кроме того, по форме критики учитывать положение партии среди окружающих ее врагов, а по содержанию критики должен своим непосредственным участием в советской и партийной работе испытывать на практике исправление ошибок партии или отдельных ее членов.

[...] Партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самостоятельности, за раскрытие, разоблачение и изгнание примазавшихся к партии и т. д. [...]

Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает Центральному Комитету полномочие применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к чле-

нам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Условием применения к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам Контрольной комиссии такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в ЦК и всех членов Контрольной комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществляема немедленно.

В. И. Ленин. Первоначальный проект резолюции X съезда РКП о единстве партии [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 89, 91, 92

Но одно дело теоретическая дискуссия, другое дело — политическая линия партии, политическая борьба. Мы — не дискуссионный клуб. Издавать сборники, специальные издания мы, конечно, можем и будем, но мы должны прежде всего бороться в самых трудных условиях и поэтому должны сплотиться воедино.

В. И. Ленин. Доклад о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне 16 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 102

Чтобы ЦК, выбранный на съезде, имел право исключить из ЦК — никогда никакая демократия, никакой централизм не допустит. (Голос: «Через партию».) Особенно через партию. Выбирает ЦК съезд, этим он выражает высочайшее доверие, этим он отдает руководство. И чтобы ЦК имел в отношении к своему члену такое право, — нигде никогда ничего подобного наша партия не допускала. Это — крайняя мера, которая принимается специально в сознании опасности обстановки. Тов. Радек это разъяснил совершенно правильно. Составляется исключительное собрание: ЦК, плюс кандидаты, плюс Контрольная комиссия с одинаковым правом голоса. Такого учреждения, такого пленума в 47 человек в нашем уставе не было, и наша практика никогда не применяла. [...] Это — мера крайняя. Надеюсь, мы ее применять не будем. Она только показывает, что партия применяет то, о чем вы слышали, при наличии таких разногласий, которые одной своей стороной подошли к возможному расколу. Мы же не дети, видали тяжелые времена, видали

расколы и переживали их, и знаем, как они тяжелы, и мы не боимся назвать опасность своим именем.

Бывали ли на прежних съездах при самых резких разногласиях такие моменты, которые одной стороной касаются раскола? Не бывали. Есть ли они сейчас? Есть. Все это указывалось неоднократно.

В. И. Ленин. Заключительное слово по докладу о единстве партии и анархо-синдикалистском клоне 16 марта [X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.] — т. 43, с. 108—109

Чистка партии развилась, видимо, в работу серьезную и гигантски важную.

Есть места, где чистят партию, опираясь главным образом на опыт, на указания беспартийных рабочих, руководясь их указаниями, считаясь с представителями беспартийной пролетарской массы. Вот это — самое ценное, самое важное. Если бы нам действительно удалось *таким образом* очистить партию сверху донизу, «не взирая на лица», завоевание революции было бы в самом деле крупное.

[...] Надо чистить партию от элементов, отрывающихся от массы (не говоря уже, разумеется, об элементах, позорящих партию в глазах массы). Конечно, не всем указаниям массы мы подчинимся, ибо масса тоже поддается иногда — особенно в годы исключительной усталости, переутомления чрезмерными тяготами и мучениями — поддается настроениям несколько не передовым. Но в оценке людей, в отрицательном отношении к «примазавшимся», к «закомиссарившимся», к «обюрократившимся» указания беспартийной пролетарской массы, а во многих случаях и указания беспартийной крестьянской массы, в высшей степени ценны. Трудящаяся масса с величайшей чуткостью улавливает различие между честными и преданными коммунистами и такими, которые внушают отвращение человеку, в поте лица снискивающему себе хлеб, человеку, не имеющему никаких привилегий, никаких «путей к начальству».

Чистить партию, считаясь с указаниями беспартийных трудящихся, — дело великое. Оно даст нам серьезные результаты. Оно сделает партию гораздо более сильным авангардом класса, чем прежде, сделает ее авангардом, более крепко связанным с классом, более способным вести его к победе среди массы трудностей и опасностей. [...]

Очистить партию надо от мазуриков, от бюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов и от меньшевиков, перекрасивших «фасад», но оставшихся в душе меньшевиками.

В. И. Ленин. О чистке партии (1921) — т. 44, с. 122—124

[...] Надо не видеть «интригу» или «противовес» в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей.

В. И. Ленин — Н. Осинскому, между 14 и 18 декабря 1921 г.— т. 54, с. 73

I

ПИСЬМО К СЪЕЗДУ *

Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе.

Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными.

В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), — если бы мы не предприняли такой реформы.

Затем, я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решению Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях.

Что касается до первого пункта, т. е. до увеличения числа членов ЦК, то я думаю, что такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии.

Мне думается, что 50—100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил.

* «Письмо к съезду» включает записи, продиктованные Лениным 23, 24, 25, 26 и 29 декабря 1922 года («К отделу об увеличении числа членов ЦК» см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 354—355) и 4 января 1923 года (Добавление к письму от 24 декабря 1922 года). *Ред.*

Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз.

Ленин

23.XII. 22 г.
Записано М. В.

II

Продолжение записок.
24 декабря 22 г.

Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты. Ибо, конечно, белогвардеец в «Русской Мысли» (кажется, это был С. С. Ольденбург) был прав, когда, во-первых, ставил ставку по отношению к их игре против Советской России на раскол нашей партии и когда, во-вторых, ставил ставку для этого раскола на серьезнейшие разногласия в партии.

Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить.

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд образований чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой

властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватаящийся самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

25. XII. Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности.

Ленин

25. XII. 22 г.
Записано М. В.

Добавление к письму от 24 декабря 1922 г.

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я

предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Ленин

Записано Л. Ф.
4 января 1923 г.

III

Продолжение записок.
26 декабря 1922 г.

Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по-моему, двоякой или даже тройкой цели: чем больше будет членов ЦК, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности. Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох. Он у нас, в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно. Поэтому тем «критикам», которые с усмешечкой или со злобой преподносят нам указания на дефекты нашего аппарата, можно спокойно ответить, что эти люди совершенно не понимают условий современной революции. За пятилетие достаточно переделать аппарат вообще невозможно, в особенности при тех условиях, при которых происходила революция у нас. Достаточно, если мы за пять лет создали новый тип государства, в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии, и это при условии враждебной международной обстановки представляет из себя дело гигантское. Но сознание этого никоим образом не должно закрывать от нас того, что мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и что теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата.

Я представляю себе дело таким образом, что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. РКИ, которой принадлежала эта функция вначале, оказалась не в состоянии справиться с нею и может быть употреблена лишь как «придаток» или как помощница, при известных условиях, к этим членам ЦК. Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже созданы известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться.

В число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян, которые, однако, не попадают в разряд прямо или косвенно эксплуататоров. Я думаю, что такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способных, во-первых, придать устойчивость самому ЦК, во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата.

Ленин

Записано Л. Ф.
26.XII. 22 г.

*В. И. Ленин. Письмо к съезду — т. 45,
с. 343—348*

Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету. Этому помочь должна предлагаемая мною реформа, и члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел.

*В. И. Ленин. Как нам реорганизовать
Рабкрин (1923) — т. 45, с. 387*

[...] Бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных.

В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше (1923) — т. 45, с. 397

Западноевропейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад [...] Если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму,— так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития.

В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше (1923) — т. 45, с. 401—402

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авторитет* — 32—37, 53, 56, 58, 468, 484—485, 504
- Анархия как противоположность демократии* — 13, 179, 188, 221, 253, 317, 332, 384, 468, 469
- Буржуазная демократия* — 91, 96—98, 120, 126—127, 136, 139, 144, 188, 199, 223, 227
- ее классовая сущность — 14—16, 41, 44, 76, 83, 85, 122, 125, 128, 129, 131—147, 162, 166—167, 178, 204, 221, 228, 250, 261, 277, 281, 283, 285—289, 295, 297—301
- ее исторический характер — 13, 15—16, 121, 137, 157, 182, 196, 212, 225, 249, 250, 270, 275
- ее непоследовательность, ограниченность, формальный характер — 15, 41, 44, 70, 85, 87, 98, 109, 111, 113, 119—124, 126, 129—136, 142, 146, 164, 173, 197, 198, 239, 252, 254, 278, 279, 286, 287, 289, 290, 292—296, 300—304, 365—368
- Бюрократизм*
- как антипод демократии — 30, 47—61, 71, 73, 74, 76, 83, 86—87, 98, 122—124, 128, 149—154, 157, 171, 254, 263, 291, 338, 341, 468
- борьба против бюрократизации пролетарского, социалистического государства — 172, 191, 193—194, 236—238, 246, 247, 305—328, 343, 384, 403, 451, 494—496, 505
- условия преодоления бюрократизма — 54, 61, 94, 95, 177, 178, 236, 237—239, 244—246, 248, 252—254, 273, 280, 306, 308, 310—311, 314, 316, 331—332, 353, 401, 449, 450
- длительность и сложность борьбы против бюрократизма — 210, 252, 291, 307—309, 312—317, 319—321, 450, 451, 495
- См. также *Отчуждение государства, исполнительной власти от общества; Внутрипартийная демократия* — борьба против бюрократизма в партии
- Внутрипартийная демократия* — 64, 66—69, 392, 396, 407—408, 452—505
- демократический централизм в партийной жизни — 465, 475, 479—481, 483, 492—493
- различие мнений и единство действий — 395, 453, 456—459, 466, 474, 481—484, 489—492, 496—499
- борьба против бюрократизма в партии — 245, 454, 466, 468, 494, 496, 497, 499, 500, 505
- См. также *Гласность в государственной и партийной жизни; Критика и самокритика*
- Всеобщее избирательное право* — 12, 62, 73, 76, 80—82, 84, 88, 98, 100, 106, 119, 124, 133, 139, 140, 143, 145, 172, 225, 231, 234, 237, 242, 288, 339, 347, 378
- Выборность, ответственность, сменяемость должностных лиц* — 87, 89, 93—95, 103, 110, 114, 121, 130, 168—172, 177, 180, 185, 186, 191, 196, 210, 212, 231—234, 236—242, 244, 246, 248, 249, 251, 253, 258, 263—269, 273, 276, 278—279, 290, 292, 306, 334, 339, 341, 342, 353, 380, 383—387, 391, 412, 428, 460, 461,

- 464, 466, 473—476, 480, 484—488
См. также *Оплата должностных лиц*
- Гарантии демократии, демократических прав и свобод* — 13, 220, 271, 274, 278, 292, 339, 374—383
- Гласность в государственной и партийной жизни* — 53, 60, 66, 334, 384, 387—406, 409, 410, 453, 455—461, 465, 466, 468, 472
- необходимость полной и правдивой информации — 60, 314, 324, 390—392, 395—403, 473
- Демократические права и свободы* — 58, 59, 76—77, 84—86, 88—90, 92—96, 98, 99, 101—106, 120, 124, 126, 197, 220—228, 256, 268, 271, 273, 274, 277—279, 286—287, 292—295, 297, 299, 302—303, 344—374, 407, 461, 479
- единство прав и обязанностей — 347, 352
См. также *Всеобщее избирательное право; Гарантии демократии, демократических прав и свобод; Равенство политическое и социальное; Равноправие женщин; Свобода как право человека*
- Демократический централизм* — 329—336, 431, 434
- противоположность демократического и бюрократического централизма — 30, 57, 329, 331, 332, 333, 343
См. также *Нацизм, национальный вопрос* — демократический централизм и национальная автономия; *Внутрипартийная демократия* — демократический централизм в жизни партии
- Демократия*
- как власть народа — 12, 13, 16, 44, 71, 99, 127, 168, 169, 182, 259, 261—263, 268, 440
- как выражение интересов трудящихся, народных масс — 10, 11, 18—20, 71, 113, 123, 153, 277, 280, 288, 298
- как господство большинства — 12—14, 20, 42, 124, 169, 179, 218, 227, 249—250, 295, 339, 332, 421, 469, 470
- как форма государства — 10—16, 40, 42, 172, 174, 220, 249
- ее классовая сущность — 14, 15, 93, 228, 287, 288
- ее исторический характер — 12, 14—17, 79, 196
См. также *Буржуазная демократия; Выборность, ответственность, сменяемость должностных лиц; Гарантии демократии, демократических прав и свобод; Гласность в государственной и партийной жизни; Отмирание демократии; Пролетарская, социалистическая демократия*
- Демократия как предпосылка коммунистического преобразования общества, борьба за демократию и борьба за социализм* — 29, 70—120, 163, 172, 173, 218, 219, 288, 347, 359, 419
- подчинение борьбы за демократию борьбе за социализм — 112, 115, 116, 119
См. также *Формальный демократизм и революционная целесообразность*
- Диктатура пролетариата как форма демократии* — 15, 23, 29, 44, 71, 72, 81, 109, 134, 135, 142, 157, 163, 174—178, 182, 187, 188, 196—198, 205—209, 214, 218—229, 239, 247—249, 256—258, 262, 267, 272, 275, 277, 280, 284, 287, 304, 369, 370, 418, 420, 440, 441
- демократическая республика как политическая форма диктатуры пролетариата — 42, 80, 81, 117, 169, 219, 220, 235, 237, 240, 262, 263, 267, 272
- Дисциплина и демократия* — 67, 167, 174—177, 184, 186, 187, 189—191, 204, 207—209, 253, 275, 402, 457, 469—471, 473, 475, 497

- Коллегиальность и единоначалие, личная ответственность* — 184—186, 188—191, 193—195, 200—205, 213, 335, 387, 492
- Критика и самокритика* — 212, 388, 395, 399, 406—411, 454, 457, 459, 479, 481—483, 493, 496, 497
- Культ личности как антипод демократии* — 28, 61—69, 501, 502, 504
- Культура и демократия* — 66, 215, 216, 225, 292, 308—309, 311, 314, 325, 326, 344, 431, 443—451
- демократическая культура и национальная культура — 430—432, 446—448
- Международные отношения и демократия* — 40, 181, 220, 400, 429, 438—443
- Местное самоуправление* — 59, 60, 74—76, 83, 159, 227, 233—235, 238, 243—245, 329, 331, 337—341, 429
- Народные массы, народ*
- возрастание роли народных масс в развитии общества — 17—22, 22, 102, 179, 183, 188, 189, 192, 195, 214, 271, 280, 288, 378, 398
- См. также *Демократия* — как власть народа; *Самоуправление народа*; *Управление* — участие народных масс, трудящихся в управлении
- Нации, национальный вопрос*
- равноправие наций — 84, 110, 114, 146, 227, 299, 301, 303, 353, 427—434, 437, 448
- право наций на самоопределение — 110—112, 119, 129, 130, 163, 170, 181, 330, 428, 430, 431, 433—437, 441
- демократический централизм и национальная автономия — 276, 329—330, 332, 333, 432, 434, 448
- пролетарский интернационализм и демократическое объединение наций — 40, 170—171, 220, 274, 330, 333, 431—433, 435—438
- См. также *Культура и демократия* — демократическая культура и национальная культура
- Оплата должностных лиц* — 168—172, 177, 231, 233, 237—240, 244, 247, 248, 250, 251, 253, 254, 258, 306, 384
- Отмирание государства* — 11, 25—26, 28, 33—34, 37—46, 61, 115, 160, 163, 164, 175, 176, 178, 191, 199, 238, 245, 249, 250, 255, 261, 274, 287, 289, 291, 318, 435
- Отмирание демократии* — 12—15, 17, 40—44, 46, 163, 173
- Отчуждение государства, исполнительной власти от общества* — 48, 51—54, 56—60, 93—95, 100, 122—123, 148—152, 165—166, 168, 169, 172, 198, 219, 221, 229, 230, 232, 234, 237, 241—242, 246—247, 254, 259, 305, 330, 384, 469
- См. также *Бюрократизм* — борьба против бюрократизации пролетарского, социалистического государства
- Парижская Коммуна как форма диктатуры пролетариата, пролетарской демократии* — 22, 23, 26, 33, 37, 61, 134, 140, 150, 153, 154, 164, 165, 171—172, 177, 178, 182—183, 198—199, 221, 229—255, 259, 261, 262, 269, 271, 272, 275, 283, 286, 291, 292, 306, 330—332, 353, 380, 383, 384, 390
- Производство и демократия* — 412—427
- участие профсоюзов в управлении производством — 206, 423—427
- учет и контроль в сфере производства и распределения — 45, 155, 156, 172, 175—177, 179, 180, 183, 188, 200, 202, 250—251, 253, 254, 310, 412—418, 420—422
- Пролетарская, социалистическая демократия*
- как новый, высший тип демократии — 16, 41, 85—87, 91, 109—111, 114, 115, 137,

- 157—217, 221—223, 225, 227, 228, 249, 250, 252, 261, 267—270, 272, 274—304, 380, 437, 449
- как демократия для большинства, для трудящихся — 13—15, 23—24, 41, 43—44, 106, 162, 178, 189, 191, 197, 221, 222, 225, 278—279, 286, 287, 369
- преимущества пролетарской, социалистической демократии — 164, 191, 200, 264—265, 274, 279, 280, 285—305
См. также *Диктатура пролетариата как форма демократии*; *Парижская Коммуна как форма диктатуры пролетариата, пролетарской демократии*; *Самоуправление народа*; *Советы как форма диктатуры пролетариата, пролетарской демократии*; *Управление* — участие народных масс, трудящихся в управлении
- Равенство политическое и социальное* — 14, 70, 71, 85, 89, 95, 120, 121, 138, 142, 144, 146, 162, 163, 173—175, 198, 199, 204, 223, 226—228, 273, 277, 278, 288—290, 293, 295, 296, 298—302, 318, 348—350, 360, 367—371, 383, 493
- Равноправие женщин* — 89, 110, 167, 196, 227, 260, 296, 298—301, 303—305, 308, 350—352, 357—359, 364, 365, 369—370, 379, 450
- Самоуправление народа* — 22—26, 45, 46, 99, 100, 103, 105, 124, 145, 159—160, 170, 176, 178, 191, 192, 208, 230, 231, 233, 236, 255, 258, 282, 283, 288, 308—309, 338, 376—378
См. также *Управление* — участие народных масс, трудящихся в управлении
- Свобода как право человека* — 12, 76, 120, 121, 138, 142, 144, 162, 167, 199, 204, 258, 282, 295, 296, 299—302, 345, 365, 371, 375, 460
- Слом старой, буржуазной государственной машины* — 23, 26, 61, 144, 147—157, 165, 171—172, 174, 177, 178, 198, 230—249, 252, 254, 255, 260, 263, 266, 275, 280, 291, 308, 331, 340
- Советы как форма диктатуры пролетариата, пролетарской демократии* — 13, 25, 26, 118, 119, 154—157, 166, 168—170, 179, 181, 182, 184—188, 190, 191, 197—199, 201, 207—209, 214, 224—226, 245, 246, 256—286, 288—292, 294—304, 306—309, 332—333, 362—365, 369—371, 380, 421, 436, 449, 450
- Соединение законодательной и исполнительной власти* — 26, 164, 177, 198, 231, 240, 244, 251, 252, 255, 265, 270, 273, 276, 291, 306
- Социальная справедливость и демократия* — 71, 167, 174, 290, 292—295, 348—350, 361—363, 415—417, 450—451, 493
- Управление*
— необходимость управления обществом — 23, 28—32, 38, 46, 161, 166, 204, 205, 213, 231—232, 242, 308, 334, 335
— участие народных масс, трудящихся в управлении — 18, 20—26, 45, 46, 93, 113, 125, 156, 163—169, 172—176, 178—180, 182—186, 195, 197, 199, 202—203, 208, 209, 224, 225, 245, 250, 253, 258, 260—264, 271—276, 281, 286, 289—292, 307—311, 314, 317, 321, 370, 379—381, 421—425, 495, 504
- Формальный демократизм и революционная целесообразность* — 112, 119, 180, 210, 496
- Централизация общества* — 27—30, 32, 33, 148, 149, 218, 220, 242, 276, 331, 337, 342, 430
См. также *Демократический централизм*
- Центральные и местные органы власти* — 18, 27, 170, 179, 233, 234, 241, 248, 289, 327, 334, 337—340, 342, 343, 401

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3

I

СУЩНОСТЬ, ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕМОКРАТИИ	10
Демократия как форма государства. Власть народа. Господство большинства. Исторический характер демократии. Классовая сущность демократии. Противоположность демократии и анархии	
РОЛЬ МАСС В ИСТОРИИ	17
Возрастание роли масс в развитии общества. Демократия как выражение интересов народных масс. Необходимость опоры на массы	
САМОУПРАВЛЕНИЕ НАРОДА	22
Управление народа посредством самого народа. Участие всех трудящихся в управлении государством	
ОТМИРАНИЕ ГОСУДАРСТВА И НЕОБХОДИМОСТЬ ФУНКЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ, ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	27
Отмирание политических функций управления, отмирание демократии. Управление производством и всей общественной жизнью в коммунистическом обществе	
БЮРОКРАТИЗМ — АНТИПОД ДЕМОКРАТИИ	47
Бюрократия при абсолютной монархии и в буржуазном обществе. Критика отчуждения государства, исполнительной власти от общества. Бюрократия — противник гласности. Бюрократическая иерархия, формализм, волюнтаризм	
АНТИДЕМОКРАТИЗМ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ	61
Критика суеверного преклонения перед авторитетами. Противопоставление личностей массам	

II

ДЕМОКРАТИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА. БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЮ И БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ	70
Демократическая республика как политическая предпосылка социалистической революции. Борьба за демократию и борьба за социализм как этапы революционной борьбы рабочего класса. Приоритет борьбы за социализм. Последовательный демократизм как предпосылка социального равенства и социальной справедливости	
КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ	120
Классовая сущность и исторический характер буржуазной демократии. Демократия для меньшинства, для эксплуататоров. Ограниченный, непоследовательный, формальный характер буржуазной демократии	

СЛОМ СТАРОЙ, БУРЖУАЗНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАШИНЫ	147
Слом старого государственного аппарата — необходимое условие становления пролетарской демократии. Преобразование органов, выполняющих правомерные функции управления	
ПРОЛЕТАРСКАЯ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ	158
Новый, высший тип демократии. Демократия для большинства, для трудящихся. Последовательная и действительная демократия. Формальный демократизм и революционная целесообразность. Разнообразие форм демократии. Непосредственное участие трудящихся масс в управлении государством. Выборность, ответственность, сменяемость, право отзыва, оплата должностных лиц. Коллегиальность и личная ответственность	
ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА КАК ФОРМА ДЕМОКРАТИИ	218
Диктатура пролетариата — государство переходного периода. Диктатура пролетариата — пролетарская демократия. Разнообразие форм диктатуры пролетариата, пролетарской демократии. Демократическая республика как политическая форма диктатуры пролетариата. Возможные ограничения демократии при диктатуре пролетариата	
ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ	229
Парижская Коммуна как форма диктатуры пролетариата, пролетарской демократии. Слом старой государственной машины. Соединение законодательной и исполнительной власти. Выборность и гласность	
СОВЕТЫ КАК ФОРМА ДЕМОКРАТИИ	256
Государство типа Парижской Коммуны. Опыт революции 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революции. Советы как форма диктатуры пролетариата, пролетарской демократии. Вовлечение трудящихся в управление государством. Соединение законодательной и исполнительной власти. Выборность и гласность	
ПРЕИМУЩЕСТВА ПРОЛЕТАРСКОЙ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	285
Высший тип демократии. Наиболее полная и широкая демократия. Демократия для трудящихся. Непосредственное участие трудящихся масс в управлении государством. Действительная демократия — действительное равенство и действительная свобода всех трудящихся. Реальные гарантии демократии. Демократия и социальная справедливость	
БОРЬБА ПРОТИВ БЮРОКРАТИЗАЦИИ ПРОЛЕТАРСКОГО, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА	305
Борьба против отчуждения исполнительной власти от трудящихся масс. Рабочий контроль, развитие самоуправления трудящихся, выборность, гласность, устранение злоупотреблений должностных лиц. Экономические, социальные и культурные условия преодоления бюрократизма. Длительность и сложность борьбы против бюрократизма	

III

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ	329
Противоположность демократического централизма бюрократическому централизму и анархизму. Демократический централизм и местное самоуправление	
ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ	336
Демократия, централизация, автономия. Центральные и местные органы власти	

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ	344
Равноправие в государстве и обществе. Свобода и равенство как права человека. Всеобщее избирательное право. Свобода слова, печати, собраний, союзов, совести. Права и обязанности. Равноправие женщин. Демократия и политические свободы. Демократия и социальная справедливость. Исторический характер требований равенства и справедливости. Буржуазное и пролетарское требования равенства	
ГАРАНТИИ ДЕМОКРАТИИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД	374
Материальные, экономические, социальные, политические и правовые гарантии демократии. Самодержавие народа как гарантия политических прав и свобод	
ВЫБОРНОСТЬ	383
Выборность, ответственность, сменяемость, право отзыва должностных лиц. Оплата должностных лиц	
ГЛАСНОСТЬ	387
Гласность в государственной и партийной жизни. Свобода слова и печати. Необходимость полной и правдивой информации	
КРИТИКА И САМОКРИТИКА	406
Необходимость и свобода критики. Самокритика пролетарских революций. Критика и самокритика в условиях социалистической демократии. Критика и самокритика в коммунистической партии	

IV

ДЕМОКРАТИЯ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА	412
Рабочий контроль в сфере производства и распределения. Участие профсоюзов в управлении производством. Выборность руководителей	
ДЕМОКРАТИЯ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	427
Равноправие наций. Пролетарская демократия и самоопределение наций. Пролетарский интернационализм и демократическое объединение наций. Демократический централизм и национальная автономия	
ДЕМОКРАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	438
Проблемы войны и мира. Демократический мир	
ДЕМОКРАТИЯ И КУЛЬТУРА	443
Демократия и наука, искусство, литература. Справедливое распределение ценностей культуры. Демократическая культура и национальная культура	

V

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ	452
Демократический централизм. Выборность, отчетность, сменяемость должностных лиц. Коллективность руководства. Демократия и дисциплина. Подчинение меньшинства большинству. Различие мнений и единство действий. Гласность. Критика и самокритика. Борьба против нарушений демократических принципов. Связь руководящих органов с партийными массами	
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	506

